ХЕРБЬЕРТ ВАССМУ

КНИГА ДИНЫ

Утесистые северные ветрам...

Буйная, полная страстей и опасных приключений история непредсказуемой, злой и соблазнительной красавицы Дины – как никакая другая книга достойна называться «Европейские Утесистые ветра».

Хербьёрг ВАССМУ

КНИГА ДИНЫ

Посвящается Бьёрну

ПРОЛОГ

Многие хвалят человека за милосердие; но правдивого человека кто находит?

Праведник ходит в своей непорочности; блаженны дети его после него!

Кто может сказать: «я очистил мое сердце, я чист от греха моего»?

Книга Притчей Соломоновых, 20:6, 7, 9

Я Дина, я вижу сани и на них человека, сани кувыркаясь летят по крутому склону.

Сперва мне кажется, что это я сама привязана к саням. Мне больно, я никогда не испытывала такой боли.

Сквозь прозрачную действительность, но за пределами времени и пространства я вижу лицо привязанного к саням. Сейчас оно разобьется о заледенелый камень.

Лошадь вырвала оглобли, и сани не увлекли ее за собой Все случилось мгновенно.

Кажется, сейчас поздняя осень. Поздняя? В каком смысле?

Мне не хватает лошади.

В холодном утреннем свете на краю крутого обрыва стояла женщина. Солнца не было. Вокруг нее, как сторожа, высились темные горы. Обрыв был так крут, что взгляд ее не достигал дна.

По другую сторону широкого пролива горы — немые свидетели — были еще круче.

Женщина следила за падением саней. Вот они задержались на краю уступа, остановленные большой березой.

От тяжелого удара береза дрогнула и закачалась. Вниз уходила пропасть. На дне пропасти грохотал водопад.

Женщина смотрела на оставленный санями след. Развороченные камни, взрыхленный снег, вырванные кустики вереска, поломанные кусты. Словно по склону прошелся гигантский рубанок, состругав все неровности.

На женщине были кожаные штаны и длинная куртка. Если б не волосы,

издали ее можно было бы принять за мужчину. Для женщины она была слишком высокой.

Правый рукав куртки был разорван. На обрывках ткани виднелась кровь.

В левой руке женщина держала нож с коротким лезвием, такие ножи лопарки обычно носят на поясе.

Заржала лошадь. Женщина повернула голову. Ржание как будто разбудило ее. Она убрала нож в карман.

Поколебавшись, она решительно перелезла через валуны, ограждавшие дорогу. Вниз, к саням. Теперь сани раскачивались не так сильно. Словно решили пощадить человека с разбитым лицом.

Женщина быстро спускалась по крутому склону. Из-под ног у нее летели камни. Это был настоящий обвал, камни катились по склону мимо саней. Взгляд женщины был устремлен вниз. Казалось, она мысленно продолжает путь камней, хотя они уже скрылись из глаз. Видит, как они падают в омут под грохочущим водопадом.

Новый град камней пронесся мимо, и женщина на мгновение застыла на месте. Но только на мгновение. Тут же она заспешила дальше. Наконец рука ее коснулась овчинной полсти, в которую был завернут человек, и откинула ее в сторону.

Открылось лицо, когда-то, должно быть, красивое. Сейчас же один глаз был вдавлен в череп. Голову человека постепенно заливала кровь. На глазах волосы его стали красными. Белая овчина пропиталась кровью.

Женщина протянула руку — узкая ладонь, длинные пальцы с продолговатыми розовыми ногтями. Подняла у разбившегося веко. Сперва одно, потом другое. Приложила руку к его груди — бьется ли сердце? Потрогала тут, там — не нашла.

Лицо женщины было под стать заснеженной земле. Безжизненное и неподвижное. Лишь глаза смотрели из-под приспущенных век. Она испачкала руки в крови и вытерла их о грудь покойника. Прикрыла ему лицо краем овчины.

Потом полезла вдоль саней к тому месту, где крепятся оглобли. Там она вытащила из пазов остатки тяжей и сунула их в карман куртки, туда, где лежал нож. Достала два потертых кожаных ремня и приладила вместо тяжей.

Один раз она выпрямилась и посмотрела наверх. Прислушалась. Там, на дороге, ржала лошадь. Женщина помедлила, словно не могла решить, все ли она сделала как нужно. Потом поползла вдоль саней обратно. Разбившийся все время лежал между ней и бездной.

Могучая береза потрескивала от мороза и от тяжести саней, к которой прибавилась еще и тяжесть женщины. Вот женщина нащупала среди камней опору для ног и всем телом навалилась на сани. Ловкие, точные движения. Казалось, она проделывала это уже не раз.

Сани сдвинулись с места, и в тот же миг овчина сползла с лица человека. Он открыл уцелевший глаз и посмотрел на женщину. Молча. Беспомощно и растерянно.

Она вздрогнула. По ее лицу скользнула какая-то похотливая нежность.

А сани уже летели дальше, вниз. Конец. В горах еще долго звучал грохот.

Лицо женщины опустело. Природа вернулась в прежнее состояние. Все было хорошо.

Я Дина, я чувствую, как и меня затягивает поглотивший его омут. Он пересек границу. Я не видела последнего мгновения, которое позволило бы мне приподнять пугающую всех завесу. Еще не время.

Кто я? Где время, место и пространство? Неужели я навсегда осуждена на это?

Она выпрямилась и стала решительно карабкаться вверх, на дорогу. Подъем оказался тяжелее, чем спуск. Двести метров крутого заледенелого склона.

В том месте, откуда была видна бурая осенняя река, женщина обернулась и глянула вниз. Река делала поворот. Вода пенилась. И все.

Женщина полезла дальше. Быстро. Дыхание со свистом вырывалось у нее из груди. Раненая рука причиняла ей боль. Дважды она чуть не потеряла равновесие, едва не последовав за санями.

Руки ее цеплялись за вереск, ветки, камни. Она крепко держалась одной рукой, пока другая искала, за что можно ухватиться. Ловкие, точные движения.

Ухватившись за камень на обочине, женщина подняла голову. Встретилась взглядом с большими блестящими глазами лошади. Лошадь больше не ржала. Она стояла неподвижно и смотрела на женщину.

Обе тяжело дышали. Неожиданно, обнажив зубы, лошадь раздраженно ухватила кустик сухой травы. Женщина сморщилась от боли и сделала последнее усилие, чтобы выбраться на дорогу.

Лошадь склонила к ней голову. Оглобли торчали в разные стороны. Между ними была пустота.

Женщина крепко, почти грубо ухватила лошадь за гриву. Подтянулась

и встала вровень с головой лошади.

Женщине было восемнадцать. Глаза у нее были старые, как камень.

Оглобли скрежетали в тишине о каменистую почву.

Лошадь втоптала замерзшую траву обратно в землю.

Женщина сняла куртку, закатала рукав вязаной кофты, потом — блузки. Рана была как будто нанесена ножом. Может, она получила ее, когда боролась с человеком, привязанным к саням?

Она наклонилась и провела рукой по замерзшей дороге, посыпанной гравием. Набрала пригоршню песка, льда, стеблей и мусора. С силой втерла все это в рану. Лицо исказилось от боли. Рот приоткрылся, из горла вырвался глухой стон.

Снова наклонилась и снова втерла. И опять у нее вырвался глухой стон. Она как будто совершала некий обряд. Рука шарила по дороге. Собирала песок и гравий. Втирала в рану. Раз за разом. Потом женщина стянула с себя шерстяную кофту и блузку и стала возить ими по дороге. Разодрала рукава. И опять возила одеждой по дороге.

На руках выступила кровь. Женщина не вытирала ее. Она стояла в тонкой полотняной рубахе на фоне осеннего неба и, казалось, не ощущала мороза. Не торопясь оделась. Через дырку внимательно осмотрела рану. Расправила рваный рукав. Сморщилась от боли, пытаясь разогнуть руку.

Ее шляпа валялась в придорожной канаве. Коричневая шляпа с узкими полями и зеленым пером. Она медленно взглянула на шляпу и по выщербленной, залитой серебристым светом дороге пошла на север.

За ней трусила лошадь, таща оглобли. Лошадь быстро догнала женщину. Опустила морду ей на плечо, прихватила губами волосы.

Тогда женщина остановилась. Твердой рукой она заставила лошадь, как верблюда, опуститься на передние колени. И забралась на ее широкую темную спину.

Застучали копыта. Всхлипывая, тащились по гравию оглобли. Лошадь мерно дышала. Задул ветер. Но он ничего не знал и не видел.

Был полдень. Лошадь и женщина спустились по крутой дороге с горы к большой усадьбе. Широкая аллея, обсаженная рябинами, уходила от белого жилого дома вниз, на берег. Там, по обе стороны от замощенного камнем причала, стояли два красных морских пакгауза.

Листьев на рябине уже не осталось, только пылали кроваво-красные ягоды. Желтели поля с вкраплениями ледяных сугробов. Небо неожиданно очистилось. Но солнца по-прежнему не было.

Фома, работник, вышел из конюшни, лишь только женщина с лошадью появилась на дворе усадьбы. Увидев пустые оглобли и растрепанную женщину в окровавленной одежде, он застыл как столп.

Не глядя на него, она медленно сползла с лошади. Ступенька за ступенькой преодолела широкое крыльцо. Открыла одну из половинок двустворчатой двери. Остановилась. Из дому на нее упал свет. Она быстро обернулась, словно испугавшись собственной тени.

Фома бросился к ней. Она была залита теплым, желтым светом, падавшим из дому. Гора у них за спиной отбрасывала холодные синие тени.

Лица у женщины больше не было.

В доме начался переполох. Сбежались все, мужчины и женщины. Слуги.

Матушка Карен с палочкой, прихрамывая, вышла из гостиной. На шее у нее на вышитой тесемке болталось пенсне. Блестящее стекло не теряло надежду сделать мир веселее.

Матушка Карен с трудом проковыляла по прихожей. Неужели она что-нибудь знает?

Домочадцы столпились вокруг молодой женщины. Служанка прикоснулась к раненой руке, хотела помочь снять разорванную куртку. Женщина оттолкнула ее.

И вдруг, словно прорвало плотину, все заговорили разом, перебивая друг друга. Вопросы как град обрушились на женщину, у которой не было лица.

Она молчала. И ничего не видела. У нее не было глаз. Но она так крепко схватила Фому за руку, что он вскрикнул. Потом подошла к Андерсу, светловолосому, с тяжелым подбородком, одному из приемных сыновей хозяина усадьбы. Его она тоже схватила за руку. И потащила их за собой. Она так и не произнесла ни слова.

Оседлали двух лошадей, что стояли в конюшне. На третьей седла не было. Она была покрыта испариной после тяжелого спуска с горы. Ее освободили от оглоблей, насухо вытерли и дали воды.

Голова лошади опустилась в ведро. Люди ждали. Лошадь пила большими глотками. Время от времени она откидывала челку и глаза ее скользили по лицам людей.

Женщина не переоделась и не позволила перевязать себе рану. Вскочила на лошадь. Фома протянул ей куртку из сермяги. Она надела ее.

Но так и не произнесла ни слова.

Они приехали на то место, где сани сорвались с дороги. Следы не оставляли никаких сомнений. Искореженный склон, сломанные березки, вырванный из земли вереск. Все знали, что там, внизу. Обрыв. Водопад. Яма. Омут. Сани.

Созвали людей и долго искали в пенной воде. Но не нашли ничего, кроме остатков разбитых саней с истертыми ремнями, которыми крепились оглобли.

Женщина молчала.

Очи Господа охраняют знание, а слова законопреступника Он ниспровергает.

Книга Притчей Соломоновых, 22:12

Дина должна была везти своего мужа, Иакова Грёнэльва, через горы к доктору. Иаков сломал ногу, и у него началась гангрена. Стоял ноябрь. Одна только Дина и могла справиться с молодым необъезженным конем, самым сильным из всех. Ехать предстояло быстро. По заледенелой дороге.

От ноги Иакова уже шло зловоние. Дух этот давно заполнил весь дом. Кухарка чувствовала его даже в столовой. В усадьбу проникло несчастье. Страх.

Пока Иакова не увезли, никто в Рейнснесе не говорил о зловонии. Молчали о нем и после, когда Вороной вернулся с пустыми оглоблями.

Но вообще-то люди говорили всякое. Одни — с ужасом, другие — с недоверием. На соседних усадьбах. В гостиных Страндстедета и на всем побережье. У пастора. Не так чтобы совсем открыто, но и не таясь.

О Дине, молодой хозяйке Рейнснеса, единственной дочери ленсмана [1] Холма, которая, как мальчишка, была помешана на лошадях. Даже после замужества. Печально сложилась ее судьба.

Без конца повторяли одно и то же. Дина гнала Вороного так, что из-под полозьев летели искры. Неслась как ведьма. И все же Иаков Грёнэльв так и не попал к доктору. Вот его и нет. Доброжелательного, щедрого Иакова, который никому ни в чем не отказывал. Сына матушки Карен, приехавшего в Рейнснес совсем молодым.

Смерть! Люди не могли смириться с ужасной гибелью Иакова. Если в море гибнет судно, если на берег не возвращаются люди — тут все ясно. Но к судьбе Иакова определенно приложил руку сам дьявол. Сперва гангрена. Потом гибель в водопаде!

Дина потеряла дар речи, матушка Карен плакала. Сын Иакова от первого брака бродил, осиротевший, по улицам Копенгагена, а Вороной теперь пугался даже вида саней.

Представители власти приехали в усадьбу, чтобы разузнать, что предшествовало этому несчастному случаю. Все следовало назвать своими именами, тайное должно было стать явным.

Ленсман, отец Дины, привез с собой двух свидетелей и вел протокол. С самого начала он заявил, что приехал в Рейнснес не как отец, а как представитель власти.

Матушка Карен не увидела в этом никакой разницы. Но промолчала/

Никто не мог уговорить Дину спуститься со второго этажа. Слишком крепкая и сильная, она могла оказать сопротивление. Поэтому на нее не пытались воздействовать силой. Было решено, что ленсман сам поднимется в залу на втором этаже.

Туда принесли еще несколько стульев. Из полога над кроватью основательно вытрясли пыль. Полог был сшит к свадьбе Дины и Иакова из тяжелой золотистой ткани с узором из красных цветов на вьющихся стеблях. Ткань была куплена в Гамбурге.

Олине и матушка Карен все дни ухаживали за молодой хозяйкой, она не должна была выглядеть всеми забытой. Олине поила ее сладким цветочным чаем с густыми сливками. Более верного средства от всех недугов, начиная от цинги и кончая бесплодием, она не знала. Матушка Карен вносила свою лепту добрым словом, щеткой для волос и ненавязчивой заботой.

Робкие служанки делали только то, о чем их просили.

Слова застряли в горле. Дина открывала рот, шевелила губами. Но голос если и звучал, то в другой действительности. Представители власти испробовали все возможные методы.

Сперва ленсман обращался к Дине низким официальным голосом, глядя в ее светло-серые глаза. С таким же успехом он мог смотреть и в стакан с водой.

Свидетели на свой лад помогали ему. Они вставали и садились. В их голосах звучали и сочувствие, и сознание собственной власти.

Наконец Дина уронила на руки голову с черными непослушными волосами. Раздались звуки, похожие на собачий скулеж.

Представители власти устыдились и удалились в гостиную, дабы принять какое-нибудь решение. Им нужно было обсудить все, что они увидели в Рейнснесе, в том числе и поведение молодой женщины.

Они пришли к выводу, что случившееся надо считать большой бедой и для прихода, и для всей округи. Что Дина Грёнэльв вне себя от горя. Что она невменяема и от потрясения потеряла дар речи.

Они сочли, что она ехала быстро, как только могла, чтобы поскорее доставить мужа к доктору. Может быть, скорость на повороте у моста оказалась слишком большой, а может, норовистая лошадь понесла и ремни, которыми крепились оглобли, не выдержали. А может, и то и другое.

И все это было точно занесено в протокол.

Труп Иакова так и не нашли. Сперва не нашли. Люди считали, что его унесло в море. Правда, никто не понимал, как это могло случиться. Ведь от водопада до моря река целую милю течет по неровному мелкому руслу. Любой камень задержал бы покойника, который сам не прилагал усилий, чтобы добраться до моря.

Несмотря на отчаяние матушки Карен, Иакова перестали даже искать.

А через месяц в усадьбу пришел старик, живущий на попечении прихода, и сказал, что видел труп в Малом омуте. Это была небольшая заводь чуть ниже Большого омута, куда обрушивался водопад. Иаков лежит, зацепившись за камень. Неподвижный, как бревно. Его раздуло, и он сильно поуродован — так сказал старик.

И старик не ошибся.

Осенние дожди прекратились, вода спала. И однажды в начале декабря тело несчастного Иакова Грёнэльва показалось из воды. Тогда-то старый работник, который шел в другую усадьбу, и увидел его.

Потом уже среди людей пошла молва, что старик этот ясновидящий. И будто бы всегда был таким. Эта молва обеспечила ему легкую старость. Кто ж станет обижать ясновидящего? А вообще-то зрение у него никуда не годилось.

Дина не выходила из залы, самой большой комнаты на втором этаже. Занавески были всегда задернуты. Сначала она не спускалась даже в конюшню к Вороному.

Ее оставили в покое.

Матушка Карен перестала плакать хотя бы потому, что теперь у нее не было на это времени. Ей пришлось взять на себя обязанности, которые раньше лежали на хозяевах усадьбы. Оба они умерли, погибли, хотя и по-разному.

Дина сидела за столом орехового дерева и смотрела в пространство.

Никто не знал, что у нее на уме. Никто не пользовался ее доверием.

Ноты, которые прежде пачками валялись вокруг кровати, она убрала в чулан для одежды. Когда дверь чулана открывалась, сквозняк водил по нотам подолами длинных юбок.

Залой завладели темные тени. В углу пылилась виолончель. Никто не прикасался к ней с того дня, как Иакова на носилках вынесли из дому и привязали к саням.

Тяжелая кровать с пышным пологом занимала много места. Она была такая высокая, что, откинувшись на подушки, в окно можно было видеть фьорд. Или смотреться в большое зеркало в черной полированной раме, которое могло наклоняться под любым углом.

Большая печь гудела круглые сутки. Она была скрыта трехстворчатой расшитой ширмой. Рисунок изображал прекрасную Леду и лебедя, слившихся в страстном объятии. Руки, крылья. Длинные светлые волосы Леды целомудренно скрывали ее лоно.

Служанка Теа приносила дрова четыре раза в день. И все-таки их едва хватало на ночь.

Никто не знал, когда Дина спит, да и спит ли она вообще. День и ночь она ходила по зале в дорожных башмаках, подбитых железными подковками. От стены к стене. Дом не спал.

Теа рассказывала, что большая черная семейная Библия, которую Дина унаследовала от матери, всегда раскрыта.

Время от времени молодая хозяйка тихо смеялась. Смех у нее был нехороший. Теа не знала, смеется ли она над словом Божьим или над чем-то своим…

Случалось, Дина сердито захлопывала книгу с шелковистыми страницами и с омерзением швыряла ее в угол.

Иакова похоронили лишь на седьмой день после того, как нашли. Была середина декабря. Приготовления заняли много времени. Надо было всех известить. Родственников, друзей, высокопоставленных знакомых. Пригласить всех на похороны. К счастью, стоял мороз и изуродованный, раздувшийся от воды труп мог спокойно ждать на чердаке сеновала. Могилу пришлось долбить ломами и заступами.

Луна заглядывала в окна и серебристым оком следила, как складывается судьба Иакова. Она не делала разницы между живыми и мертвыми и рассыпала по чердаку белые и серебряные блестки. А внизу, по обеим сторонам от двери, лежало сено — тепло и пища, —

благоухавшее летом и блаженством.

Рано утром люди снарядились, чтобы ехать на кладбище. Лодки были уже готовы. Над домом непривычно кротко нависла тишина. Никто не ждал в это время года дневного света. Зато светила луна.

Дина стояла, прислонившись к дверному косяку, как будто ее пригвоздили к нему. К ней пришли, чтобы помочь ей надеть черное платье, сшитое специально для похорон. Дина наотрез отказалась надевать его.

Она понимала, что делает, и прекрасно владела собой. Перед заплаканными женщинами застыла неподвижная статуя.

И все-таки они не сразу отступились от нее. Нужно переодеться. Она должна поехать на похороны. Ее отсутствие недопустимо. Но Дина упорствовала. Своими хриплыми, звериными звуками она заставила их понять, что не в состоянии исполнять на похоронах роль вдовы. Во всяком случае, в тот день.

Испуганные женщины покинули комнату. Одна за другой. Последней ушла матушка Карен. Она извинилась за Дину и постаралась все сгладить. Перед тетушками, женами соседей, а главное, перед Дининым отцом, ленсманом Холмом.

Убедить его оказалось особенно трудно. Шумно, не постучавшись, он ввалился в залу и встряхнул Дину, твердой отцовской рукой он ударил ее по щеке и приказал собираться — его голос гудел, как растревоженный пчелиный рой.

Матушке Карен пришлось вмешаться. А те немногие, что стояли вокруг, опустили глаза.

И снова Дина издавала свои звериные звуки. Она отмахивалась и рвала на себе волосы. В зале происходило что-то невиданное. Эту молодую растрепанную женщину окружал ореол умопомрачения и силы.

Крик Дины напомнил ленсману случай, забыть который он не мог никогда. Воспоминание о нем преследовало его днем и ночью. Во сне и в повседневных заботах. Даже теперь, тринадцать лет спустя, оно заставляло ленсмана метаться по усадьбе, не находя себе места. Ища занятия или человека, чтобы отвлечь мысли и дать выход чувствам.

Присутствовавшие в зале сочли, что у Дины Грёнэльв жестокий отец. Но, с другой стороны, все-таки неприлично, чтобы такая молодая женщина не подчинилась и не выполнила своего долга.

Дина утомила их, и они ушли. Было решено, что она слишком больна, чтобы ехать на похороны мужа. Матушка Карен громко и внятно

объявляла всем, кто попадался ей на пути:

— Дина Грёнэльв слишком больна и убита горем, она еле держится на ногах. Только плачет. И самое страшное — она потеряла дар речи.

Сначала до усадьбы долетели приглушенные возгласы людей, садившихся в лодки. Потом — скрежет железа о дерево, когда гроб устанавливали в карбасе между плачущими женщинами и ветками можжевельника. Но вот звуки застыли над водой, как тонкий ледяной припай. И затерялись между морем и горами. На усадьбу снизошла тишина, словно она-то и была главной участницей похоронной процессии. Дом затаил дыхание. Лишь порой слабо вздыхали балки. Всхлипывали жалобно и печально, чтобы оказать Иакову Грёнэльву последние почести.

Розовые гвоздики из вощеной бумаги, потерявшиеся среди веток ели и можжевельника, вздрагивали от слабого ветра. С таким грузом спешить нельзя. Смерть и ее далекие от жизни участники требуют времени. Нынче Иакова вез не Вороной. И скорость зависела не от Дины. Гроб был тяжелый. Тот, кто его нес, уже испытал на себе его тяжесть. Попасть на кладбище с таким грузом можно было только морем.

В уключинах скрипели шесть пар весел. Парус вяло болтался на мачте. Солнца не было. Небо с грязно-белыми тучами нависло над самой водой. Сырой воздух был почти неподвижен.

Лодки шли одна за другой. Торжественное шествие в честь Иакова Грёнэльва. Мачты и весла смотрели на небо и на море. Ленты на венках тревожно шелестели. Их век был недолог.

Матушка Карен напоминала пожелтевшую простыню. Хотя и с кружевной каймой.

Служанки казались намокшими шерстяными клубками.

Мужчины гребли, им было жарко, бороды и усы у них взмокли. Они гребли в лад.

В Рейнснесе все было готово к поминкам. На больших блюдах лежали бутерброды. Печенье и сдоба, разложенные на деревянных тарелках, стояли на полу в погребе и на полках в больших сенях, прикрытые салфетками.

Рюмки и чашки чинно выстроились в буфетной среди белых льняных салфеток с монограммами Ингеборг Грёнэльв и Дины Грёнэльв. В этот день в ход пошло столовое полотно обеих жен Иакова. Рюмки были протерты до блеска под строгим присмотром Олине.

На поминки ожидалось много народу.

Дина исступленно топила у себя печь, хотя окна в зале не замерзли. Ее лицо, утром такое серое, постепенно приобрело свой естественный цвет.

Она беспокойно ходила по комнате, на губах у нее играла усмешка. Когда пробили часы, она подняла голову, словно животное, почуявшее опасность.

Фома осторожно, почти беззвучно, опустил охапку дров в короб из кованого железа. Потом снял шапку и от растерянности скомкал ее в руке. Он был смущен тем, что находится в зале, в этой комнате, где стояли кровать с пологом и виолончель и где спала Дина.

— Матушка Карен велела мне остаться дома, все остальные уехали проводить Иакова в последний путь, — заикаясь, проговорил он. — Велела помочь, если какая нужда.

Знай он, что ленсман и матушка Карен решили оставить с Диной надежного человека, который помешал бы ей учинить что-либо над собой, пока в усадьбе никого не будет, он все равно не сказал бы об этом Дине.

Дина даже не шевельнулась, она так и стояла у окна спиной к двери.

Луна казалась маленьким бледным привидением. Уродец день безуспешно пытался пробиться то на севере, то на западе. Но за окнами по-прежнему было темно.

Фома натянул шапку и ушел. Понял, что он не нужен.

Однако, когда лодки уже далеко ушли во фьорд, он снова поднялся в залу. Принес графин со свежей водой. Вдруг Дине захочется пить?

Дина не поблагодарила его, не шевельнулась, даже виду не подала, что видит его. Фоме оставалось только поставить графин на стол у двери и уйти.

— Значит, от меня больше ничего не требуется? — тихо спросил он.

Дина как будто очнулась. Быстро подошла к нему. Встала рядом. Она была на полголовы выше его.

Ее длинные пальцы пробежали по его лицу как пальцы слепого.

Фома чуть не задохнулся. Забыл, что надо дышать. Она — так близко! Сперва он не понял, что ей нужно. Она стояла рядом и водила пальцами по его лицу.

Потом он залился краской, не смея поднять глаза. Он знал, что она ждет его взгляда. Наконец он набрался мужества и посмотрел ей в глаза.

Она кивнула, вопросительно глядя на него.

Он тоже кивнул. Только чтобы ответить. И хотел уйти.

Тогда она улыбнулась и прижалась к нему. Левой рукой с трудом

расстегнула его вытертый жилет.

Он отпрянул к печке. И оказался в тупике — что его теперь ждет: он задохнется, сгорит или исчезнет с лица земли? От него пахло лошадьми. Дина жадно вдыхала этот запах. Ее ноздри дрожали.

Он еще раз кивнул. Его охватило глубокое отчаяние.

Это было невыносимо. Время остановилось. Неожиданно для себя он наклонился, открыл дверцу печки и бросил в огонь смолистый корень. Потом три сырых шипящих березовых полена. Выпрямиться и встретить ее взгляд было выше его сил.

Внезапно он почувствовал прикосновение ее губ. Руки у нее были гибкие, как ветви ивы, полные ароматных весенних соков. От этого запаха он невольно закрыл глаза.

О таком он и не мечтал! Даже в самых дерзких мечтах под своим ветхим одеялом. И тем не менее он здесь, и то, что сейчас произойдет, уже не в его власти!

Цветная вышивка на Дининой халате, золотистые стены с узором из стеблей, широкие потолочные балки, кроваво-красные занавески — все мерцало и сливалось друг с другом. Ткань сливалась с тканью. Тело — с телом. Движения людей, мебель, воздух, кожа.

Фома как будто покинул свое тело. И вместе с тем остался в нем. Запах тел и шорох тяжелых движений.

Двухголосое громкое дыхание. Она положила руки ему на грудь и стала расстегивать пуговицу за пуговицей. Сняла с него одежду. Все до нитки. Словно проделывала это тысячу раз.

Он ссутулился, руки висели как плети. Точно ему было стыдно, что белье на нем не совсем чистое и что на рубахе недостает трех пуговиц. На самом же деле он не понимал, где он и что с ним происходит.

Наконец Дина поцеловала раздетого парня, распахнула халат и прижалась к нему своим большим, крепким телом.

Его бросило в жар, и он сразу осмелел. Искры, летящие от ее кожи, кололи его. Он стоял зажмурившись, но видел каждый изгиб и каждую пору на ее белом теле, пока разум не отказался повиноваться ему.

Они сидели голые на овчине перед круглой печкой, и он надеялся, что она сейчас заговорит. От смущения и страсти у него все плыло перед глазами. Семь горящих перед зеркалом свечей пугали его как напоминание об аде. Отражение колеблющегося пламени разоблачало все.

Ее руки скользили по его телу. Сперва медленно и осторожно. Потом все быстрей. Точно ее гнал неутолимый голод.

Сначала он испугался. Он и не знал, что голод бывает таким

неутолимым. Наконец всхлипнув, он упал навзничь на шкуру, не мешая ей подливать масла в огонь, какой ему и не снился.

Придя на мгновение в себя, он с ужасом обнаружил, что прижимает ее к себе и делает то, чему его никто не учил.

В комнате пахло женщиной.

Страх его был огромен, как море. А страсть — необъятна, как небеса.

На кладбище гроб опустили в могилу вместе с цветами. И с земными останками хозяина постоялого двора, шкипера Иакова Грёнэльва.

Из надгробного слова пробста [2] явствовало, что покойник легко получит доступ к вечному блаженству и что ему не грозит геенна огненная. Конечно, пробст знал, что хотя Иаков и был добрым человеком, однако не столь невинным, как полевой цветок. Впрочем, такого конца он все же не заслужил.

Одни из провожавших стояли с посеревшими лицами. Другие гадали, не переменится ли погода к их возвращению домой. Ну а третьи, те только присутствовали, их сердца остались безучастными. Но холодно было всем одинаково.

Сказав все, что положено, пробст во имя Божье бросил в могилу несколько скупых пригоршней земли. Все было кончено.

Обветренные, серьезные мужчины мечтали о пунше. Заплаканные женщины — о бутербродах. Служанки рыдали не таясь. Покойник был им всем добрым хозяином.

Матушка Карен была еще бледнее и прозрачнее, чем в карбасе. Сухие глаза, черная с кистями шаль. Андерс и ленсман поддерживали ее с двух сторон, сунув под мышки свои шляпы.

Пение псалмов тянулось бесконечно долго, и не все псалмы были красивы. Однако благодаря пономарю с его доморощенным басом они все-таки звучали пристойно. Пономарь все делал на совесть.

А в зале за задернутыми занавесками горел огнем конюх Фома. От блаженства он вознесся на небеса. Хотя и не умер.

Пар, поднимавшийся от их тел, оседал на окнах, на зеркале. Запах впитался в шкуру, расстеленную на полу, в обивку кресел, в занавески.

Зала приняла конюха Фому так же, как она когда-то приняла и Иакова Грёнэльва, которому вдова из Рейнснеса в свое время оказала гостеприимство.

Вдову звали Ингеборг. Она умерла в одночасье, наклонившись, чтобы погладить кошку. Теперь она будет там не одна.

В зале свистело прерывистое дыхание, кожа пылала. Кровь грохотала в жилах. Стучала в висках. Тела были подобны коням на необъятных равнинах. Они неслись и неслись. Женщина была привычной наездницей. Но не отставал и он. Половицы пели, плакали потолочные балки.

Семейные портреты и картины покачивались в своих темных овальных рамах. Простыни на постели чувствовали себя лишними. Печь перестала гудеть. Откровенно и беззастенчиво она следила за происходившим из своего угла.

Внизу в ожидании томились бутерброды и рюмки. В ожидании чего? Чтобы Дина, хозяйка Рейнснеса, съехала по деревянным перилам лестницы? Нагая, с черными волосами, прикрывавшими ее большое благоуханное тело, словно полураскрытый зонтик? Да!

А за ней, немного испуганный, скорее во сне, чем наяву, полный богатырских сил Фома, завернувшийся в простыню с французскими кружевными прошивками? Да!

Его волосатые ноги с большими пальцами и грязью под ногтями быстро сбежали по лестнице. От него шел такой пряный дух вспаханного по весне поля, что все благопристойные запахи испуганно отпрянули прочь.

Дина с Фомой унесли к себе наверх вино и бутерброды. Большой бокал и большой графин. С каждого блюда они стащили по одному бутерброду, чтобы никто не обнаружил пропажу. Они играли, будто им не разрешают есть.

Дина осторожно раздвинула бутерброды, чтобы загладить следы пропажи. Длинными ловкими пальцами, пахнувшими соленой землей и выпотрошенной рыбой. И наконец опять прикрыла блюда салфетками с монограммой.

Точно воришки, они прокрались обратно в залу. Устроились на шкуре перед печкой. Фома оставил дверцу открытой.

Рядом с ними вышитые Леда и лебедь казались их бледными двойниками. Вино искрилось.

Дина с жадностью накинулась на копченую лососину, на соленое мясо. Крошки сыпались на полную грудь и круглый живот.

Фома вдруг проникся сознанием, что находится в комнате хозяйки. Он ел аккуратно, не спеша. Но глаза его пили Динино тело, он вздыхал и глотал слюну.

Глаза их блестели над общим бокалом. Это был высокий зеленый бокал, который Ингеборг и ее первому мужу в свое время подарили на свадьбу. Бокал был не из дорогих. В то время карбасы, сушеная рыба и крупные связи в Бергене и Трондхейме еще не принесли в этот дом

богатства.

Задолго до возвращения людей, провожавших на кладбище Иакова Грёнэльва, Дина и Фома убрали в чулан с одеждой бокал и остатки вина.

Двое детей, один испуганный, другая легкомысленная, они обманули взрослых. Китайские игральные кости, которые когда-то привез Иаков, снова были уложены в обтянутую шелком шкатулку. Последние следы преступления уничтожены.

И вот уже одетый Фома с шапкой в руке стоял у двери. Дина написала несколько слов на грифельной доске, которая всегда была у нее под рукой, дала Фоме прочесть и тщательно стерла.

Он кивнул и беспокойно выглянул в окно. Прислушался, не слышно ли ударов весел. Кажется, слышно. Только теперь он понял, что натворил. Он принял вину на себя. И уже ощутил на плечах хлыст Всевышнего. Губы у Фомы задрожали. Но он ни в чем не раскаивался.

В темном коридоре до него дошло, что больше нет силы, хранившей его. Он, как гладиатор, с радостью шел навстречу гибели. Ради одного-единственного мгновения! Слишком большого, чтобы можно было дать ему имя.

Он был приговорен месяц за месяцем ворочаться на своем соломенном тюфяке и чувствовать на лице дыхание женщины. Лежать с открытыми глазами и переживать все заново. Залу. Запах.

И тонкое одеяло шевелилось над его молодой мечтательной страстью.

Он был приговорен также всегда помнить лицо Иакова, лежавшего в гробу. Оно качалось вместе с ним. И большая волна, поднимавшаяся в Фоме, подхватывала и швыряла его прямо в северное сияние. Волна изливалась в его постель, и он ничего не мог с этим поделать.

Когда лодки вошли в бухту, Дина уже напудрилась и успокоилась. Она легла в постель, и больше никто не требовал, чтобы она спустилась к гостям на поминки.

Вернувшись от Дины, матушка Карен подробно сообщила всем о ее состоянии. Голос матушки Карен бальзамом пролился на душу ленсмана. Нежный и легкий, он смешался с горячим пуншем.

Теперь, когда Иаков был отправлен туда, куда долг обязывал их отправить его, всем стало легче нести свое горе. Смирение и мысли о земных тяготах, тревога о завтрашнем дне незаметно вплелись в тихие разговоры.

Все рано отправились на покой, как и подобало в этот день. Тогда Дина

встала и, сев за стол из орехового дерева, начала раскладывать пасьянс. После третьей попытки он сошелся. Дина зевнула и погасила лампу.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Так презрен, по мыслям сидящего в покое, факел, приготовленный для спотыкающихся ногами.

Книга Иова, 12:5

Я Дина. Я просыпаюсь от крика. Он звучит у меня в голове. Иногда он вгрызается в мое тело.

Образ Ертрюд вспорот, будто брюхо овцы. Лицо ее — крик, оттуда начинается все.

Все началось с того, что ленсман, вернувшись с осеннего тинга [3], привез с собой этого человека. Не кузнец, а находка! Из Трондхейма. Золотые руки!

Бендик мастерил что душа пожелает. Любой инструмент для любой работы.

Он сделал приспособление, которое крепилось над точилом, и через каждые десять оборотов камня из него на лезвие косы выливалось семь столовых ложек воды. Он ковал замки, которые сами спускали предохранитель, если их пытался открыть непосвященный. Ну а уж о плугах и сбруях и говорить нечего, они были отменной работы.

Прозвище у него было Сухощекий.

Обитатели усадьбы с первого дня решили, что оно как нельзя лучше подходит ему. У него было длинное худое лицо и живые темные глаза.

Дине только что стукнуло пять лет. Она вскинула на вошедшего светло-серые глаза, словно в чем-то хотела опередить его. Испугаться его она не испугалась. Но и признать не спешила.

Этот темноглазый человек, которого все приняли за цыгана, смотрел на жену ленсмана так, словно любовался дорогой вещью, которую только что приобрел. Ей это как будто даже нравилось.

Очень скоро ленсман попытался избавиться от кузнеца, сочтя, что тот слишком много себе позволяет.

Но Бендику покровительствовала добрая улыбка Ертрюд.

Он ковал свои хитрые замки к дверям и шкафам и приспособления для поливки точила. Последнее, что он сделал, — новые ручки к большому

чану, в котором женщины варили щелочь и кипятили белье.

К ручкам он приладил особое устройство, благодаря которому большой чан легко наклонялся и щелочь из него выливалась постепенно. Устройство приводилось в действие с помощью особого рычага.

Теперь женщины без труда управлялись с этим опасным чаном. Благодаря изобретательности кузнеца он послушно опускался, наклонялся и опрокидывался.

Женщины уже не опасались, что их обварит паром или кипящей щелочью.

Однажды, незадолго до Рождества, Дина пошла с матерью в прачечную. В усадьбе была большая стирка. Стирали сразу четверо женщин, а работник таскал воду.

Ведра были покрыты ледяной коркой, в воде плавали кусочки льда. С веселым звоном вода выливалась из ведер в большие кадки у двери. Потом лед таял в чане, и пар, словно ночной туман, затягивал все помещение.

На прачках были одни рубахи, лифы они расстегнули. Голые ноги, деревянные башмаки, засученные рукава. Руки у них были красные, как ошпаренные молочные поросята. Прачки отжимали белье и колотили его вальками.

Сдвинутые на глаза платки скрывали их лица. По щекам и шее бежали ручейки пота. Они собирались в единый поток между грудями и исчезали под сырой одеждой, устремляясь к неведомому.

Пока фру Ертрюд давала распоряжения одной из прачек, Дине захотелось рассмотреть устройство, которое все так хвалили.

Чан уже кипел. В запахе щелочи было что-то вечное и надежное, как в запахе отхожих ведер, что стояли в коридоре теплыми летними утрами.

Дина схватилась за рычаг обеими ручками. Ей хотелось только потрогать его.

Ертрюд сразу увидела опасность и бросилась к дочери.

Дина не знала, что прачки, берясь за рычаг, обматывали его мешковиной. Она обожглась и отдернула руки.

Но рычаг уже стронулся с места и переместился на два деления.

Для Ертрюд это оказалось роковым.

Из чана вылилось ровно столько щелочи, сколько и должно было вылиться при этом наклоне. Ни больше ни меньше. Потом чан выпрямился. И продолжал кипеть дальше.

Струя щелочи с безукоризненной точностью выплеснулась на лицо и на грудь Ертрюд. Оттуда кипящие реки устремились по всему телу.

Женщины бросились к ней. Стянули с нее платье.

Дина оказалась в самом центре сумятицы и пара. Она видела, как вслед за пропитанным щелочью платьем с Ертрюд слезают кожа и живая плоть.

Однако половина лица у Ертрюд не пострадала. Словно было очень важно, чтобы Господь Бог узнал ее, когда она предстанет перед Ним.

Дина кричала:

— Мама! Мама!

Но никто не отвечал ей. Ертрюд сама кричала.

Пятно красной, обваренной плоти росло на глазах по мере того, как с Ертрюд стягивали одежду, за которой тянулась и кожа. Вот уже оно закрыло ее целиком. Кто-то ведро за ведром лил на нее ледяную воду.

В конце концов Ертрюд опустилась на грубый деревянный пол, и больше уже никто не решался помочь ей. К ней нельзя было прикоснуться — кожи на ней уже не осталось.

Голова Ертрюд треснула, и трещина становилась все больше и больше. Крик летел, словно нож, пущенный в цель. И поражал всех.

Кто-то увел Дину из прачечной. Но крик разносился по всей усадьбе. От него звенели стекла. И ломкие ледяные кристаллы в снежных сугробах. Вместе с густым дымом он поднимался из печных труб. Фьорд замер и слушал.

На востоке небо прорезала слабая розовая полоска, словно на зимнее небо тоже плеснули щелочью.

Дину увезли к соседям, где все с изумлением разглядывали ее. Будто искали щель, через которую можно проникнуть внутрь.

Одна из служанок принялась с ней сюсюкать и кормила ее медом прямо из кринки. Дина объелась, и ее вырвало тут же на кухне. Служанка брезгливо подтерла пол. Ее гнев испуганным сорочонком стрекотал под матицей.

Три дня дочь ленсмана жила с людьми, которых раньше никогда не видела. И которые относились к ней словно к существу из иного мира.

Время от времени она засыпала, утомленная этими любопытными взглядами.

Наконец работник ленсмана приехал за ней на санях. Дину укутали в

овчину и увезли домой.

В усадьбе ленсмана было тихо.

Позже, сидя под столом в людской, забытая всеми, Дина узнала, что Ертрюд кричала еще целые сутки, потом она решилась ума и наконец преставилась. С одной половины лица у нее сошла вся кожа. С правой руки, с шеи и с живота — тоже.

Дина не совсем понимала, что значит «решиться ума», зато очень хорошо знала, что такое «ум».

Его Ертрюд никогда не теряла, это Дина знала твердо. Ертрюд сохраняла его всегда, особенно когда бушевал отец.

«Ум от Бога». «Человек все получает от Бога». «Священное Писание — слово Божье». «Библия — великий дар Божий». Все это она каждый день слышала от Ертрюд.

С ее смертью еще можно было бы примириться. Но забыть ее крик и вид обваренной плоти, с которой сошла кожа, было куда труднее.

Ведь животные тоже умирали. В усадьбе у ленсмана то и дело появлялись новые коровы, овцы и лошади. Они были так похожи на своих предшественников, что как будто и не менялись год от года.

Но Ертрюд не вернулась.

Дина долго хранила в памяти ее образ, похожий на вспоротое брюхо овцы.

Дина была не по возрасту крупной. И сильной. У нее хватило сил, чтобы стать причиной гибели Ертрюд. Но их было недостаточно, чтобы справиться с тем, чему свидетельницей она оказалась.

Люди легко пользовались словами. Точно лили масло в разбушевавшиеся волны. В их действительности слова были. В Дининой — их не было. Ее самой там не было.

Ленсман запретил все разговоры о «том случае». И все-таки они велись. Работники и служанки пользовались своим неотъемлемым правом шушукаться о запретном. Главное — шепотом. Когда дети засыпали ангельским сном, взрослые как будто уже не несли за них никакой ответственности.

Говорили, что с тех пор Сухощекий больше уже не мастерил своих хитроумных устройств. С первым же попутным судном он уехал на юг, в Трондхейм, забрав все свои злосчастные инструменты. Но молва опередила его. Молва о кузнеце, что мастерит смертоносные приспособления. Говорили, будто он даже тронулся от этого. И стал

опасным для окружающих.

Ленсман велел сровнять с землей и кузницу, и прачечную вместе с печью.

Четверо работников разбирали строения. Четверо других на тележках возили обломки на старый каменный мол, защищавший пристань. Мол стал длиннее на целый локоть.

Когда же земля оттаяла, ее засеяли травой. А потом на этом месте густо разросся малинник.

Летом ленсман с Иаковом Грёнэльвом на его карбасе ушел в Берген и оставался там до осеннего тинга.

Так и получилось, что за девять месяцев, с того дня как Ертрюд по вине Дины обварилась щелочью и до возвращения ленсмана с тинга, Дина ни разу не разговаривала с отцом.

Когда ленсман вернулся домой, служанка доложила ему, что Дина вообще перестала говорить.

Ленсман увидел настоящую дикарку. С бегающими глазами, неприбранными волосами и босую, хотя по ночам уже давно стояли заморозки.

Когда ей хотелось есть, она хватала что-нибудь на кухне и жевала на ходу. Днем она забавлялась, бросая камни в людей, которые приходили в усадьбу.

И ясное дело, получала за это оплеухи.

Дина на свой лад повелевала людьми. Стоило ей бросить камень, и они тут же бежали к ней.

Бывало, что днем она спала по несколько часов кряду. В конюшне. В кормушках для сена. Лошади привыкли к ней и осторожно объедали сено вокруг спящей Дины. Или толкали ее мягкими мордами, вытаскивая сено из-под нее.

Когда ленсман сошел на берег, в лице у Дины не дрогнул ни один мускул. Она сидела на камне и болтала длинными ногами.

Ногти на ногах у нее были невероятной длины, грязь под ними въелась в кожу.

Служанки жаловались, что с нею не было никакого сладу. Дина не выносила воды. Она поднимала крик и убегала, и даже двое взрослых парней не могли удержать ее. Она никогда не входила в кухню, если на большой черной плите что-нибудь кипело.

Обе служанки, которые постоянно работали в усадьбе, оправдывали

друг друга. Дел у них и так выше головы. Найти помощницу невозможно. Где тут еще смотреть за этой дикаркой, лишившейся матери.

Дина была такая грязная, что ленсман не знал, как к ней подступиться. Через несколько дней он поборол свое отвращение. И попытался обнять это вонючее, непокорное создание, чтобы договориться с ним и вернуть ему христианский вид. Но ленсману пришлось отказаться от своих намерений.

К тому же он все время видел перед собой свою несчастную Ертрюд. Ее обваренное тело. Слышал безумный крик.

Красивая немецкая кукла с фарфоровой головкой так и осталась лежать там, куда он ее положил. На обеденном столе. До тех пор пока служанке не понадобилось накрыть стол к обеду. Она спросила, что делать с куклой.

— А кто его знает! — буркнула другая. — Положи к Дине в комнату.

Через некоторое время работник нашел куклу среди нечистот. Она была изуродована до неузнаваемости. И все-таки эта находка принесла облегчение. Ведь куклу искали уже несколько недель. Ленсман спрашивал у Дины, где кукла, но не получал ответа, и все решили, что кукла пропала. Подозревать в пропаже могли каждого.

Когда кукла нашлась, ленсман призвал Дину к себе и строго спросил, каким образом кукла могла угодить в нечистоты.

Дина пожала плечами и хотела уйти.

Ее наказали. Первый раз Дина узнала, что это такое. Отец положил ее на колено и отшлепал. И эта проклятая, испорченная девка укусила его за руку, как собачонка!

Однако наказание пошло Дине на пользу. С тех пор она всегда смотрела людям в глаза. Словно сразу хотела понять, будут ли ее бить.

После этого случая Дина не скоро получила от ленсмана новый подарок. Через много лет по просьбе господина Лорка ей подарили виолончель.

Но у Дины была маленькая, переливающаяся перламутром раковинка величиной с ноготь. Она хранила ее в коробке из-под табака, которую прятала в старый футляр для бритвенных принадлежностей.

Каждый вечер она доставала свою раковинку и показывала ее Ертрюд, которая сидела отвернув лицо, чтобы скрыть от Дины, как оно изуродовано.

Однажды эта раковинка сверкнула у Дины перед глазами, когда она бродила по отмели во время отлива.

Раковинка была испещрена тонкими розовыми бороздками, которые сходились в одну точку, с нижней стороны на ней были слабые пятнышки. И она меняла цвет в зависимости от времени года.

При свете лампы раковинка почти не переливалась. Зато днем, у окна, она сверкала на ладони у Дины, словно маленькая звездочка. Прозрачная и светлая.

Пуговка с небесного плаща Ертрюд, брошенная ею Дине на землю!

Что толку тосковать по Ертрюд? Нельзя тосковать по тому, кто ушел отсюда по твоей же вине.

Никто не говорил Дине, что это она привела в действие устройство на чане. Но все это знали. В том числе и ленсман. Он сидел в курительной комнате, словно сошел с одного из старинных портретов, что висели в доме. Большой, грузный, насупленный. Лицо у него было непроницаемое. Он не разговаривал с Диной. Не видел ее.

Дину поселили у одного из арендаторов по соседству. Усадьба называлась Хелле. Детей у арендатора было много, зато всего остального не хватало. Там были рады принять ребенка, за которого платили деньги.

А ленсман платил щедро. Деньгами, мукой, освобождением от некоторых повинностей.

Надеялись, что там Дина снова научится говорить. Что ей пойдет на пользу общество других детей. А главное, она не будет каждый Божий день напоминать ленсману о страшном конце бедной Ертрюд.

Обитатели Хелле один за другим пытались сблизиться с Диной. Но она жила в чужом мире.

Она относилась к ним как к березам перед домом или как к овцам, что паслись поблизости. Они были всего лишь частицей окружавшей ее невеселой природы. Не больше.

В конце концов от Дины все отступились и занялись своими делами. Она вошла в их будни как домашнее животное, которое требовало определенного ухода, а во всем остальном предоставлено самому себе.

Дина не стремилась сблизиться с ними и пресекала любую попытку подружиться с ней. Если к ней обращались, она не отвечала.

Когда ей исполнилось десять, пастор имел беседу с ленсманом. Он призвал ленсмана забрать дочь домой, дабы она жила в условиях, подобающих ее положению. Ей следует дать приличное воспитание, она должна приобрести необходимые навыки — так считал пастор.

Ленсман опустил голову и буркнул, что уже думал об этом.

И Дину, опять же на санях, привезли обратно домой. По-прежнему

немую, но немного округлившуюся. Одета она была чисто и аккуратно.

К Дине пригласили домашнего учителя. Звали его господин Лорк, о кончине Ертрюд он не знал ничего.

Господин Лорк прервал занятия музыкой в Христиании, чтобы навестить на севере своего умиравшего отца. Когда же отец умер, денег на возвращение в столицу у господина Лорка не осталось.

Он учил Дину считать и писать.

Учебником Дине служила Библия с витиеватыми буквами, которая принадлежала Ертрюд. Палец Дины скользил по строчкам, словно крысолов, увлекающий за собой буквы.

Господин Лорк привез с собой старую виолончель, завернутую в потертый плед. Надежные руки вынесли виолончель на берег, словно большого ребенка.

Господин Лорк тут же настроил виолончель и сыграл без нот несколько простых псалмов.

Дома были одни служанки. Потом они рассказывали всем, кто был готов слушать, подробности этой сцены.

Не успел господин Лорк заиграть, как глаза у Дины закатились, и всем показалось, что она вот-вот упадет без чувств. По лицу потекли слезы, она с такой силой тянула себя за пальцы, что суставы хрустели в такт музыке.

Когда Лорк заметил, как музыка действует на девочку, он испугался и перестал играть.

И тут произошло чудо.

— Еще! Играй еще! — крикнула Дина.

Слова вернулись в ее действительность. Дина могла произносить их. Они слушались ее. Она вернулась в действительность!

Господин Лорк научил Дину азам игры. Поначалу пальцы у нее были слишком малы. Но она быстро росла. Вскоре она овладела виолончелью уже настолько, что господин Лорк осмелился предложить ленсману приобрести для дочери виолончель.

— А зачем, скажите, девочке виолончель? Пусть лучше учится вышивать!

Домашний учитель, с виду тщедушный и робкий, но в душе непреклонный как скала, скромно объяснил, что не может научить Дину вышивать. Но зато он может научить ее играть на виолончели.

Так в доме появилась виолончель, стоившая ленсману немало талеров.

Ленсман велел поставить виолончель в гостиной, ему хотелось, чтобы все гости в восторге всплескивали руками и восхищались редким инструментом.

Но Дина была настроена иначе. Виолончель будет стоять у нее в комнате на втором этаже! Первые дни она упрямо относила виолончель к себе, если по распоряжению ленсмана виолончель ставили в гостиной.

Через несколько дней ленсман устал от этой борьбы. И между отцом и дочерью был заключен безмолвный уговор. Если к ленсману приезжали высокопоставленные гости, виолончель приносили в гостиную. Дину извлекали из конюшни, мыли, надевали на нее широкую юбку, лиф, и она должна была играть псалмы.

Господин Лорк сидел как на иголках и крутил усы. Где ему было знать, что он единственный из присутствовавших, сколько бы их ни было, в состоянии уловить небольшие погрешности в игре Дины.

Дина быстро почувствовала, что их с господином Лорком объединяет нечто общее, — они считали себя ответственными за недостатки друг друга. Со временем это стало для нее утешением.

Когда на склоненную голову господина Лорка обрушивался гнев ленсмана за то, что Дина после трех лет занятий не может бегло прочесть ничего, кроме Библии Ертрюд, Дина открывала дверь своей комнаты, ставила виолончель между ногами и играла любимые псалмы ленсмана. Это действовало безотказно.

Считать же она научилась так быстро, что приводила в замешательство приказчика в лавке, сосчитав в уме раньше, чем он успевал записать цифры. Но за это ее никто не хвалил. Кроме господина Лорка.

Всякий раз когда Дина читала ленсману вслух катехизис, ему казалось, что она обвиняет его в недобросовестном исполнении служебных обязанностей.

Слова, которые Дина не могла прочесть, она придумывала на ходу — текст порой менялся до неузнаваемости, зато становился куда более выразительным.

Служанки и работники кусали губы, не смея взглянуть друг на друга, чтобы не разразиться безудержным хохотом.

А ее способность к цифрам! Ведь это же противоестественно для девочки! Будь у нее младший брат, вот кому бы пристало учить цифры, ворчал ленсман дрогнувшим голосом. И, пошатываясь, покидал комнату. Все знали, что жена ленсмана была беременна, когда обварилась щелочью.

Это был единственный и косвенный упрек, который Дина слышала от

отца.

В Фагернессете была старинная фисгармония. Она стояла в гостиной. На ней красовались всякие вазочки и безделушки.

Фисгармония была так плоха, что господин Лорк решительно отказался учить Дину играть на ней. Он осторожно намекнул ленсману, что в доме, который посещает столько важных людей со всех уголков страны и даже из-за границы, необходимо иметь пианино. Оно бы так украсило гостиную!

А главное — оно стояло бы там волей-неволей. И таким образом, ленсман одержал бы верх над Диной, упрямо уносившей виолончель к себе в комнату.

Прибыло черное английское пианино. Торжественно, не без труда, его освободили от стружки и мешковины и вынули из большого деревянного ящика.

Господин Лорк настроил его, потом он поддернул блестевшие на коленях брюки и осторожно уселся на солидный крутящийся табурет.

Если господин Лорк что-то и мог, так это играть на пианино.

Он начал играть Бетховена. «Аппассионату». Его глаза летали, как выпущенные на свободу голуби.

Дина сидела в кресле рядом с пианино, болтая ногами. Когда первые звуки сонаты наполнили комнату, она глубоко вздохнула и рот у нее открылся.

Лицо ее напоминало реку, вышедшую из берегов. Громкие аккорды швырнули ее на пол.

Ленсман приказал прервать игру. Дину отправили в ее комнату. Ей уже двенадцать, и она должна понимать, что подобное поведение неприлично.

Первое время господин Лорк не осмеливался приближаться к пианино. Невзирая на мольбы и угрозы Дины.

Но однажды ленсман уехал на тинг на целую неделю. И тогда господин Лорк, несмотря на горячее майское солнце, закрыл в гостиной все окна и двери.

Потом опять поддернул брюки и осторожно сел к инструменту.

Некоторое время его пальцы неподвижно лежали на клавишах, потом нежно, с любовью пробежали по ним.

В глубине души господин Лорк надеялся, что реакция Дины на «Аппассионату» не повторится. И на этот раз выбрал Шопена — «Вальс» и «Тарантеллу».

Но что бы он ни выбрал из своего репертуара, результат был тот же:

Дина рыдала в голос.

Так продолжалось всю неделю. К возвращению ленсмана глаза у нее были такие, что ей было лучше не встречаться с отцом. Дина пожаловалась на плохое самочувствие и ушла к себе. Она знала, что отец не придет к ней в комнату. Он панически боялся заразы. Говорил, что он унаследовал этот страх от своей покойной матушки. И не скрывал его.

Тогда господин Лорк составил план. И однажды после обеда изложил его ленсману, когда они вдвоем сидели в гостиной. Ленсман рассказывал учителю о тинге.

Как досадно получилось с этим дорогим инструментом! На нем никто не играет. Не думает ли ленсман, что Дина со временем перестанет плакать? Ей надо привыкнуть слушать музыку. Лорк знал, как приучали к музыке одну собаку, долго и терпеливо. Первый месяц она страшно выла. Это было совершенно невыносимо. Но постепенно привыкла. И стала даже засыпать под музыку. Правда, при ней играли на скрипке, но тем не менее…

В конце концов ленсман признался Лорку, что не переносит слез. Особенно после того, как его жена так трагически ушла из жизни. Она кричала целые сутки, пока смерть не положила конец ее страданиям. С тех пор он совершенно не выносит слез.

Тогда-то господин Лорк и узнал о том, что Дина, повернув рычаг, можно сказать, собственноручно опрокинула на свою несчастную мать чан с кипящей щелочью.

Господин Лорк не привык выслушивать откровения и не знал, что сказать. Три года он прожил в этом доме, не подозревая, что учит дикого волчонка.

Его замутило от подробностей, которые ему поведал ленсман. Но он обладал безошибочным слухом музыканта, позволявшим ему отличать истинное искусство от ложной сентиментальности.

Чуткое сердце господина Лорка кое-что уловило из этого рассказа. Он понял, что ленсман по-своему уже справился с этой трагедией. Несмотря на внешнюю скорбь.

Господин Лорк набрался храбрости и очень мягко сказал ленсману, что все-таки жаль, если никто не будет играть на этом замечательном инструменте. Ведь можно учить Дину музыке в отсутствие отца…

Когда ленсман рассказал учителю свою историю, откашлялся и выкурил еще одну трубку, они пришли к соглашению.

После этого разговора господин Лорк совершил долгую прогулку. Он шел вдоль берега. Из снега торчали блеклые сухие стебли, над головой летали бездомные морские птицы.

И все время господин Лорк видел перед собой ожесточенное лицо Дины. Вот она сосредоточенно и быстро считает в уме, вот безудержно рыдает, слушая, как он играет на пианино.

Вообще господин Лорк собирался летом уехать в Копенгаген, чтобы продолжить занятия музыкой. За те годы, что он жил у ленсмана, ему удалось скопить немного денег. Но он остался. Усохший молодой человек. С поредевшими волосами и увядшим лицом — ему не было еще тридцати.

По-своему это тоже было призвание.

Дина продолжала говорить. Сперва только с господином Лорком. Но потом и с другими.

Научилась играть на пианино. По нотам господина Лорка. Сперва песенки и различные упражнения. Потом псалмы и нетрудные классические пьесы.

Господин Лорк придавал нотам очень большое значение. Он написал в Трондхейм, Христианию и Копенгаген с просьбой прислать ноты для начинающих. Так он возобновил отношения со своими старыми друзьями-музыкантами.

Дина научилась играть и слушать музыку, она уже не выла волком. И дом ленсмана приобрел славу музыкального дома. Гости слушали в гостиной игру на виолончели и пианино. И пили пунш. Все было в высшей степени пристойно и красиво. Ленсман был очень доволен.

Господин Лорк с его быстрой, хитрой улыбкой, замкнутый и скучный, несмотря на потертое платье и невзрачную внешность, получил статус артиста.

Господин Лорк рассказывал Дине много интересного о далеком мире. А также всевозможные истории о магии музыки.

Однажды, когда они плыли на лодке по неподвижной глади фьорда, он рассказал ей сказку о морском привидении, которое обещало парню научить его играть на феле [4]. Он будет играть так красиво, что принцесса заплачет и выйдет за него замуж.

Вот как он будет играть! Но в награду оно потребовало свежего мяса.

Привидение сдержало слово. Парень научился играть на феле, он мог играть, даже не снимая рукавиц. Тогда он вспомнил, что у него нет мяса. Не зная, что делать, он бросил привидению в море обглоданную кость.

— И чем же все кончилось? — с любопытством спросила Дина.

— Зря он пытался обмануть привидение! Днем и ночью оно пело ему одну и ту же песню:

Ты мне бросил кость пустую,
А теперь играй впустую!

— Что это значит?

— Он играл виртуозно, но его игра не тронула принцессу, и она не захотела выйти за него замуж.

— Почему же? Ведь он был виртуоз.

— Одно дело — виртуозно играть по нотам, другое — трогать сердца людей своим искусством. У музыки, как и у человека, есть душа. Нужно уметь услышать ее…

— Ты умеешь! — твердо сказала Дина.

— Спасибо! — Господин Лорк поклонился ей, словно раскланивался в концертном зале перед принцессой, сидевшей в первом ряду.

Для Дины господин Лорк был незаменим. Чуть что, она обращалась только к нему. И при ней никто не осмеливался смеяться над ним.

Он научился сносить даже ее бурные ласки и объятия. Просто стоял неподвижно, опустив руки. Его глаза напоминали паутину на кустах, в которой блестят капли дождя.

Дине было довольно и этого.

Господин Лорк привел Дину на могилу Ертрюд. На ней росли красивые цветы. Камни, которые окаймляли могилу, заросли мхом.

И там господин Лорк тихим голосом объяснил Дине то, о чем она даже не спрашивала.

Нет, Ертрюд не таит на нее зла. Она живет на небесах и радуется, что ее больше не касаются страдания и горе этого мира.

Все на свете предопределено заранее. Люди лишь инструменты в жизни друг друга. Некоторые совершают поступки, ужасные с точки зрения людей, однако и в них можно усмотреть промысел Божий.

Глаза у Дины остекленели, ей как будто даже пришло в голову, что она вознесла Ертрюд. Освободила ее! Сделала то, что никто другой не посмел и не захотел бы сделать! Отправила ее прямо в Царство Небесное. Где не было ни горя, ни нерадивых слуг, ни детей. И в благодарность Ертрюд дарит ей этот благоуханный шиповник и незабудки.

Увидев Динино лицо, господин Лорк поспешил сменить тему разговора. Он начал сбивчиво рассказывать ей о цветах.

В то лето, когда Дине стукнуло тринадцать, ленсман вернулся из Бергена с красиво подстриженной бородой и новой женой.

Он показывал ее всем с такой гордостью, будто она была произведением его рук.

Уже через неделю «эта новая» расположилась в комнате Ертрюд. Обитатели усадьбы и соседи сочли, что это несколько преждевременно.

Двум служанкам было приказано вынести все вещи покойной и вымыть комнату. Все эти годы она стояла запертой. Словно сундук, про который забыли, потому что к нему не было ключа.

Бедняжке Ертрюд комната больше не нужна. Это понимали все. И между тем… Не так бы следовало все это сделать…

Поползли всякие разговоры. Говорили, будто в последнее время ленсман был так падок до женщин, что служанки не задерживались подолгу у него в усадьбе. Если, конечно, хотели соблюсти себя. Впрочем, не настолько все было и худо, чтобы появление Дагни кого-то обрадовало.

Дагни была настоящая бергенская дама. Тонкая как спица, со взбитыми волосами и в трех нижних юбках, надетых одна на другую. Всем бы радоваться новой хозяйке, но не все шло так гладко.

Первое, что новая жена ленсмана увидела у него в доме, была самодельная гипсовая маска.

Дина потрудилась на славу. Она надела маску и белые одежды, чтобы поразить отца.

Маску она изготовила под руководством господина Лорка. С него она и была снята, но не удалась. Получилось лицо мертвеца. Скорее гротескное, чем смешное.

Ленсман захохотал, увидев Дину в этой маске, а Дагни схватилась за сердце.

С первого дня Дина и Дагни вступили в холодную, непримиримую войну друг с другом. Ленсману в этой войне была отведена роль посредника, если в отношениях между этими двумя женщинами вообще требовался посредник.

Я Дина. Ертрюд бросила мне пуговку со своего плаща. Раньше ей не нравилось, что я хожу с черными ногтями. Теперь она больше не вспоминает про это.

Господин Лорк говорит, что считать быстро в уме — это талант. Он мне диктует числа, а я их складываю. Или вычитаю. Или множу. Господин Лорк считает на бумажке. Потом он втягивает воздух сквозь зубы и

говорит: prima! Prima! [5]. Потом мы с ним играем на виолончели или на пианино. Мы больше уже не читаем катехизис или «Домашний проповедник».

Крик Ертрюд разорвал зимние ночи на крохотные лоскутки, и они несутся мимо моего окна. Особенно перед Рождеством. Обычно она ходит в войлочных чулках, так что я не слышу, где она. Ертрюд выбросили из ее комнаты.

Вынесли все картины. Освободили комод. Книги перенесли ко мне. В лунном свете они сходят с полок, а потом возвращаются обратно. Края переплета у черной Книги Ертрюд мягкие и немного загнуты внутрь. В ней много сказок. Я беру увеличительное стекло Ертрюд и собираю слова. Они текут через мою голову, как вода. Меня начинает мучить жажда. Но я не знаю, чего они хотят от меня.

Ертрюд выселили окончательно. Над усадьбой кругами парит орел. Они его боятся. Но это всего лишь Ертрюд. Они этого не понимают.

ГЛАВА 2

Избавит и небезвинного; и он спасется чистотою рук твоих.

Книга Иова, 22:30

— Фома, почему лошади спят стоя? — спросила однажды Дина.

Она смотрела сбоку на плотного невысокого парня. Никого, кроме них, в конюшне не было.

Фома был сыном того самого арендатора, у которого несколько лет жила Дина. Теперь он был уже достаточно взрослый, чтобы работать у ленсмана за деньги да еще отрабатывать повинность семьи за аренду.

Он подбросил в кормушку сена и опустил руки.

— Лошади всегда спят стоя, — твердо сказал он.

— Значит, они и спят стоя и не спят тоже стоя, — заметила Дина со своей вывернутой логикой и наступила на кучу теплого навоза, что лежал в стойле; навоз, как жирные черви, вылез у нее между пальцами.

— Твоя правда. — Фома сдался.

— Не знаешь?

— Чепуха все это! — Фома сплюнул и наморщил лоб.

— Ты знаешь, что я обварила свою мать и она умерла? — в упор спросила Дина, не спуская с него глаз.

Фома замер. Он не смел даже засунуть руки в карманы. Наконец кивнул, словно на исповеди.

— Теперь ты тоже должен спать стоя! — распорядилась Дина, на губах у нее играла странная усмешка — так больше не улыбался никто.

— Почему? — оторопел он.

— Я рассказала о матери лошадям. А они спят стоя! Теперь и ты это знаешь. Значит, и ты должен спать стоя! Кроме лошадей, я никому об этом не говорила.

Она повернулась на грязной пятке и выбежала из конюшни.

Было лето.

В ту же ночь Фома проснулся оттого, что кто-то вошел к нему в каморку. Он думал, что это работник, ходивший за скотиной, который собирался ловить сайду, да, видно, передумал.

Неожиданно, тяжело дыша, над ним наклонилась Дина. Она с укоризной смотрела на него. Глаза у нее были широко открыты. Серые, как начищенный свинец при лунном свете. Слишком тяжелые для ее головы. Вот-вот они скатятся к нему на постель.

— Обманщик! — злобно проговорила она и сдернула с него одеяло. — Ты должен был спать стоя!

Взгляд ее упал на его голое тело, Фома невольно прикрылся руками.

— Ты какой-то странный! — решила Дина, сбросила одеяло на пол и начала подробно разглядывать его тело.

Со смущенным смешком Фома пытался помешать ей, протянул руку за своими штанами, что висели на спинке кровати. И тут же вскочил, сам не понимая, что делает. Но Дина уже исчезла. Да и была ли она здесь? Была. Ее запах еще витал в каморке. От нее пахло мокрым ягненком.

Фома не забыл тот случай. Иногда он просыпался среди ночи, ему мерещилось, что рядом с его постелью стоит Дина. Но он никогда не был в этом уверен.

Конечно, он мог бы запирать дверь на задвижку, но другие работники могли заподозрить недоброе. От кого это он запирается?..

Фоме стало казаться, что лошади с недоверием поглядывают на него, когда он задает им корм. Не раз, когда они брали у него из рук хлеб, обнажая желтые зубы, ему казалось, что они смеются над ним.

Дина первая увидела его наготу. После этого все для него переменилось.

Он начал потихоньку ходить к озеру за леском. Думал, что она там купается. Однажды в жару он видел ее с мокрыми волосами.

Светлыми летними вечерами в конюшне ему чудилось, будто в сене что-то шуршит.

Он мог бы поклясться, что кто-то шевелится в кустах, когда он сам купается в озере вечером после работы.

Как-то вечером Фома осмелел. Дрожа от волнения и холода, он вылез из воды и пошел к камню, на котором лежала его одежда. Он не бежал, как обычно, прикрываясь руками, а шел не спеша. И он нарочно оставил свои вещи подальше от воды. Точно хотел, чтобы его увидели.

Фому обдало жаром, когда он заметил, что в кустах действительно кто-то прячется. Там что-то мелькнуло. Светлое платье? Фома боялся даже смотреть по сторонам. Дрожащими руками он натянул на себя одежду.

Все лето Дина жила в его крови. Ею были пронизаны все его мысли. Она владела им как своенравная река.

Я Дина. Я не люблю малину. Ее собирают в кустах за амбаром, там, где стояла прачечная. Продираться через малину хуже, чем через крапиву.

Ертрюд стоит посреди озера, где плавают водяные лилии. Я иду к ней. Тогда она исчезает. Я наглоталась воды и тут же обнаружила, что Ертрюд поддерживает меня и я плыву. Теперь я просто вхожу в озеро или в море и плыву, потому что она меня держит. А Фома не плавает. Его никто не держит.

Не прошло и месяца с тех пор, как Дагни стала женой ленсмана, а талия у нее уже заметно округлилась.

Кухарка считала, что ленсман не пожалел пороху. Доверенным лицам она высказала надежду, что, поистратив основательно свой порох, ленсман оставит служанок в покое. И ей не придется без конца искать новую прислугу.

Ленсман повеселел. Они с Дагни прогуливались в лесу за усадьбой, он высоко нес зонтик над ее головой. Слишком высоко. Она жаловалась, что он не защищает ее от солнца и что березовые ветви рвут шелк.

Дина строила козни. Причем весьма изобретательно.

Случалось, дверь в комнату Дагни оказывалась запертой, а ключа нигде не было. Через некоторое время его находили в запертой комнате.

Дина незаметно пробиралась в комнату, когда Дагни была занята внизу, запирала дверь, оставив ключ в замке с внутренней стороны, и выбиралась из комнаты через окно.

Качнувшись несколько раз, словно маятник на старинных часах, она находила опору для ног среди веток березы, что росла под окном.

Фоме приходилось приносить стремянку и проникать в комнату, чтобы отпереть дверь.

Подозрение всегда падало на Дину.

Высокий, обиженный голос Дагни сыпал над усадьбой как зимний снег.

Но Дина молчала. Она смотрела в возмущенные глаза отца и молчала.

Он таскал ее за волосы, тряс за плечи.

Она отнекивалась с таким исступлением, что на губах у нее выступала пена. И ленсман отпускал ее. До другого раза.

Случалось, исчезала книга Дагни или ее рукоделие. Весь дом поднимали на ноги, чтобы искать пропавшие вещи. Напрасно.

А через день или два книга или рукоделие оказывались на своем месте.

Если Дина говорила, что в момент пропажи была с Фомой или с

молоденькой помощницей кухарки, те всегда покрывали ее. Лгали, сами не зная, почему лгут. Фома — потому, что Дина однажды сорвала с него одеяло и увидела его наготу. И потому, что с тех пор он не мог погасить вспыхнувший в нем огонь. Фома безотчетно понимал, что, не поддержав Дину, навсегда потеряет надежду когда-нибудь его погасить.

Что же касается помощницы кухарки, то у длинноногой высокой Дины была тяжелая рука и горячий нрав, и, хоть она никогда и пальцем не тронула девушку, та все-таки боялась ее.

Дагни родила сына. И если свадьбу они сыграли в Бергене тихо и незаметно, то крестины ребенка отмечались по-королевски.

Столы на кухне и в буфетной были заполнены серебряными кувшинами и подсвечниками, вязаными салфетками и дорожками, приборами, тарелками и подобными вещами.

Служанки не знали, куда ставить блюда с едой, — неужто на пол?

Ребенок, которого окрестили Оскаром, часто плакал. Этого ленсман не предусмотрел. Он не выносил плача.

Но Дагни всегда была красива и нарядна, а с тех пор как у нее появилась нянька, она заметно подобрела. Наряды для себя и детские вещи она выписывала из Бергена.

Поначалу ленсман не мелочился и ни в чем ей не отказывал. Но поток приходивших ей посылок не иссякал, и ленсман стал выражать беспокойство. Он напомнил Дагни, что их материальное положение в настоящее время не так хорошо, как хотелось бы. Он еще ничего не получил за рыбу, которую отправил в Берген.

Дагни разразилась рыданиями. Оскар тоже заплакал. И когда из Трондхейма пришла очередная посылка, ленсман вздохнул и на несколько часов уединился в своем кабинете.

Однако вечером он вышел оттуда с просветленным лицом и в отличном расположении духа. Это могли засвидетельствовать все, кто находился в доме, — из комнаты покойной фру Ертрюд доносился недвусмысленный ритмичный скрип.

— Могли бы подождать, пока мы не уйдем спать, — презрительно проворчала одна из служанок.

Теперь ленсман признавал только одну женщину, оставив в покое все остальные юбки. Это всех устраивало. А некоторые даже с удовольствием слушали выразительные звуки, доносившиеся сверху.

Во времена покойницы Ертрюд такое было бы немыслимо. Она же была ангелом. Святой. Никому и в голову не пришло бы, что она может так

развлекаться с пылким ленсманом. Хотя девчонку они все-таки зачали… Эту несчастную Дину, повинную в столь тяжком грехе. Вот уж чьей судьбе не позавидуешь, бедняжка!

Женщины не отказывали себе в удовольствии посудачить о достоинствах покойницы Ертрюд. Шепотом, конечно. Однако достаточно громко, чтобы это достигало ушей Дагни. Но не ленсмана.

Они расхваливали Ертрюд на все лады. Ее гордую осанку. Светлую улыбку, тонкую талию. Повторяли ее слова.

Стоило Дагни появиться в дверях, все замолкали. Словно кто-то задувал свечу. Однако их слова успевали достигнуть цели.

Со всех сторон Дагни окружали портреты Ертрюд. Месяц за месяцем. Один из них улыбался ей с бархатных обоев над деревянными панелями в гостиной. Другой серьезно взирал с площадки лестницы. Третий стоял на письменном столе ленсмана.

Однажды Дагни не выдержала. Она собственноручно сняла портреты со стен, сложила в старую наволочку и спрятала в сундук, где хранились вещи из комнаты Ертрюд.

Дина застала ее, когда она снимала последний портрет. Сразу запахло так, будто разлили кислоту.

Она ходила за Дагни по пятам. На чердак, куда Дагни поднялась, чтобы взять из шкафа наволочку. В темный угол, где стоял сундук Ертрюд. Дагни делала вид, что не замечает ее.

Обе не сказали ни слова.

Обед был закончен.

Ленсман уютно расположился в вольтеровском кресле, обитом зеленым плюшем, так и не заметив, что портреты Ертрюд исчезли.

Тогда Дина перешла в наступление.

Она была предводителем, чьи войска прорвали вражеские укрепления. Вместо знамени она держала в руках старую наволочку с ее гремящим содержимым.

— Что там у тебя? — с плохо скрываемым раздражением спросил ленсман.

— Хочу повесить портреты обратно. — Дина выразительно взглянула на Дагни. И начала вытаскивать из наволочки портрет за портретом.

— Зачем ты их сняла? — сердито спросил он.

— Я их не снимала. Я хочу их повесить!

Воцарилась мертвая тишина. В доме затихли все шаги, ибо они стали не громче мышиного шороха в кладовке с едой.

Наконец Дагни вмешалась в разговор, потому что ленсман заметил, что Дина не спускает с нее глаз.

— Их сняла я! — с вызовом сказала Дагни.

— Зачем же?

Ленсман не собирался быть резким. Но что-то в Дагни раздражало его.

Он свято верил в одно неписаное правило, гласившее, что с прислугой и с женщинами следует говорить как с умными собаками. А если это не поможет, так ведь собаку можно и на цепь посадить. С ними можно говорить и как с умной лошадью, то есть не повышая голоса, а, напротив, снизив его на целую октаву.

Все равно он будет слышен по всей комнате.

К сожалению, ленсману редко удавалось следовать этому правилу. Не удалось и на сей раз.

— Я не намерена ничего объяснять! — отрезала Дагни.

Ленсман уловил в ее голосе лай раздразненной собаки и приказал Дине выйти из комнаты.

Дина разложила портреты у ног ленсмана, взяла наволочку и ушла, хлопнув дверью.

На другое утро портреты висели на своих местах.

Дагни лежала в постели с головной болью, так что маленький Оскар весь день был внизу на попечении прислуги.

Ленсман устал от постоянных столкновений между дочерью и женой. Душа его рвалась из дому. Он мечтал пройтись вдоль побережья на карбасе с казенкой — несколько человек команды, трубка да водка. И ловил себя на желании, чтобы его дочь оказалась где-нибудь подальше. Замужем. Но ей было всего пятнадцать.

Он не возлагал на будущее больших надежд. Не потому, что Дина была некрасива. Как раз нет. Она была не по годам высокая, сильная. Сообразительная.

Но в ней была необузданность, способная оттолкнуть любого мужчину, искавшего себе жену.

И тем не менее ленсман был одержим этой мыслью. И где бы ни встретил холостяка, первым делом думал: а не подойдет ли он для Дины?

Со временем Дагни наскучила роль ленсманши, матери и мачехи. Она стала поговаривать, что хочет съездить в Берген, чтобы навестить «свой круг», как она выражалась. Тогда ленсман понял, что ему следует действовать, причем быстро и решительно.

Он хотел отправить Дину в школу, в Тромсё. Но не мог уговорить ни

одну знакомую семью принять ее к себе. Ему отказывали под всякими благовидными предлогами — от чахотки до переезда. А для того чтобы жить самостоятельно, Дина была еще слишком молода.

Ленсман с обидой думал обо всех, кому в свое время оказал ту или иную услугу. Видно, они давно позабыли об этом. Он жаловался на судьбу каждому, кто был готов его слушать.

Однажды Дагни раздраженно сказала ему, что «этакую девицу» в свой дом не примет никто.

Что? Дочь ленсмана Холма — «этакая девица»? От ярости и оскорбленной гордости у него на губах выступила пена. А много ли найдется женщин, которые умеют играть на виолончели? А кто в округе лучше Дины ездит верхом? Кто из приказчиков считает в уме быстрей, чем она? Какие у нее недостатки?

Да никаких, кроме того, что она своенравная, злобная и что с ней вообще невозможно ладить.

Дагни швырнула в лицо ленсману этот приговор и крепко прижала к себе сына, который захныкал, испугавшись ссоры.

— А кто должен был заменить ей мать? — спросил ленсман. Лицо у него пылало.

— Во всяком случае, не я! — отчеканила Дагни, посадила ребенка у ног ленсмана и подбоченилась.

Ленсман ушел. Из гостиной. Из дому. Он спустился по широкой парадной лестнице и через всю усадьбу направился к своим любимым морским пакгаузам.

Как он тосковал по мягкой, обходительной Ертрюд, по ее прохладным рукам, которые гладили его лоб! После смерти Ертрюд ее холодное ангелоподобное спокойствие стало как будто еще ощутимей.

Там, на берегу, в сгущавшихся сумерках ленсман молил покойную Ертрюд забрать свою дочь к себе — он с ней сладить не в силах. Нет, нет, он вовсе не желает девочке смерти, но ему так хотелось бы, чтобы она вела себя пристойно.

— Попробуй поговори с ней! — умолял он Ертрюд.

Высморкавшись в носовой платок с монограммой, он закурил трубку и тяжело опустился на бочку.

Зазвонил колокол, призывавший к обеду, ленсман почувствовал, что ему хочется есть. Но все же не спешил.

Никто не смел приступить к еде, пока ленсман не займет своего места во главе стола, если только он не был в отъезде… Таков был закон.

Дина вообще не явилась к столу. Она сидела на старой березе за амбаром. Отсюда она, как коршун, следила за тем, что происходит дома. Сюда долетал каждый звук.

Ее же никто не видел.

На вершине дерева развевалось голубое вязанье Дагни. Вывернутое, растрепанное, с дырками в тех местах, где спустились петли.

Спицы были воткнуты в сорочье гнездо, что лепилось под стрехой амбара. Они блестели и сверкали на солнце.

ГЛАВА 3

Она сказала ему: пойти пойду с тобою; только не тебе уже будет слава на сем пути, в который ты идешь; но в руки женщины предаст Господь Сисару.

Книга Судей Израилевых, 4:9

Иаков Грёнэльв из Рейнснеса был близким другом ленсмана. Зимой они вместе ходили на охоту, летом уплывали в Берген.

Больше двадцати лет назад Иаков приехал сюда из Трондхейма, чтобы помочь вдове из Рейнснеса управляться с ее судами.

Рейнснес уже тогда был одним из самых богатых торговых местечек в округе. У вдовы было два хороших карбаса.

Вскоре после приезда Иаков перебрался в залу на втором этаже. Ингеборг вышла замуж за своего молодого шкипера.

И сделала хороший выбор. Иаков Грёнэльв оказался смышленым молодым человеком. Женившись на Ингеборг, он ходатайствовал о разрешении открыть постоялый двор. И получил его, к зависти некоторых.

Об Ингеборг Грёнэльв ходило много историй. Да и о фру Карен, матери Иакова, тоже. Женщины в Рейнснесе всегда были ярче мужчин. И помнили их дольше, чем мужчин, даже спустя несколько поколений.

Любого приезжего в Рейнснесе тут же сажали за стол, к какому бы сословию он ни принадлежал.

Если у женщин Рейнснеса и был какой недостаток, так разве тот, что они рожали не ежегодно. Зато они долго оставались моложавыми и кожа у них была гладкая и румяная.

Казалось, юго-западный ветер и безбрежное западное море смывают с

них все морщины и старость. Но что-то, верно, было и в самом Рейнснесе. Там редко случались наследники. Он постоянно переходил во владение к другому роду.

Иаков Грёнэльв был человек работящий, но и погулять был не прочь. Он успел многое повидать и принес с собой дыхание большого мира. Женившись на Ингеборг, которая была на пятнадцать лет старше, он женился и на ее состоянии. И приумножил его.

Ингеборг было за сорок, когда в Рейнснесе появился Иаков, и потому никто не думал, что у них может родиться наследник.

Однако все просчитались.

Ингеборг, которая с прежним мужем была бесплодной, вдруг понесла.

Точь-в-точь как Сарра из Ветхого Завета. Ингеборг понесла уже в преклонном возрасте. Ей было за сорок, когда она родила сына. Его назвали Юханом в память об отце Иакова.

Фру Карен, мать Иакова, приехала из Трондхейма, чтобы посмотреть на внука. Вскоре она отправила в Трондхейм работника за своими книжными шкафами, качалкой и осталась в Рейнснесе.

Она оказалась самой уживчивой свекровью, какие только бывают на свете. Господство женщин в Рейнснесе вступило в новый период. Мягкий и благодатный для всех. Слуги и работники исправно трудились в мире и согласии. Работать в Рейнснесе почиталось у всех за счастье. У Ингеборг было два приемных сына, с которыми могли бы возникнуть трудности после ее нового замужества. Однако оба они были уже взрослые и сами зарабатывали себе на хлеб. Старший, темноволосый Нильс, верховодил в лавке. Беспокойный и светловолосый Андерс плавал на одном из карбасов.

Ингеборг вела дела и распределяла обязанности так, чтобы никого не обидеть.

Иаков, как супруг и повелитель, обладал равными с ней юридическими правами, однако на деле всем заправляла и все решала одна Ингеборг. Правда, она часто спрашивала у Иакова совета. И случалось, следовала ему.

Иаков был чужаком в этих краях, но никому до этого не было дела. Как и до того, что он любил ежегодно ходить с карбасами в Берген. Он вообще предпочитал бывать в отъезде, это считалось в порядке вещей.

Никто не слышал, чтобы супруги когда-нибудь были не согласны друг с другом. Каждый из них занимался своим делом.

Жизнью Иакова были карбасы. И Андерс всему учился у него.

Так получилось, что Иаков и Ингеборг как бы разделили между собой

приемных сыновей. Труд и долг были для всех неписаным законом. Все помыслы людей были сосредоточены на процветании Рейнснеса. Все остальное исключалось.

Хрустальные подвески на люстре никогда не звенели здесь от громких ссор и скандалов. Голоса всегда звучали негромко и сдержанно.

Ингеборг заражала своей сдержанностью всех, даже конюхов и работников, что трудились в морских пакгаузах и лодочных сараях. Брани здесь никогда не было слышно.

Иаков позволял себе браниться и чертыхаться только в море. Когда же у него под ногами была твердая почва Рейнснеса, все морские привычки с него как ветром сдувало.

Он подтягивался и приводил себя в порядок, перед тем как ложился спать с Ингеборг. И внешне и внутренне. И она всегда принимала его.

Если же ему случалось утолять голод на каких-нибудь постоялых дворах по пути своего плавания, он предпочитал немолодых женщин. И всегда радовался возвращению домой, радовался высокой кровати с белым пологом.

Люди замечали, что, когда карбас Иакова входил в гавань, веснушчатое лицо Ингеборг заливала легкая краска. Краска держалась неделями. До следующего отъезда Иакова.

Вечера при нем начинались раньше, а утро — позже. Но новый ритм жизни устраивал всех. Удлиненных ночей хватало на все.

Иаков Грёнэльв был преданным другом. Ленсман, впрочем, тоже.

Когда ленсман овдовел, Иаков как мог утешал его. Свел с приятными людьми в Трондхейме и Бергене. Познакомил с Дагни.

В их отношениях всегда царил лад. Это одинаково касалось и дела и женщин. Было время, когда они по очереди наведывались в Хельгеланде в одну и ту же спальню, что отнюдь не нарушало согласия между ними.

Ингеборг умерла в одночасье — наклонилась в саду под лиственницей, чтобы погладить черную кошку. Упала на землю, точно яблоко, и ее не стало.

Никто не думал, что Ингеборг когда-нибудь умрет, несмотря на то что смерть время от времени посещает все дома. Во всяком случае, никто не думал, что Господь откажет ей в счастье увидеть сына посвященным в пасторский сан! Ей, всегда защищавшей любое богоугодное дело в своей округе и горой встававшей на защиту других.

После смерти Ингеборг и лиственница, и черная кошка стали считаться священными.

Иаков был безутешен. Как и многие, неожиданно потерявшие своих близких. Он понял, что любовь измерить нельзя — ни на весах, ни безменом. Она сваливается как снег на голову.

Осознал это Иаков, когда бодрствовал над телом Ингеборг. Он-то думал, что их брак лишь деловая сделка да постель. А оказалось, это гораздо больше.

Целый год Иаков терзался, исхудал и не мог спать оттого, что Ингеборг так и не узнала, как горячо он ее любил.

Он начал пренебрегать своими обязанностями и пил водки больше, чем продавал. Из-за этого он не только лишился дохода, но стал также вялым и равнодушным.

У сообразительных приемных сыновей появилось много новых забот, зато к ним перешла и часть власти.

Не будь Иаков так красив, он вызывал бы к себе отвращение и у домашних, и у посторонних.

Иаков обладал неотразимой мужской притягательностью. И она пленяла всех, как когда-то пленила Ингеборг.

Однако Иаков в душе всегда был бродягой и моряком. Ум и деловую смекалку Ингеборг все оценили только после ее смерти.

Приемные сыновья трудились не покладая рук. Но они быстро поняли, что им следует либо полностью взять на себя бразды правления, либо отправить Иакова на промысел, — пусть там занимается сделками, там он будет на своем месте. Иначе Рейнснес ждет неминуемый крах.

Иакову прощали все. Его защищали и оправдывали. Даже когда он вытащил в сад кровать с пологом.

Он изрядно выпил и особенно остро переживал отсутствие Ингеборг. Почему-то он решил, что в саду он будет ближе к ней. Во всяком случае, ему будут видны небеса, где она теперь пребывает.

Но небеса не были благосклонны к Иакову. Начался ливень. Гром и молнии покарали несчастного вдовца в его кровати с пологом.

Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы разобрать кровать, втащить ее в дом и собрать снова.

Еще хорошо, что он не успел повесить на кровать полог, пока она стояла в саду. Дождь достаточно попортил дерево. А для шелка он оказался бы роковым.

Но Иаков протрезвел. И это тоже было чудо.

ГЛАВА 4

И пришли те два Ангела в Содом вечером, когда Лот сидел у ворот Содома. Лот приветливо встретил их и привел в свой дом. Но жители Содома окружили дом Лота. Они вызвали Лота и требовали вывести к ним пришедших к нему людей, ибо хотели познать их.

Лот вышел к ним ко входу и запер за собою дверь. И сказал: братья мои, не делайте зла. Вот у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно; только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего [6]

Бытие. Глава 19

Когда ленсман узнал о случае с кроватью, он пригласил своего друга в Фагернессет на охоту, игру в карты и пунш.

Иаков прибыл на белом карбасе с казенкой и голубыми поручнями.

Уже чувствовалось приближение осени, но днем было еще тепло. В горах видели куропаток. Пестрых, как и положено в это время года. Но поскольку снега еще не было, хорошей охоты не ждали.

Однако человек, как говорится, полагает…

Встреча была шумной и сердечной.

Иаков восхищался платьем Дагни, ее прической, фигурой и вышивкой. Расхваливал еду, ликер, теплую печь, гостеприимство. Он курил сигары и не досаждал никому разговорами о себе и своих несчастьях.

После обеда Дагни осталась с мужчинами и весело рассказывала об одном шведе, который прожил у них неделю. Он бродил вокруг и изучал птиц — непонятно, кому это нужно.

— Если не ошибаюсь, у вас в прошлом году была в доме дикая птичка? — неосторожно весело спросил Иаков.

Хозяева забеспокоились.

— Она в конюшне, — ответил наконец ленсман.

— Она и в прошлый раз была в конюшне, — захохотал Иаков.

— Никак не повзрослеет, — пожаловалась Дагни.

— Так ведь она вроде не маленькая? Я же ее видел, — заметил Иаков.

— Не в этом дело, — вздохнул ленсман. — Она стала еще более дикой и своенравной, чем раньше. Ей пятнадцать, и надо бы отдать ее в школу или на воспитание в хорошую семью. Но все не так просто…

Иаков хотел сказать, что, должно быть, не сладко остаться в детстве без матери, но сдержался. Это было бы не к месту.

— Разве она не обедает вместе со всеми? — удивился он, глянув в столовую, где служанки уже убрали со стола.

— Она ест на кухне, — смущенно признался ленсман.

— На кухне?!

— Она всегда вносит такой беспорядок. — Дагни кашлянула.

— Просто ей там больше нравится, — быстро сказал ленсман.

Иаков переводил взгляд с одного на другого. Ленсман сидел как на иголках. Они переменили тему разговора, но настроение было уже испорчено.

Господин Лорк молчал. Он обладал даром становиться невидимым, словно его здесь не было. Иногда это было удобно, иногда раздражало.

В тот вечер это заставило ленсмана покрыться холодным потом.

На рассвете Иаков и ленсман отправились на охоту. Дагни угрозами заставила Дину надеть приличное платье и после обеда сыграть им на виолончели. По той или иной причине, и, уж конечно, не без содействия господина Лорка, Дина согласилась. Несмотря на то что распоряжение исходило от Дагни.

Дина согласилась даже обедать вместе со всеми. Мужчины были в превосходном настроении и отдали должное жаркому из баранины. Подали вино. Все смеялись и болтали.

Господин Лорк не вмешивался в беседу на мужские темы. Охота его не интересовала, но он был человек воспитанный и умел слушать.

Мужчины долго разглагольствовали о прелестях охоты. Потом заговорили о том, что тяжелые времена для севера как будто миновали. Вяленая рыба снова поднялась в цене. А штраф за браконьерство вырос до двух талеров за десять дюжин.

Ленсман считал, что вяление рыбы переживает расцвет. Чтобы пластать треску, он собирался расчистить склоны до самой пустоши. Вереск там был такой чахлый, что с ним справились бы и ребятишки. Он и наймет ребятишек, если решит заняться этим делом. Иаков вялением рыбы не

занимался.

— А почему? В Рейнснесе такие удобные скалы! И так близко!

— Наверное, ты прав, но тогда придется нанимать людей, — равнодушно сказал Иаков.

Это занятие его явно не интересовало.

— Другое дело — морская торговля и фрахт, — сказал он.

— Но если ты будешь продавать собственный товар, а не купленный, заработаешь гораздо больше.

Дина слушала разговор, наблюдая за выражением лиц, за голосами. О чем они говорили, было не так важно.

Она сидела напротив Иакова и без стеснения разглядывала этого «старого вдовца». Однако в тот день она не чавкала за столом и вела себя вполне пристойно.

Ее пышное молодое тело было упрятано в лиф и длинную юбку.

— А вы поседели, господин Грёнэльв! — вдруг громко сказала она.

Иаков был явно смущен, но засмеялся.

— Дина! — строго одернула ее Дагни.

— А чем плохи седые волосы? — упрямо спросила Дина.

Ленсман, понимая, что сейчас может начаться перепалка, быстро приказал дочери принести виолончель, хотя сладкого еще не подавали.

К его удивлению, Дина беспрекословно повиновалась.

Господин Лорк тут же вскочил и сел к пианино. Он весь склонился над клавишами, пока Дина поудобнее устраивалась на стуле.

Она широко раздвинула нога, расправила зеленую бархатную юбку с каймой и поставила виолончель между коленями. Поза была далеко не женственная. Неизящная и даже непристойная. Тяжелая чувственность наполнила комнату.

Глаза у Иакова затуманились.

Когда Дина нагнулась к инструменту со смычком в руке, взору его открылась ее полная молодая грудь.

Лицо Дины под копной темных непокорных волос вдруг сделалось спокойным. По случаю приезда гостя волосы у нее были расчесаны и в них не торчали стебельки сена. Большой чувственный рот слегка приоткрылся. Глаза никого не замечали. Взгляд стал тяжелым.

Вот Дина нагнулась, и полились первые звуки — Иакова как будто ударили ногой в живот. Он знал, что это означает. Такое с ним уже случалось. Правда, теперь это ощущение было гораздо острее. Может, потому, что все произошло слишком неожиданно.

Голова Иакова вдруг превратилась в гнездо ласточки, в котором музыка

перебила все яйца. Желток и белок текли у него по щекам и по шее. Он невольно опустил голову и погасил сигару.

Оказалось, что под платьем Дины скрывается тело молодой женщины. Наверное, эта женщина не всегда удовлетворяла требования господина Лорка своим исполнением Шуберта, об этом Иаков не думал. Он видел лишь ткань юбки, дрожавшую в такт музыке на пышных бедрах Дины.

Иаков был струнами под ее пальцами. Смычком в ее мягкой, сильной руке. Дыханием, поднимавшим и опускавшим ее грудь.

Он и сам поднимался и опускался вместе с нею.

Всю ночь Иаков Грёнэльв ворочался без сна с боку на бок. Еще немного, и он выбежал бы голый во двор, чтобы первые ночные заморозки остудили его пыл.

Через дверь от него спала Дина. Он мысленно раздевал ее, дрожа от охватившей его страсти. Задохнулся, представив себе ее полные молодые груди. Гостеприимно раздвинутые колени с полированной виолончелью между ними.

Иаков Грёнэльв с трудом дождался утра.

Утром он уезжал.

Карбас с казенкой уже ждал его. Иаков отвел ленсмана в сторону, глаза у него были стеклянные.

— Я должен получить ее!.. Дину… Она должна стать моей женой!

Последние слова прозвучали так, будто Иаков только что сообразил — другого выхода нет!

Он так волновался, что забыл все приличествующие случаю слова. Заикался и не понимал, что говорит. Заранее приготовленная речь куда-то испарилась.

Но ленсман его понял.

Когда карбас Иакова отошел от берега, начался снегопад. Легкий первый снег опускался на землю.

На другой день Дину позвали в кабинет к ленсману, и он объявил ей, что Иаков Грёнэльв намерен сочетаться с ней браком, когда ей исполнится шестнадцать.

Дина стояла посреди кабинета в своих старых брюках из сермяги, широко расставив ноги. Вокруг башмаков уже образовались лужи из растаявшего снега, приправленные навозом и стебельками сена.

Когда ей передали приказание ленсмана явиться к нему, она сразу

подумала, что тут не обошлось без Дагни, — ведь Дина только что впустила в свинарник своего маленького единокровного брата.

Дина уже не смотрела на ленсмана снизу вверх, когда они стояли рядом. Теперь они были одного роста.

Она придирчиво оглядывала его, как будто решала, нужен ли ему новый жилет и сильно ли он облысел. За последнее время у ленсмана вырос живот — он любил вкусно поесть.

— Ты раздобрел, отец! Ишь какой стал толстый! — сказала Дина и хотела уйти.

— Ты слышала, что я тебе сказал?

— Нет!

— Иакову принадлежит лучшее торговое местечко во всей округе и два карбаса!

— Пусть подотрется своими карбасами!

— Дина! — взревел ленсман.

Эхо от его рева прокатилось по всему дому — от балки к балке, из комнаты в комнату.

Сперва ленсман пытался говорить мягко — он просто обсуждал деловое предложение. Но Динин лексикон конюха вывел его из себя.

Раздались звонкие пощечины.

Однако никто не видел, что пощечины летели с обеих сторон. Дина кинулась на отца после первого же удара. С яростью человека, которому нечего терять. И для которого не существовало никаких преград — ни страха, ни уважения.

Ленсман вышел из кабинета в разорванном жилете и с расцарапанным лицом. Он добрался до уборной, что стояла во дворе. Сердце его могло разорваться в любую минуту.

Дышал он громко, с трудом.

Ржание и стук копыт не принесли ему облегчения.

Не так-то просто быть отцом сатаны.

Ленсман не признался ни одной живой душе, что выросшая дочь изрядно поколотила его.

Оказалось, их силы были примерно равны. Недостаток силы Дина восполняла дерзкой находчивостью и ловкостью, ногтями и зубами.

Ленсман не мог взять в толк, в чем он провинился, что Господь так карает его. Подумать только, чтобы ребенок бил своего отца! Боже милостивый, что же это такое!

Первый раз кто-то осмелился поднять на ленсмана руку. Отец у него был властный, но любящий, к тому же он редко бывал дома, а мать дрожала над единственным сыном.

Ленсман никогда не отличался особой твердостью. Теперь он сидел в уборной и плакал.

Тем временем Дина неслась галопом через горы прямо в Рейнснес.

Она лишь приблизительно представляла себе, в какой стороне он находится.

В начале вечера она уже спускалась к усадьбе по крутому склону.

Дорога петляла между камнями, кустарником и зарослями можжевельника. Через бурную реку был перекинут мост. Кое-где дорога была обнесена каменной оградой, предохранявшей ее от весеннего паводка.

Нетрудно было понять, почему люди предпочитали попадать в Рейнснес морем. Склон был так крут, что сверху казалось, будто внизу нет ничего, кроме воды.

На другой стороне широкого пролива в небо упиралась темная горная гряда.

Но на западе море и небо дарили взгляду желанную свободу.

Когда Дина спустилась немного ниже, ей между густым березовым лесом и серым грохочущим морем открылись поля.

Небо и море сливались воедино — такого простора Дина еще не видела.

Выбравшись из последней расселины, она придержала лошадь.

Белый жилой дом, надворные постройки. Их было не меньше пятнадцати! Три пакгауза, два лодочных сарая. Рейнснес был гораздо больше, чем усадьба ленсмана!

Дина привязала лошадь к белому штакетнику и остановилась, заглядевшись на небольшой восьмиугольный домик с окнами из цветного стекла. Дикий виноград образовал арку над дверью, углы домика были покрыты затейливой резьбой.

Портал главного здания был украшен орнаментом из листьев. Широкая каменная лестница с коваными перилами и садовые скамейки по обе стороны двери были готовы принять Дину.

Все это показалось ей таким роскошным, что она предпочла воспользоваться черным ходом.

У застенчивой и испуганной служанки Дина спросила, дома ли Иаков Грёнэльв.

Иаков дремал в большом кресле-рококо возле кафельной печи в курительной комнате. Жилет был расстегнут, манишка отсутствовала. Непричесанные седые вьющиеся волосы почти скрывали лицо. Усы обвисли.

Но он даже не вспомнил об этом, увидев в дверях Дину.

Она как будто явилась из его безумной мечты. Правда, без виолончели и лифа. Иаков был так полон ею, что не сразу сообразил, что видит ее наяву.

Шея и уши у него медленно налились краской. Волнение, вызванное ее появлением, оказалось слишком сильным.

Первым его желанием — правда, он еще не окончательно проснулся — было повалить ее на пол. Здесь, сию же минуту.

Но Иаков требовал соблюдения приличий, в том числе и от себя самого. Кроме того, сюда в любую минуту могла зайти матушка Карен.

— Папаша говорит, что мы с тобой должны пожениться! — не здороваясь, выпалила Дина. Потом стянула с себя серую овчинную шапку так, словно была простым работником. — Только из этого ничего не выйдет! — прибавила она.

— Может, ты сначала сядешь? — Иаков встал.

Ох уж этот ленсман! Небось до смерти напугал девчонку своей строгостью.

Иакова охватило раскаяние. Нужно было предупредить ленсмана, что он сам сначала поговорит с Диной.

Но это свалилось на него так неожиданно. Он уже сам себя не помнил.

— Не совсем так. Твой отец, наверное, хотел сказать, что я просил бы тебя выйти за меня замуж.

На лице у нее вдруг мелькнула неуверенность. Что-то похожее на обычное старомодное любопытство.

Иаков до сих пор не видел ничего подобного. Его охватило желание, он почувствовал себя молодым. Он снова показал ей рукой на кресло, в котором только что сидел сам. Помог снять куртку. От Дины пахло потом и вереском. У корней волос и на верхней губе выступила испарина.

Иаков подавил вздох.

Потом распорядился, чтобы им подали кофе с печеньем и больше не беспокоили.

С напускным равнодушием, словно беседовал с обычным торговым партнером, он взял стул и сел напротив нее. Он выжидал. И все время старался смотреть ей в глаза.

Этим приемом Иаков пользовался и раньше. Но с тех пор как он

посватался к Ингеборг, его ставка никогда не была так высока.

Дина пила кофе, громко прихлебывая. Сердитые складки между бровями у нее еще не разгладились.

Она расстегнула верхние пуговицы на вязаном жакете, и тесная блузка не могла удержать на месте ни ее груди, ни его взгляд.

Верный сыновнему долгу, Иаков послал служанку за матушкой Карен и представил ей Дину. Дочь ленсмана. Она бесстрашно прискакала через горы с наказом от своего отца.

Матушка Карен поглядела на Дину через пенсне и пелену доброжелательности. Она всплеснула руками и распорядилась тут же приготовить для гостьи лучшую комнату. Теплая вода, чистые простыни…

Иаков предложил показать Дине свое хозяйство. Ему не хотелось делить ее ни с кем.

Он не спускал с нее глаз. Говорил тихо и проникновенно. Показывал все, что хотел бы отдать ей.

— Вороного коня?

— Да!

Иаков показал ей конюшню. Морские пакгаузы. Лавку. Дина сосчитала деревья в аллее.

Наконец она рассмеялась.

Рано утром работник отправился через горы с лошадью Дины.

Прежде чем Иаков спустил на воду карбас с казенкой, чтобы отвезти Дину домой, они ударили по рукам. Они поженятся.

В усадьбе у ленсмана царил переполох. Никто не знал, куда подевалась Дина.

Ее искали и пешком, и на лошадях. Наконец из Рейнснеса явился работник с лошадью, у ленсмана от облегчения и бешенства на губах выступила пена.

Но когда прибыл карбас и Дина спрыгнула на причал с канатом в руке, он был уже совершенно спокоен.

Я Дина. В Рейнснесе море и небеса сливаются воедино. На аллее, что ведет от лавки к усадьбе, с каждой стороны растет по двенадцать больших рябин. В саду растет высокая бузина, на нее можно залезть. Там есть черная кошка. И четыре лошади. В Рейнснесе есть Ертрюд. Под вечно высокой крышей прачечной.

Ветер. Там всегда дует ветер.

Свадьба должна была состояться в мае, до того как карбасы уйдут на юг, в Берген.

В усадьбе у ленсмана приданое складывали в сундуки и укладки. Упаковывали, распределяли. Шили, вязали и плели кружева.

Дина почти все время проводила в хлеву и в конюшне, словно все это ее не касалось.

Ее волосы впитывали тяжелый дух домашних животных. По этому запаху ее можно было узнать издалека. Она заслонялась им как щитом.

Все увещевания Дагни, что от будущей хозяйки Рейнснеса не должно пахнуть хлевом, испарялись, как дождь на нагретых солнцем камнях.

Дагни по-матерински уединилась с Диной, дабы посвятить ее в то, из чего складывается жизнь замужней женщины. Сперва она осторожно заговорила о месячных. О счастье и обязанностях жены и матери.

Но Дина не проявила к этому никакого любопытства и держалась почти надменно. У Дагни появилось неприятное чувство, что падчерица украдкой наблюдает за ней и что она знает о воспроизводстве жизни больше, чем сама Дагни.

Глядя, как Дина задирает юбку и залезает на большую березу за амбаром, Дагни только диву давалась, что такая необъяснимая ребячливость сочетается в этой пятнадцатилетней девочке с острым и ядовитым умом.

В Дине отсутствовало всякое кокетство, ее совершенно не заботило, какое впечатление она производит на окружающих. Ее поведение и жесты были естественны, как у шестилетнего ребенка. Она не стеснялась ни своей одежды, ни слов.

Дагни прекрасно понимала, что выдать замуж такое создание — дело непростое. И, по правде говоря, не знала, кому из них придется хуже — Дине или Иакову.

Она испытывала определенное злорадство. И с нетерпением ждала, когда усадьба наконец будет принадлежать только ей. Наступит покой, не будет вражды, не надо будет все время быть начеку, как все эти годы, пока сумасбродная девчонка жила дома.

Свою радость, что она скоро отделается от Дины, Дагни прятала за спешкой и заботами. И чисто по-женски проникалась состраданием к самой себе.

С того дня как Иаков привез Дину домой на своем карбасе, ленсман

пребывал в отличнейшем расположении духа. Как он говорил: все обернулось благословением Божьим.

Он не уставал называть замужество Дины благословением Божьим. И ему не приходило в голову, что им руководят личные интересы, а не забота о дочери. Ведь он отдавал ее за хорошего человека.

Правда, иногда его все-таки тревожила мысль, что, выдавая Дину за своего лучшего друга, он оказывает тому медвежью услугу. Не все было так просто. Иаков был слишком хорош… Но ведь он сам добивался этого брака, значит, должен мириться со всеми последствиями…

Бессознательно ленсман радовался, что Рейнснес отделен от Фагернессета горами и пустошами.

Господина Лорка отправили на юг, в Копенгаген. За счет ленсмана. Ленсман недвусмысленно дал ему понять, что больше в нем не нуждается. Об этом было сказано в прощальном письме.

Дина взорвалась от ярости и всадила нож в отцовский ломберный столик времен Людовика XVI, но это не помогло. Ленсман бранился, однако не ударил ее.

За те годы, что господин Лорк учил Дину, она весьма преуспела в занятиях музыкой, научилась играть на виолончели и пианино. «Ее игра на пианино не совсем отвечает ее музыкальным способностям. Но виолончелью она, для любителя, владеет в высшей степени удовлетворительно» — было написано в отчете, который господин Лорк представил ленсману.

При необходимости этот документ можно было предъявить в качестве аттестата. Кроме того, Дина получила вполне приличные знания по истории, как новейшей, так и древней. В определенной степени изучила немецкий, английский и латынь. Но никакого интереса эти предметы у нее не вызвали. Зато она проявила замечательные способности к счету. Без малейших трудностей она складывает и вычитает в уме пяти — и шестизначные числа, а также умножает и делит. Об успехах Дины в чтении было написано немного. Дина не проявила склонности к такого рода занятию. Больше всего ей было по душе то, что требовало сообразительности.

Однако Ветхий Завет она знает почти наизусть, прибавил господин Лорк в виде смягчающего обстоятельства.

Несколько раз он напоминал ленсману, что Дине, возможно, требуются очки. Она неестественно щурится всякий раз, когда открывает книгу или

хочет разглядеть что-то вблизи.

По той или иной причине ленсман забыл об этом. Молодая девушка в пенсне — это было бы просто смешно!

Когда господин Лорк уехал вместе со своей виолончелью, тщательно завернутой в ватное одеяло, и своими скромными пожитками, уложенными в фибровый чемодан, жизнь в усадьбе ленсмана сразу сделалась бледной и бесцветной.

Этот усохший, тихий человек обладал множеством мелких достоинств, которых никто не замечал, пока он жил здесь. Но стоило ему уехать — и они стали очевидными.

Дина три дня не являлась домой. Она дневала и ночевала в конюшне. За это время она еще вытянулась. Похудела, черты лица заострились. Словно господин Лорк был последним близким человеком, которого она лишилась.

Она не желала говорить даже с Фомой. Не замечала его, как не замечают навоз, приставший к старой овчине.

Но Дагни было спокойнее без Дины, и потому никто не бранил Дину за отсутствие.

Иногда в дверях появлялась кухарка и манила Дину к себе. Словно бродячую собачонку. Правда, приманить Дину было гораздо труднее.

Дина, как волк, рыскала по окрестностям. Она заклинала господина Лорка не покидать ее. И он был с нею. В ее дыхании. В нежных мелодиях. Везде.

Я Дина. Когда я играю на виолончели, Лорк в Копенгагене слышит меня. Его уши слышат всю музыку. Он понимает все музыкальные звуки в мире. Лучше Самого Господа Бога. Большой палец у Лорка плоский и изогнутый оттого, что он всегда лежит на струнах. Его музыка осталась в наших стенах. Только ее надо выпустить.

— Что можно сделать с человеком, если он не боится никакого наказания? — спросил ленсман у пробста, у которого должна была конфирмоваться Дина.

— У Господа Свои методы, — многозначительно ответил пробст. — Но они недоступны отцу земному.

— Но вы-то, господин пробст, понимаете, как это трудно?

— Дина своенравный ребенок и своенравная девушка. Когда-нибудь ей еще придется раскаяться в этом.

— Но ведь в душе у нее нет зла?

— Судить будет Господь, — коротко ответил пробст. Он готовил Дину к конфирмации, и ему не хотелось углубляться в эту тему.

В 1841 году Дина конфирмовалась. Все прошло благополучно, хотя ее и не просили подсчитать чистую прибыль, которую получал от торговли ленсман.

После этого, весной, должна была состояться ее свадьба.

ГЛАВА 5

Благоразумный видит беду, и укрывается; а неопытные идут вперед, и наказываются.

Книга Притчей Соломоновых, 22:3

Свадьба Дины и Иакова состоялась в конце мая. Дине только что исполнилось шестнадцать.

Из Фагернессета в церковь ее доставили на лодке с навесом, украшенной зелеными ветками. Сверкало солнце, море было как стеклышко. И все-таки она зябко поеживалась, сидя в волчьей шубе, которую ленсман выменял у русских.

В церкви на Дину надели подвенечное платье Ертрюд из белого муслина, отделанное узким кружевом. На подоле юбки было четыре широкие складки. Лиф был задрапирован кружевами, выложенными на груди в форме сердца. Тонкие, прозрачные, как паутина, рукава были собраны в буфы.

От платья пахло камфарой, которую употребляли против моли, и затхлостью сундука, хотя оно было тщательно выстирано и проветрено. Сидело оно на Дине как влитое.

Несмотря на подвенечное платье, на то, что сундуки и укладки уже были отправлены в Рейнснес, Дина, казалось, принимала все за игру.

Она махала руками, потягивалась и смеялась над женщинами, хлопотавшими вокруг нее. Совсем как в тот раз, когда они с господином Лорком устраивали представление с гипсовыми масками и придуманными заранее репликами.

Тело Дины было похоже на тело большого, сильного животного. Но за день до свадьбы она залезла на свою любимую березу и долго сидела на ней. Колени она ободрала о камни, когда упала, собирая яйца чаек.

Жених прибыл на большом карбасе с пышной свитой.

Несмотря на свои сорок восемь лет и седую бороду, Иаков выглядел моложе ленсмана, хотя на самом деле был старше его. Ленсман рано растолстел от обильной пищи и пунша. Иаков же пока еще был довольно строен и подтянут.

Было решено, что свадьба состоится в Рейнснесе. Рейнснес лежал ближе к церкви, да и места для гостей там было больше. Не считая того, что там была лучшая во всей округе кухарка — Олине.

Свадьба удалась на славу.

После обеда жених решил показать невесте верхнюю часть дома. Залу, где стояла кровать с пышным пологом. По приказанию Иакова был изготовлен новый полог. Штофные обои над деревянными панелями тоже были новые. Дина должна была наконец увидеть все комнаты и книжные шкафы с застекленными дверцами. Они открывались ключом, который прятали в китайской вазе, стоявшей на секретере. Шкафы с полотняным бельем, что стояли на втором этаже. Чучело самца куропатки, подстреленного Иаковом. Чучело было изготовлено в Копенгагене, матушка Карен привезла его в Рейнснес в картонке из-под шляп. Но главное — это зала и кровать с пологом. Дрожащей рукой Иаков повернул в замке ключ. Потом, улыбаясь, подошел к Дине и подвел ее к кровати.

Он давно был одержим Диной. Желанием обладать ею.

Иаков рванул крючки на подвенечном платье.

Тяжело дыша и сопя, он бессвязно бормотал, что она самая красивая женщина из всех, каких он видел.

Сперва Дина как будто проявила некоторое любопытство. Или просто хотела уберечь платье Ертрюд от нетерпеливых рук Иакова. Так или иначе, платье было снято.

Но вдруг Дина обнаружила противоречие в словах и действиях Иакова.

Она всадила в него ногти. Носки ее шелковых туфелек были обиты медью. Просто чудо, что после ее удара Иаков не остался искалеченным на всю жизнь.

— Ты хуже жеребца! — всхлипнула она, размазывая по лицу слезы и сопли.

Видно, о жеребцах она знала все.

Дина была уже у двери, когда Иаков сообразил, что у нее на уме. Его страсть как ветром сдуло, едва он понял, какое представление гостям она сейчас устроит.

Некоторое время они, задыхаясь, боролись друг с другом.

Он силой натянул на Дину панталоны, которые сам же, потратив не меньше усилий, сдернул с нее. Завязки на панталонах с одной стороны были оторваны. Руки плохо слушались Иакова.

И все-таки Господь не пощадил его. Дина вырвалась у него из рук и убежала вниз. К ленсману и остальным гостям. На ней не было ничего, кроме нижнего белья, туфелек и чулок.

Иаков впервые понял, что Дина не знает удержу. И не боится людского суда. Она мгновенно принимала решения и действовала. А главное, не задумываясь отвечала ударом на удар.

Он мигом протрезвел. Из-за нее он на собственной свадьбе будет выглядеть чуть ли не преступником.

Дина с грохотом скатилась с лестницы. В одних панталонах она промчалась по комнатам на глазах у всех тридцати испуганных гостей.

Она вырвала из руки ленсмана стакан с пуншем, забрызгав всех вокруг. Потом плюхнулась к нему на колени и громко, так чтобы все слышали, объявила:

— Довольно! Едем домой, в Фагернессет!

Сердце ленсмана замерло и пропустило несколько ударов. Потом он попросил служанку позаботиться, чтобы невеста оделась подобающим ее положению образом.

Он рассердился на Иакова, поняв, что тот в своем нетерпении не дождался ночи, когда гости разойдутся на покой. Рассердился на Дагни, которая не предупредила девчонку о том, что ее ждет. А ведь обещала, и он рассердился на самого себя за то, что не предусмотрел поведения Дины. Теперь было уже поздно.

Ленсман довольно грубо смахнул Дину с колен, поправил манишку и галстук. И то и другое было бесповоротно испорчено пуншем.

Дина стояла как загнанное животное, глаза у нее дико блуждали. Наконец она убежала в сад. Ловко, точно рысь, залезла на бузину, что росла возле беседки.

И уселась там.

Дагни рыдала не таясь. Гости застыли в тех позах, в каких их застала влетевшая в комнаты Дина. Они как будто забыли, что им дан дар речи. Слава Богу, пробст уже уехал домой. Он ничего не видел и не слышал.

Ленсман единственный оказался в состоянии предпринять какие-либо практические действия. Он вышел в сад и разразился бранью под деревом, на котором сидело существо в белом белье.

То, что должно было стать его гордостью и триумфом — свадьба дочери с лучшим другом, — превратилось в кошмарный сон.

Через некоторое время в саду под деревом собрались гости и прислуга. Последним спустился вниз жених и хозяин Рейнснеса.

Кое-что он уже видел из окон залы, спрятавшись за занавеску.

Надо признать, что краска стыда залила его лицо. Посрамленный в своем мужском достоинстве, он встретил на лестнице огорченный взгляд матушки Карен.

Она не присоединилась к действу, устроенному под деревом, и направлялась наверх за сыном.

Иаков оглядел собрание под бузиной. Дина казалась большой белой птицей с черными висящими перьями.

Он остановился на крыльце с коваными перилами и наблюдал картину, подобной которой никогда не видал. Беспокойно толпившиеся люди. Кричащий и размахивающий руками ленсман. Лучи вечернего солнца, пронизывающего густую листву. Ромашки на клумбе, сделанной в форме сердца. Девушка на дереве. У нее был такой вид, будто она просидела там тысячу лет и намерена просидеть еще столько же. Она смотрела вниз, на людей, точно это были надоедливые муравьи. Иаков захохотал.

Не переставая смеяться, он принес из хлева лестницу и велел всем идти в дом. Ему надо остаться с Диной наедине. Он даже забыл о своем позоре, пока, посмеиваясь, ждал, чтобы последний гость скрылся за дверью.

Тогда он приставил лестницу к дереву и влез на нее.

— Дина! — позвал он, стараясь сдержать рвущийся из него смех. — Спустись, пожалуйста, и прости меня, глупого козла! Я отнесу тебя в дом на руках так осторожно, словно ты — Библия.

— Вонючий пес! — прошипела сверху невеста.

— Да, да! Ты права!

— Почему ты вел себя как жеребец?

— Я не мог удержаться. Теперь все будет иначе.

— Я тебе не верю!

— Клянусь!

— В чем клянешься?

— В том, что никогда больше не брошусь на тебя как жеребец.

Она всхлипнула. Стало совсем тихо.

— А свидетели у тебя есть?

— Клянусь Богом на небесах! — быстро ответил Иаков, испугавшись, что дочь ленсмана потребует живых свидетелей.

— Клянешься?

— Да! И я умру, если нарушу свою клятву!

— Ты так говоришь, только чтобы я спустилась. — Да. Но…

Дина наклонилась, и ее груди чуть не вывалились из рубашки. Темные волосы, как заросли ламинарии, заслонили от него небо.

Иаков вдруг подумал, что, наверное, он слишком стар для невесты, которая лазит по деревьям. Что ему потребуется больше физических сил, чем у него есть. Но он не мог задумываться над этим. Сейчас ему было не до того.

— Отойди, чтобы я могла спуститься! — приказала Дина.

Он спустился на землю и держал лестницу, пока спускалась она. Закрыв глаза, он упивался ее запахом, когда она скользила мимо него. Совсем близко.

Иаков оказался посмешищем. И Господа Бога, и гостей. Остаток вечера он довольствовался только запахом Дины. И тем не менее чувствовал себя Божьим избранником. Он понимал, что к ней надо приближаться медленно, а то она снова убежит на дерево.

Ленсман так ничего и не понял. Он только удивился, что его друг, оказывается, хуже разбирался в женщинах, чем в торговых сделках. Он принял эпизод близко к сердцу и счел его оскорбительным для собственного достоинства.

Матушке Карен случившееся, напротив, дало пищу для размышлений. Она с тревогой думала, что эта своенравная девочка получит все ключи и будет распоряжаться хозяйством Иакова.

Вместе с тем что-то в Дине тронуло матушку Карен. Ее заинтересовала эта девушка, о которой она слышала столько странных историй. Как могло случиться, чтобы девушка из хорошей семьи совершенно не умела вести себя? И не имела ни малейшего понятия о приличиях?

Матушка Карен считала, что Иаков наживет себе неприятности своей необдуманной женитьбой. Но вслух она ничего не сказала.

Юхану Грёнэльву было двадцать. Он приехал из Копенгагена на свадьбу отца. Все это время он сидел в углу и разглядывал трещину в половице.

Иаков сдержал слово. Он приближался к Дине с большой осторожностью. Они должны были спать в зале на кровати с пологом. Все было готово. Нижние и верхние простыни отбеливались на апрельском снегу. Их кипятили в щелоке, полоскали и сушили на майском солнце. Прокатали вальком и сложили ровными стопками, проложив мешочками с розовыми лепестками, в большой бельевой шкаф, что стоял на втором этаже в ожидании невесты.

Иаков пустил в ход всю свою изобретательность. Он прикасался к Дине словно к пушинке. Первым делом он снял с нее туфли, болезненный удар которых уже испытал на себе в этот вечер.

Слабая боль еще чувствовалась в той части тела, о которой не принято говорить в обществе. Удушливая дурнота, охватившая его, когда туфелька Дины попала в цель, время от времени снова накатывала на него.

Дина сидела на широкой высокой кровати и смотрела на Иакова,

опираясь на отставленные назад руки. Она внимательно наблюдала за ним, и в конце концов он смутился. Он не мог припомнить, когда последний раз женщина привела его в замешательство.

Стоя перед Диной на коленях и снимая с нее туфли, Иаков и веселил ее, и прислуживал ей. Он почувствовал унижение от того, что его сердце подпрыгнуло, когда она пошевелила ступней, помогая ему снять туфлю.

А ведь ему предстоит поставить ее на ноги, чтобы снять платье, — это было ужасно.

Шторы были лишь приспущены, в комнате было слишком светло. Иаков видел ее серые настороженные, посаженные чуть раскосо глаза. Как внимательно она следила за каждым его движением!

Он кашлянул. Ему казалось, что она ждет от него каких-то слов. А он не привык разговаривать с женщинами в постели.

Если бы еще в комнате было по-зимнему темно, а тут этот проклятый свет! Иаков чувствовал себя раздетым и выставленным напоказ перед этим хрустально-ясным взглядом.

Сорокавосьмилетнее тело и небольшое, но все-таки заметное брюшко смущали Иакова, словно ему было шестнадцать.

Глубокие морщины, оставленные последними годами вдовства с их огорчениями и невзгодами. Седина. Он не понимал, как ему следует вести себя.

Иаков вдруг вспомнил, что Дина обратила внимание на его седину в тот раз, когда он был у ленсмана и впервые увидел ее с виолончелью между колен.

Он растерялся. И спрятал голову в коленях у Дины. Изнывая от желания и стыда.

— Что с тобой? — спросила она и отодвинулась. Иаков не шевелился.

— Не знаю, что дальше делать, — признался он наконец.

— Ты же начал раздевать меня. Снял туфли.

Она зевнула и откинулась на кровати. Иаков остался стоять на коленях, как забытая собачонка.

— Да-а, — сказал он и поднял голову. Сперва глаза, потом и всю свою седую всклокоченную голову.

Он смотрел на раскинувшееся перед ним великолепие. Холмы и долины, скрытые юбкой. Он чуть не обезумел. Но держал себя в руках.

— Как ты медленно! — сказала она и начала сама расстегивать пуговицы.

Его руки как в лихорадке скользили по ней. Помогали ей снимать одно за другим.

Чем ближе она была к нему, тем явственней он чувствовал запах конюшни, сена и пряностей.

Иаков встал рядом с Диной и осторожно обхватил руками ее груди. Наслаждался ощущением материи и горячей кожи. Бесконечно долго. Наконец он снял с нее платье, нижние юбки, корсет и панталоны.

Ее глаза с любопытством следили за его движениями. Несколько раз она, вздохнув, закрывала глаза. Особенно когда он, собрав всю свою нежность, осторожно погладил ее по плечам и по бедрам.

Уже совершенно нагая, Дина вывернулась из его рук и подошла к окну. Она была существом из другого мира.

Он и не думал, что такое будет возможно. Женщина, девственница! Нагая, она поднялась с постели при свете белой ночи и спокойно подошла к окну.

Ее плечи и бедра казались позолоченными. Ведьма и ангел. Она принадлежит ему! Только ему! Она ходит по его комнате, в его доме!

Дина обернулась к Иакову и с одной стороны оказалась залитой медом полуночного солнца.

— А ты разденешься? — спросила она.

— Да, — хрипло ответил он.

И стал срывать с себя одежду, словно боялся чего-нибудь непредвиденного, что помешает ему достичь цели.

Правда, цели он достиг не так быстро, как ему хотелось бы. И не так, как он себе это представлял.

Когда они уже лежали в кровати и Иаков хотел накинуть на них обоих простыню и прижать Дину к себе, она вдруг села и сдернула с него простыню.

И начался осмотр. Она разглядывала его жадно и с таким любопытством, словно нашла животное, о существовании которого даже не подозревала.

От смущения он прикрылся руками.

— У тебя эта штука совсем не такая, как у быка или жеребца, — с интересом констатировала она, глядя ему в глаза. — Правда, и у быка с жеребцом они тоже разные. У быка она длинная, тонкая и розовая. А жеребец, он больше похож на мужика! — прибавила она серьезно, со знанием дела.

Иаков почувствовал, как желание исчезло и его детородный орган поник.

Он никогда не встречал кого бы то ни было, тем более женщину, настолько лишенную всякой стыдливости. Впрочем, он вспомнил те редкие разы, когда посещал женщин, которые брали за это деньги. Но их игра была отрепетирована и ограничивалась временем. А также измерялась деньгами. Он помнил, как противна была ему эта отрепетированная страсть и равнодушные, заученные движения.

Но хуже всего были их глаза…

Неожиданно он понял, что Дина — хозяйка Рейнснеса — еще ребенок. Он растрогался, и ему стало стыдно. Эта мысль очень взволновала его.

Игра была долгой. Дина должна была получить свое. Сыграть все роли. Она сердилась и в наказание отворачивалась от Иакова, если он не подчинялся ее выдумкам.

Несколько раз у него мелькала мысль, что во всем этом было что-то животное и неестественное. Тяжело дыша, он утешался тем, что их никто не видит.

И когда она дала понять, что ей это приятно, он растянул их игру еще дольше. Подчинился ее правилам. Он воображал, будто они — первая пара на земле. Что все так и должно быть.

Этот седой мужчина не раз с трудом сдерживал слезы. Ему было непросто изображать из себя ребенка, играющего в любовные игры.

Когда Иаков наконец овладел ею, у него перехватило дыхание. Похоть вдруг оказалась черной кошкой, которая до времени дремала в тени.

Даже в этом кроваво-красном тумане Иаков сознавал, что ему конец, если Дина не примет любовь на его условиях. Это ему помогло.

Она тихонько постанывала, хотя простыни были уже испорчены.

Все откровенные истории, которые Иаков слышал о свадебных ночах и плачущих невестах, не имели ничего общего с тем, что происходило в спальне.

Иакову Грёнэльву пришлось все постигать заново. Тут не годилось ничего из того, что он видел или слышал.

Его невеста была молодой кобылицей на летнем зеленом выгоне. Она прижала его к изгороди. Прервала игру и напилась из лужи, чтобы утолить жажду. Искусала ему ягодицы, когда он проявил неловкость. И наконец неожиданно подставила себя. С той же тяжелой покорностью, с какой кобыла подчиняется жеребцу, она, стоя на локтях и коленях, следила, как он толчками переливается в нее.

Иакова охватило некое религиозное чувство, которое он сам не мог объяснить. Он не испытал облегчения. Оно не пришло к Иакову.

Ему некуда было спрятаться. Он плакал.

На другой день Иаков и Дина спустились вниз только к вечеру. Гости уже разъехались. Ленсман со своими домашними тоже уехал. Матушка Карен собственноручно отнесла и поставила у двери залы поднос с завтраком. Пожелала молодоженам доброго утра. С улыбкой, не поднимая глаз.

Прислуга посмеивалась. Никто не слыхивал, чтобы свадебная ночь длилась с двух часов пополуночи до пяти пополудни.

К тому времени когда молодые наконец спустились вниз, жаркое из оленины было пересушено и картошка переварилась.

На Дине было безупречное новое платье. Но волосы были не прибраны, как обычно. Улыбающийся, свежевыбритый Иаков явно испытывал некоторые трудности при ходьбе и часто потирал поясницу.

За обедом молодые не обращали никакого внимания на матушку Карен, Андерса, Нильса и Юхана.

В столовой витал Эрос. Довольный и сытый, он гордо красовался на обоях, играл на деревянных панелях и заставлял серебро темнеть.

Молодые, оба, захмелели уже во время первого блюда. Дина впервые в жизни выпила портвейна перед тем, как они спустились вниз. Это тоже была новая игра. От нее на языке остался сладкий привкус.

Матушка Карен смотрела в сторону, в глазах Юхана горело презрение.

Нильс не без любопытства поглядывал на Дину и ел с большим аппетитом.

У Андерса был такой вид, будто ему случайно пришлось оказаться за столом с чужими людьми. Он держался лучше других.

Дина научилась новой игре. Она видела эту игру в загоне для лошадей. В курятнике и весной на птичьих базарах. Ее партнером был Иаков. Она наблюдала за ним блестящими, стеклянными глазами.

ГЛАВА 6

Опьянения и горести будешь исполнена: чаша ужаса и опустошения — чаша сестры твоей, Самарии!

Книга Пророка Иезекииля, 23:33

Еще 5 марта 1838 года колесный пароход «Принц Густав» вышел в свой первый рейс из Трондхейма на север. Многие считали это делом обреченным. Но свершилось чудо, и маршрут стал постоянным.

Господь не пожалел сил, создавая поверхность Земли. В том числе и шхеры, коварные фьорды, течения и проливы. Ветры не подчинялись никому, и пассажиры опаздывали к часу отплытия. В Фолл-фьорде и Вест-фьорде, если не считать законов земного притяжения и центробежной силы, все действовало наперекор общепринятым правилам.

И даже много лет спустя не все живущие на побережье вдоль этого маршрута были одинаково убеждены в том, что изрыгающий огонь и дым «Принц Густав» можно считать благословением Божьим.

Вряд ли Богу было угодно, чтобы суда ходили против ветра и течения. Те же, кто занимался промыслом, считали, что пароход распугал всю рыбу во фьордах. И возразить на это было нечего. Однако постепенно к пароходу привыкли. Кому приходилось много ездить, те не могли на него нарадоваться. Чистый рай по сравнению с открытыми северными суденышками или карбасами с тесной казенкой.

Люди состоятельные ездили первым классом. В мужской каюте было десять мест, в дамской — пять. Второй класс состоял из общей каюты на двенадцать мест. Третьему классу принадлежала открытая палуба, и пассажиры размещались там среди ящиков, бочек и прочего груза, кому как повезет.

Но в хорошую погоду и пассажиры третьего класса чувствовали себя как графы. Билеты стоили довольно дорого: двадцать, десять и пять скиллингов за милю. Зато и путь от Тромсё до Трондхейма летом занимал всего неделю.

Торговые местечки, в которых, на их счастье, пароход делал остановку, в последние годы стали процветать. И это несмотря на то, что по законам северонорвежского гостеприимства ни за ночлег, ни за еду с богатых

пассажиров, сходящих на берег, денег не брали.

Можно было только дивиться, что постоялые дворы там процветали. Но главный доход в Северной Норвегии приносила игра в шахматы.

Доски стояли наготове в любое время суток. Играющий спокойно обдумывал ход, пока ел и пил. Со временем приезжие игроки поняли, что их противники тоже умеют играть. И даже неплохо. Северонорвежское гостеприимство умело ставить маты, если игрок был недостаточно внимательным.

Первое, чему научился Иаков, приехав в Рейнснес, — это смотреть в будущее. Когда на «Принце Густаве» приезжали нужные деловые люди, Иаков проявлял ангельское терпение, а на столе появлялась жареная баранина, розовая у самой косточки, хрустальные бокалы и хороший трубочный табак. А главное, много морошки, которую приносили из погреба и подавали в хрустальных вазочках на высоких ножках.

Иаков знал, за что он должен благодарить пароход.

Прожив в Рейнснесе неделю, Дина первый раз увидела пароход.

Услыхав гудок, она спрыгнула с кровати. Майское солнце проникало в комнату, несмотря на спущенные шторы.

Незнакомый, хриплый звук доносился одновременно и с моря, и с гор.

Дина бросилась к окну.

Во фьорд вошло черное судно. С шумом крутилось красное колесо. Судно было похоже на невиданную кухонную плиту, в которой никелированные и медные части, труба и бак для воды были увеличены до невероятных размеров. Плита скользила по фьорду.

Должно быть, в этой плывущей плите бушевало пламя. Она кипела, шипела и могла взорваться в любую минуту.

Дина распахнула окно и, полуголая, свесилась вниз. Как будто, кроме нее, на земном шаре никого не существовало.

Кое-кто, конечно, заметил в окне полуголую молодую хозяйку. Вид обнаженного тела потряс людей даже на большом расстоянии.

Фантазия действовала как увеличительное стекло. Она показала им каждую пору на коже этой далекой женщины. Дина как бы приблизилась к ним. И наконец завладела умом каждого, кто ее видел. Пароход их больше не интересовал.

Иаков был в саду. Он тоже увидел Дину. Ощутил ее запах, долетевший до него сквозь солнце, ветер и тихий шорох молодой листвы. От дразнящих мурашек, пробежавших по всему телу, и беспомощного изумления Иакову стало трудно дышать.

Нильс вместе с приказчиком из лавки поплыли на лодке к пароходу,

чтобы принять там товар. Нильс запрещал лодкам с соседних усадеб «мешать движению», как он выражался. Другое дело, если движению мешал он сам.

Поэтому, когда пароход прибывал в Рейнснес, там бывало меньше переполоха и веселья, чем в других местах.

Иаков не вмешивался в отношения Нильса с молодежью из соседних усадеб и арендаторских хозяйств. Он понимал, что запрет Нильса плавать на лодках по фьорду в день прибытия парохода способствовал тому, что люди собирались на причалах Рейнснеса и в лавке, чтобы узнать, кто прибыл с пароходом и что на нем привезли. А это обеспечивало Рейнснесу и рабочую силу, и лишний доход.

В тот день сгружать было почти нечего — несколько мешков сахара для лавки да два ящика с книгами для матушки Карен. Последним по трапу спустился странный человек, который вознамерился стоять в лодке, словно на полу в гостиной. На секунду лодка угрожающе накренилась.

Однако Нильс внушил приезжему, что он должен сесть, — иначе им не доставить сахар на берег сухим.

Человек оказался орнитологом из Лондона, которому рекомендовали посетить Рейнснес.

— Пароход как будто выплюнул этих людей, правда? — удивленно сказала Дина.

Матушка Карен поднялась в залу, чтобы ускорить одевание Дины, — ей следовало спуститься вниз и встретить гостя.

— Иаков, наверное, говорил тебе, что мы держим постоялый двор? — терпеливо спросила матушка Карен.

— Мы с Иаковом не говорим о таких вещах. Матушка Карен вздохнула, она поняла, что Дина еще не готова для своей роли.

— После обеда ты могла бы сыграть что-нибудь для этого английского профессора, — сказала она.

— Может быть, — равнодушно бросила Дина, пытаясь застегнуть пуговицы на платье.

Матушка Карен хотела помочь ей. Но Дина отпрянула, словно в нее бросили горящую головешку.

— Нам надо с тобой договориться и разделить обязанности по дому, — сказала матушка Карен, не позволив себе заметить движение Дины.

— Какие еще обязанности?

— Ну, это зависит от того, что ты делала дома.

— Я помогала Фоме в конюшне.

— Ну а по дому?

— Там заправляла Дагни. Они помолчали.

— Хочешь сказать, что тебя не учили вести хозяйство? — Матушка Карен попыталась скрыть свою тревогу.

— Нет, у нас для этого было много народу. Матушка Карен потерла лоб и направилась к двери.

— Тогда, милая Дина, начнем с малого, — дружелюбно сказала она.

— С чего же?

— Ты будешь играть для гостей. Умение играть на каком-нибудь инструменте — великий дар.

Дина быстро снова подошла к окну.

— Пароход часто сюда приходит? — спросила она, глядя вслед удалявшемуся черному дыму.

— Не очень, каждую третью неделю, примерно так. В летнюю пору он ходит регулярно.

— Я хочу съездить на нем куда-нибудь! — сказала Дина.

— Сперва тебе следует научиться вести дом и исполнять обязанности хозяйки, а уж потом можно ездить и на пароходе! — Голос матушки Карен звучал уже не так мягко.

— Я буду делать то, что мне хочется! — заявила Дина и закрыла окно.

Матушка Карен застыла в дверях.

Зрачки у нее сузились.

Так с ней не разговаривал еще никто. Но у нее был богатый жизненный опыт, и она промолчала.

Между старой и молодой женщинами был заключен своего рода договор — после обеда Дина играла на виолончели для гостя и всех обитателей дома.

Матушка Карен объявила, что они собираются купить пианино. Дина сможет развивать свой талант в Рейнснесе не хуже, чем в усадьбе у ленсмана.

Нильс поднял голову и сказал, что такой инструмент стоит целое состояние.

— Карбасы тоже, — невозмутимо заметила матушка Карен и повернулась к гостю, чтобы перевести ему на английский последнюю реплику.

На англичанина произвели большое впечатление и цены на карбасы, и Динина музыка.

Юхан бродил по саду со своими книгами, перетянутыми ремешком. В

теплые дни он читал и мечтал в беседке. Дину Юхан боялся пуще чумы.

Он унаследовал от Ингеборг узкое лицо. А также квадратный подбородок и цвет глаз, менявшийся в зависимости от цвета неба и моря. У него были гладкие темные волосы, темные, как у Иакова, и гладкие, как у Ингеборг. Он был худой, походка у него была расхлябанная, и он хорошо рисовал.

— У Юхана самое главное — голова, — говорил Иаков о сыне с нескрываемой гордостью.

У молодого человека не было никаких желаний, кроме одного — стать пастором. Он не разделял интереса отца к женщинам и карбасам. Его раздражало, что в доме всегда полно людей, которые то приезжают, то уезжают, они не делали ничего полезного, а только пили, ели и курили.

Все их знания легко умещались в маленьком чемоданчике или кожаном саквояже. Юхан глубоко и бесповоротно презирал этих людей, их поведение, манеру одеваться и вести себя.

Дина была для него символом шлюхи. Он кое — что читал про шлюх, но никогда не общался с ними. Эта бесстыдная Дина выставила его отца в смешном свете и надругалась над памятью матери.

Первый раз Юхан увидел Дину на этой позорной свадьбе. Теперь он, встречаясь глазами с людьми, неизменно думал: знают ли они, помнят ли они?..

И хотя он твердо знал, что представляет собой его мачеха, он иногда просыпался по ночам в странном темном томлении. Потом он восстанавливал в памяти свои сны. Он ехал на какой-то темной лошади. Сны каждый раз немного менялись, но заканчивались все они одинаково: лошадь откидывала назад свою большую голову и ее морда превращалась в мрачное, упрямое лицо Дины, а грива — в ее непослушные темные волосы.

Юхану становилось стыдно, и он долго лежал без сна. Потом вставал, умывался холодной водой, которую медленно наливал из фаянсового кувшина в девственно белый таз с голубой каймой.

Он старательно вытирался прохладным льняным полотенцем и чувствовал себя спасенным. До следующего сна.

Обязанности молодого супруга отнимали у Иакова все время. Он не показывался ни на причалах, ни в лавке, ни в трактире. Он пил с Диной вино или играл с нею в домино и в шахматы!

Сперва все только посмеивались и качали головами. Потом усадьбу охватила некоторая тревога.

Первой забеспокоилась матушка Карен, а дальше уже тревога побежала

словно лесной пожар.

Да что он, с ума сошел, что ли? Может, он больше вообще не собирается честно трудиться? Так и будет тратить всю свою энергию и время на исполнение супружеских обязанностей в кровати с пологом?

Матушка Карен призывала Иакова опомниться. Не поднимая глаз, но твердым голосом. Или он хочет, чтобы все его дело пошло насмарку? Он ведет себя еще хуже, чем после скоропостижной кончины Ингеборг. Тогда он сидел в трактире или ходил на карбасе вдоль побережья. Но то, что он делает сейчас, гораздо хуже. Он выставляет себя на посмешище перед всей округой! Ведь над ним потешаются!

— И правильно делают! — сказал Иаков и тоже засмеялся.

Но матушке Карен было не до смеха. Лицо у нее застыло.

— Тебе сорок восемь лет! — напомнила она.

— Богу уже несколько тысяч лет, а Он все еще жив! — заржал Иаков и, насвистывая, стал подниматься по лестнице. — Матушка, у меня такое хорошее настроение! — бросил он сверху.

Вскоре из залы донеслись звуки виолончели. Но никто и не подозревал, что Дина сидела в одном лифчике и больше на ней не было ни нитки. Сильные, могучие ляжки сжимали виолончель. Она была серьезна, как будто играла перед самим пробстом.

Иаков сидел у окна, молитвенно сложив руки, и смотрел на нее. Он видел перед собой святую.

Вездесущее солнце вознамерилось воздвигнуть между ними стену из пляшущих пылинок. Их танец не замирал ни на минуту.

Иаков объявил, что хочет взять Дину с собой в Берген. Первый карбас уже ушел. Но гордость Иакова, новая шхуна, названная в честь матушки Карен, собиралась уйти в конце июня. Ее стали готовить к плаванию уже после свадьбы.

Матушка Карен опять настояла на разговоре с Иаковом с глазу на глаз и объяснила ему, что такая поездка не подходит для молодой женщины. К тому же Дине надо постичь хотя бы азы хозяйства и поведения. Хозяйке Рейнснеса недостаточно только музицировать на виолончели!

Иаков считал, что с этим можно подождать, но матушка Карен не сдавалась.

Иаков передал Дине это печальное решение и развел руками. Как будто слово матушки Карен было законом.

— Тогда я лучше вернусь обратно в Фагернессет! — заявила Дина.

За короткое время Иаков уже убедился, что она никогда не меняет своих решений.

Он снова пошел к матушке Карен. Объяснял и просил. Пока не уломал ее.

Очень скоро и Иакову, и матушке Карен, и всем обитателям усадьбы стало ясно, что Дина вообще не намерена учиться вести хозяйство. Она ездила верхом, играла на виолончели, ела и спала. Иногда она приносила домой сайду, нанизанную на березовый прут, хотя никто не видел, чтобы она плавала на лодке.

Матушка Карен вздыхала. Единственная обязанность, которую Дина всегда выполняла с радостью, — она поднимала флаг при приближении парохода.

Всем пришлось смириться с этим порядком, пока матушка Карен была в добром здравии, все шло как прежде.

Вскоре стало известно, что молодая хозяйка Рейнснеса залезает на самое высокое дерево в саду, чтобы первой заметить пароход. Или разглядывать в бинокль горы. Такого тут еще не бывало.

В кого она такая — этого никто понять не мог. Перебирали ее предков. Мать Дины считалась святой с того дня, как ее душа рассталась с обваренным телом. От нее Дина никак не могла унаследовать свои непристойные привычки.

А вот родословная ленсмана вызывала некоторые сомнения. На свет явились самые невероятные истории. Говорили, будто в роду ленсмана были лопари и цыгане. И даже один потерпевший кораблекрушение итальянец, который имел связь с одной из прапрабабушек ленсмана. Каждый знает, как такое сказывается на потомстве! Вот оно, наказание Божье, настигшее этот род через несколько поколений!

Никто не знал точно ни имени, ни происхождения людей, имевших столь роковое влияние на дочь ленсмана. Но этого и не требовалось.

Женщина, которая, выйдя замуж, лазает по деревьям и является перед гостями на собственной свадьбе в одном белье, которая до двенадцати лет умела читать лишь библейские тексты, которая ездит верхом без седла, конечно, была наказанием, посланным этому роду за его прошлые прегрешения.

Она никогда ни с кем не разговаривала и всегда появлялась там, где ее меньше всего ждали, — это ли не доказательство того, что у нее в жилах течет цыганская кровь!

Все эти разговоры доходили и до Юхана. Они весьма огорчали его, и он понимал, что ему следует поскорее уехать из дому и вернуться к своим занятиям.

Матушка Карен помогала ему собирать вещи. Их было немало. Она собственноручно все укладывала и попутно отдавала распоряжения служанкам.

За два месяца она собрала для внука все, что необходимо. В конце концов на причале выстроились три больших сундука, они ждали, когда их погрузят в карбас, который должен был доставить Юхана на пароход.

Однажды поздно вечером Юхан, сидя в беседке, увидел в саду среди деревьев чью-то фигуру. Он покрылся холодным потом.

Сначала он решил, что это сон, но потом понял, что перед ним вполне осязаемое существо.

Вечером прошел дождь. С веток еще капало. Подол Дининой рубахи отяжелел от воды и плотно облепил бедра.

Юхан оказался в плену. У него не было возможности бежать. Дина шла прямо в беседку. Словно знала, что он там, скрытый побегами хмеля и ветками сирени.

Не говоря ни слова, она плюхнулась на скамью рядом с ним.

Ее запах уже заворожил его. И вместе с тем его трясло от отвращения.

Дина задрала голые ноги на столик и начала насвистывать незнакомую ему мелодию. При этом она не спускала с него внимательных глаз. В беседке царил сумрак. И все-таки он знал, что ему от нее не скрыться.

Юхан встал, чтобы уйти. Но ее голая нога, лежавшая на столе, загородила ему дорогу. Он судорожно глотнул воздух.

— Доброй ночи! — наконец произнес он в надежде, что она пропустит его.

— Я еще не собираюсь спать, — презрительно сказала Дина, вовсе не думая пропускать его.

Он чувствовал себя забытой здесь кем-то вещью. Вдруг она протянула руку и погладила его по запястью.

— Напиши мне, когда уедешь на юг. О том, что ты там увидишь!

Он едва заметно кивнул и снова опустился на скамью рядом с ней, словно она его толкнула.

— Почему ты решил стать пастором?

— Так хотела мать.

— Но ведь она умерла.

— Тем более…

— А тебе самому этого хочется?

— Да.

Дина тяжело вздохнула и прислонилась к нему. Юхан почувствовал под влажным тонким полотном ее крепкую грудь. Он весь покрылся гусиной кожей. И не мог пошевелиться.

— Мне никто не говорил, что я должна стать пастором, — с удовлетворением сказала она.

Он кашлянул и с трудом собрался с мыслями.

— Женщины не бывают пасторами.

— Да, к счастью.

Снова зарядил дождь. Осторожные мелкие капли легкой пеленой покрывали ярко-зеленую траву. Тяжелый запах земли и влаги ударил в ноздри. Смешался с запахом Дины. Теперь они навсегда будут неотделимы друг от друга.

— Я тебе не нравлюсь, — вдруг твердо сказала Дина.

— Я этого не говорил!

— Ну и что? Но ведь это так!

— Не в том дело…

— А в чем?

— Ты не… Я хотел сказать… Отец не должен был жениться на такой молодой.

Она залилась воркующим смехом, словно вспомнила что-то, о чем не хотела говорить.

— Тише! — шикнул он на нее. — Разбудишь кого-нибудь.

— Давай искупаемся в бухте! — шепотом предложила Дина и дернула его за руку.

— Искупаться? Ночью? Нет!

— Какая разница? Ведь тепло.

— А дождь?

— Ну и что? Я все равно уже мокрая.

— Они могут проснуться и…

— Тебя кто-нибудь ждет? — шепотом спросила она. Ее шепот душил его. Пригибал к земле. Подбрасывал в небо. На горные вершины. И ударом кулака снова возвращал в беседку.

Потом уже он не мог бы сказать с уверенностью, что с ним случилось наяву, а что было из сна про лошадиную голову.

— А отец?..

— Он спит!

— Но ведь светло…

— Так ты идешь или трусишь?

Она встала и склонилась над ним. Пошла, оглянулась, помедлила немного.

Лицо у нее было скорбное, и это не вязалось с ее голосом и движениями. Она скрылась в стене дождя, который сразу прильнул к ее телу. Но Юхан точно знал, куда она пошла.

Когда он спустился к бухте за бугром, на котором стоял флагшток, он был уже насквозь мокрый. Дина, голая, стояла среди камней. Потом вошла в воду и сделала несколько шагов. Наклонилась и что-то подняла со дна. Внимательно разглядела.

И вдруг, словно чувствуя его взгляд на своих бедрах, она обернулась к нему и выпрямилась. Лицо у нее было такое же скорбное, как незадолго перед тем в беседке.

Ему хотелось думать, что это из-за его медлительности. Он скинул штаны, рубашку, одновременно смущенный и взволнованный. И по воде пошел к ней. Вода была холодная. Но он этого не ощущал.

— Ты умеешь плавать?

— Нет, как это? — глупо спросил он, и ему стало неловко своих слов.

Она подошла ближе. Он мог утонуть от одного только мучительного стука в висках, хотя вода доходила ему только до колен.

Дрожа от холода, Юхан вдруг подумал, что, должно быть, нелепо выглядит в своих белых подштанниках.

Дина подошла к нему, обняла за талию и повела за собой. Он не сопротивлялся. Позволил увести себя на глубину, где им пришлось уже плыть. И дальше. К обрыву.

Дина плыла за обоих. Спокойно и ритмично двигая ногами и всем телом. Он бессильно позволял ей держать себя. Держать на воде их обоих. Холодная вода, мягкий теплый дождь, ее руки, скользившие по его телу.

Лошадь из его сна. Дина, жена отца! Которая спит с ним в зале в одной кровати! И в то же время она была совершенно другая!

Ему вдруг захотелось рассказать ей о черной яме на кладбище, которая поглотила Ингеборг. Рассказать об отце, бродившем пьяным после ее смерти.

Но он не мог подыскать нужных слов. Они обжигали его, как и эта ночь.

Он мог бы рассказать Дине все, что должен был бы рассказать Ингеборг до ее смерти. Рассказать, как у них в Рейнснесе праздновали Рождество. Как хлопотала Ингеборг. Как у нее пылали щеки от спешки. Об

острых иглах, что кололи его, когда мать переставала замечать его, как только в комнату входил отец.

Он мог бы открыть ей, что ему грустно уезжать из дому, хотя он всегда к этому стремился. Всегда хотел уехать из дому.

Дина превратилась в валькирию из книги мифов, что стояла в шкафу матушки Карен. Существо, которое держало его на воде. И таинственным образом понимало все, чего он не мог сказать.

Юхан плыл на глубине. Отвращение к Дине кануло на дно. Ее нагота спеленала его.

Я Дина. Я держу блестящую рыбку. Это моя первая рыбка. Мне пришлось самой снять ее с крючка. Удочка погнулась. Рыбка почти не пострадала. Я бросаю ее обратно в море. Она оправится. День такой синий.

Вытереться им было нечем. Он попробовал играть незнакомую ему роль господина положения. Хотел, чтобы она вытерлась его рубашкой.

Она отказалась.

Они оделись, серьезные, стуча зубами от холода.

Вдруг она сказала, словно они уже прощались на пристани:

— Пиши мне!

— Хорошо! — Он бросил испуганный взгляд на тропинку, ведущую к дому.

— Я еще никогда ни с кем не купалась!

Это были ее последние слова, она побежала по тропинке.

Он хотел окликнуть ее. Но не решился. Она уже скрылась между деревьями.

С веток капало. Он повесил свое отчаяние на эти ветки, которые тут же вместе с каплями уронили его на землю.

«Как же ты научилась плавать, если никогда ни с кем не купалась? Кто же держал тебя?» — шуршали капли.

Снова и снова.

Крикнуть это ей вслед Юхан побоялся. Кто-нибудь мог услышать.

Он спрятал это в себе. Спрятал желание, оставшееся в воде среди водорослей. «Как же ты тогда научилась плавать?»

Наконец он уже не мог сдерживаться. Он залез под нависший камень, где любил прятаться еще в детстве. И совершил там грех, не думая о Господе Боге.

С того дня Юхан возненавидел отца. От всего сердца. Опять же не

посоветовавшись с Господом Богом.

Иаков проснулся, когда Дина вернулась в залу.

— Господи, где ты была?! — воскликнул он, увидев, что она насквозь мокрая.

— Купалась.

— Ночью? — недоверчиво спросил он.

— Да. Ночью там никого нет. — Она сняла мокрую одежду, бросила на пол и забралась к нему в постель.

Тепла у него было достаточно на них обоих.

— Ну что, ведьма, видела там призрака? — сонно пошутил он.

— Не призрака, а призракова сына!

Он тихонько засмеялся, охая, что она такая холодная. Иаков не тревожился. Он не знал, что она умеет плавать.

ГЛАВА 7

Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его?
Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?
Книга Притчей Соломоновых, 6:27, 28

Дина поехала в Берген в то же лето. Матушка Карен поняла, что за одну ночь Дину не воспитаешь. И когда их шхуна отошла от берега, она призналась, что уже давно тосковала по миру и покою в усадьбе. Другое дело, что сразу после них уехал и Юхан, — это для нее было куда тяжелее.

Дина была своенравным ребенком, за которым нужен был глаз да глаз.

Ее проделки не раз смущали и выбивали из привычного ритма всю команду.

Андерс относился к этому спокойно и только посмеивался.

Первым делом Дина перетащила свой спальный мешок из каюты на палубу. Там она играла в карты и распевала веселые песни с чужим черноусым парнем, который в последнюю минуту нанялся на шхуну матросом. Парень играл на каком-то чудном струнном инструменте, на каких часто играют русские моряки.

Говорил он на ломаном шведском и утверждал, что уже много лет кочует из страны в страну.

Он прибыл с севера на русском судне и в один прекрасный день объявился в Рейнснесе, где задержался в ожидании попутного судна, идущего на юг.

Иаков крикнул раза два рулевому, чтобы на палубе вели себя потише. Но это не возымело действия, и Иаков почувствовал себя старым ворчуном. А эта роль была ему не по душе.

В конце концов он вылез из каюты и присоединился к общему веселью.

На другой день вечером Иаков приказал сделать остановку в Грётёйе. Их приняли хорошо.

Грётёйе был одним из тех мест, куда тоже заходил «Принц Густав», и хозяин вынашивал планы построить большой новый дом, лавку и

почтовую контору.

Незадолго перед тем туда приехал художник, который собирался писать портреты моряков. Внимание Дины сосредоточилось на мольберте. Она как зверек сновала вокруг, принюхиваясь к масляным краскам и скипидару. Следила за всеми движениями художника и только что не забралась к нему на колени.

Ее непосредственность смущала всех. Прислуга шепталась о молодой хозяйке Рейнснеса. Люди качали головами, жалея Иакова Грёнэльва. Не сладко, видать, ему…

Внимание, оказанное Диной художнику, превратило Иакова в злобного цепного пса. К тому же ее поведение казалось ему неприличным.

За все это он попробовал рассчитаться с ней в постели. Набросился на нее по праву обиженного и ревнивого супруга.

Однако за тонкой перегородкой стали так выразительно кашлять, что ему пришлось отказаться от своих намерений.

Дина приложила пальцы к его губам и тихонько шикнула. Потом задрала ночную рубашку и уселась на оторопевшего Иакова. Так, относительно беззвучно, она причислила их обоих к сонму блаженных.

Когда шхуна снова вышла в море, Дина спокойно сидела в каюте. И мир показался Иакову гораздо светлее.

Теперь уже до самого Бергена он не испытывал никаких огорчений.

В Бергене вокруг Вогена жизнь била ключом! Крепость, дома, церкви, экипажи, нарядные господа и дамы с зонтиками.

Динина голова вертелась из стороны в сторону, будто на шарнире. Ее новые дорожные башмаки стучали по брусчатке. Она внимательно разглядывала каждого кучера, высокомерно восседавшего на своем сиденье с кнутом на коленях.

Экипажи походили на разукрашенные торты, их почти не было видно из-за светлых летних платьев с оборками и рюшами. И кружевных зонтиков, скрывавших головы и лица своих хозяек.

Были там и кавалеры. Одни в элегантных темных костюмах и котелках, другие — молодые, дерзкие, в светлых костюмах и соломенных шляпах, сдвинутых на лоб.

В одном месте они увидели старого офицера в синем мундире с красными отворотами, который наклонился к водяной колонке. Его закрученные усы были так нафабрены, что казались ненастоящими. Дина подошла и недоверчиво потрогала офицера. Иаков схватил ее за руку и смущенно кашлянул.

Вывеска кафе обещала мадеру и гаванские сигары. За занавесками виднелись красные плюшевые диваны и абажуры с бахромой.

Дина пожелала зайти в кафе и выкурить сигару. Иаков поплелся за ней. Как заботливый отец, он пытался втолковать ей, что дамам не положено курить сигары в общественном месте.

— Когда-нибудь я все равно приеду сюда и выкурю сигару! — оскорбленно заявила Дина и с жадностью набросилась на мадеру.

Иаков купил себе красивый костюм для прогулок, с бархатными отворотами, синей жилеткой из альпаки, на двух пряжках, и клетчатыми брюками. Котелок сидел на нем так, будто Иаков никогда в жизни не носил других головных уборов.

Не пожалел он времени и на цирюльника. И вернулся в гостиницу гладковыбритый, без бороды. На это у него было две причины.

Во-первых, хозяин гостиницы спросил, займут ли господин Грёнэльв и его дочь два отдельных номера. И во-вторых, Иаков помнил, как почти год назад Дина обратила внимание на то, что он поседел. Ему не хотелось выглядеть более седым, чем неизбежно.

Дина примеряла платья и шляпы так же серьезно, как перед отъездом из отцовской усадьбы тайком примеряла платья Ертрюд.

Бергенские туалеты совершили чудо: Дина стала выглядеть старше, а Иаков — моложе.

Как два неисправимых щеголя, они ловили свое отражение в витринах магазинов и лужах.

Андерс добродушно посмеивался над их безобидным маскарадом.

Дина оценивала товар и считала — складывала, умножала. Когда совершались торговые сделки, она служила для Иакова и Андерса своеобразной счетной машиной. Чем и привлекала к себе всеобщее внимание.

Однажды вечером Иаков выпил и его охватила ревность. Дина беседовала с важным господином, который отнесся к ней с большим уважением, послушав, как она играла Бетховена на пианино в гостиной.

Оставшись с Диной наедине, Иаков заявил ей, что она всегда будет похожа на шлюху, если и впредь будет ходить с распущенными волосами.

Дина не ответила. Но он не унялся. Тогда она изо всей силы ударила его ногой по лодыжке. Он застонал.

— Это все твоя жадность, Иаков! — сказала она. — Тебе просто жалко, чтобы кто-нибудь, кроме тебя, видел мои волосы. Если бы Господь был так же жаден, как ты, у людей бы просто не росли волосы!

— Ты выставляешь себя напоказ! — сказал Иаков, потирая ушибленное место.

— Что я, лошадь? Или карбас? И почему это на меня нельзя смотреть? Тебе хотелось бы, чтобы я стала невидимой, как призрак?

Иаков сдался.

В последний день своего пребывания в Бергене они проходили мимо забора, который пестрел всевозможными объявлениями и афишами.

Дину потянуло к нему, как муху на сладкое.

Небольшие самодельные объявления сообщали о религиозных собраниях или о приеме заказов на шитье.

Разыскивается карманный вор. Он может оказаться весьма опасным.

Пожилой состоятельный мужчина приглашает экономку.

Среди других выделялось большое черно-белое объявление, в котором сообщалось, что состоится публичная казнь преступника, убившего свою любовницу.

Портрет убийцы был так запачкан, что разглядеть его было трудно.

— Ну что ж, семья вздохнет с облегчением, — мрачно пошутил Иаков.

— Я хочу туда поехать! — заявила Дина.

— Смотреть на казнь? — ужаснулся Иаков.

— Да!

— Но, Дина! Его же повесят!

— Я знаю. Это написано в объявлении. Иаков уставился на нее:

— Это ужасное зрелище!

— Почему? Ведь там крови не будет?

— Но он умрет.

— Мы все умрем.

— Дина, по-моему, ты просто не понимаешь…

— А чем лучше, когда режут скот?

— Животное не человек.

— Все равно, я хочу увидеть казнь!

— Это зрелище не для дам. К тому же небезопасно…

— Почему?

— Толпа может расправиться самосудом с богатой дамой, которая пришла туда только из любопытства. Я не шучу, — прибавил он.

— Возьмем извозчика. Мы успеем до отплытия.

— Ни один извозчик не повезет нас туда для развлечения.

— А мы и не будем развлекаться, — сердито заявила Дина. — Мы просто посмотрим, как вешают.

— Дина, ты меня пугаешь! В этом нет ничего интересного!

— А глаза? Я хочу увидеть его глаза… Когда ему накинут веревку на шею…

— Дина, родная, ты не можешь так думать!

Дина смотрела мимо него. Как будто его там и не было. Он взял ее за руку и хотел идти дальше.

— Мне интересно посмотреть, как он будет держаться! — упрямо твердила Дина.

— Есть на что смотреть! Несчастный человек во всем своем убожестве…

— Это не убожество! — раздраженно прервала его Дина. — Это самое важное мгновение в жизни!

Дина упорствовала. И Иаков понял, что она поедет одна, если он ей не уступит.

Они взяли извозчика и на другой день, на рассвете, поехали на место казни. Извозчик не выразил никакого недовольства, как опасался Иаков, но заломил солидную сумму за то, что будет ждать их до конца казни.

К виселице стекался ровный людской поток. Люди стояли вокруг, тесно прижатые друг к другу. Ожидание витало над площадью, как тошнотворный запах рыбьего жира.

Иакова зазнобило, он украдкой взглянул на Дину.

Ее светлые глаза были прикованы к петле. Она тянула себя за пальцы с такой силой, что хрустели суставы. Рот приоткрылся. Дыхание со свистом вырывалось сквозь сжатые зубы.

— Перестань! — Иаков накрыл ладонью ее пальцы.

Она не ответила. Но спокойно положила руки на колени. На лбу у нее выступили капельки пота, и вдоль носа побежали два ручейка.

Люди почти не разговаривали. Но над площадью стоял ровный гул ожидания — лучше бы Иаков не слышал его.

Он обнял Дину, когда телега с преступником подъехала к виселице.

Голова преступника была обнажена. Он был оборванный и небритый. В наручниках. Кулаки его то сжимались, то разжимались. Иаков не помнил, чтобы когда-нибудь видел столь жалкого человека.

Преступник безумными глазами смотрел на толпу. Пришел пастор и что-то сказал несчастному. На преступника стали плевать, послышалась брань. Кто-то крикнул: «Убийца!»

От первого плевка преступник вздрогнул. И тут же как будто умер. Покорно позволил снять с себя наручники и кандалы, накинуть на шею

петлю.

Подступившие люди набились между экипажем, в котором сидели Иаков и Дина, и оградой, окружавшей виселицу.

Дина встала. Она держалась за откидной верх экипажа, наклонившись над головами людей, что стояли между нею и виселицей.

Иаков не мог видеть ее глаз. Связь между ними прервалась. Он встал, чтобы подхватить ее, если она упадет.

Она не упала.

Лошадь вытянули кнутом, телега рванулась с места, и преступник закачался в воздухе. Иаков обнял Дину. Судороги повешенного тяжело отдавались в ее теле.

Все было кончено.

По дороге к гавани Дина молчала. Не двигалась. Спина у нее была прямая, как у генерала.

Шейный платок Иакова намок от пота. Он не знал, куда деть руки. Его мучила мысль: что было хуже — казнь или желание Дины увидеть ее?

— А этот-то держался молодчиной, — заметил извозчик.

— Да, — тихо откликнулся Иаков.

Дина смотрела в пространство и как будто не дышала. Наконец она громко и глубоко вздохнула. Словно закончила трудную работу, которая давно тяготила ее.

Иакову было не по себе. Весь день он не спускал с Дины глаз. Пытался заговаривать с нею. Но она только улыбалась непривычно тепло и тут же отворачивалась.

На другое утро, уже в море, Дина разбудила Иакова:

— У него были зеленые глаза, он посмотрел на меня!

Иаков прижал ее к себе и стал покачивать, словно ребенка, которого не научили плакать.

По пути домой они заехали к друзьям Иакова в старинное имение Тьотта. Они как будто попали в древнюю королевскую усадьбу. Такие там царили порядки, и такой им был оказан прием.

Иаков опасался Дининых выходок. И в то же время был горд, как охотник, который показывает своего нового сокола. Тут уж волей-неволей приходилось мириться с тем, что эта птица больно клюет того, кто держит ее без перчатки. На Дину не произвело ни малейшего впечатления, что они гостят в усадьбе, которая в былые времена принадлежала и помощнику судьи, и советнику юстиции и в пору своего величия была больше трех пасторских усадеб, вместе взятых. От нее не дождались вежливых

восторгов по поводу великолепного убранства комнат. Она даже не обратила внимания, что в главном двухэтажном здании было тридцать четыре локтя в длину.

Но всякий раз, когда они проходили мимо древних каменных надгробий у въезда в усадьбу, Дина замирала на месте. Она преисполнилась глубочайшего уважения к этим старым камням и хотела узнать их историю. И выбегала даже босиком, чтобы посмотреть на них в причудливом вечернем освещении.

Хозяин рассказал, как получилось, что весь Нурланд попал в руки богатого датчанина Йокума Юргенса, или Иргенса, как его еще звали.

Этот управляющий королевскими владениями в Ютландии был камергером Христиана IV. Сей великий хитрец продал королевскому двору столько рейнского вина и жемчуга, что, когда пришло время расплачиваться, у казны не хватило средств. Вместо серебра ему отдали, согласно документу от 12 января 1666 года, все королевские владения в Хельгеланде, Салтене, Лофоте-нах, Вестеролене, Анденесе, Сенье и Тромсё. Так король возместил свой долг в тысячу четыреста сорок вогов [7] серебра.

Это была добрая половина всего Нурланда. К этому следует прибавить Будёгорд — главную резиденцию губернатора, усадьбу судьи в Стейгене и королевскую десятину налога со всей провинции.

Эта история так потрясла Дину, что она немедленно хотела заставить Иакова снарядить карбас и провезти ее по всем местам, за которые было заплачено рейнским вином и жемчугом.

Она тут же предложила молоденьким хозяйским дочерям трудную задачку: сколько бутылок вина или бочонков с жемчугом получил королевский двор?

Но так как никто не мог точно назвать цены, существовавшие в то время на жемчуг или на рейнское, она так и не получила ответа.

Иаков хотел уехать домой уже на второй день.

Хозяева, как велел обычай, уговаривали его погостить еще два дня.

Дина с Андерсом оба хотели остаться, и Иакову пришлось уступить им. Хотя штурман Антон был на его стороне.

Всю поездку Иаков следил за словами и поступками Дины, когда они были на людях. Он устал. Да и ночные упражнения тоже требовали от него немалых усилий.

Поэтому он даже обрадовался, когда Дина и молоденькие хозяйские дочери решили две ночи подряд стеречь привидение.

Это привидение имело обыкновение проходить по комнатам в ночные часы. Дине поведали о всевозможных знамениях. Их в усадьбе видели многие. Говорилось об этом как о чем-то привычном, вроде посещения соседей.

Глаза у Дины подернулись поволокой и лоб перерезали морщинки, словно она разбирала ноты трудной музыкальной пьесы.

На вторую ночь через большую гостиную прошло какое-то существо, похожее на ребенка, и скрылось за старинными часами. Хозяйские дочери даже не удивились — они не первый раз видели это существо.

Дина онемела. Она молчала так долго, что это выглядело уже неприличным.

Иаков радовался, что их визит в Тьотту закончился без особых неприятностей. Они ночевали там всего три ночи.

По пути домой Иаков выразил удивление, что обитатели Тьотты так верят в привидения.

Дина отвернулась, поглядела на море и промолчала.

— Как оно выглядело? — спросил Иаков.

— Как растерянный ребенок, — ответила Дина.

— И как же выглядит растерянный ребенок? — раздраженно спросил он.

— А это тебе лучше знать.

— Почему?

— Да у тебя в доме таких полно! — прошипела Дина, как кошка, готовая к прыжку.

Иакову не понравился оборот, какой принял их разговор, и он замолчал.

Дома Иаков рассказал матушке Карен о разговоре про привидение в Тьотте. Но утаил, что в Бергене они с Диной ездили смотреть казнь.

Матушка Карен сделала свои выводы, но не поделилась ими с Иаковом. Она поняла, что Дина умнее, чем кажется.

«Да у тебя в доме таких полно!» — такое замечание должно было заставить Иакова задуматься и без ее напоминаний.

Она заметила, что Иаков вернулся из поездки более усталым, чем обычно.

Но не сказала, что, по ее мнению, виной тому было присутствие Дины. К чему сетовать на то, чего не исправишь.

К тому же матушка Карен обнаружила, что поездка пошла Дине на пользу.

Эта долговязая девочка стала иначе держаться. Неожиданно для себя она обнаружила, что мир гораздо больше, чем ей представлялось из ленсманской усадьбы или из Рейнснеса.

У нее даже лицо изменилось. Матушка Карен не могла точно сказать, в чем именно заключалась перемена, но глаза у Дины стали другими.

Матушка Карен вообще замечала больше, чем говорила. И она не стала повторять сыну то, что сказала ему, когда он весело сообщил ей, что пятнадцатилетняя Дина Холм станет хозяйкой Рейнснеса.

Она лишь погладила сына по плечу и сочувственно вздохнула. Ведь она видела, что новый костюм и красивая прическа не могут скрыть увеличившуюся седину и что появившееся было брюшко опало.

Жилет сидел на Иакове словно с чужого плеча. Лоб перерезали глубокие морщины, вокруг глаз залегли черные тени. И все-таки он был еще очень красив.

Покорная усталость шла ему больше, чем жизнерадостное высокомерие, которое он излучал, когда женился на Дине.

Спокойные, тяжелые движения. Манера распрямлять спину. Отсутствие самодовольства, свойственного богатым людям в его возрасте.

Матушка Карен видела все. И толковала на свой лад.

Олине хлопотала на кухне и в столовой. Но и она тоже кое-что замечала. И не была уверена, что ей нравится новый Иаков, отмеченный печатью тяжелой ответственности. Новая Дина ей тоже не слишком нравилась. Олине предпочла бы, чтобы все оставалось по-прежнему. И чтобы Иаков тоже был прежним.

Дине хотелось пройтись на карбасе вдоль берегов Нурланда, дабы своими глазами увидеть, чем Христиан IV расплатился за несколько бочонков жемчуга и четвертей рейнского вина.

Она не могла взять в толк, почему ее желание нельзя осуществить в это время года.

Иаков мягко, но решительно сказал:

— Нет!

Ее гнев он встретил с терпением мудрого отца. И покорно принял наказание, которое выражалось в том, что он должен был впредь спать один в чулане рядом с залой.

По правде сказать, поездка в Берген, во время которой ему постоянно приходилось быть начеку, ожидая очередной Дининой выходки, так измотала его, что он спал как мертвый на неудобной кушетке, стоявшей в

чулане. Он прекрасно понимал, что буря скоро уляжется и все обернется к лучшему. Главное — восстановить работоспособность и силы.

ГЛАВА 8

Потому что блудница — глубокая пропасть, и чужая жена — тесный колодезь;
Она, как разбойник, сидит в засаде и умножает между людьми законопреступников.
Книга Притчей Соломоновых, 23:27, 28

Новый брак, который начался для Иакова с вида упругих ляжек, обхвативших тело виолончели, и был ознаменован драматическим спуском с дерева, после поездки в Берген стал более ровным.

Иакова постоянно мучила усталость. Ему приходилось всегда пребывать в Дининой мире. Не терять ее из виду и не позволять ей слишком много отдавать другим людям.

Он плохо сознавал свои чувства, чтобы назвать это ревностью. Но чувствовал, что трагедия может разразиться в любую минуту, если он ненадолго выпустит Дину из своего поля зрения.

Между ними всегда что-то оказывалось. Привидение из Тьотты. Художники и музыканты. Даже матрос, которого они из милости взяли в Берген, потому что у него не было денег на пароход, казался Иакову унизительной и мрачной угрозой. Дина играла в карты! И курила трубку с этим небритым и грязным парнем!

Иакову становилось все яснее, что его последняя любовь обойдется ему дороже, чем он предполагал. Что платить за нее придется, между прочим, и ночным отдыхом.

У него не было возможности возобновить свои поездки по побережью, чтобы погулять и покутить с дружками молодости. Он не мог ни оставить Дину дома, ни взять ее с собой. Она бы нарушила всеобщий мир и покой одним своим присутствием.

Дина порой бывала груба, как пьяный работник на Иванов день, или непостижима, как судья.

О женственности Дины говорить было трудно. Во всяком случае, ее женственность не имела ничего общего с расхожим представлением о ней. Пышнотелая Дина держалась по-генеральски, ехала ли она верхом или сидела в гостиной.

А исходивший от нее запах конюшни и розовой воды в сочетании с ее

холодным равнодушием привлекал к ней мужчин, и они кружили вокруг нее как мухи.

Иакову хватило одной поездки в Берген. Он там довольно настрадался. Ему это стоило многих терзаний, у него болела голова/

А ее музыка!..

Игра Дины на виолончели приносила Иакову эротическое наслаждение; при мысли о том, что кто-то посторонний увидит ее с виолончелью между колен, его охватывала бешеная ревность.

Он дошел до того, что велел ей ставить обе ноги по одну сторону виолончели! Чтобы не производить ненужного впечатления на слушателей.

Дина смеялась редко, можно даже сказать, не смеялась вообще. Но когда Иаков, красный от злости, словно сибирский мак в августе, показал Дине, как ей следует держать ноги, она расхохоталась на весь дом. Ее смех был слышен даже в лавке и на причалах.

Она соблазняла его среди бела дня и при незапертой двери. Случалось, он мучил себя мыслью, что в первую ночь Дина вовсе не была девственницей. Полное отсутствие стыда, смущения, ее возбуждающая покорность и внимательный осмотр его волосатого мужского тела походили скорее на то, с чем он сталкивался там, где ему приходилось платить, чем на поведение шестнадцатилетней девушки.

Это мучило его даже во сне. Он пытался расспросить Дину, как бы случайно.

Ответом ему был колючий, точно осколки стекла, взгляд.

Матушка Карен и приемные сыновья позволили Иакову наслаждаться медовым месяцем до его возвращения с осенних торгов. А потом недвусмысленно дали понять, что усадьба, лавка и постоялый двор нуждаются в его внимании.

До этого он даже не вспоминал о них.

Матушка Карен позвала его к себе в комнату и там прямо сказала, что не знает, плакать ей или смеяться, видя, какую жизнь ведет он, взрослый мужчина.

Им было тяжело, когда он горевал после смерти Ингеборг, но все-таки не так, как сейчас. Он должен рано вставать и вовремя приходить к завтраку, а вечером ложиться тогда, когда ложатся все добрые христиане. Или она уедет. С тех пор как у них в усадьбе появилась Дина, жизнь тут разладилась.

Иаков принял все, как положено почтительному сыну. Виновато склонив голову.

Да, он запустил и дела, и работу на усадьбе. Дина поглощала все его время. Дни летели незаметно причудливым хороводом, в котором Динины капризы, проделки и желания сливались с его собственными.

С той только разницей, что она была ребенком и на ней не лежало никакой ответственности.

Иаков уже давно чувствовал себя бесполезным и усталым. Динины причуды превратились для него в ярмо. Ее звериные игры в кровати с пологом или в любом другом месте отнимали у него сон и покой, в которых он так нуждался.

В тот же вечер, после разговора с матушкой Карен, Иаков отказался пить с Диной перед сном вино и полуодетым играть в шахматы возле печки.

Дина пожала плечами и наполнила два бокала. Она громко хлопала печными дверцами и пела вполголоса чуть ли не полночи.

Иаков, конечно, не спал. Время от времени он тихим голосом просил ее угомониться и лечь.

Но она поджала губы и даже не отвечала ему.

Уже перед самым рассветом он встал. Потянулся, разминая уставшее тело, и подошел к ней.

Он действовал с ангельским терпением и змеиным расчетом. И не жалел времени, чтобы переломить ее. На это потребовалось ровно три партии. Вино она выпила уже давно. Он принес с ночного столика хрустальный графин и налил тепловатой воды в предназначавшийся ему бокал. Вопросительно посмотрел на Дину.

Она кивнула. Он налил воды и ей. Они чокнулись и выпили воду. Иаков уже знал, что Дина перестает разговаривать и не отвечает на вопросы, когда ее взгляд тяжелеет от выпитого вина, и все-таки сделал попытку:

— Дина, так продолжаться не может. Мне ночью нужен отдых. У меня много дел. Днем. Ты должна понять…

На губах у нее играла усмешка. Но она не смотрела на него. Он придвинулся к ней. Обнял, стал гладить волосы, спину. Осторожно. Он так устал, что остерегался нечаянно вызвать ссору или размолвку. К тому же характер у него был мирный.

— Праздник окончен, Дина. Пойми, мы, живущие морем, должны работать. А для этого нам по ночам, как и всем людям, нужен отдых.

Она не отвечала. Лишь тяжело прислонилась к нему и замерла.

Так он и сидел, глотая теплую воду и гладя ее по спине, пока она не

уснула.

Сперва она была как напряженная пружина под его руками, но постепенно обмякла и покорилась, словно ребенок, уснувший от слез.

Он отнес ее в кровать. Дина была слишком большая и тяжелая. Даже для такого сильного человека, как Иаков. Ему казалось, будто земля тянет ее к себе и хочет заставить их обоих опуститься на колени перед кроватью с пологом.

Она всхлипнула, когда он положил ее на кровать и укрыл периной.

Пора было вставать. Иаков чувствовал себя разбитым, старым и одиноким, спускаясь к делам, которыми так долго пренебрегал.

В тот же день Иаков велел разобрать небольшой чулан рядом с залой, которым пользовались как гардеробной. Там стояла кушетка с оторванными кистями и потертой обивкой коньячного цвета. Принесли лишний ночной горшок и постельное белье. Здесь Иаков собирался спать, объяснив это тем, что его храп мешает Дине.

Услышав это, Олине с удивлением подняла на него глаза. Но промолчала, лишь выразительно поджала губы, и морщинки веером побежали по ее лицу. Ну и времена настали в Рейнснесе, если хозяин дома должен спать на неудобной кушетке, а девчонка — на его кровати с пологом! Олине фыркнула и велела служанке отнести наверх простыни, перину и подушки.

В ту ночь когда Иаков перебрался спать в чулан, Дина в полночь вдруг заиграла на виолончели. В доме все спали.

Иаков тут же проснулся. Его охватило опасное бешенство, глаза у него загорелись. Он вышел в залу:

— Перестань! Ты разбудишь весь дом!

Дина не ответила и продолжала играть. Он подошел к ней и схватил за руку.

Она вырвала руку и встала, они были одного роста. Она осторожно прислонила виолончель к спинке стула и положила смычок на сиденье. Потом подбоченилась и, улыбаясь, посмотрела ему в глаза.

Это привело его в ярость.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Играть на виолончели, — холодно ответила Дина.

— Ночью?

— Музыке живется лучше, когда кругом все мертво!

Иаков понял, что такой разговор ни к чему не приведет. Интуитивно он сделал то же самое, что прошлой ночью. Он обнял ее. Погладил.

Почувствовал, как она безвольно повисла у него на руках. Так тяжело и безвольно, что он без труда уложил ее в постель. Потом лег рядом и гладил ее до тех пор, пока она не заснула.

Его удивило, что это оказалось совсем нетрудно, но он подумал, как утомительно постоянно иметь в доме такого большого ребенка.

Страсть! Та, которая дни и ночи сжигала его до поездки в Берген, вдруг исчезла. Все получилось иначе и сложнее, чем он думал. От одной мысли об этом Иаков уже чувствовал усталость.

Но в чулан в ту ночь не ушел.

Совершенно опустошенный, он лежал, держа на своем плече голову Дины. Смотрел в потолок и вспоминал покладистый характер Ингеборг.

Как они с ней всегда мирно жили, как были терпимы друг к другу и старались друг друга порадовать! Правда, у них были разные комнаты. Ему пришло в голову занять свою прежнюю комнату. Но он тут же отказался от этой мысли.

Дина жестоко отомстила бы ему за это. Теперь он ее знал гораздо лучше. Она умела распоряжаться человеком, не позволяя распоряжаться собой.

Он почти не видел ее в темноте. Но мог наслаждаться ее запахом и ее кожей.

Иаков тяжело вздохнул.

Все приходит неожиданно.

У матушки Карен вдруг начался ее «весенний недуг», как она говорила. Однако теперь на дворе был октябрь.

Недуг матушки Карен был просто-напросто бессонницей. Обычно это бывало весной, когда в высокие окна заглядывало солнце.

— Слишком яркий свет! — вздыхая, жаловалась матушка Карен.

Олине молчала. Но уголки губ у нее презрительно опускались книзу, и она отворачивалась. Вечная история. Тоже мне южане! Всего-то из Трондхейма, а нытья и жалоб не оберешься. Осенью и зимой — на темноту. Но когда Господь посылает им весной белые ночи, они опять недовольны. Олине в молодости сама жила в Трондхейме и знает, что весной там ночью тоже светло.

Люди всегда найдут причину для недовольства. Эти трондхеймские дамы ведут себя так, будто приехали из Италии.

Весенний недуг матушки Карен, который так же верно говорил о наступлении весны, как появление кулика-сороки, вдруг перепутал времена года.

И пришел в октябре.

Недуг знаменовался тем, что на лестнице по ночам поскрипывали ступени. И на столе в кухне появлялась кастрюля с молочной пенкой.

Матушка Карен грела себе молоко с медом. Она сидела за столом в пустой кухне и смотрела, как солнечный луч ползет по медным котлам, подбирается к синей крашеной панели и напоминает, что половик давно пора выстирать.

Она просыпалась сразу после полуночи. Спускалась в кухню и грела себе молоко. В большом спящем доме.

Но теперь было другое время года, и матушке Карен пришлось брать с собой свечу.

Проходя мимо окна в коридоре, она обнаружила, что в садовой беседке горит фонарь. Сперва она подумала, что это лунный свет играет в цветных стеклах. Однако потом разглядела, что это фонарь.

Ее первой мыслью было разбудить Иакова. Но она тут же взяла себя в руки. Накинула на халат теплый тулуп и отправилась выяснять, что это означает.

Не успела она выйти на крыльцо, как дверь в беседке открылась и показалась высокая фигура в шубе.

Дина!

Матушка Карен поспешно юркнула в прихожую и поднялась к себе так быстро, как позволяли ее старые ноги.

Она не хотела выслушивать громогласные объяснения Дины в это время суток. Но твердо решила на другой же день поговорить с ней.

По той или иной причине разговор не состоялся.

Теперь матушка Карен тем более не могла спать по ночам. Ведь ей нужно было караулить Дину. Разве можно молодой женщине в мороз по ночам сидеть в беседке, даже если на ней теплая шуба!

Почему-то матушке Карен не хотелось говорить об этом с Иаковом.

Она обнаружила определенную закономерность в ночных прогулках Дины. Дина сидела в беседке ясными морозными ночами, когда на небе горело северное сияние.

Наконец однажды, оставшись с Диной наедине, матушка Карен спросила будто бы случайно, не спуская с Дины внимательных глаз:

— Ты тоже плохо спишь по ночам? Дина быстро глянула на матушку Карен:

— Я сплю как убитая!

— А мне казалось, я слышала… В ночь на пятницу ты разве никуда не выходила?

— Не помню…

На этом разговор кончился. Матушка Карен замолчала. Не в ее духе было бить тревогу из-за того, что кто-то не может спать. Однако ей было странно, что Дина делает из этого тайну.

— Ты ведь привыкла, что в это время года всегда темно.

— Да. — Дина начала насвистывать.

Матушка Карен тут же покинула гостиную. Она восприняла это как грубый вызов. Женщина из хорошей семьи не свистит.

Но она не позволила себе долго оставаться оскорбленной. Вскоре она снова вернулась в гостиную. Заглянула через плечо Дины, разбиравшей ноты, и попросила:

— Лучше поиграй мне. Ты же знаешь, я не выношу, когда свистят. Это очень дурная и неприличная привычка… Голос звучал мягко. Но смысл слов не оставлял сомнений.

Дина пожала плечами и вышла из комнаты. Она медленно поднялась в залу и, не закрыв дверь, начала играть псалмы.

Матушка Карен имела обыкновение совершать обход и проверять запасы, какие имелись в доме.

Ей стоило большого труда спускаться в сырой погреб. Но приходилось. Она осматривала полки с горшками и кринками, бочки с солониной. Следила за поддержанием чистоты и за тем, чтобы испорченные или старые продукты вовремя заменялись свежими. Ее добрая властная рука чувствовалась повсюду. Она всегда точно знала, сколько красной смородины и малины осталось после зимы и сколько предстоит заготовить на новый год.

Винный погреб заполнялся четыре раза в году. Там хранился запас вина, необходимый для дома. Если исключить печальный период в жизни Иакова, пили в Рейнснесе весьма умеренно.

Однажды во вторник, незадолго до Рождества, матушка Карен спустилась в погреб, чтобы пересчитать бутылки. И не обнаружила там ни одной бутылки дорогой сухой мадеры, по семьдесят восемь скиллингов за бутылку. Рейнского и «Хоххеймера» по шестьдесят шесть скиллингов осталось всего несколько бутылок. А из красного столового вина — лишь две бутылки изысканного «Сен-Жюльена» по сорок четыре скиллинга.

Матушка Карен решительно поднялась из погреба. Завязала шаль на

несколько узлов и отправилась в лавку, чтобы поговорить с самим Иаковом.

Ключ к чулану, где находились полки с вином, был только у него. Ей самой пришлось попросить у него утром этот ключ.

Матушка Карен была в растерянности. Иаков нисколько не смутился, узнав утром, что она собирается считать бутылки.

Олине было строго-настрого приказано подчеркивать в списке израсходованных продуктов каждую взятую ею бутылку. Так что уравнение в конце концов должно было сойтись.

Иаков с наслаждением курил трубку. Лицо у него было красное, галстук развязан, как всегда, когда они с Нильсом подводили итоги года. Иаков не любил эту работу.

Как только он увидел в дверях матушку Карен, он понял, что что-то случилось. Худая фигурка в шали с кистями выражала крайнее волнение.

— Иаков, мне надо поговорить с тобой! Наедине!

Нильс послушно вышел и прикрыл за собой дверь.

Матушка Карен немного выждала, потом быстро распахнула дверь, чтобы убедиться, что Нильс действительно прошел через склад в лавку.

— Ты опять принялся за старое? — без обиняков спросила она.

— О чем ты говоришь?

Он отложил бумаги и погасил трубку, чтобы хоть этим немного успокоить ее.

— Я была в погребе! Сухой мадеры там совсем нет и почти не осталось «Сен-Жюльена»!

Иаков откинулся на спинку стула и подергал себя за усы. Что-то похожее на старые угрызения совести проснулось в нем, он уже был готов поверить, что и в самом деле выпил все это вино.

— Но ведь это невозможно!

— Проверь сам, если не веришь!

Голос у матушки Карен дрогнул.

— Но я уже очень давно не брал оттуда вина без ведома Олине. Последний раз — задолго до поездки в Берген… Матушка Карен видела перед собой несчастного маленького мальчика, обвиненного в проступке, которого он не совершал.

— Во всяком случае, этих бутылок там нет! — твердо сказала матушка Карен и опустилась на стул для посетителей перед большим письменным столом. Она тяжело дышала и вопросительно смотрела на Иакова. Он торжественно заверил ее в своей невиновности. Они перебрали все возможности, но так и не пришли ни к какому решению.

Когда Дина вернулась с верховой прогулки, на кухне и в буфетной царил переполох. Только что там произвели настоящий обыск.

Олине плакала. Подозревали всех.

Дина пошла на звук взволнованных голосов и остановилась в дверях буфетной. Ее никто не заметил. На ней были старые кожаные штаны, в которых она всегда ездила верхом. Волосы растрепались. Лицо раскраснелось от встречного ветра со снегом.

Некоторое время она переводила глаза с одного на другого. Потом спокойно сказала:

— Это я взяла вино. Не так уж их там много и было, этих бутылок, как ты думаешь, матушка Карен.

В буфетной воцарилась мертвая тишина.

У Иакова задрожали усы, они у него всегда начинали дрожать, когда его достоинству угрожала опасность.

Матушка Карен побледнела еще больше.

Олине перестала плакать и решительно выдвинула вперед тяжелую нижнюю челюсть — зубы у нее лязгнули.

— Ты? — не в силах опомниться, спросила матушка Карен. — А по какому поводу?

— Поводы были разные, я уже не помню. Последний раз ночью, в полнолуние. Был мороз и северное сияние, я решила чего-нибудь выпить, чтобы заснуть.

— А ключ? — Иаков уже пришел в себя и шагнул к Дине.

— Ключ всегда лежит рядом с твоим бритвенным прибором. Это все знают. А то как бы служанка каждый раз доставала вино? Вы собираетесь допрашивать меня здесь, в буфетной? Может, пригласим ленсмана?

Она повернулась на каблуках и вышла из комнаты. Но взгляд, брошенный ею на Иакова, не предвещал добра.

— Боже милостивый! — ахнула Олине.

— Господи помилуй! — вторила ей одна из служанок. Матушке Карен потребовалось несколько мгновений, чтобы оценить положение и спасти честь дома.

— Это уже другое дело! — спокойно заявила она. — Прошу у всех прощения! У тебя, Олине! И у вас у всех! Я просто старая подозрительная женщина. Мне и в голову не пришло, что фру Дина станет сама спускаться в погреб за вином для гостей и всех обитателей дома.

Она выпрямилась, скрестила на груди руки, словно защищаясь, и с достоинством вышла следом за Диной.

Иаков забыл закрыть рот. Олине не могла опомниться от изумления. У служанок загорелись глаза.

О чем говорили между собой Дина и матушка Карен, осталось тайной.

Однако с тех пор, когда пополнялся запас вина и водки, определенное количество покупалось для молодой хозяйки. И этим вином она могла распоряжаться по своему усмотрению…

Но старая хозяйка продолжала следить, как часто пополняются запасы, а также сколько и какого вина покупается для дома.

Каждое полнолуние, а иногда и между ними Дина спускалась из залы только в середине дня.

Свои огорчения матушка Карен держала при себе.

Поскольку зимой беседкой пользовалась только Дина, никто, кроме матушки Карен, не видел полупустых бутылок с замерзшим содержимым, которые без пробок были выставлены под скамейкой.

Зато в те разы, когда Дина в беседке распевала псалмы так громко, что это слышали и в большом доме, и в людской, сохранять достоинство и делать вид, будто ничего не случилось, было трудно. Матушка Карен вела долгие беседы сама с собой, она задавала себе вопросы и сама же на них отвечала.

Но надо сказать, такое с Диной случалось нечасто. Каким-то образом это было связано с положением луны на небесном своде.

Иаков и матушка Карен с тревогой следили за развитием событий. Они-то знали: если на Дину нашло, бесполезно уговаривать ее лечь в постель.

Она могла впасть в бешенство, если бы кто-нибудь осмелился подойти к ней.

Однажды матушка Карен сказала с опаской, что Дина может простудиться, если будет по ночам сидеть на морозе.

Дина расхохоталась ей в лицо, дерзко обнажив белые зубы.

Она никогда не болеет. И ни разу не испытывала никакого недомогания за то время, что живет в Рейнснесе.

В конце концов походы с вином в беседку стали своего рода семейной тайной. В каждой семье свои странности — это было странностью семьи Грёнэльвов.

ГЛАВА 9

Коня приготовляют на день битвы, но победа

— от Господа.

Книга Притчей Соломоновых, 21:31

Дина стала навещать большие морские пакгаузы, она как будто что-то в них искала. То и дело она брала большие кованые ключи.

Люди слышали, как она ходит там взад и вперед. То вверх, то вниз. Ее видели то у погрузочного люка, то в казенке карбаса. Она стояла неподвижно, и взгляд ее бывал устремлен туда, где сходились море и небо.

Я Дина. Рейнснес пожирает людей. Люди как деревья. Я их считаю. Чем больше, тем лучше. На расстоянии. Не у самых окон. А то они застят свет.

Я хожу по Рейнснесу и считаю. У горного кряжа на той стороне пролива семь вершин. В аллее по двенадцать деревьев с каждой стороны!

Ертрюд была со мной в Тьотте. Она и была той маленькой девочкой, которая прошла и спряталась за часами. Я была не одна, вот она и стала такой маленькой. Ей нужно свое место. Зимой на берегу в Фагернессете слишком холодно.

Какой ты есть, такой ты есть всегда. Независимо от того, где ты.

Ертрюд дышит под досками причалов. Свистит между балками, когда я открываю погрузочные люки. Она никогда не вернется. У меня хранится та перламутровая раковинка.

Дина могла бродить по высоким ярусам дощатых морских пакгаузов в любое время суток. Если было темно, она брала с собой фонарь. Люди привыкли к ее причудам.

— Это молодая хозяйка ходит, — говорили они друг другу, услышав ее шаги в пакгаузах или увидев мерцание фонаря в окнах.

Эхо шагов менялось в зависимости от того, где шла Дина, какой товар там хранился, на каком ярусе или откуда дул ветер. Все сливалось с вечным и всегда менявшимся зовом ветра, прилива, отлива.

Часть большого пакгауза была сложена из бревен. Она служила остовом, обнесенным щелястыми дощатыми стенами. В бревенчатой части складывались товары, которые боялись мороза, влаги или тепла. Каждый товар хранился отдельно от другого. Бочки с сельдью, вяленая рыба, соль, смола.

В бревенчатых клетях хранились мука и немолотое зерно. Кожи,

инструменты и снасти всякого рода. На первом и втором ярусах запах смолы чувствовался не так сильно.

Неплотно свернутые серые паруса складывались высоко под крышей на решетках из жердей. Или развешивались для сушки на могучих матицах. Таинственно и ритмично они роняли капли на щербатые половицы. На полу пестрели пятна от смолы, рыбьего жира и крови.

В большом пакгаузе, который назывался пакгаузом Андреаса, по имени давнего, удавившегося там владельца, на стенах висели небольшие кошельковые неводы и рыболовные снасти. Здесь же хранился и новый темно-коричневый кошельковый невод для сельди — гордость Рейнснеса. Он висел высоко и свободно напротив больших двустворчатых дверей, выходивших на море.

Любой резкий запах облагораживался здесь соленым морским ветром и становился приятным.

Лучи света проникали сюда через щелястые стены и перекрещивались друг с другом то в одном месте, то в другом.

Сюда к Дине пришла Ертрюд. Поздней осенью. Дина первый год жила в Рейнснесе.

Ертрюд вдруг возникла перед ней на пересечении трех солнечных лучей.

Необваренная, с неповрежденным лицом. С живыми, добрыми глазами. В руках она держала какой-то прозрачный предмет.

Дина сказала звонким детским голосом:

— Отец уже давно разрушил ту прачечную. А прачечная здесь, в Рейнснесе, не опасна…

Ертрюд скользнула за складки кошелькового невода, словно ей было тяжело говорить об этом.

Но она пришла снова. Пакгауз Андреаса стал местом их встреч. Он был больше других доступен ветру.

Дина рассказала Ертрюд о той маленькой девочке, что скрылась за часами в Тьотте, и о том, как она проводит время в беседке.

Но она не донимала ее рассказами о будничных делах, с которыми могла справиться сама, без ее помощи.

Зачем говорить Ертрюд, что Иаков и матушка Карен недовольны, что она не занимается хозяйством, что им хотелось бы, чтобы она сделала высокую прическу и каждый день обсуждала с Олине меню обеда.

Она рассказала Ертрюд о чудесах, какие видела в Бергене. Но не

упомянула о повешенном.

Иногда Ертрюд улыбалась, обнажая в улыбке зубы.

— Люди там ходят в одежде, похожей на футляры, отдают команды, не слушают друг друга и стараются продать свои товары быстро и по хорошей цене. А женщины не умеют складывать даже простые числа! Они не представляют себе, как далеко от них мы живем. И ничего не видят вокруг из-за своих огромных шляп и зонтиков. Они боятся солнца!

Сперва Ертрюд отвечала ей односложно. Но потом сказала, что и у нее есть свои трудности. Они касались места и времени. Ертрюд огорчало, что она лишилась своей комнаты в усадьбе ленсмана.

Но больше всего она говорила о сверкающей радуге и о том, что люди внизу видят лишь ее бледное отражение. И о звездных небесах, которые окружают Землю по спирали. Они так огромны, что их невозможно охватить даже мыслью.

Дина слушала тихий знакомый голос. Она стояла прикрыв глаза и опустив руки.

Запах духов Ертрюд забивал все запахи склада, даже упрямые запахи смолы и соли. А когда он усиливался настолько, что воздух мог вот-вот разорваться, Ертрюд исчезала за складками невода.

Я Дина. Когда Ертрюд уходит, я сперва чувствую себя листком, что плывет по ручью. Потом мое тело словно отделяется от меня, мне становится холодно. Но ненадолго. Я считаю потолочные балки и щели между половицами. Постепенно кровь снова начинает струиться по моим жилам. Я согреваюсь.

Ертрюд есть!

Иаков боялся, что Дина чем-нибудь недовольна. Однажды он зашел в пакгауз, чтобы увести ее домой.

Она приложила руку к губам и шепнула: «Тс-с!» — словно он прервал ее на какой-то очень важной мысли. Его приход вызвал в ней раздражение и ничуть не обрадовал.

С тех пор он перестал следить, где она ходит. Просто ждал. А постепенно и вообще перестал думать об этом.

Первый год Иаков был еще главой и учителем в супружеской постели, однако не всегда. Это и смущало, и пугало его.

Со временем он понял, что супружеские игры, в которые он ринулся с жадностью и нетерпением вдовца, превратились для него в гонки, на

которых он уже не мог выступать так часто, как ему хотелось бы.

Иаков, которому любовь всю жизнь приносила только радость, должен был признаться самому себе, что сдал.

А Дина была неумолима. И не щадила его. Случалось, он чувствовал себя племенным жеребцом, хозяином которого оказалась подставленная ему кобыла.

Часто он переводил дух на самом краю пропасти. Но Дина была ненасытна и безжалостна. Она не отказывала себе в удовольствии испытать самые невероятные позы и положения.

Иаков не мог к ней приспособиться. Он состарился, устал и потерял всякий охотничий азарт.

Он мечтал о спокойной жизни с заботливой и верной супругой. Все чаще и чаще он вспоминал покойную Ингеборг. Иногда он даже плакал, стоя за рулем карбаса, но он был опытный мореход, и никто не видел, сколько слез ветер уносит за борт.

И матушка Карен, и Иаков надеялись, что все образуется, как только Дина родит ребенка.

Но Дина не беременела.

Иаков купил молодого вороного жеребца. Жеребец был дик и необъезжен. В конюшне все проклинали его и звали Сатаной.

После Рождества Дина отправила гонца к ленсману, не поставив в известность Иакова. Она просила прислать к ней Фому, чтобы он помог объездить нового жеребца.

Иаков разгневался и хотел отослать Фому домой.

Дина заявила, что слово надо держать. Нельзя сегодня нанять человека, а завтра отправить его домой. Или Иаков хочет, чтобы над ним смеялись? Или он так беден, что не может позволить себе держать и скотника и конюха? Может, у него меньше средств, чем он говорил ее отцу, когда сватал ее за себя?

Нет, конечно…

И Фома остался. Он спал начердаке в людской вместе с другими работниками. На него смотрели свысока и даже дразнили. Но и завидовали. Он был Дининой игрушкой. Ездил с ней в горы. Всегда и всюду ходил за ней по пятам. Провожал ее, опустив глаза, когда она, в платье с облегающим лифом и в пальто, отделанном, бахромой, садилась в карбас с казенкой.

У Дины из Рейнснеса не было собаки. Не было никого, кому бы она

могла довериться. У нее были только вороной жеребец и рыжий конюх.

ГЛАВА 10

Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наемника? Как раб жаждет тени, и как наемник ждет окончания работы своей…

Книга Иова, 7:1, 2

Супружескую жизнь можно сравнить с огурцом, засоленным в слишком сладком рассоле. Без куска перченого мяса его не проглотишь.

Олине была тверда в своих убеждениях. Она никогда не была замужем. Но насмотрелась достаточно. И считала, что о супружеской жизни знает все. Она наблюдала за отношениями между супругами, начиная с обручения. Сундуки с приданым и одеждой. Скрип кровати, раздававшийся в любое время суток, ночные горшки…

Эти наблюдения она начала делать с собственных родителей, о которых никогда не рассказывала. Ее мать, дочь богатого крестьянина из Дённы, вышла замуж за простого арендатора и потому была отвергнута своими богатыми родственниками. Много лет они с мужем жили на арендуемой усадьбе, плодя ребятишек и владея остроносой лодкой, помогавшей добывать пищу.

Но муж утонул. И на этом все кончилось. Правда, остроносую лодку вскоре прибило к берегу. Но зачем семье лодка, если у нее нет кормильца, который бы сел на весла?

Мать позволила себе роскошь рано скончаться, и дети рассеялись по свету. Олине была младшая. И когда пришла ее очередь получать свою долю из того немногого, что осталось после родителей, наследства давно и след простыл.

— Было бы здоровье да крепкие зубы, а что жевать — не важно, — говорила всегда Олине.

Однако это убеждение не мешало ей готовить нежнейшее филе куропатки в соусе из дичи. Протертые ягоды можжевельника, рябиновое желе, водка — все это были несомненные деликатесы.

Но Олине знала не только свои котлы. Поварскому искусству она выучилась чудом, когда служила помощницей кухарки в Трондхейме. Попала туда Олине тоже не менее чудесным образом.

Впрочем, она никогда не рассказывала о себе. И потому знала все о других.

В один прекрасный день ее в Трондхейме охватила такая тоска по родным местам, что она решила действовать безотлагательно. Причина была в одном человеке, который оказался далеко не благородным.

Так или иначе, Олине попала на карбас, который шел на север. Она умолила взять ее на борт, хотя и не могла исполнять обязанности матроса. Зато у нее был с собой большой деревянный короб с лепешками. Ими она и оплатила свой проезд.

Карбас был из Рейнснеса, и это решило судьбу Олине.

Она осталась в синей кухне. Уже навсегда.

Ингеборг ценила ее поварское искусство и твердую руку.

Но по-настоящему искусство Олине сумели оценить, когда в Рейнснес приехала матушка Карен.

Ведь она знала кухню и Гамбурга, и Парижа! Она понимала, что готовить пищу следует с любовью.

Матушка Карен и Олине обсуждали меню так же серьезно, как читали «Отче наш».

В книжных шкафах матушки Карен имелись поваренные книги на французском языке. Она подробно переводила на язык Олине рецепты, дозы и вес всех составных частей. Если какую-нибудь составную часть невозможно было достать ни в Бергене, ни в Трондхейме, они сообща находили подходящую замену.

Матушка Карен не пожалела времени и сил и разбила небольшой огород с редкими овощами и пряными травами. Иаков привозил ей из своих поездок семена самых диковинных растений.

Благодаря всему этому Олине добилась того, что люди стремились попасть в Рейнснес и в бурю и в штиль.

Преданность Олине своим хозяевам была беспредельна. Сам Господь Бог не спас бы того, кто покусился бы на честь хозяев Рейнснеса! В этом люди не раз имели возможность убедиться. У Олине были свои связи. И она знала все, что стоило знать.

Работников в Рейнснесе не предупреждали об увольнении. Они просто получали приказ собрать свои пожитки и исчезнуть. И такой приказ они могли получить в любое время, будь то страда, забой скота или предстоящая поездка в Берген.

Такая судьба постигла одного работника и служанку, после того как

Иаков вытаскивал в сад кровать с пологом, чтобы быть поближе к Ингеборг. Олине проведала, что они не сохранили в тайне эту историю.

— Уж мы с Господом Богом позаботимся, чтобы люди ценили то, что им послала судьба! Тому, у кого не хватает ума держать язык за зубами, нечего делать в Рейнснесе! — таково было напутствие, которое они получили при расставании.

Олине была свидетельницей первого брака покойной Ингеборг. Бездетного, спокойного и унылого. Точно длинный осенний день без листьев, без снега, без урожая. Когда хозяин погиб в море, она горевала не больше, чем того требовали приличия.

Но над вдовой Олине дрожала как над сокровищем. В бессонные ночи она поила ее пуншем из черной смородины с корицей. По собственному почину согревала кровать с пологом горячими камнями, завернутыми в шерстяную ткань.

Недоверие Олине к Иакову, который был на пятнадцать лет моложе хозяйки, было написано у нее на лице.

Первый раз она услыхала о нем, когда Ингеборг вернулась с тинга и рассказала, что встретила опытного шкипера из Трондхейма. Она ездила на тинг, чтобы решить спор о нескольких птичьих базарах: документы на их владение потерялись, и теперь на них претендовал один из арендаторов.

Ингеборг выиграла это дело. И шкипер прибыл в усадьбу. В грубых рыбацких бахилах и штанах из козьей шкуры, подаренных каким-то собутыльником из Мёре. Кожаную шляпу с рябой вязаной шапкой внутри он держал под мышкой, словно дохлую ворону.

Этот шкипер, одетый, как простой матрос, видно, не считал нужным принарядиться.

Когда он сбросил с себя свою кожаную одежду, то оказался ладным и стройным. На нем были брюки из тонкой парусины незнакомого покроя, с широкими штанинами. Короткая розовая расшитая жилетка и белая рубаха из хорошего полотна. Рубаха была без воротничка, и верхние пуговицы были расстегнуты, словно на дворе стояло жаркое лето.

Первые ночи он спал в комнате для гостей. Но его каштановые локоны и темные блестящие глаза привлекали внимание всех. Уже давно в Рейнснесе не видели такого красивого мужчины.

Иаков брал одно укрепление за другим. Первым делом он явился на кухню к Олине с двумя зайцами, которых тут же собственноручно освежевал.

Кроме того, он выложил на стол и другие подарки для кухни. Это были дары из далекого мира. Мешочки и пакетики с кофе, чаем, черносливом, изюмом, орехами и лимонной кислотой. Последнее предназначалось для пуншей и пудингов.

С небрежной уверенностью, словно ни минуты не сомневался, кто в Рейнснесе главнокомандующий, Иаков разложил свои дары на выскобленном добела столе Олине.

И к тому времени когда он кончил возиться с зайцами, Олине отдала ему свою любовь полностью и без каких-либо оговорок. Все годы ее любовь оставалась трепетной и горячей, как птенцы куропатки в конце июня. О такой любви в Библии сказано, что она выдержит все. Абсолютно все!

Фру Ингеборг тоже влюбилась в Иакова. Это заметил даже пробст. Именно о любви он говорил и в церкви во время венчания, и за свадебным столом.

Ингеборг даже согласилась, чтобы мать Иакова приехала в Рейнснес. Хотя о своей свекрови знала лишь то, что она не смогла приехать на свадьбу, потому что ее предупредили всего за три недели. А также что она бывала за границей и у нее есть несколько книжных шкафов с дверцами из шлифованного стекла. Их она привезет с собой, если переедет в Нурланд, написала она в своем первом письме.

Карен Грёнэльв стала притчей во языцех задолго до того, как появилась в Рейнснесе. То, что она была вдовой трондхеймского шкипера и торговца, а также обладательницей книжных шкафов, придавало ей веса и уважения. А то, что она годами жила за границей, чтобы заботиться о муже, свидетельствовало о том, что она далеко не заурядная шкиперша из Трондхейма.

Ингеборг стала матерью едва ли не через семь месяцев после свадьбы. И, словно желая опередить пастора, который выписывал свидетельство о крещении Юхана так скоро после венчания, она будто случайно заметила, что не могла терять ни недели. Выйдя замуж первый раз в восемнадцать лет, она до сих пор оставалась бездетной, а ведь ей уже за сорок. Бог должен понять ее нетерпение.

Пастор кивнул. Он подумал, что подобное нетерпение было скорее связано с молодым женихом, чем с желанием стать матерью. Но он не мог позволить себе высказать это вслух.

Об Ингеборг нельзя было говорить что попало. Она щедро жертвовала

на содержание бедняков. И два больших серебряных подсвечника с дарственной надписью, стоявшие в церкви, были преподнесены владельцами Рейнснеса.

Вместо слов он благословил ее материнство и велел с Богом возвращаться к сыну и учить его всему, что заповедал Господь.

Тогда же было решено, что мальчик станет первым пастором в роду Грёнэльвов.

Нильсу было четырнадцать, а Андерсу — двенадцать, когда их отец погиб в море и они осиротели. Они приходились Ингеборг дальними родственниками, и потому она из сострадания взяла их к себе.

Потом уже было решено, что они останутся у нее навсегда. Это устраивало всех, тем более что в Рейнснесе не было наследников. Когда же оказалось, что Иаков подарил Ингеборг ребенка, а усадьбе — наследника, Нильсу и Андерсу пришлось смириться с мыслью, что их юношеские мечты получить в будущем Рейнснес со всем его богатством пошли ко дну, как опрокинувшийся карбас.

Еще со времен Ингеборг Олине с преданным смирением надзирала за обитателями Рейнснеса строгим недреманным оком.

Ее не смущало то обстоятельство, что у нее было две хозяйки, пока между ними царил мир и они не вмешивались в дела Олине.

Для нее самым главным был Иаков. Но если кто-нибудь позволял себе хотя бы словом обмолвиться об этом, он немедленно получал расчет.

С гордостью и достоинством, каких требовало ее положение, столь же непоколебимое, как и вера в загробную жизнь, Олине, с красными от слез глазами, искренне горевала, когда умерла Ингеборг.

Но пожелать более красивой смерти было бы невозможно. Все знаки были добрые. В день ее похорон распустилась сирень. И морошки в том году было видимо-невидимо.

Брак Иакова с Диной Олине сочла дурным предзнаменованием. И не только потому, что Дина не показывалась на кухне и не свежевала зайцев.

То, что она за столом вела себя как простой работник, лазила по деревьям и пила по ночам в беседке, тоже было не самым худшим.

Непростительным было то, что она просто не замечала Олине.

Олине не понимала, что этому кукушонку, пусть даже и чаду ленсмана, делать в Рейнснесе.

Она считала женитьбу Иакова глупой затеей и воспринимала ее как несчастье.

Однако она помалкивала об этом, как и о многом другом. Но поскольку Олине спала в своей каморке за кухней, как раз под тем местом, где в зале стояла кровать с пологом, она строго следила за всеми звуками и шорохами, доносившимися оттуда.

Такая бесстыдная неутомимость была для нее загадкой. Это задевало ее больше, чем смерть Ингеборг.

Несмотря на всю свою неприязнь к Дине, Олине не могла подавить в себе любопытства. Желания найти объяснение этому безумному поступку Иакова. И понять, каким образом эта девчонка смогла подчинить себе всю усадьбу, не шевельнув для этого даже пальцем.

ГЛАВА 11

Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя.

Пусть не разливаются источники твои по улице, потоки вод — по площадям;

Пусть они будут принадлежать тебе одному, а не чужим с тобою.

Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей.

Книга Притчей Соломоновых, 5:15 — 18

Иаков возобновил «необходимые» поездки на карбасе с казенкой. Посещал старых друзей. Нашлись у него дела и в Страндстедете.

Поначалу Дина непременно хотела сопровождать его. Но он отговаривался тем, что ей будет скучно. Холодно. Что он скоро вернется.

Он уже знал, что надо сказать. Как ни странно, она даже не сердилась. Просто оставляла его в покое.

По утрам он иногда видел волчью шубу, валявшуюся на площадке лестницы. Она лежала словно шкура заколдованного животного, которое так и не стало человеком.

Дина никогда не спрашивала, где он был. Даже если он отсутствовал всю ночь. Никогда не встречала его на пороге.

Часто она сидела по ночам в беседке. Но по крайней мере не играла на виолончели.

Однажды, вернувшись поздно из Страндстедета, Иаков увидел свет в конторе.

Дина сидела там и просматривала бухгалтерские книги. Она сняла с полки все накладные и разложила их на столе и на полу.

— Что ты здесь делаешь? — удивился он.

— Хочу в этом разобраться, — ответила она, даже не взглянув на него.

— Да ты ничего в этом не смыслишь. Давай уберем все на место, а то Нильс рассердится.

— Я не уверена, что Нильс не ошибается в расчетах, — пробормотала Дина, прикусив указательный палец.

— Это невозможно! Он столько лет этим занимается!

— Цифры не сходятся. Лорк сказал бы, что этот пример решен неверно.

— Брось эти глупости, Дина! Идем домой. Уже поздно. Я тебе кое-что привез.

— Я должна все пересчитать! Иаков, я хочу постоянно работать в конторе!

Глаза у нее горели, ноздри раздулись. Такой она бывала в те редкие разы, когда ей было хорошо.

Но Нильс заявил твердо: либо он, либо Дина. Иаков попытался примирить их. Говорил, что Дина может помочь вести бухгалтерию. Что она считает как никто, и всякое такое.

Однако Нильс, который обычно не открывал рта, сказал:

— Нет!

Дина со свойственной ей ухмылочкой приблизила к нему лицо. Она была на полголовы выше Нильса, и слова ее полетели в него, как сверкающие наточенные стрелы:

— Еще бы! Ты боишься, что кто-нибудь обнаружит, что ты не силен в счете! Что иные цифры исчезают у тебя как роса с травы! Да-да! Но цифры навсегда не исчезают. Так может казаться только тому, кто не умеет считать…

В конторе воцарилась тишина. Потом Нильс повернулся на каблуках и вышел, бросив через плечо:

— При Ингеборг такое было бы невозможно! В конторе останусь либо я, либо эта.

Дина не осталась в конторе. Но за обеденным столом она выразительно поглядывала на Нильса. Нильс предпочел обедать на кухне.

Иаков пытался задобрить Дину, чтобы она не сердилась из-за того, что вести дела в конторе остался Нильс. Он привозил ей из своих поездок маленькие подарки. Кусочек мыла. Брошку.

Пытался втянуть ее в общий разговор.

Однажды, когда все собрались в гостиной после обеда, он спросил у Дины, что она думает о новом короле Оскаре I.

— Мне хотелось бы попросить нового короля как-нибудь проверить все счета в нашей лавке, чтобы выяснить, куда пропали некоторые цифры, — с улыбкой ответила Дина.

Нильс встал и вышел. Матушка Карен вздохнула. Иаков нервным движением зажег трубку.

Иаков знал в Страндстедете одну вдову. У нее были тяжеловатые, но

приятные черты лица и волосы с седыми прядями, собранные в пучок. Платье плотно облегало крепкое тело. Она жила одна в небольшом доме, пускала к себе постояльцев и немного шила для людей.

У нее Иаков находил утешение. К ней он мог приехать и облегчить свое сердце, поговорить.

Если во времена Ингеборг он брал карбас и уплывал в поисках развлечений, танцев и музыки, а иногда и кое-чего еще, то теперь он покидал Рейнснес, чтобы обрести покой и гармонию.

Потребности мужчин… Они неисповедимы и непредсказуемы.

Пришло лето 1844 года. Ползали муравьи, сверкало солнце, стояла тишина.

Матушка Карен приобрела для Дины народные песни, собранные человеком по имени Йорген Му, и языческие сказки, собранные Асбьёрнсоном и Му. К сказкам Дина даже не притронулась.

— Истории в Книге Ертрюд гораздо интереснее. В них нельзя угадать конца, как в этих сказках.

— В сказках совсем другая мораль, милая Дина, — объяснила матушка Карен.

— Какая?

— Сказки — это не слово Божье. В них главное — народность, народная мораль.

— А какая между ними разница?

— Слово Божье священно. Оно говорит о грехе и о спасении души. А сказки — это сказки, их рассказали люди. В них зло бывает наказано и добро торжествует.

— Но и Книга Ертрюд тоже написана людьми!

— У Бога были Свои посланцы. Свои апостолы, которые несли людям Его слово, — объяснила матушка Карен.

— Я знаю. Во всяком случае, Его истории интересней, чем истории Асбьёрнсона и Му! — заявила Дина.

Матушка Карен улыбнулась.

— Очень хорошо, милая Дина! Но ты не должна называть Библию Книгой Ертрюд! И не надо сравнивать слово Божье с языческими сказками! — примирительно сказала она.

— Книга Ертрюд, Библия, очень выигрывает от такого сравнения, — сухо заметила Дина.

Матушка Карен поняла, что Дина вряд ли может подняться до философских дискуссий или богословских бесед. Ну что ж, пусть будет

так.

Дина играла на виолончели и ездила верхом с Фомой. В пакгаузе Андреаса встречалась с Ертрюд.

Каждое утро на столе в беседке были видны красные круги от рюмки.

Забравшись на бузину, она следила за судами во фьорде. Приезжих было мало. А те, что приезжали, казалось, прибыли с другой планеты.

Дина сделала свои выводы относительно поездок Иакова в Страндстедет. Слухи долетали до нее через стены людской и вообще с ветром. Она подхватывала кое-что здесь, кое-что там. Несколько раз шепот обрывался, когда она появлялась в комнате или проходила мимо. Даже у церкви.

Она стискивала зубы.

Подошла осень.

По темному морю гуляли белые барашки, холодный ветер колол лицо ледяными иголками. Луна была белая, круглая, и сполохи северного сияния прогоняли со звездного неба злые силы.

Снег и дождь чередовались друг с другом. Горные дороги стали недоступными, по ним не могли пройти ни люди, ни лошади. Хорошо было тем, у кого были лодки. Хотя и на море гуляли ненадежные ветры.

То они задували с севера. То гнали с запада тяжелые волны и неприкаянных черно-синих бакланов.

Дина не спала всю ночь. Но, против обыкновения, она не встала и не ушла в беседку в своей волчьей шубе.

Ночь предвещала ненастье. Ясное небо и северное сияние сопротивлялись приближающемуся шторму.

Дина лежала на высокой кровати и, откинув полог, глядела в окна на жалкие остатки света, из-за которых небо казалось выцветшим и бесконечно далеким.

Неожиданно сквозь закрытую дверь в залу вошел Иаков. Подошел к кровати. Он хромал.

Лицо у него было худое и измученное, он протягивал к ней руки, как будто молил о милости.

Иаков снял с себя только один сапог, поднятый им шум мог разбудить весь дом.

На его бледном лице была печать предательства.

Дина позвала его. Но он не ответил. А потом было уже поздно. Его сменил жалкий двойник. Весь день Дина поглядывала на пролив, ожидая

посланца из Страндстедета.

Я Дина. Иаков говорит одно, а делает другое. Необъезженный жеребец. Он знает, что принадлежит мне, и боится, как бы я не узнала, что он хочет улизнуть от меня. Семь раз он лгал, чтобы улизнуть от меня.

Уже ничего нельзя изменить. Люди как времена года. Иаков вот-вот станет зимой. Мне нанесли удар. Я почувствовала боль. Но все исчезло в том безграничном, что я всегда ношу в себе.

Я брожу из комнаты в комнату, между предметами и людьми. Могу заставить людей натыкаться друг на друга. Они плохие игроки. Ничего про себя не знают. От моих слов у них начинают бегать глаза. Людей нет. Я не хочу больше считать их.

Потрепанный двухвесельный бот с мокрым и замерзшим гребцом подошел к причалу. Иаков повредил ногу, его надо забрать домой, он лежит у вдовы в Страндстедете.

Дина не выразила ни малейшего удивления. Она тут же начала одеваться и приказала запрячь в сани Вороного.

Андерс хотел пойти в Страндстедет на карбасе. Женщине нельзя ехать через горы.

Дина шипела, как разъяренная рысь, и ждать не стала.

Андерс пожал плечами. На море творилось такое, что, может, Динино решение было и кстати.

Казалось, Дина уже с утра была готова к этой поездке. Теперь ей оставалось только закутаться в шаль, завернуться в овчину и сесть в сани.

Матушка Карен и Олине больше опасались за Иакова, чем за рискованную поездку Дины.

Так сложилось, что Дина сама забрала Иакова из спальни вдовы.

Он веселился на пирушке, и ничто не предвещало несчастья. Но на крыльце он поскользнулся и упал с лестницы. Голень треснула, словно сухая ветка, сломанная ветром. Перелом был тяжелый, кость вышла наружу.

На его счастье, в Страндстедете в это время оказался доктор. Иаков выпил целую бутылку рома, чтобы заглушить боль, пока доктор промывал рану и накладывал шины.

Дина, по обыкновению, была в штанах и ботфортах, как мужчина. Она

заполнила собой весь небольшой дом. Между бровями у нее залегла глубокая складка. Слова замерзли.

С вдовой она обращалась точно с прислугой. И ее добрый совет не забирать Иакова до тех пор, пока его можно будет перевезти на карбасе, оставила без ответа.

Дина приказала привязать Иакова к саням. И вскоре он уже лежал в санях, завернутый в овчину.

— Хозяйке надо оплатить расходы на доктора и дать за постой, — тихо сказал Иаков и сморщился от боли.

Но Дина не сказала хозяйке ни «спасибо», ни «до свидания». Она хлестнула Вороного и прыгнула в сани.

Вороной несся как дьявол. Из-под полозьев летели искры. От скорости захватывало дыхание.

Дина, словно коршун, парила над Иаковом.

У Иакова от страха замирало сердце, когда они летели по заледеневшим колдобинам.

Осенний паводок сильно разрушил дорогу. Каждый замерзший ухаб отзывался в ноге острой болью.

Только теперь Иаков до конца осознал, что значит оказаться во власти Дины.

Он редко пользовался лошадьми, всегда предпочитал море.

Он упрекнул Дину, что она не взяла с собой матросов, чтобы они перегнали домой его карбас. Но она не удостоила его даже взглядом.

Мало того что Иаков сломал ногу, он еще и попал в немилость. И понимал, что только время поправит и то и другое. Но ему не хватало терпения.

Перелом был сложный, шины наложены плохо, и рана никак не заживала.

Казалось, все злые силы ополчились против его ноги. Иаков был прикован к постели. Он то кричал и буйствовал, то говорил шепотом и взывал к сочувствию.

Ему поставили кровать в гостиной, чтобы он не думал, будто живые уже исключили его из своего числа.

Складка между бровями у Дины становилась все глубже. Если она и сочувствовала больному, то хорошо это скрывала.

Однажды Иаков невинно попросил ее не пить столько вина и сыграть

ему на виолончели. Дина вскочила с кожаного стула с высокой спинкой так резко, что рюмка опрокинулась на кружевную салфетку.

Красный цветок от вина расплылся во все стороны. Ножка у рюмки сломалась.

— Попроси лучше свою вдову из Страндстедета выправить кости в твоем скелете! — крикнула она и пулей вылетела за дверь.

Тем временем Андерс пригнал карбас домой. И матушка Карен с Олине ухаживали за Иаковом, не жалея сил.

Выходка Дины кое-что объяснила Иакову. Он только не понял, что это непоправимо.

Когда дело касалось женщины, для него не было ничего непоправимого. Даже эти два года, что он прожил с Диной, не лишили Иакова его неистребимой веры в себя.

Но он не поправлялся. У него началась гангрена. Цвет раны не оставлял никаких надежд. И дух от нее полз подобно злому слуху. Это неумолимое предупреждение о том, что день расплаты уже недалек, отравляло каждое мгновение.

Время теперь было на вес золота.

Матушка Карен понимала, что Иакову требуется умелая помощь. И безотлагательно!

Только Дина представляла себе, что подразумевалось под умелой помощью.

Она уже сталкивалась с гангреной. Один из рыбаков ленсмана отморозил ногу, и у него началась гангрена. Он, правда, выжил, но вместо ноги у него торчал обрубок, и теперь он жил у ленсмана из милости. Через год этот человек так озлобился от горечи и ненависти ко всем и вся, что служанки боялись приносить ему еду.

Зато Дина навещала его даже без дела.

Дух от ноги Иакова шел по всему дому. Матушка Карен не отходила от его постели. Слезы Олине падали в кастрюлю с супом.

Море не стихало и не давало надежды.

Андерс уступил и на этот раз, когда Дина сказала, что они с Фомой отвезут Иакова к доктору.

Если она одна одолела эту дорогу на строптивом Вороном, то тем более одолеет ее вместе с конюхом.

Лучшего решения никто предложить не мог. Пришлось остановиться на этом.

Но только Фоме не вышло поехать с Диной.

Ничего не понимая, Фома оторопело смотрел на Дину, когда она села в сани и приготовилась ехать одна.

Иаков нерешительно кивнул ему. Словно молил о помощи.

Фома уже приготовился прыгнуть в сани.

— Нет! — рыкнула Дина и вожжами хлестнула его по рукам. Потом крикнула Вороному:

— Пошел! — и понеслась так, будто за ней гнался сам черт.

Упавший Фома стоял на четвереньках на заледенелом дворе усадьбы. На правой руке краснел след от удара. Дыхание со свистом вырывалось из груди.

Позже он оправдывал поступок Дины тем, что трое для саней — слишком тяжелый груз. Она не могла терять времени, нужно было спешить.

Как и все, что говорил Фома, это казалось правдоподобным. Но он видел страх в глазах Иакова. И вспоминать об этом ему было тягостно.

Фома был ученым псом. Без дела не лаял.

Свои мысли он утопил в бочке, что стояла во дворе, сунув руки и голову в ледяную воду. Боль от удара чувствовалась по всей руке, даже под мышкой. Потом он вытер лицо мокрой рукой и пошел к Олине.

Лицо у него горело от холодной воды. Он сказал, что Иаков, видать, совсем плох.

Олине вытерла глаза и незаметно сморкнулась. У них ничего не осталось от Иакова, кроме запаха.

А три часа спустя Фома уже встречал Дину и Вороного с пустыми оглоблями.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

Сердце знает горе души своей, и в радость его не вмешивается чужой.

Книга Притчей Соломоновых, 14:10

В тот год когда Иакова опустили в могилу, Рождество в Рейнснесе было тихое.

Никто не решился навестить вдов. Лед на дороге как на заказ служил оправданием для тех, кто пожелал уклониться.

Олине жаловалась, что холодные рыдания стен отдаются у нее в суставах и не дают ей покоя.

До середины января дороги оставались непроезжими. Жизнь в усадьбе замерла.

Фома старался лишний раз пройти мимо окон залы. Его глаза — голубой и карий — смотрели вверх. Он и сам не знал, что он молится.

Если ему приказывали отнести наверх дрова, у него так дрожали руки, что он ронял — поленья на лестницу.

Дина всегда сидела к нему спиной, пока он складывал дрова в короб, что стоял за ширмой с Ледой и лебедем.

Он благословлял ее спину, говорил: «Храни тебя Бог!» — и уходил.

Никто не знал, когда Дина спит. Ее каблуки, подбитые железками, стучали по полу и днем и ночью.

Тонкие страницы Библии Ертрюд дрожали на сквозняке.

Матушка Карен напоминала заморскую перелетную птицу, которая по непонятной причине осталась зимовать на севере.

От горя она сделалась совсем прозрачной, как хрупкое стекло. Темное время положило свои тени на его мягкий узор.

Она тосковала по Иакову. По его вьющимся волосам и веселым глазам. По Иакову, каким он был, пока в Рейнснесе все не разладилось.

Старость облегчала матушке Карен переход за черту, за которой обретались умершие. Прислуга думала, что она слегка помешалась. Она ходила, прихрамывая, по дому и разговаривала сама с собой.

На самом же деле она страдала от беспросветного одиночества и

безнадежной тоски по прошлому.

Люди и животные. Хлев. Надворные постройки, лавка — все несло на себе печать этого одиночества.

Усадьба затаила дыхание и ждала, чтобы кто-нибудь заполнил пустоту, оставшуюся после Иакова.

Рейнснес — большое судно — плыл без кормчего и без команды.

И то, что Дина не спускалась вниз, а ходила по ночам взад и вперед по зале в своих подкованных башмаках, только ухудшало положение.

И в ее молчании всем чудилось что-то недоброе.

Андерс вырвался из этой обители скорби и готовился к лову на Лофотенах.

Матушка Карен написала Юхану, что он лишился отца, но дом у него есть. У нее ушла целая неделя на то, чтобы найти нужные слова. И избавить его от подробностей.

Было сделано все, чтобы спасти отца, писала она. И все-таки Бог призвал его к Себе. Может, Господь в Своей неизреченной милости понял, что для Иакова было бы невыносимо остаться одноногим калекой… Господь в Своей мудрости понял, что не по Иакову такая жизнь…

Когда письмо с печальным известием было отправлено, матушка Карен с трудом поднялась на второй этаж и постучалась к Дине.

Дина стояла посреди комнаты.

Она уже хотела отойти к окну и повернуться спиной, но матушка Карен мягко сказала:

— Ты все ходишь и ходишь по зале, а ведь от этого ничего не изменится.

Может, на Дину произвели впечатление белые дрожавшие ноздри матушки Карен. А может, ее беспокойные пальцы, которые в отчаянии теребили бахрому шали. Так или иначе, но Дина вышла из своей оболочки и неожиданно проявила внимание.

— Жизнь продолжается, милая Дина. Тебе надо спуститься вниз, взять дело в свои руки. И…

Дина жестом пригласила матушку Карен сесть за овальный стол, что стоял посреди комнаты. Он был накрыт золотистой плюшевой скатертью, отделанной по краю кистями, которые шевелились от сквозняка, тянувшего в открытую дверь.

Хрупкое тело матушки Карен тяжело опустилось на стул с овальной спинкой.

Этот стол и четыре стула к нему были привезены из Бергена в первый

год, что матушка Карен жила в Рейнснесе. Она сама следила, чтобы дорогую мебель осторожно доставили на берег.

И вдруг старая женщина обо всем забыла. Словно она поднялась к Дине не потому, что уже не могла выносить одиночества и огорчения.

Она не сводила глаз с изогнутых ножек стола. Точно перед ней было что-то диковинное. Потом медленно, без всякого вступления начала рассказывать историю этой мебели.

Дина прошла через комнату, закрыла дверь в коридор. И, взяв грифель и доску, села рядом с матушкой Карен. Сперва она, словно щитом, прикрывалась своей усмешкой. Потом усмешка исчезла. Дина слушала. Как будто всю жизнь хотела услышать именно эту историю.

Матушка Карен рассказывала о светлой мебели с изысканной обивкой на стульях. Иакову казалось, будто эти стулья похожи на женское тело с изящной талией и пышными бедрами.

Палец матушки Карен скользнул в небольшое отверстие в верхней части спинки. Оно было вырезано в форме сердца. Старая прозрачная рука погладила скатерть на столе и грустно задержалась на пятне, прожженном сигарой.

— Это память о тяжелых днях. Иаков очень страдал, когда остался вдовцом, — вздохнула она.

Без всякого перехода она стала рассказывать о своей сказочной жизни с отцом Иакова. О годах, прожитых в Париже и Бремене. О бесконечных плаваниях с горячо любимым мужем.

В конце концов она оказалась в Трондхейме и ждала его возвращения из Копенгагена. Но не дождалась.

Его судно потерпело крушение на юге Норвегии. Двенадцатилетний Иаков остался сиротой. Он заявил, что начнет плавать, как только вырастет.

Но больше всего матушка Карен рассказывала о полированных столах в больших праздничных залах. О зеркалах-рококо и знаменитых книжных шкафах. О многоярусных сундуках с потайным дном. Она говорила бессвязно и монотонно.

И постоянно возвращалась к той мебели, что привезла с собой в Рейнснес.

Эти стулья были обтянуты плюшем к свадьбе Дины и Иакова.

По распоряжению Иакова их перенесли из гостиной сюда, в залу. Чтобы Дина могла сидеть посреди комнаты и в хорошую погоду любоваться фьордом. Ему хотелось, чтобы она всегда и отовсюду видела прекрасные берега Рейнснеса.

Дина слушала, не меняя выражения лица. Часы в большой гостиной внизу пробили три раза. Матушка Карен очнулась. Она нежно посмотрела на Дину, очевидно уже забыв о рассказанных только что историях. Одиночество и заботы о будущем опять навалились на нее.

— Ты должна заняться чем-нибудь полезным, милая Дина! Нельзя только ходить по зале день и ночь. Усадьба требует забот. Люди не знают, что им делать. Время идет…

Дина подняла глаза на потолочные балки. Казалось, будто кто-то начал рисовать улыбку на ее лице, но бросил, потому что она не получилась.

«Почему я должна этим заниматься?» — написала Дина на черной доске.

Матушка Карен растерялась:

— Но ведь все это принадлежит тебе! — В глазах у нее было отчаяние.

«Где это записано?» — написала Дина.

Пальцы, державшие грифель, побелели.

Однажды после полудня Дина надела штаны для верховой езды. Как девчонка, съехала по перилам лестницы. Никем не замеченная, вошла в конюшню.

Опустив голову, Вороной прислушивался к ее шагам. Как только она вошла в стойло, он вскинул голову и начал перебирать ногами, потом губами схватил Дину за плечо и добродушно обнажил большие зубы.

Конь и женщина. Через минуту они были уже единым целым.

Их заметили не сразу. Они вылетели на дорогу, идущую вдоль берега, и скрылись за морскими пакгаузами и холмами.

Те же, кто успел их заметить, всплеснули руками. Уж не почудилось ли им? Неужели Дина и впрямь вышла из дому? Неужели это она промчалась сейчас на Вороном?

Сперва их охватила надежда. Потом тревога. Ведь они уже привыкли, что Дина не выходит из залы.

Фому тут же нарядили следить за ней. Он оседлал лошадь быстрее, чем когда бы то ни было. На его счастье, Дина уехала не в горы. Она скакала по черному берегу. Фома догнал ее, но приближаться не хотел. Не предостерег ее, когда она пустила Вороного в галоп. Это было бы ошибкой. Он держался на изрядном расстоянии.

Так они и скакали, словно гонимые собственной тенью.

Наконец Дине это наскучило. Вороной был весь в мыле. У конюшни она осадила его так резко, что из-под копыт у него взметнулись комья льда. Один угодил Фоме в ногу, он вскрикнул.

Не говоря ни слова, он поставил лошадей в конюшню. Обтер их, принес воды, бросил сена.

Некоторое время Дина наблюдала за его работой. Из-за этого руки его двигались как деревянные.

Ее глаза скользили по его узким бедрам. Сильным рукам. Рыжим нестриженым волосам. Большому рту.

Наконец она встретила его взгляд. Один глаз голубой, другой — карий. Обеими руками Дина подняла над головой волосы. Опустила. Волосы рассыпались по плечам. Потом она повернулась и быстро вышла из конюшни.

Хозяин постоялого двора, шкипер Иаков Грёнэльв написал что-то вроде завещания. Он не рассчитывал, что оно понадобится так скоро, и поэтому не заверил его гербовой печатью и подписями свидетелей. И не оставил у нотариуса копии.

Но он говорил ленсману об этом документе. Потому что тот был не только его тестем, но и другом, и товарищем по охоте.

Мысль о том, что в Рейнснесе лежит какое-то завещание, пусть даже и не заверенное, тревожила ленсмана. Ведь у Иакова был один родной сын и двое приемных.

Конечно, Дина ему дочь, но прежде всего он — ленсман. И его долг состоит в том, чтобы все делалось по закону.

Когда непогода улеглась, ленсман отправился в Рейнснес. Он хотел поговорить с Диной наедине. О Последней воле Иакова, которая хранится где-то здесь. Скорее всего в его конторе.

Дина слушала ленсмана с непроницаемым лицом. Она ничего не знала о Последней воле Иакова и не видела никакого документа. Они с Иаковом не говорили о таких вещах, написала она грифелем на черной доске.

Ленсман кивнул, он считал, что действовать надо быстро. Следует достичь согласия со всеми сторонами. Прежде чем будет принято какое-нибудь другое решение. Иначе вспыхнет вражда. Он достаточно навидался такого за свою жизнь.

Когда ленсман уехал, Дина пришла в контору. Ее приход обескуражил Нильса. Он сидел за дубовым письменным столом. Выражение губ свидетельствовало об удивлении и неприязни. По его лицу с темными клочками бороды и торчащими усами можно было читать как по книге.

Дина остановилась перед столом и долго смотрела на Нильса. Он даже

не шевельнулся, чтобы помочь ей. Тогда она написала на грифельной доске, что ей нужны ключи от большого сейфа.

Нильс неохотно встал и пошел к шкафу, стоявшему в простенке между окнами. Там хранились ключи.

Обернувшись, он увидел, что Дина заняла его место в крутящемся кресле за столом. Он оказался лишним.

Нильс положил ключи на стол, но не уходил, не спуская с Дины глаз. Кивком головы она показала ему на дверь.

Нильс не спеша вышел. Прошел мимо ящиков в лавке, не глядя на приказчика.

Потом он долго бродил по усадьбе — ему вдруг захотелось поговорить, и он донимал всех. Женщины-то у нас вдруг ожили и забегали, бросал он то одному, то другому. Думают, будто что-то смыслят в делах и документах. Мадам с важным видом сидит в конторе. Пожалуйста, он мешать не станет! Посмотрим, что из этого получится! Могла бы заранее попросить у него бухгалтерские книги, предупредила бы, что хочет проверить все накладные и контракты. Он бы все приготовил и выложил перед ней. Пожалуйста!

Нильс был темноволосый и замкнутый, Андерс — светловолосый и открытый. Если бы Андерс не был сейчас на Лофотенах, он мог бы дать Нильсу дельный совет. Но у Андерса свои заботы…

Дина искала тщательно и целеустремленно. В шкафу со старыми бухгалтерскими книгами, в железном сейфе, в ящиках и на полках. Час за часом.

Постепенно вокруг все стихло, лавка опустела. Приказчик заглянул в контору и спросил, гасить ли в лавке фонарь. Дина кивнула, не взглянув на него. И продолжала искать среди бумаг и папок. Иногда она распрямлялась и потирала спину рукой.

Вечером, уже собираясь отказаться от поисков, она взглянула на старый ящик с секретом, из светлой полированной березы, что стоял на одной из заваленных полок. Его почти не было видно из-за стопок накладных и пачек табака.

Дина вскочила и решительно подошла к ящику, словно Иаков сидел в конторе и говорил ей, где искать. Ящик был заперт. Однако она легко открыла его перочинным ножом.

Сверху лежали чертежи шхуны «Матушка Карен» и пачка старых писем от Юхана. Дина подняла эту пачку, и из нее выскользнул желтый конверт. Несколько мгновений он упрямо стоял на ребре, а потом покорно

лег перед Диной на стол.

Дина никогда не видела его, но точно знала, что он содержит Последнюю волю Иакова!

Она все убрала по местам. Заперла ящик с секретом и поставила его туда, где он стоял. Потом спрятала конверт под шалью, погасила лампу и ощупью вышла из лавки.

Небо заполонили луна и звезды. Северное сияние играло сполохами и размахивало светящимся платом, словно вместе с Диной радовалось ее находке.

Дина легко прошла по замерзшей, скользкой дороге. Вошла в прихожую, поднялась к себе. Никто не попался ей навстречу.

По дому полз шепот: Дина спустилась из своей комнаты. Молодая хозяйка пошла проверять лавку. Нильс думает, что она хочет проверить счета и накладные.

— Бог милостив! — радостно сказала матушка Карен Олине. И Олине согласно кивнула, прислушиваясь к Дининым шагам.

Дина забралась на кровать. Задернула со всех сторон полог и непослушными пальцами расправила Последнюю волю Иакова.

Его голос тихо оторвался от стен и смешался с другими звуками. Она уже забыла, какой у него красивый голос. Приятный тенор, — правда, Иаков всегда немного фальшивил, когда пел.

Она улыбалась, пока он читал ей вслух свой документ.

На нем не было заверенной подписи и гербовой печати. Он содержал только последнюю волю человека, записанную им в одиночестве поздним вечером. Это пришло к нему как прозрение. 13 декабря 1842 года.

Однако, попадись эта последняя воля на глаза кому нужно, не посчитаться с ней было бы невозможно. Последняя воля Иакова Грёнэльва звучала так: жена Дина и сын Юхан от первого брака пользуются наследством, согласно закону, пока они живут вместе.

Иаков Грёнэльв хотел, чтобы его жена управляла имением и вела все дела, пока Юхан не закончит учение. Она наделялась правом нанимать всех людей, какие ей необходимы. Сын Юхан будет продолжать свои занятия богословием и получать содержание в виде аванса из своей доли наследства. Он может жить в Рейнснесе, пока не женится, сколько сам пожелает. По его желанию право на управление усадьбой передается ему.

Жена Дина вместе с матушкой Карен Грёнэльв должны взять на себя все повседневные заботы, которые касаются дома, животных и прислуги.

Матушка Карен должна иметь не только пансион, но и пользоваться всеми правами и удобствами до самой своей смерти.

Приемный сын Нильс должен управлять лавкой и всеми счетами, пока это отвечает интересам Рейнснеса и самого Нильса.

Приемный сын Андерс должен распоряжаться судами, отвечать за их снаряжение и торговлю.

Оба приемных сына должны получать десятую часть всех доходов, которые будут получены благодаря их вкладу в хозяйство.

Состояние людей, оставшихся должниками Иакова Грёнэльва, не должно пойти с молотка в уплату их долга. Была названа и большая сумма, предназначенная для бедных. Дина потратила остаток вечера на то, чтобы оказать честь Последней воле Иакова. Она написала новое «завещание».

Она не фальсифицировала настоящее завещание, ее документ был не чем иным, как «пересказом устных пожеланий», которые она слышала от своего «покойного, горячо любимого мужа».

Вообще Динино завещание было очень похоже на Последнюю волю Иакова, за исключением нескольких пунктов: десятую часть приемным сыновьям Дина опустила. Но зато они должны были сохранить свои посты, пока это отвечало интересам Рейнснеса и жена Дина находила это целесообразным.

Ничего не упомянула она и о том, что Юхан при желании может взять на себя управление усадьбой.

А в остальном она переписала документ красивым, витиеватым почерком пункт за пунктом. Не забыв и суммы, предназначенной для бедных.

Потом она растопила свою печку. И зажгла свечи, что стояли в серебряном семисвечнике перед зеркалом.

Все время пока Последняя воля Иакова горела в чугунном чреве печки, Дина улыбалась.

Потом она положила написанную ею бумагу на полированную доску конторки из орехового дерева. Открыто, чтобы каждый зашедший мог ее видеть.

И наконец, не раздеваясь, легла навзничь на кровать.

Неожиданно она почувствовала на себе тяжесть Иакова. Его тело. Дыхание Иакова было незнакомым. Руки — грубыми. Она сердито оттолкнула его. И Иаков, подхватив брюки и шелковый жилет, ушел сквозь стену.

Я Дина. Я чувствую, как у меня под ребрами бьется рыба. Она играет

со мной. Она еще принадлежит морю и звездам. Плавает во мне и пожирает меня. Я буду носить ее в себе, пока могу. Все равно она не так тяжела и не так легка, как Ертрюд.

Важно не что и как происходит на самом деле, а что и как происходит в представлении людей.

Дина встала и заглянула в печку. Подкинула дров. Она стояла и следила, чтобы огонь ничего не оставил от Последней воли Иакова.

В ту ночь никто не слышал, чтобы железные подковки Дины стучали по полу.

В следующий раз ленсман привез с собой писца и двух свидетелей.

За овальным столом в зале вместе с мужчинами сидели и обе вдовы, старая и молодая.

Динина бумага с воспоминаниями о Последней воле Иакова была доведена до сведения всех, кого она касалась, в присутствии свидетелей.

Юхан был в Копенгагене, но матушка Карен представляла его интересы.

Дина была одета подобающим случаю образом. В черном платье, сшитом к похоронам Иакова. Позвали всех обитателей дома.

Стоя с опущенными головами вокруг стола, люди выслушали Последнюю волю Иакова, которую рокочущим голосом им сообщил ленсман. Все было очень чинно. И торжественно.

Завещания никто не требовал. Ведь произошел просто несчастный случай, предусмотреть который было невозможно. Царство Небесное покойному хозяину. Благодетелю.

Все так или иначе получили признание. И люди благословляли Иакова, позаботившегося обо всех.

Ленсман считал, что нет необходимости записывать в документ, что Юхан будет получать содержание из своей доли наследства, пока не закончит занятий, ибо долг всех родителей заботиться о том, чтобы обеспечить своим детям условия, подобающие их положению. Не следует считать это авансом из наследства.

Но Дина, улыбаясь, покачала головой.

«Мы не имеем права забывать, что его отец умер», — написала она на доске.

Ленсман смутился и с уважением посмотрел на дочь. Потом продиктовал писцу желание Дины. Матушка Карен кивнула, выражая свое

согласие. И все скрепила гербовая печать.

Ленсман произнес речь в память о своем покойном зяте и друге, а также в честь своей дочери и призвал всех честно трудиться. Хозяйство нуждается в твердой руке.

Матушка Карен вздохнула с облегчением. Жизнь продолжалась. Дина спустилась из залы.

С каждым днем солнце поднималось все выше. Вскоре оно уже не сходило с северных небес даже в полночь.

Морские птицы на свой лад помогали ему, куропатки клали яйца. Цвела черемуха.

Матушка Карен получила письмо от Юхана.

Он выражал свое соболезнование и был настроен на печально-торжественный лад. Он не собирался приезжать домой, пока не сдаст самый главный экзамен. А на похороны отца он все равно опоздал бы.

Между строк матушка Карен прочла то, что знала и так. Юхан ничего не понимает ни в хозяйстве, ни в торговле. Он не хочет заниматься лавкой и мало что смыслит в бухгалтерии. Он хочет получать содержание в счет будущего наследства, пока учится, чтобы стать пастором.

Если он и скорбел по отцу, то, во всяком случае, это не выразилось в желании взять на себя отцовские дела.

Матушка Карен прочла Дине письмо вслух.

«Мое глубочайшее соболезнование и поклон Дине в эти тяжелые дни» — так Юхан закончил свое письмо.

ГЛАВА 2

И поставил Иаков памятник на месте, на котором говорил ему Бог, памятник каменный; и возлил на него возлияние, и возлил на него елей. И нарек Иаков имя месту, на котором Бог говорил ему: Вефиль.

И отправилися из Вефиля. И когда еще оставалось некоторое расстояние земли до Ефрафы, Рахиль родила, и роды ее были трудны. Когда же она страдала в родах, повивальная бабка сказала ей: не бойся; ибо и это тебе сын. И когда выходила из нее душа, ибо она умирала, то нарекла ему имя: Бенони. Но отец его назвал его Вениамином.

Бытие, 35:14-18

Однажды матушка Карен зашла в залу не постучавшись. Дина одевалась, стоя посреди комнаты.

Ничто не скрывало ее беременности. Солнце светило в высокие окна, и мудрые глаза матушки Карен сразу увидели все. Дина вдовела пять месяцев.

Матушка Карен была маленькая и хрупкая. Рядом с крупной и высокой Диной она скорее была похожа на редкую фарфоровую куклу, простоявшую всю жизнь за стеклом шкафа, нежели на живого человека из плоти и крови.

Тонкая паутина морщин дрогнула в лучах солнца, когда матушка Карен подошла к окну, чтобы почувствовать себя ближе к Богу, к Которому она вознесла свою благодарность.

Она протянула к Дине обе руки. Но взгляд Дины был холоден, как вода, берущая начало из ледника.

— Благослови тебя Бог, милая Дина, у тебя будет ребенок! — растроганно прошептала она.

Дина быстро натянула юбку и, словно защищаясь, загородилась блузкой.

Но матушка Карен не собиралась уходить, и тогда Дина выразительно

шагнула вперед. Один небольшой, но решительный шажок.

Матушка Карен не успела опомниться, как уже стояла в темном коридоре перед закрытой дверью.

Взгляд Дины преследовал матушку Карен. Не только днем, но и ночью, во сне. Она не знала, как ей приблизиться к этому замкнутому созданию.

На третий день после безрезультатных попыток поговорить с Диной она пришла на кухню к Олине, чтобы найти у нее утешение и добрый совет.

Олине приняла ее, сидя у стола. На ней было два передника — один поверх другого.

Пышнотелая, полногрудая, никогда не вскормившая ни одного живого существа, Олине между тем держала себя так, словно была матерью всего сущего.

Она знала, даже не задумываясь об этом, что повелевает всеми благодаря одному своему присутствию. Своими опущенными уголками губ и морщинистым лбом, за которым скрывалась забота обо всех.

Олине считала, что молодой хозяйке прежде всего нужен покой. И хорошее питание. И теплые лопарские сапожки вместо этих ужасных башмаков, в которых она ходит по комнате, где вечно дует.

По мнению Олине, Дина, в ее положении, должна была чувствовать тревогу, потому что рядом с ней не было мужа.

— Женщину и не такие напасти способны выбить из колеи, — сказал она, закатив глаза к потолку. Словно знала десяток подобных случаев.

Нельзя ждать, чтобы такая молодая женщина после всех испытаний, выпавших на ее долю, видела благословение Божье в том, что ей дано продолжить род.

Таким образом, Олине все свела к вопросу о времени и заботе.

Ошиблись все, кто считал, будто в тот день, когда Дина наведалась в контору, она навсегда покинула залу и вернулась к обычной жизни.

Правда, Дина ходила в конюшню. И даже, к ужасу матушки Карен, ездила верхом. Это в ее-то положении! Но вообще все время она по-прежнему проводила в зале. Там ела. Там жила.

Когда матушка Карен пыталась уговорить ее спуститься в столовую, особенно если в доме были гости, Дина только улыбалась и отрицательно качала головой. Или делала вид, что не слышит.

Она вернулась к обычаям своего детства. Тогда она тоже ела в одиночестве. Потому что отец не переносил ее присутствия. Особенно за

столом.

Фома пытался поймать взгляд Дины, когда она выводила коня, чтобы отправиться на прогулку. Он помогал ей сесть верхом, складывая руки, чтобы она могла поставить на них ногу, как на ступеньку. Это он начал делать, когда услыхал, что она ждет ребенка.

— Надо бы пока пользоваться седлом, — сказал он однажды, бросив робкий взгляд на Динин живот.

Ответа он не ждал. Ведь Дина была немая.

Люди открыто судачили о том, что фру Дина ждет ребенка, что она онемела и сторонится людей.

Все жалели старую матушка Карен, которая пыталась одна управлять такой большой усадьбой. Ведь ей за семьдесят и у нее больные ноги.

Люди рассказывали, будто Дина швырнула в доктора стулом, когда он нежданно-негаданно явился к ней, чтобы лечить ее от хандры и уныния.

Говорили, будто Дине пригрозили сумасшедшим домом, если она не возьмется за ум, но угроза оставила ее равнодушной. Правда, она так взглянула на доктора, что тот почел за лучшее удалиться, не осмотрев ее.

Матушка Карен угостила доктора пуншем и накормила куропаткой с вином, а после обеда предложила ему сигары, лишь бы загладить неучтивость молодой хозяйки.

Дина со злостью грохотала ящиками комода. Одежда больше не лезла на нее.

Живот и груди набухли, молодое тело разрослось до таких размеров, что могло бы вызвать жгучую зависть всех, кого судьба обделила этим. Но Дина не показывалась на людях.

Она только мерила шагами залу и никого не желала видеть.

В конце концов матушка Карен все-таки зашла к ней. И тут же отправила в Страндстедет гонца за портнихой.

День следовал за днем. Их сковывали воедино светлые ночи. Густые, как кислый дым из опасной шахты.

Я Дина, я читаю Книгу Ертрюд. Через ее же увеличительное стекло. Христос — несчастное создание, которое нуждается в моей помощи. Ему никогда не спасти себя самому. У него есть двенадцать присягнувших ему людей, все они неумело пытаются ему помочь. Но им это не удается. Они трусливы, робки и беспомощны. Иуда умеет хотя бы считать… И

осмеливается высказывать свой гнев. Но он позволил им навязать ему некую роль. Точно у него не хватало ума сказать, что он не может быть предателем, лишь бы спасти всех остальных…

Из-за того что Дина не могла говорить, ее часто принимали и за глухую.

Люди судачили обо всем и в коридорах, и у нее за спиной. У них это вошло в привычку, потому что она всегда молчала и ничем не показывала, что слышит. Зато она всегда знала, что происходит в усадьбе и что по этому поводу думают люди.

Она писала свои просьбы и приказы. Грифелем на черной доске. Отправила в магазин Тромсё список необходимых ей книг.

Ящики с книгами прибыли с пароходом. Дина сама открыла их большим гвоздодером, что лежал у нее перед печью.

Служанке, которая выгребала золу и приносила дрова, этот инструмент казался зловещим.

Но когда этот тяжелый, наводящий ужас предмет в один прекрасный день вдруг исчез со своего места, это показалось ей еще более зловещим.

Книги были по бухгалтерии, руководства по ведению счетов и управлению хозяйством. Читая их, Дина порой так бушевала, что Олине казалось, будто у хозяйки вот-вот рухнет печь.

Было послано за опытным счетоводом. По несколько часов в день Дина просиживала в конторе при лавке. Счетовод основательно проверял все бухгалтерские документы.

Дина с Нильсом были весьма недовольны друг другом. Счетовод работал целый месяц. Он ходил между конторой и домом, словно сторожевой пес.

— А теперь мадам сунет свой нос в закупку товаров для лавки, — ворчал Нильс и искоса поглядывал на счетовода Петтера Ульсена, который не позволял себе поддаваться искушению и не подхватывал саркастический тон Нильса.

Ему никогда не жилось так хорошо, как в Рейнснесе. Он бы с удовольствием задержался здесь подольше.

По вечерам он сидел в курительной комнате и курил лучшую пенковую трубку Иакова, словно свою собственную.

Правда, Дининого общества он был лишен. Если не считать того времени, когда обучал ее бухгалтерскому делу. Она оставалась в зале и выходила оттуда, только чтобы отправиться на верховую прогулку или

написать свои распоряжения и вопросы. Которые трудно было истолковать неверно.

Никто не назвал бы Дину приветливой. Но поскольку она не говорила, никто не слышал от нее дурного слова.

Матушка Карен сияла от счастья, что Дина так энергично взялась за дело. Но в то же время она впала у Дины в немилость, упрекнув ее за то, что Дина не считается со «своим положением».

Дина разразилась потоком таких страшных гортанных звуков, что, несмотря на тихую погоду, в доме зазвенели окна и зеркала.

Если в Рейнснесе чего и боялись, так прежде всего этих Дининых звуков, которые она изрыгала, свесившись через перила лестницы. У тех, кто их слышал, мороз подирал по коже.

Как говорила Олине, сразу ясно, с кем Дина в родстве.

Но в остальном в Рейнснесе царил мир. Матушка Карен часто дремала под своим ворсистым пледом в гостиной. Она по многу раз перечитывала сухие письма Юхана, которые приходили регулярно. Иногда она читала их Дине вслух. Она позволяла себе быть старой, потому что видела, что все более или менее в порядке.

Но комнаты для гостей уже несколько месяцев пустовали. Скорбь, немота и безумие хозяйки Рейнснеса отпугивали гостей.

Это богатое торговое местечко с постоялым двором как будто погрузилось в дремоту.

Зато поездка на Лофотены оказалась необыкновенно удачной. Благодаря Андерсу. Стало ясно, что заслуги, которые, как правило, приписывали Иакову, объяснялись просто хорошей работой Андерса.

Все говорили только о ребенке, с ним связывалось много надежд.

Сама Дина не могла говорить о нем. И не писала о нем на черной доске.

Служанки, Теа и Аннетте, в свободное время шили детское приданое, а Олине позаботилась, чтобы повитуха всегда была где-нибудь поблизости.

Душным, сулившим грозу днем случилось то, чего так опасалась матушка Карен.

Вороной сбросил Дину.

К счастью, Фома был на поле и все видел. Он мчался к ней так, что у него заломило в груди и во рту появился привкус свинца. Дина лежала у кочки, поросшей кустиками брусники. Руки и ноги у нее были раскинуты в

стороны. Она была словно распята на земле. Лицо с широко открытыми глазами было обращено к небу.

Шишка на лбу и царапина на ноге от торчащей сосновой ветки — других повреждений у Дины как будто не было. Фома решил укрыть Дину в летнем хлеве — иного убежища поблизости не было. А Господь Бог в приступе злобы наслал грозу с сильным ливнем.

Вороной испугался первых раскатов грома и сбросил Дину, которая пыталась его усмирить.

Поддерживая, Фома довел Дину до щелястого хлева. Уложил на старое сено. Времени уже не оставалось. Роды начались мгновенно.

Фома однажды помогал своей матери при родах — они жили в стороне от соседних усадеб. Он знал, что ему делать.

Вороной не подпустил его к себе. И Фома пешком побежал в Рейнснес за помощью.

Там сразу стали собирать котлы для воды, дрова и белье. Служанки мыли руки и мгновенно исполняли приказы Олине.

Шапка в руках у Фомы вертелась как колесо, он считал, что перевезти Дину домой уже не удастся.

Олине вперевалку, но очень быстро побежала к летнему хлеву. Фома бежал за ней с тележкой, нагруженной всем необходимым.

Небеса обрушились на них, угрожая смыть все, что лежало на тележке под промасленным брезентом.

Олине, задыхаясь, кричала Всевышнему, что пора остановиться. Вряд ли Он желает, чтобы потоп и роды случились одновременно. Она хотела показать стихии, что взяла командование на себя.

Все свершилось за один час.

Сын Дины был плотный, но очень маленький. Он родился в летнем хлеве в тот миг, когда небеса низвергались на землю, насыщая водой все, что могло расти.

Вороной просунул свою большую голову в ворота хлева и скалил зубы, не в силах побороть тревогу.

Если бы все это не было чудом и если б Иаков не умер в ноябре, Олине сказала бы, что ребенок родился слишком рано.

Но всю вину она возложила на молодую мать, которая в «таком положении» вела себя как девчонка.

Дина не кричала во время родов. Она лежала с широко открытыми глазами и стонала.

Но когда ребенок уже появился на свет и женщины ждали, чтобы отошел послед, раздался страшный крик Дины.

Она била руками и кричала.

Я Дина, я слышу крик, что свил гнездо у меня в голове. От него звенит в ушах. В прачечной в Фагернессете из Ертрюд вырывается пар; когда он весь выйдет, она упадет. Лицо ее без конца разбивается пополам. Мы уплываем вместе. Далеко-далеко…

Дина тяжело затихла на руках у женщин.

Матушка Карен, тоже пришедшая в хлев, громко всхлипывала.

Олине била Дину по щекам с такой силой, что на них остались следы от ее пальцев.

И снова у Дины вырвался крик. Словно он был заперт в ней тысячу лет. Он смешался с тихим плачем ребенка.

Мальчика приложили Дине к груди. Его звали Вениамином. Волосы у него были черные. Глаза старые и темные, как уголь в земле.

Мир затаил дыхание. Внезапно наступила тишина. Освобождение.

И тут неожиданно и властно с окровавленных простыней раздался голос:

— Закройте двери! Там холодно!

Это сказала Дина. Олине вытерла лоб. Матушка Карен набожно сложила руки. Дождь проложил себе путь сквозь дерновую крышу. Осторожный мокрый гость.

Эта новость дошла до Фомы, сидевшего на ящике под деревом. Он был насквозь мокрый, но не замечал этого. Держался на почтительном расстоянии от хлева.

По всему существу Фомы расползлась удивленная улыбка. Она достигла его рук. И они, улыбаясь, сложились так, что дождь наполнил ладони.

— Как ты сказала? — Он даже всхлипнул от счастья, когда услыхал от Олине эту новость.

— «Закройте двери! Там холодно!» — засмеялась Олине, обхватив себя голыми розовыми руками.

Между Олине и Фомой прокатился смех. Олине радостно улыбалась.

— «Закройте двери! Там холодно!» — бормотала она и качала головой.

Дину несли домой на крепком парусе. Нильс, скотник, случайный

покупатель, оказавшийся в лавке, и Фома.

Вниз по тропинке, что вела к усадьбе, через двустворчатые двери парадного крыльца, вверх по лестнице, в залу, на кровать с пологом.

Только тогда появилась повитуха, чтобы удостовериться, что все сделано как надо. Она была очень довольна: на серебряном подносе ей дважды подали рюмку, положенную повитухам, сперва в кухне, а потом в зале.

Дина выпила свою рюмку жадно, тогда как все остальные только пригубили вино. Потом она попросила служанок достать из комода мыло. Голос у нее звучал жалобно, как долго не бывшие в употреблении тали.

Она положила мыло вокруг груди, у которой лежал ребенок. Тринадцать кусков, благоухавших лавандой и фиалками. Магический круг благоухания.

Вскоре мать и дитя уже спали.

Молоко не приходило.

Сначала младенца кормили подслащенной водой. Но долго так продолжаться не могло.

От его несмолкаемого плача у женщин по спине бежали струйки пота. На четвертые сутки он уже не плакал, а только слабо сипел. Иногда он ненадолго засыпал от слабости.

Дина была очень бледная, она не вмешивалась в заботы женщин.

Наконец Фома пришел и сказал, что знает в приходе одну молодую лопарку, которая только что родила, но ребенок у нее умер.

Лопарку звали Стине. Она была худая, большеглазая, с красивой золотистой кожей и широкими скулами.

Олине откровенно сокрушалась, что кормилица так тщедушна. Не говоря уже о том, что она лопарка.

Но очень скоро выяснилось, что маленькие груди лопарки полны эликсира жизни. А ее сухощавое крепкое тело источает покой, необходимый для ребенка.

Своего сына она потеряла несколько дней назад. Но об этом она не говорила. Сперва она была подозрительна, глубоко несчастна и страдала от обилия молока.

Мужа у нее не было, но этим ее в Рейнснесе не попрекали.

В те тяжелые, пряные июльские ночи Стине дарила всем покой.

Из комнаты Стине распространялся сладкий запах грудного младенца и материнского молока. Он полз по коридорам, достигая самых отдаленных

уголков. Даже в людской угадывался запах женщины и ребенка.

Дина пролежала в постели семь дней. Потом встала и начала ходить. Упрямо, как коза, поднимающаяся по склону.

— То с ребенком неладно, то с ней самой, — ворчала Олине.

Лето выдалось жаркое. И в доме, и на полях. У людей появилась надежда, что все наладится и станет как прежде. Когда был жив покойный господин Иаков и всех гостей угощали пуншем.

Стине кормила ребенка. И тенью скользила по дому. Беззвучно, словно была в родстве с летним ветром и подземными водами.

Олине приказала, чтобы никому не говорили, что ребенок родился в летнем хлеву.

Матушка Карен заметила, что Иисус Христос тоже родился в хлеву и, может быть, это добрый знак.

Но Олине не сдавалась. Об этом никто не должен знать. И все-таки узнали. Дина из Рейнснеса явилась перед гостями на своей усадьбе в одних панталонах, а теперь вот родила в хлеву.

В это лето Дина начала спускаться вниз.

Однажды на кухне она сделала Олине замечание, чтобы та смахнула с плеч перхоть.

Олине была смертельно оскорблена. Разве не она спасла в хлеву эту даму? Когда Дина ушла, Олине закатила глаза к потолку с видом собаки, привязанной к лестнице.

Между Диной и Стине царило безмолвное доверие.

Иногда они стояли рядом над колыбелью ребенка, перебрасываясь односложными словами. Стине была не из разговорчивых.

Однажды Дина спросила:

— Кто был отцом твоего ребенка?

— Он нездешний.

— Это правда, что у него есть жена и дети?

— Кто это сказал?

— Мужики в лавке.

— Они лгут!

— Тогда почему ты не говоришь, кто он?

— Теперь это не имеет значения. Ребенок умер.

Дина сочла, что это сказано сурово, но справедливо.

Она посмотрела Стине в глаза:

— Ты права, сейчас это уже не имеет значения. Какая разница, кто был отцом.

Стине глотнула воздух и с благодарностью встретила взгляд Дины.

— Нашего мальчика будут звать Вениамином, и ты будешь держать его в церкви, — продолжала Дина и взяла в руки маленькую голую ножку, которая дрыгалась в воздухе.

Пеленки были раскрыты. В комнате было тепло и душно. Круглые сутки пахло солнцем.

— Правда? — испуганно спросила Стине.

— Правда. Ведь ты спасла ему жизнь.

— Вы могли бы кормить его коровьим молоком.

— Чепуха! Ты получишь новую юбку, новую блузку и лиф. На крестины приедет пробст.

Ленсман не на шутку рассердился, когда узнал, что не он понесет в церковь своего первого внука и что ребенка не назовут в честь отца.

— Его нужно назвать Иаковом! — гремел ленсман. — Вениамин — это библейский апокриф, выдуманный женщиной!

— Вениамин по Библии сын Иакова! — упорствовала Дина.

— Но в нашем роду никогда не было ни одного Вениамина! — воскликнул ленсман.

— А теперь будет! Со следующего воскресенья!.. Ступай лучше в курительную и не шуми здесь!

Ленсман остолбенел. Налился краской. Люди на кухне и в гостиной оказались свидетелями этой перепалки. Ленсман приехал в Рейнснес, чтобы договориться о крестинах. И вот она, благодарность!

Ему придется стоять в церкви бок о бок с этой лопарской девкой, которая родила незаконного ребенка.

Ленсман был так оскорблен, что на мгновение бешенство парализовало его. Потом его гнев все-таки вырвался наружу, но никто не мог разобрать его слов.

В конце концов он повернулся на каблуках и заявил, что уезжает из этого сумасшедшего дома. И что Вениамин такое же мужское имя, как и Мария.

— В Италии мужчин, между прочим, называют Мариями, — сухо заметила Дина. — Если ты уезжаешь, не забудь свою трубку, она лежит в курительной. Но ребенка я все равно назову Вениамином!

На втором этаже в коридоре беззвучно плакала Стине. Она слышала каждое слово.

Олине что-то бурчала себе под нос. На кухне ужинали наемные работники, им было не по себе.

Но смятение длилось недолго. Когда молва о случившемся достигла людской, там грянул смех. А она упряма, наша молодая хозяйка! И людям это нравилось. Ни у кого в приходе не было хозяйки, которая возвысила бы служанку, доверив ей держать своего ребенка перед Всевышним, только потому, что та его выкормила.

Ленсман Холм тяжелой походкой сердито шагал к своему карбасу.

Но когда посыпанная гравием дорожка осталась у него за спиной, он как будто одумался. Шаги его замедлились, и наконец он со вздохом остановился у лодочного сарая.

Потом второй раз за этот день круто повернулся на каблуках и пошел обратно. Громыхнув без всякой надобности на крыльце, он крикнул в открытые двери:

— Ладно, пусть он живет во грехе и зовется Вениамином! Во имя Бога!

Но Дагни приняла это близко к сердцу. Она вообще не желает ехать в церковь. Это преднамеренное оскорбление не давало ей покоя ни днем ни ночью.

В день крестин она оказалась простуженной. Жалкая и несчастная, она лежала в постели с головной болью и красными глазами.

Сыновья тоже не могли поехать без ее присмотра. Теперь их у ленсмана было уже двое.

Поймав на себе укоризненный взгляд Дагни, ленсман почувствовал себя виноватым. Но собрался с духом и объявил, что как бы там ни было, а это его первый внук и долг обязывает его поехать в церковь.

С подарком в кармане он гордо отправился в церковь. Он испытывал облегчение, оказавшись вне досягаемости упреков и сочувственных взглядов Дагни, которые, казалось, говорили: «Бедный Ларс, что за наказание тебе с этой дочерью! Подумать только, какой позор!»

Точно он сам не знал этого.

Нестерпимей всего были выразительные глаза Дагни и ее замечания о собственном примерном поведении в девичестве. Они привели ленсмана в такую ярость, что несколько раз он с трудом сдержался, чтобы не задушить ее своими руками.

Однако ленсман никого не задушил и не ударил. Он только долго смотрел на Дагни. Такие сцены глубоко оскорбляли его.

Добродушно или бесшумно, он все равно добивался того, чего хотел,

будь то на тинге или где бы то ни было. Особенно после того, как Дина переселилась в Рейнснес.

Не раз он с благодарностью думал о своем покойном друге и матушке Карен. Но никогда не задавался вопросом, легко ли им было с Диной.

Никто не осмеливался передавать ему сплетни оттуда. Лишь когда Дагни по той либо другой причине хотела уязвить ленсмана, она сообщала ему о том, что происходит в Рейнснесе, где хозяйка не спускается к гостям, а по ночам бродит по усадьбе. И предпочитает общество работников и служанок.

Случалось, ленсман думал о детстве Дины. Она слишком долго жила не так, как того требовали приличия. До самого приезда в Фагернессет этого чудного господина Лорка, который, по словам Дагни, был ни рыба ни мясо.

Что-то похожее на запоздалые угрызения совести ненадолго охватывало ленсмана, но он обиженно отгонял их прочь как нечто посланное исключительно ему во вред. Он считал себя вправе не придавать этому значения.

ГЛАВА 3

И сказал Маной: итак, если исполнится слово твое, как нам поступать с младенцем сим и что делать с ним?

Книга Судей Израилевых, 13:12

Кисло-сладкий запах грудного ребенка и грудного молока удивительным образом действовал на всех. Последний раз в Рейнснесе так пахло двадцать три года тому назад.

Олине не могла удержаться от сравнений:

— Он похож на Юхана! Или:

— Я как будто вижу маленького Юхана! У него было такое же лицо, когда он какал!

Она с энтузиазмом следила за успехами рода Грёнэльвов. Особенно ее занимали уши маленького Вениамина. Она с удивлением обнаружила, что ушки у мальчика немного острые. Таких ушей среди представителей этого рода еще не встречалось. Олине поглядывала на Дину, у которой уши всегда были скрыты волосами.

Ее так и подмывало спросить, не унаследовал ли мальчик свои острые,

как у фавна, ушки от матери.

Но поскольку обратиться с таким вопросом к Дине было невозможно, Олине ограничилась замечанием, что забыла посмотреть, какие уши у ленсмана.

— Когда ленсман был маленький, ему подрезали уши, потому что они были очень некрасивые, — без должного уважения сказала Дина.

Олине обиделась. Но намек поняла. И больше в присутствии Дины о внешности мальчика не говорила никогда.

А вот Стине приходилось выслушивать многое. Олине беспокоило, что у ребенка на головке не было ни одного волосика. И что у него большое родимое пятно на левом плече.

Она обвиняла Стине в том, что волосы у ребенка не растут от ее молока.

И сколько бы матушка Карен и Стине ни объясняли ей, что дети часто бывают лысые, пока не начнут ходить, что, значит, так распорядилась природа, переубедить Олине они не могли.

Первое лето Вениамина выдалось на диво жаркое.

Лифчики Стине быстро начинали пахнуть кислым, они дюжинами сохли на веревке за прачечной.

Сирень отцвела так скоро, что люди едва заметили ее запах. Урожаю грозила засуха. От жары все были ленивые и раздражительные.

А маленький Вениамин ел, плакал и спал как породистый щенок. Он рос на глазах, но волос у него по-прежнему не было.

Он буквально сжирал свою маленькую, тщедушную кормилицу. У нее болели зубы. И она все худела, несмотря на то что Олине кормила ее сливками с маслом, чтобы у нее было достаточно молока.

Благодаря тому что Дина настояла на своем и заставила Стине держать Вениамина в церкви, эта лопарская девушка приобрела особый статус не только в самом Рейнснесе, но и далеко за его пределами.

Сама же Дина как будто забыла об этом, когда крестины были уже позади.

В обязанности Стине входило кормление, ночной уход и смена пеленок. Она наслаждалась уважением, которое ей оказывали. Не слушала никакие сплетни и пользовалась привилегией получать завтрак в постель и каждый день есть консервированную морошку, густые сливки, а также свежесбитое масло и молоко с медом, чтобы поддерживать силы и аппетит.

Она со страхом гнала от себя мысли, что произойдет в тот день, когда мальчика отнимут от груди. До этого было еще далеко, и пока разговора об

этом не заходило.

Каждый раз, когда Стине клала ребенка в руки Дины, вокруг них будто возникал магический круг. Дина и брала Вениамина на руки, только если ей его давала Стине. Все начиналось и кончалось со Стине.

Однажды, когда матушка Карен и Олине наблюдали, как Стине кормит Вениамина, Дина сказала:

— Стине будет жить у нас столько, сколько сама захочет. Она нужна Вениамину не только как кормилица!

Матушка Карен быстро справилась с обидой, что с ней не посоветовались.

Так было решено, что Стине останется в Рейнснесе, даже когда отпадет нужда в ее молоке.

С того дня она начала улыбаться. А зубная боль прошла после того, как Стине набралась храбрости и позволила кузнецу выдернуть коренной зуб.

Фому преследовало воспоминание о том дне, когда хоронили Иакова. Это стало для него наваждением.

Он снова и снова видел, как Дина съезжает по перилам. Большая, голая, подложив под себя рубашку, чтобы лучше скользить по дереву, покрытому лаком.

То Фоме казалось, что все это ему приснилось. То — что этого просто не было.

Пока наконец он не уверовал, что не кто иной, как он сам, лежал в зале на бараньих шкурах.

Фома втайне оказался избранным, и это навсегда лишило его покоя. Теперь он больше не принадлежал к своему сословию. И не важно, что никто, кроме него, не знал об этом.

Он стал держаться прямее, и во взгляде у него появилась надменность, неуместная для конюха, сына бедного арендатора.

Люди замечали это, но не понимали истинной причины. Он был чужой в Рейнснесе. Приехал сюда вместе с Диной.

Во время сенокоса никто не мог угнаться за ним. Выдержать заданный им темп остальным было не по силам. Работники избегали косить рядом с Фомой.

Они просили его косить помедленнее, но он их как будто не слышал. И всегда намного опережал других.

В конце концов они придумали способ осадить его. Целыми днями Фома стоял с вилами и навивал сено на телегу. А вечером ему поручалось выкашивать в одиночку самые неудобные клинья. Во время же отдыха он

то бегал за оселком, то приносил от Олине ведерко с простоквашей.

В то лето, когда родился Вениамин, темное от загара тело Фомы блестело от пота и солнца.

Каждый вечер он опускал голову и плечи в кадку с водой, что стояла в загоне у лошадей, и потом, как лошадь, отряхивался.

И все-таки тайный огонь сжигал его. Немного остужала Фому лишь поездка верхом. Но между ним и Диной всегда стояло его стремя.

Фома был готов продать душу дьяволу, лишь бы тот устранил эту проклятую железку.

Дина часто купалась в глубокой бухте за флагштоком. Холмы и березовый лес хорошо скрывали ее. Бухта была далеко и от полей, и от фарватера, по которому ходили суда.

Дина нежилась в прохладной воде, доходившей ей до подбородка, груди колыхались свободно, словно животные, которые самостоятельно учились плавать.

Иногда на опушке леса стояла Ертрюд. Приподняв руку, она махала Дине, когда та выходила на берег.

Дина останавливалась, прикрывшись рубахой или полотенцем. Стояла, пока Ертрюд говорила с ней, или просто ждала, когда та исчезнет.

С тех пор как Дина оправилась от родов и снова ходила по усадьбе, Фома делал все, чтобы разведать, когда она купается. Это случалось в любое время суток.

У него был свой метод, он не пропускал ни одной возможности.

Даже по ночам просыпался. Его чуткий слух, которому позавидовала бы любая лисица, улавливал самый слабый шелест травы, если кто-нибудь проходил мимо людской на берег.

Однажды Фома неожиданно вырос перед Диной. Он явно поджидал, пока она оденется и выйдет на тропинку, что вела в усадьбу.

В тени летали птицы.

Дина и Фома слышали, как колокол в одной из усадеб по другую сторону пролива сзывал людей к ужину.

Горы закутались в темно-синие предвечерние тени. В воздухе звенели насекомые. Пахло вереском и нагретыми водорослями.

Дина остановилась и с удивлением посмотрела на Фому. Словно не могла вспомнить, кто он. Между бровей у нее появилась глубокая складка. Фома растерялся. И все-таки осмелился заговорить с ней:

— Ты обещала, что дашь мне знать…

— Дам знать? О чем?

— О том, что хочешь меня видеть.

— Зачем мне тебя видеть?

Ее голос раздробил в нем каждую косточку. Тем не менее он удержался на ногах.

— Затем, что… в тот день, когда Иакова… Ну тогда, в зале…

Он говорил шепотом. Жалобно. Точно протягивал ей не слова, а жертвенного барашка.

— То были другие времена, — твердо сказала Дина, словно подвела двойную черту под итогом в неведомом счете. Такой-то доход. Такой-то долг. Такой-то убыток из-за неудачного лова.

— Да… Но…

Она усмехнулась. Люди не правильно толковали ее усмешку. Все. Только не Фома.

Ведь он знал и другую Дину. Ту, что была в зале. С тех пор ему всегда становилось не по себе от этой ее усмешки.

— Теперь другие времена. Мы должны исполнять свой долг, — сказала она, глядя ему в глаза.

Зрачки Дины расширились. На левом зрачке у нее было янтарное пятнышко. Ее свинцово-голубые глаза были так холодны, что Фома ощутил почти телесную боль. Эти глаза завораживали его. Он не мог сдвинуться с места. Хотя она ясно дала понять, чтобы он пропустил ее. Фома не смел прикоснуться к ней, а ведь она стояла так близко, что их разделяла только одежда и кожа.

Дина как будто что-то вспомнила. Подняла руку и погладила Фому по небритой щеке. Влажной от жары, волнения и стыда.

— Что было, то прошло, — равнодушно сказала она. — Но ездить верхом ты умеешь.

В тот же день Дина, с еще мокрыми после купания волосами, уже ехала с Фомой верхом по распадку.

Несколько раз она так осаживала Вороного, что ее нога касалась ноги Фомы.

Осень уже напоминала о себе. Лес пожелтел, и осина стояла словно охваченная пламенем.

Фома больше не смел досаждать Дине. Он бы не выдержал ее второго отказа в один и тот же день.

Но огонь в нем не погас. Фома спал беспокойно, он не мог бы пересказать в людской свои сны.

То он замирал во время работы, вдруг уловив ее запах. То ему казалось, что Дина стоит у него за спиной, и он резко оборачивался. Но ее там не было.

А тем временем кипрей затеплил свои красно-фиолетовые свечи по придорожным канавам и пустошам.

Птенцы давно научились летать. Резкие крики чаек и крачек, которыми они встречали лодки с сайдой, сменились ленивой воркотней. И колодцы начали высыхать.

ГЛАВА 4

Кто украдет человека и продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти.

Исход, 21:16

Дина перестала прятаться от людей, но матушка Карен с растущей тревогой замечала, что в то же время она вернулась к своим неприличным повадкам и вела себя неподобающим образом.

Посторонних Дина всегда приводила в смятение. Она держалась как богатый, имеющий вес барин. Если у нее возникало такое желание, она, не моргнув глазом, выкуривала после обеда сигару. Она словно нарочно вела себя вызывающе.

Если мужчины удалялись в курительную, Дина невозмутимо шла вместе с ними.

Скрестив ноги, она лежала на кушетке. Рука с сигарой лениво покоилась на плюше.

Ей ничего не стоило сбросить башмаки.

Говорила она немного. Редко принимала участие в спорах, но делала короткие замечания, если ей казалось, что это необходимо.

Под ее внимательным взглядом мужчины чувствовали себя скованно. Вечера с сигарой и стаканом пунша стали уже не такими приятными, как раньше.

Присутствие Дины и выражение ее лица раздражали мужчин. Но она была тут хозяйка, и никто не смел даже намекнуть ей, что ее присутствие мешает. Отделаться от нее было не так-то просто.

Общество Дины было равносильно обществу пастора. К ней нельзя было повернуться спиной, нельзя было при ней рассказать пикантную историю.

Дина сидела со своей обычной усмешкой и внимательно слушала. Мужчины терялись — им не хотелось предстать перед ней в невыгодном свете.

Особенно неприятно было, когда она прерывала говорящего, чтобы поправить цифры или даты, напомнить, что и когда было выгодно в торговле или о чем писали газеты.

Вначале мужчины надеялись, что Дина уйдет, если услышит плач Вениамина. Но Дина и бровью не вела.

В конце концов Нильс не выдержал. Теперь он предпочитал пить пунш у себя в конторе. Во всяком случае, в одном из углов он оборудовал нечто вроде салона.

Но Дина не допустила, чтобы от нее отделались таким образом. Она, как Аргус, проверяла все конторские счета. И тоже пила в конторе пунш.

Однажды, когда Вениамину исполнился год, Дина застала Стине, кормившую мальчика, всю в слезах.

Слезы бежали ручьем. Стине даже не всхлипывала. Вениамин сосал, глядя на кормилицу. Время от времени он жмурился — он уже понял, что слеза может попасть ему в глаз.

Вообще-то сосал он только потому, что это доставляло ему удовольствие и чтобы чувствовать близость Стине, молока у нее уже почти не было. Матушка Карен удивлялась, что оно у нее давно не пропало. После долгих уговоров Стине поведала Дине свое горе.

Она позволила увлечь себя и попалась. Не думала, что забеременеет, пока кормит. Но видно, это старое правило не годится для таких, как она.

Стине долго не говорила, кто отец ее ребенка. Но Дина не сдавалась:

— Если ты не назовешь его, я не смогу оставить тебя в Рейнснесе. Он должен загладить свою вину.

— Это невозможно, — плакала Стине.

— Почему?

— Он не простой человек.

— Значит, он не из Рейнснеса? Стине продолжала плакать.

— Он из Страндстедета?

Стине всхлипнула и покачала головой.

— Из Сандторга?

Дина продолжала допрос, пока не узнала то, что ей уже и так стало ясно. Отцом ребенка был Нильс. Он не только пил пунш в своем салоне.

— Я слышала, ты собираешься стать отцом?

Дина прикрыла за собой дверь конторы и подбоченилась. Нильс сидел за большим дубовым столом.

Он поднял голову. Взгляд его погас. Он не мог смотреть ей в глаза.

Потом сделал вид, что не понимает, о чем она говорит.

Его задыхающиеся слова текли как сахарный песок из дырявого мешка.

— Это сущая клевета! — твердо заявил он.

— Ты уже не так молод, Нильс, и должен отвечать за свои поступки. Это ты и без меня знаешь. От Святого Духа детей не бывает. По крайней мере в наших краях. Другое дело — у иудеев. И то это особый случай. Как я понимаю, ты соблазнил Стине здесь, в конторе?..

Нильс встал на дыбы, не дав ей договорить. Оба горячились и перебивали друг друга.

Наконец глаза Дины сверкнули. К бешенству и презрению прибавилась даже какая-то радость.

Дина медленно подошла к письменному столу. Она пристально глядела на Нильса. Склонилась над ним и положила руку ему на плечо. Голос ее напоминал мурлыканье кошки, гревшейся на солнце.

— Ты взрослый человек, Нильс, и в состоянии сделать выбор. Либо ты ведешь Стине под венец, либо уезжаешь из Рейнснеса по-хорошему. Получишь жалованье за полгода вперед.

Нильс похолодел. Он давно предчувствовал, что Дина только и ждет случая, чтобы избавиться от него. Понял он это, когда она начала рыться в его накладных.

— Ты хочешь прогнать меня из усадьбы Ингеборг! — Он был так взволнован, что даже не позволил себе никакой грубости.

— Вспомни, когда Ингеборг владела усадьбой! — презрительно фыркнула Дина.

— Вот увидишь, я напишу Юхану!

— И не забудь сообщить ему, что через полгода станешь отцом и весь позор хочешь взвалить на Стине. Вряд ли Юхан, который вот-вот станет пастором, сочтет такой поступок достойным мужчины!

Она спокойно повернулась и пошла к двери.

— Вечером скажешь мне о своем решении. — Она даже не обернулась. Осторожно прикрыла за собой дверь и приветливо кивнула служанке из лавки, которая, навострив уши, стояла подозрительно близко от двери.

В сумерках Нильс пришел к Дине в залу, она играла на виолончели. Они подготовились к этому разговору. Оба.

Он не может жениться на лопарке. У которой к тому же только что был ребенок от другого, пусть даже этот ребенок и умер. Неужели Дина не понимает?

По правде говоря, у него совсем другие планы. У него есть на примете девушка из хорошей семьи. Нильс назвал даже ее имя. Он заискивающе улыбался Дине.

— Почему ж ты не думал о своих чувствах к этой благородной девице,

когда повалил Стине на пол в конторе?

— Она сама согласилась!

— Она и сейчас согласна. И в животе у нее растет ребенок. Не согласен только ты!

— Если ты вынудишь меня уехать из Рейнснеса, это будет против желания Иакова.

— Тебе, Нильс, о желаниях Иакова ничего не известно. Другое дело — мне!

— Ты выгоняешь меня из дому! Он опустился на стул.

Дина подошла и погладила его по плечу. Ее полное тело склонилось над ним.

— Ты нам нужен только на день свадьбы. А потом уедешь или останешься, как захочешь, — тихо сказала она. — Если останешься, я удвою тебе годовое жалованье.

За Стине.

Нильс кивнул и провел рукой по лицу. Битва была проиграна.

Вечером огорченный Нильс бродил по дорожкам между домами. Ужинать он отказался. Но Нильс давно научился заботиться о себе, пока положение его было недостаточно прочным. Разные хозяева — разные законы. А законы Дины вообще отличались от всех законов, вместе взятых.

Нильс ловчил уже очень давно. Он обладал неистощимым талантом из всего извлекать для себя выгоду. Доход, который он получал, не был проведен ни по одной бухгалтерской книге.

Случалось, рыбаки или крестьяне жаловались матушке Карен или Андерсу на жесткие меры Нильса, к которым тот прибегал, если должник не мог вовремя вернуть свой долг.

Иногда матушка Карен даже платила за бедняка, чтобы Нильс оставил его в покое.

Нильс оправдывал себя тем, что, если слух о прощении долгов пойдет по округе, все прибегут жаловаться на нужду.

Но матушка Карен все-таки платила за бедняков.

Дина не вмешивалась в это, если долг был заприходован.

Однако случалось, Нильс взыскивал суммы, которые не значились в бухгалтерских книгах. Это были, как он говорил, устные договоренности. Об этих договоренностях никто и не знал, если должник не жаловался.

Дина поджала губы.

— Если долг не значится в книге, это не долг и его нельзя взыскивать! — сказала она.

И Нильс сдался.

Он только следил, чтобы в следующий раз должник не ходил жаловаться.

И расчет производился тайно, о нем знали не больше, чем о податях на небесах.

Люди давно забыли, что в свое время Нильс почему-то вызвался сам заменить в конторе половицы, сгнившие под тяжелым умывальником с толстой мраморной доской, который стоял в углу за дверью.

Служанки не двигали этот умывальник, когда мыли пол. Он был слишком тяжелый. Они лишь подтирали пол вокруг тумбы, выкрашенной в голубой цвет.

С годами умывальник облез и из-под краски проступило дерево. Деньги Нильса были надежно спрятаны под одной неприбитой половицей. Они хранились в коробке из прочной жести. Состояние потихоньку росло.

Нильс торговал и в праздники и в будни, если мог что-нибудь продать или купить с выгодой для себя.

Однажды, когда Вениамина нужно было укладывать спать, Стине не оказалось дома. Весь день ребенок провел в людской, играя с цветными клубками шерсти, — девушки готовили пряжу для тканья.

Сперва они досадовали, что мальчик устал и начал капризничать, его уже давно должны были забрать.

Потом сообщили об этом Олине. Начались поиски.

Дина бегала и искала вместе со всеми. Но безрезультатно. Стине нигде не было.

На третий день Дина нашла ее в маленьком рыбацком селении, откуда Стине была родом.

Дина с Фомой прибыли туда на двухвесельной шлюпке, чтобы забрать ее домой. Стине у очага варила на ужин кашу. Лицо у нее почернело от сажи и слез.

Сперва она не хотела разговаривать. Лишь испуганно косилась на своих родных, сидевших вокруг. В маленьком доме была только одна комната. Поговорить с глазу на глаз было негде.

Но когда скрюченный от ревматизма отец, от которого остались лишь кожа да кости, кашлянул и мягко взглянул на нее, Стине осмелела.

— Я не пойду замуж за Нильса! — сказала она.

Уж лучше сносить позор, чем всю жизнь терпеть от человека, который

женился на тебе против своей воли. Только ради того, чтобы остаться в Рейнснесе.

— Ведь он живет в Рейнснесе с четырнадцати лет, как осиротел! — В голосе Стине звучало обвинение.

Я Дина. Мне не нужно плакать, что все есть так, как есть. Плачет Стине. Я ношу ее с собой. Тяжело или легко. Как я ношу Ертрюд.

Все присутствовавшие слышали, как фру Дина просила у Стине прощения. И не один раз.

Старый отец Стине сидел в углу. Младшая сестра занялась вместо нее приготовлением пищи. Мальчик-подросток приносил в дом то воду, то дрова.

Никто не вмешивался в их разговор. Наконец всех пригласили к столу. Жидкая каша, сваренная с сельдью, и лепешки. Грубо сработанный стол был белый, как выветренные китовые кости. Гнетущее чувство, словно пар, висело над столом.

Новость распространилась точно искры по хвое. Нильс мог радоваться, что ему не надо бывать в людской. Там бы его не пощадили.

Стине отвергла Нильса! Все смеялись. Нильс как мог пытался вернуть себе прежнее уважение. Служанки боялись его. Работники сторонились. Он стал вроде прокаженного. Правосудие низших мира сего не знает пощады.

Но Стине вернулась в Рейнснес. Она располнела, а когда прошла дурнота по утрам, расцвела и посвежела как роза.

Она пела Вениамину песенки и ела с большим аппетитом.

Матушка Карен занимала беседой гостей из ближних и дальних краев, рассказывала им о своих поездках в Европу. И не важно, что она рассказывала эти истории не в первый раз.

Для самых почетных гостей они всегда были новые, гости слышали их впервые.

А старые гости привыкли к этим бесхитростным рассказам, как привыкают к временам года. У матушки Карен были истории, подходящие к характеру и учености каждого гостя. И она всегда знала, когда следует остановиться.

Часто она удалялась со вздохом, еще когда пили пунш, сетуя, что возраст и силы не дозволяют ей остаться с гостями.

Ее место занимала Дина, и пальцы ее не знали жалости. Наступало время музыки. Это было освобождение. Лихорадка! Музыка летела по всей усадьбе. Над полями. Вдоль берега. Достигала ушей Фомы, лежавшего в людской на своем жестком тюфяке. Дарила горе и радость. В зависимости от того, кто ее слушал.

ГЛАВА 5

Мы умрем и будем как вода, вылитая на землю, которую нельзя собрать; но Бог не желает погубить душу и помышляет, как бы не отвергнуть от Себя и отверженного.

Вторая книга Царств, 14:14

Однажды на кухню Рейнснеса пришел брат Стине. На нем, как на всех лопарях, живших на побережье, была простая куртка из дубленой оленьей кожи, с синим капюшоном на завязках. Сапоги были разбиты и промокли насквозь.

У них кончилась мука. Отправившись за помощью в Рейнснес, он заблудился в горах. И в Эйдете неожиданно столкнулся с медведем.

Он так испугался, что потерял одну лыжу, она свалилась у него с ноги и скатилась вниз. Остаток дороги он шел по пояс в снегу.

Парень держал руки перед собой, точно они были чужие. Он был хрупкого сложения и невысокий, как сестра. Всего год, как он конфирмовался, бороды у него еще не было. Лишь кое-где проступал пушок, над черными горящими глазами нависал густой чуб.

Олине сразу поняла, что парень отморозил руки. Стине молча ходила по кухне, готовя все необходимое для перевязки. Пропитывала шерстяные тряпки рыбьим жиром.

Когда она перевязывала брату пальцы, в кухню вошла Дина. Там пахло рыбьим жиром, потом и мокрой одеждой. Парень сидел на табурете посреди кухни. Беспомощно позволяя ухаживать за собой.

— Что случилось? — спросила Дина.

Пока они ей отвечали, из сеней, распространяя дух гниющей плоти, вошел Иаков. Спутать этот запах было невозможно ни с чем.

Дина ухватилась за притолоку и тяжело прислонилась к ней, чтобы не упасть. Потом подошла к парню и внимательно осмотрела его руки. Иаков сразу перестал распространять запах гниющей плоти.

Дина наблюдала, как Стине смазывает брату руки. Он беззвучно плакал. На синей кухне было очень тихо. Лишь иногда под ногами Стине поскрипывали половицы.

Благодаря Стине брат поправился. Он жил в Рейнснесе, пока у него не

зажили руки. Спал он в каморке вместе с Фомой.

Пользы приносить он не мог. Зато через два дня разговорился.

Фома настороженно отнесся к этой неожиданной дружбе, пока не сообразил, что сможет немного приблизиться к Дине, если займется парнем.

Дина расспрашивала Фому о брате Стине и передавала пожелания поскорее выздороветь.

Фома научил Дину стрелять из охотничьего ружья еще до того, как она переехала в Рейнснес. Дина тайно упражнялась в стрельбе на склонах над Фагернессетом, когда они с Фомой ходили вынимать попавших в силки куропаток. В усадьбе считали, будто Фома упражнялся в стрельбе один.

Ленсман доверял ему и знал, что он не станет зря тратить порох.

Ружье ленсман подарил Фоме за то, что тот отличился во время охоты на медведя, нападавшего на скот. Этот медведь задрал у ленсмана не одну овцу.

Фома принял ружье как посвящение в охотники. Он хотел стать охотником на медведей.

Ружье было сделано в Салангене. Одним лопарем, который знал свое дело. Более дорогой вещи, чем это ружье, у Фомы не было.

Теперь, если где-то видели медведя, Фома старался, чтобы охотники взяли его с собой. Один он еще ни разу не ходил на медведя. Ленсман мирился с тем, что его дочь стреляет из ружья, главное, чтобы она не говорила об этом при гостях.

Иаков, напротив, считал, что стрелять из ружья дело не женское. Да и порох был на вес золота.

Но так же, как ему пришлось смириться с тем, что Дина курит сигары, он смирился и с тем, что она после приезда в Рейнснес продолжала стрелять из ружья.

Ружье было короткое, с узким дулом. С простым, примитивным замком, что требовало от стрелка большой ловкости.

Дина быстро постигла все хитрости. Ее руки и глаз были в ладу с ружьем. С порохом она обращалась так же ловко и точно, как с цифрами.

Медведя, которого видел брат Стине, видели и другие. Должно быть, он направлялся куда-то через горы. Было не похоже, что он собирался залечь в берлогу. Шатун. Не очень большой. Но лапа у него была достаточно увесистая, чтобы забить двух овец, которые не вернулись осенью с горных пастбищ.

Однажды вечером Дина пришла к Фоме в людскую. Она подгадала, чтобы он был один.

— Фома, завтра утром мы с тобой идем на охоту! Надо взять того медведя, что шатается тут в окрестностях! — сказала она.

— Да, я уж думал об этом. Только тебе нельзя идти на медведя. Я возьму с собой кого-нибудь из парней.

— Тс-с! — шикнула на него Дина. — Не говори никому, куда мы пойдем! Это наш медведь! Слышишь, Фома? Скажем, что идем смотреть силки.

Наступило молчание.

Фома принял решение. Кивнул. Он пойдет на медведя, только чтобы пробыть с ней несколько часов. С рассвета до сумерек.

Они приготовили силки. Фома спрятал ружье в свой мешок.

Силки они ставили не очень далеко от усадьбы, куропаток в том году было видимо-невидимо. Потом они присели на опушке и как будто не торопились идти дальше.

Снег выпал рано. Но все-таки его было еще недостаточно, чтобы идти на лыжах по неровной, каменистой местности. Им предстоял трудный путь по снегу, но они не говорили об этом.

Куропатки еще не линяли и были хорошо видны на белом снегу.

Наконец они отправились искать медведя.

Дина шла, слегка подавшись вперед и шаря глазами между деревьями. Фома с заряженным ружьем шел впереди.

Несколько часов они бродили по тому месту, где медведя видели в последний раз. Но не нашли даже его следов. В конце концов им пришлось повернуть назад, начало смеркаться. Оба устали. Фому грызла досада.

Они вернулись к своим силкам, чтобы принести домой хотя бы эту добычу.

Фома освободил пойманных куропаток и повесил их себе на пояс.

Одна из птиц, пытаясь вырваться на свободу, почти оторвала себе крыло. Искристый снег впитал красные капли. Другая была еще жива. Два круглых горящих уголька мигнули им, пока Фома не свернул куропатке голову. Болота были покрыты инеем. От дыхания Дины и Фомы шел пар.

Они еще не оставили надежду встретить медведя, хотя уже изрядно спустились с горы. Они шли прежним путем. На некотором расстоянии друг от друга.

В капкане, поставленном на лисицу, они нашли зайца. У зайца была повреждена задняя лапа. И все-таки он бросился наутек, как только Дина

вытащила его из капкана. Мелькнул между березами и скрылся за кочкой. Они кинулись за ним. Нашла зайца Дина.

Она схватила палку и хотела ударить его по голове, но промахнулась и вытянула зайца по спине.

Заяц вздрогнул и на трех лапах снова бросился наутек. Потом повернулся и посмотрел на Дину. Всхлипнул, как годовалый ребенок. И пополз к ней на передних лапах, таща за собой неподвижное туловище. Он плакал, и снег вокруг него становился красным.

— Убей его! — крикнул Фома, когда заяц подполз к ее ногам.

Дина показала на зайца. Глаза его уже подернулись смертью.

Я Дина. Я стою в прачечной в Фагернессете; пар не в состоянии задушить крик Ертрюд. Он рвется наружу. Поет в окне. Дрожит на лицах. Звенит кусочками льда в бочке с водой. От крика и пара весь мир сделался бело-розовым. Ертрюд медленно, как от шелухи, очищается от самой себя. Рывками, с силой.

— Убей его! — снова крикнул Фома.

Она обернулась и посмотрела на него, словно не понимая, что он здесь делает. Губы искривила усмешка.

Впервые сила была на его стороне. Он зарядил ружье и выстрелил. Выстрел подбросил зайца с земли. Голова и маленькое туловище перевернулись у них перед глазами.

Потом заяц затих. Между Диной и Фомой стоял запах пороха. Дина отвернулась. На снегу среди красных пятен валялись пучки белого меха. Фома повесил ружье на плечо. Терпкий дух крови щипал ноздри.

Дина снова повернулась к Фоме и увидела, что он за ней наблюдает. С понимающей улыбкой.

Тогда она прыгнула на него, как рысь на крупную дичь.

Наст грохнул под упавшими на него людьми.

Они покатились по земле, Дина срывала с него одежду, укусила в шею. Фома не сразу опомнился и начал защищаться. Оба тяжело дышали.

Наконец он покорно затих под ней. Она сдернула с него штаны, и его детородный орган ощутил холод ее рук, она бормотала слова, которых он не понимал. По лицу у него прошла гримаса боли, он весь сжался. Потом закрыл глаза и спрятал боль в себе.

Его пылающая, отвердевшая плоть рванулась ей навстречу. Дина запуталась в своей одежде. В конце концов она схватила его охотничий нож и рассекла ткань.

Фома вздрогнул, когда блеснула сталь. Но Дина уже тяжело сидела на нем, приняв его в себя. И бешено понеслась.

Она приподнималась на коленях и, чуть не рыча, всей тяжестью падала на него обратно.

Он ощущал, как жар ее лона обволакивает его целиком. Иногда между ними проникал холодный воздух. Ледяные иглы прокалывали Фому насквозь.

Его окровавленные руки крепко держали ее бедра.

Волосы, словно темный лес, скрывали лицо Дины. Вечернее небо глянуло Фоме в глаза, когда он один раз попытался увидеть ее лицо. Разорванный заяц был красно-белым свидетелем этой сцены.

Когда все было кончено, Дина тяжело рухнула на Фому.

Постепенно лицо у нее стало мокрым. На шею ему капали слезы. Он не шевелился. Пока она не всхлипнула. Тогда он откинул с ее лица волосы и увидел один глаз.

Полынья.

Он приподнялся на локте и губами дотянулся до ее лба. Наконец не выдержал и он. Снег под ними растаял, Фома был весь мокрый, неожиданно со всех сторон его сжал холод.

Дрожь Фомы передалась Дине. Солнце уже давно опустилось за горы. Наст ледяными иглами колол ладони.

Они поднялись и, взявшись за руки, пошли домой. Так и шли, пока вдали не показались дома, теперь их могли увидеть. Их руки разжались. Они молчали.

Фома нес куропаток. Дина — ружье. Дуло спокойно смотрело в землю и раскачивалось в такт шагам.

Уже на усадьбе Фома, кашлянув, сказал, что лучше бы им попалась лиса-крестовка. В прошлом году он убил такую лису. И продал русскому купцу за хорошие деньги. Десять талеров — неплохой заработок.

Дина не ответила.

Взошла луна. Было поздно.

Ертрюд там не было. Дине не удалось выманить ее из углов ни на миг.

Зато Иаков ворчал, как мельница. В пять утра Дина принесла зайца, который висел под крышей людской, взяла нож и освежевала то, что от него осталось.

Получилось это у Дины не сразу. Наконец шкура снялась. Хотя и с трудом… Мертвая тушка поджала синие голые лапки, как только Дина отпустила ее. Словно заяц все еще пытался избежать конца.

Дина стала разделывать тушку. Непривычные к этой работе руки двигались медленно. С каждым куском, что отделялся от недавнего целого, которое уже ничем не напоминало несчастного зайца, оглушительный крик становился тише.

Ветер завывал под стенами дома. Нож скрежетал о кости. Крик постепенно замирал. И вот Ертрюд встала рядом с Диной, лицо у нее было совершенно нетронутое — воцарилась блаженная тишина.

Дина положила куски зайчатины в холодную воду. Они были покрыты синеватой пленкой, на глазах у Дины пленка переливалась всеми цветами радуги. Сквозь воду.

Дина спрятала чан с зайцем под крышку скамьи, что стояла в сенях. Вымыла стол. Убрала потроха и шкурку так, чтобы питающиеся падалью звери и птицы не вытащили все наружу.

Руки у нее распухли после работы в холодной воде. Она растерла их, чтобы согреть, и до наступления утра ходила по комнатам. Потом медленно разделась и легла, усадьба уже просыпалась.

ГЛАВА 6

Любите и вы пришельца; ибо сами были пришельцами в земле Египетской.

Второзаконие, 10:19

Рейнснес пробуждался от оцепенения. Еще трудно было делать окончательные выводы. Но матушка Карен считала, что пробуждение началось тогда, когда Дина попалась в сети, которые называют ответственностью. И она не пропускала случая, чтобы похвалить ее.

— Ты достойная вдова купца, милая Дина, — говорила она иногда. Умалчивая при этом, что Дине следовало бы быть еще и хозяйкой.

Годы давали себя знать. Матушка Карен перебралась из мансарды вниз, в комнату рядом с большой гостиной. Ей стало трудно подниматься по лестнице.

Наняли опытного плотника, и он убрал стену между двумя комнатами. Теперь у матушки Карен было достаточно места и для кровати, и для книжного шкафа.

Ей было необходимо иметь у себя в комнате эти вещи да еще старинное кресло в стиле барокко, с высокой спинкой.

Ключ всегда торчал в замке книжного шкафа, но никто, кроме матушки Карен, не открывал его.

В комнате заменили обои и выкрасили все светлой краской. Дина оказалась хорошей помощницей. На время между ней и матушкой Карен был заключен безмолвный договор.

Деловая хватка Дины и ее способность к любому ремеслу нравились матушке Карен. И она думала в который уж раз: «Хоть бы Дина проявила такую же хватку и во всем остальном, что касается Рейнснеса!»

Или бормотала себе под нос:

— Хоть бы Дина вышла замуж за хорошего человека!

Вениамин подрос и начал знакомиться с Рейнснесом. Теперь он доходил до морских пакгаузов и лавки с одной стороны и до летнего хлева на склоне — с другой. Упрямый, как росток вербы, он шагал повсюду в сопровождении Ханны, дочери Стине. Чтобы познакомиться с миром,

лежавшим за пределами белого дома. И всегда между бровями у него лежала глубокая морщинка.

Он так и не привык говорить слова «мамочка» или «мама». Ему некого было звать папой. Но он находил тепло во многих объятиях.

И у каждого было свое имя. И свой запах.

Даже с закрытыми глазами он безошибочно угадывал, кому принадлежит тот или иной запах. Он распоряжался в усадьбе всем. И его нисколько не заботило, что у людей могли быть другие дела. Кто-то всегда был с ним, если он в этом нуждался.

Больше всех он любил Стине. От нее пахло морскими водорослями и созревшей на солнце черникой. Бельем, провисевшим ночь на улице. Руки у нее были как мягкие, добрые зверьки. Смуглые, с коротко остриженными ногтями.

Темные жесткие волосы Стине прилегали к вискам. Они не вились, как у Дины надо лбом, даже когда Стине потела. Вениамину нравилось, как пахнет Стине, — точно ящик со специями. Даже земляника за выгоном не пахла так хорошо.

У матушки Карен были добрые глаза, и она знала много историй. Слова слетали у нее с губ словно подхваченные ветром. Она была похожа на свои цветы, что росли в горшках на подоконнике и всегда болели зимой.

Дина была далекой, как непогода на море. Вениамин не часто искал ее общества. Но по ее глазам он понимал, кому принадлежит.

Она не рассказывала никаких историй. Однако клала руку ему на затылок. Рука была твердая. И Вениамину было приятно.

Дина сажала его на лошадь, только если у нее было время самой идти рядом и вести лошадь под уздцы. Она спокойно разговаривала с Вороным. Но смотрела только на Вениамина.

Все говорили, что Ханна — дочка Стине. Хотя на самом деле она была собственностью Вениамина. У нее были пухлые пальчики и глаза как кофейные зерна. Когда Ханна моргала, на щеках у нее дрожали длинные прямые ресницы.

Иногда у Вениамина при виде Ханны начинало ломить в груди. Внутри как будто что-то рвалось. Он никак не мог решить, больно ему или приятно. Но ломило точно.

Однажды на берег в Рейнснесе сошел художник с мольбертом, плетеной корзиной и холщовым мешком, полным кистей и тюбиков с краской.

Он хотел только засвидетельствовать свое почтение хозяйке Рейнснеса,

с которой познакомился в Хельгеланде несколько лет назад. Он попросил капитана подождать, пока он сплавает туда и обратно. Очень быстро. Когда час спустя после назначенного времени художник не вернулся, капитан послал за ним — пассажиры с нетерпением ждали отплытия.

Кончилось тем, что капитан отправил на берег багаж художника и пароход ушел дальше без одного пассажира. Художник тем временем сидел в курительной комнате и слушал, как Дина играет на виолончели.

В последний год Дина часто приносила свою виолончель вниз, когда в Рейнснес приезжали гости.

В тот льдисто-синий вечер фьорд словно парил в воздухе.

Художник назвал это сверкающим чудом. Фата-морганой. Он останется в Рейнснесе до следующего парохода, игра света и тени здесь похожа на шелк и алебастр.

Однако пароход приходил и уходил много раз, прежде чем художник положил последний мазок.

Этот странный человек стал для Дины новым господином Лорком. Несмотря на то что во всем был полной его противоположностью.

Появление художника в Рейнснесе в один из июльских дней походило на извержение клокочущего вулкана. Говорил он на ломаном шведском языке с каким-то чужеродным выговором и пил собственный ром, который привез в глиняном сосуде с краником.

Загорелое, обветренное морщинистое лицо художника обрамляли седые волосы и борода. Нос высился на лице как внушительный горный хребет.

Темные глаза были посажены близко и глубоко, словно художник отводил взгляд от глупости и злобы дольнего мира и берег зрение для лучшей жизни.

Пухлые, чувственные губы были яркие, как у молодой девушки. Уголки губ то и дело поднимались вверх.

Темно-коричневые руки были словно вымазаны в смоле. Сильные и в то же время нежные.

В жару этот человек ходил в черной кожаной шляпе и кожаной жилетке. За недостатком карманов в жилетке с правой стороны был сделан глубокий разрез. В него можно было сунуть трубку или кисти, что нужно.

Смех художника слышался то в доме, то в людской, то на берегу у морских пакгаузов — всюду. Он знал шесть языков. Во всяком случае, так он сам говорил.

Матушка Карен быстро раскусила, что его познания во французском и немецком оставляют желать лучшего. Но она его не выдала.

Педро Пагелли — так он представился. В Рейнснесе не особенно верили тому, что он рассказывал о своем происхождении. Ибо характер и содержание его историй о семейных трагедиях менялись в зависимости от положения луны на небесном своде и от смены гостей за столом. Но рассказывать он был мастер.

Один раз он говорил, что происходит из румынских цыган, в другой хвастался благородным итальянским происхождением, а в третий утверждал, что он серб и что его семья распалась в результате предательства и войны.

Дина пробовала напоить его пьяным, чтобы выведать правду. Однако оказалось, что художник так затвердил свои невероятные истории, что в конце концов сам в них поверил.

Она потратила на это несколько бутылок вина, пила с ним и ночью в беседке, и в курительной комнате. Но правды так никто и не узнал.

Зато Педро написал их всех. Со старого портрета он написал даже Иакова, причем Иаков получился таким похожим, что матушка Карен всплеснула руками и угостила художника мадерой.

Однажды Дина и Педро пошли в пакгауз Андреаса, чтобы принести оттуда несколько холстов, присланных Педро с пароходом. Педро был очарован игрой света, падавшего в открытые двери на втором ярусе.

— Сюда ко мне приходит Ертрюд, — сказала вдруг Дина.

— Кто это?

— Моя мать!

— Покойница? — спросил он.

Дина с удивлением посмотрела на него. Потом лицо ее просияло. Она глубоко вздохнула:

— Сперва Ертрюд долго ходила по берегу. Но теперь она здесь. Она входит через дверь клети, а выходит сквозь невод для сельди, что висит на первом ярусе. Часто она идет по лестнице рядом со мной, а потом вдруг исчезает…

Педро внимательно слушал. Кивал. Просил рассказать еще.

— Как выглядела твоя мать? Она была высокая? Как ты? А какие у нее были волосы?

В тот же вечер Дина показала ему портреты Ертрюд. Рассказала о складках на юбке. О локонах с правой стороны…

Ертрюд так пленила Педро, что он перебрался в пакгауз и написал ее среди висящих сетей. Она получилась как живая.

Работая над портретом, Педро все время разговаривал с Ертрюд.

В тот день, когда Педро завершил работу над портретом, Дина случайно зашла к нему.

— У тебя глаза человека, который охраняет свою душу, — бормотал удовлетворенный Педро, обращаясь к Ертрюд.

Дина замерла у него за спиной. Не слыша даже ее дыхания, Педро принял это за хороший знак.

Но тут же у него за спиной что-то грохнуло, дрогнули половицы. Педро в страхе обернулся.

Дина сидела на выщербленном полу и выла.

Так от бессильной ярости воет одинокий волк. Не стесняясь, не сдерживаясь. Волк сидел на полу в косых лучах солнца, и его плач наводил жуть.

Наконец Дина поняла, что так себя не ведут. Она вытерла слезы и засмеялась.

Педро знал истину, известную каждому артисту: юмор — вернейшая опора трагедии. Он заставил Дину пройти обе фазы. Лишь бросил ей тряпку, которой вытирал кисти, чтобы она вытерла лицо.

И неутомимо продолжал писать дальше, пока не положил последний мазок. Тогда синий час уже сделался призрачно-белым и все звуки в усадьбе слились в слабый гул. Тени, словно штрихи на старом пергаменте, обозначили все углы. И каждый угол имел свой запах.

Осторожно колыхнулись духи Ертрюд. Лицо у нее снова было целое.

Портрет повесили в большой гостиной. Его видели все, кто приезжал в усадьбу. В том числе и Дагни.

— Это настоящее произведение искусства! — милостиво изрекла она и заказала художнику написать свой портрет.

Педро поклонился и поблагодарил. Он с радостью напишет портрет жены ленсмана. Как только у него будет время…

Дину он написал с виолончелью. Она была обнажена, и тело у нее было зеленоватое. Виолончель была белая…

— Это такое освещение, — объяснил Педро.

Дина с удивлением смотрела на картину. Потом кивнула.

— Когда-нибудь я выставлю эту картину в галерее в Париже, — мечтательно сказал Педро и прибавил:

— Она называется «Ребенок, заглушающий горе музыкой».

— Какое горе? — спросила Дина. Педро быстро взглянул на нее и

сказал:

— Для меня горе — это все картины, которые я вижу неясно… Но тем не менее должен носить в себе.

— Да. — Дина кивнула. — Картины, которые человек носит в себе.

Я Дина. Иаков всегда ходит рядом со мной. Он большой, тихий и припадает на ногу, которую ему не отрезали. Дух от него теперь не идет. Иаков не исчезает, как иногда Ертрюд. Он — пароход, только без пара. Плывет тихо рядом со мной. И тяжело.

Ертрюд — серп месяца. То прибывает, то убывает. Она плывет без меня.

Педро и Дина никому не показали «Ребенка, заглушающего горе музыкой». Они понимали, что эта картина не для глаз добрых людей.

Портрет завернули в старую простыню и убрали в чулан, где раньше спал Иаков. За потертую кушетку.

Педро тяжело переносил зиму со снегом и стужей. Он весь скукожился. Постарел, одряхлел и стал похож на большую лошадь.

Весной он чуть не умер от кашля, насморка и лихорадки. Стине и Олине кормили его почти насильно.

Пищу он принимал с трудом. Но понемногу окреп настолько, что уже мог писать маслом, сидя в кровати. Тогда все поняли, что худшее позади.

Матушка Карен читала ему вслух газеты, письма Юхана и вообще все, что попадалось под руку.

А вот Библию слушать Педро не пожелал.

— Библия — это священная книга, — мрачно сказал он. — Ее нельзя читать язычникам.

Трудно было понять, кого он имел в виду. Матушка Карен предпочла не принимать этого на свой счет.

Вениамин часто останавливался на пороге комнаты для гостей и во все глаза смотрел на старого человека в кровати, перед которым были разложены тюбики с краской. Следил с восторгом за дымом его трубки. Дым, клубясь, поднимался к потолку между приступами кашля.

Он стоял до тех пор, пока его не подзывали к кровати и тяжелая рука не ложилась ему на голову.

Веселые глаза встречали его взгляд. Тогда Вениамин улыбался. Он был преисполнен ожидания.

Старый человек кашлял, сосал трубку и, положив мазок-другой, начинал рассказывать.

Вениамин любил, когда Педро лежал в кровати. Тогда его легко было найти.

Да и Дина не могла украсть его у Вениамина. Дина боялась комнат с больными.

Педро уехал в сентябре на другой год после приезда. На пароходе.

Один гудок парохода, и Педро не стало. Не стало его кожаной шляпы и жилетки, красок и плетеной корзины. И глиняного сосуда с краником, в котором у него был ром. В погребе Рейнснеса глиняный сосуд наполнили до самого верха. Это было Педро на дорогу.

Я Дина. Все уезжают. Уехал «Ребенок, заглушающий горе музыкой». Я сняла Ертрюд со стены. Ее глаза уехали. Я не могу смотреть на картину без глаз. Горе — это картины, которых человек не видит, но тем не менее должен носить в себе.

ГЛАВА 7

Поднимается ли тростник без влаги? растет ли камыш без воды?

Еще он в свежести своей, и не срезан, а прежде всякой травы засыхает.

Книга Иова, 8:11, 12

Дети любят тайком сбегать и прятаться на сеновале.

Фома подбирал все крохи, не давая пропасть ни одной. Он жил одиноким среди работников, с которыми у него не было ничего общего.

Но он получал свое. И в страду работал за двоих. Как будто хотел показать ей, чего он стоит. Он неутомимо показывал ей это. Весну за весной. Прогулку за прогулкой. Страду за страдой.

Постепенно на Фому легла ответственность за все, что касалось полевых работ, животных, хлева и конюшни. Старый скотник стал лишним. Эта ответственность легла на Фому с благословения Дины.

И ему снились сны. Снилась Дина и лошадь, которая тащила оглобли без саней с привязанным к ним хозяином. Ему снилась его совесть.

После таких снов у Вороного несколько дней были глаза Иакова. Глаза спрашивали о Вениамине. И Фоме казалось, что вся вина лежит теперь на нем.

Когда Дина подолгу не замечала его, ему чудился запах ведьмы, если она случайно проходила мимо. Он сравнивал ее с более красивыми девушками, у которых были тонкие запястья и застенчивые глаза.

Но тут приходили сны и разрушали воздвигнутую им крепость. Он ощущал рядом с собой ее большое, тяжелое тело. Оно было так близко, что он мог спрятать лицо у нее между грудями.

Всякий раз, когда он слышал, как она часами ходит по пакгаузу, его охватывало чувство, похожее на нежность.

Однажды он прокрался на причал и окликнул ее. Но она гневно прогнала его прочь. Так отсылают надоедливого конюха.

Стоило Фоме увидеть Вениамина, как он начинал внимательно изучать его черты. Краски. Движения. Кто отец Вениамина? Иаков?

Это стало наваждением. Мысль о Вениамине заглушала все остальные. Он смотрел на светлые глаза и темные волосы мальчика. Это, конечно, от Дины. Ну а все остальное?

Одно было точно: этот мальчик никогда не будет таким же высоким и крупным, как Иаков и Дина.

Но ведь и Юхан невысокий. А он сын Иакова…

Фома часто звал Вениамина в конюшню. Завоевал его доверие. Стал для него необходимым. Научил не бояться Вороного — ведь Вороной охранял Вениамина, когда тот появился на свет.

Вениамин часто прибегал смотреть на лошадей. Потому что в конюшне был Фома.

Дина упорно трудилась, чтобы найти исчезнувшие цифры. Цифры не исчезают сами собой, как слова. Они всегда где-то скрываются, только их трудно сразу обнаружить.

Цифры все равно что ягнята, заблудившиеся в горах. Но где-то они все равно есть. В том или ином виде. И Нильс выдаст их, так или иначе. Рано или поздно. Все бездомные цифры хранятся у него.

Дина перестала спрашивать его о цифрах. Но ее ястребиные глаза продолжали искать их. В старых накладных и бухгалтерских книгах.

Она проверила все личные приобретения Нильса. И те, за которые он платил наличными, и те, которые, по-видимому, получил бесплатно.

До сих пор она не обнаружила отсутствия хотя бы одной квитанции. Нильс на одежду тратил удивительно мало денег. Он жил по-спартански, как монах. У него были серебряная табакерка и трость с серебряным набалдашником. Но то и другое он получил в подарок от Ингеборг задолго до появления Дины.

И все-таки Дина не сдавалась.

Словно не деньги, а охота и цифры сами по себе представляли ценность.

Счетовод, которого Дина приглашала из Тромсё после смерти Иакова, посвятил ее в простейшие тайны бухгалтерии.

Постепенно она добилась своего. Нильс вел дела, она его контролировала.

Так продолжалось некоторое время, пока Дина не заинтересовалась складами. Не только товарами, которые закупались для снаряжения судов и поездок в Берген, но и теми, что приобретались для продажи в лавке.

В накладных стали появляться изящные цифры, написанные рукой

Дины. Большие, с наклоном влево и с завитушками. Подделать их было невозможно.

Дина определяла необходимое количество муки и соли, патоки и водки. Мелочи для домашнего обихода. И крупное снаряжение — пеньковые канаты и рыболовецкие снасти, как для собственных нужд, так и для арендаторов.

Теперь Андерс приходил к Дине со своими расчетами, в которых было указано все необходимое для судов и команды. А это и было больное место в отношениях между братьями.

Нильс старался не показываться в конторе в те дни, когда там бывала Дина.

Однажды он неожиданно застал ее за письменным столом.

— Тебе уже пора взять всю бухгалтерию на себя, — мрачно сказал он.

— А чем тогда будешь заниматься ты, дорогой Нильс? — спросила Дина.

— Буду закупать товар для лавки и помогать там приказчику, — быстро ответил он, словно этот ответ уже давно был у него наготове.

— Какой из тебя помощник! Нет, ты не тот человек! — Дина захлопнула папку с накладными. Потом передумала и со вздохом снова раскрыла ее. — Я понимаю, что ты обижен. И уже давно. По-моему, тебе надо…

— Что же мне надо?

— Новая служанка на кухне жаловалась, что ты норовишь потискать ее, когда она застилает постели и прибирает в комнатах.

Нильс смотрел в сторону. Он разозлился, и лицо у него помрачнело.

— Тебе, Нильс, надо жениться, — медленно сказала Дина.

Нильса как черт дернул. Он вдруг осмелел, что случалось крайне редко:

— Как прикажешь тебя понимать? Ты делаешь мне предложение?

Он с презрением смотрел ей в глаза.

Она ошарашенно подняла голову. Потом у нее на губах появилось отдаленное подобие улыбки.

— Человек, которому я когда-нибудь сделаю предложение, поймет это сразу и не станет задавать мне вопросов. Он будет отвечать!

Высунув кончик языка, Дина подписала какой-то документ. Потом взяла тяжелое серебряное пресс-папье, всегда стоявшее на столе, и промокнула — «Дина Грёнэльв».

Промокашка впитала влагу. Зеркальное отражение подписи Дины получилось достаточно четким.

Я Дина. Мы с Нильсом оба считаем все, что есть в Рейнснесе. Я свободно распоряжаюсь цифрами, где бы они ни находились. Нильс же приговорен к ним. «Раб считает. Господин надзирает». Нильс никому ничего не дает. Даже самому себе. Он похож на Иуду Искариота. Он приговорен быть тем, кто он есть. Иуда пошел и удавился.

Нильс стал сторониться служанок. Жил среди людей сам по себе.

Иногда он видел маленькую Ханну, бегавшую по дому. Он не прикасался к ней. Не подзывал ее к себе. Но совал иногда кусочек бурого сахара из буфета. Быстро. Словно боялся, что его кто-то увидит. Или скороговоркой давал распоряжение приказчику, и тот, отколов кусок сахара, клал его в маленькую ручонку.

У Ханны была золотистая кожа и темные глаза Стине. Но если она была чем-то обижена, она держалась совсем как Нильс, как волчонок, испугавшийся собственной стаи. Это отмечали все, знавшие, кто ее отец.

До ленсмана доходили всякие слухи о Дине.

Как правило, в них не было ничего нового, и он не обращал на них внимания. Но однажды до ушей ленсмана дошло, будто в Рейнснесе Дина и Стине живут как муж с женой.

Это так задело ленсмана, что он тут же отправился в Рейнснес.

Дина уловила приближение урагана.

Войдя в дом, ленсман заявил, что — ему надо поговорить с ней наедине, но потом вдруг присмирел и не мог подобрать нужных слов.

Тема была крайне щепетильная. Он не знал, как начать.

В конце концов он выложил все напрямик на грубом языке людской и стукнул кулаком по столу.

Взгляд Дины блестящим лезвием полоснул ленсмана. Он хорошо знал этот взгляд. И весь сжался.

По ее лицу он видел, что она уже составила план действий. Дина не стала ничего объяснять ленсману. Но открыла дверь в буфетную и велела служанке послать за Нильсом. Кроме того, она попросила прийти в гостиную Стине, Олине, матушку Карен и Андерса.

Нильс очень почтительно относился к ленсману.

Не чуя беды, он невозмутимо вошел в гостиную и, обменявшись с ленсманом рукопожатием, смиренно заложил руки за спину.

Нарукавники съехали ему на запястья, и он покраснел от смущения.

Дина смотрела на него чуть ли не с нежностью.

— Мне стало известно, что Нильс разнюхал кое-что обо мне и о Стине, — сказала она. — Будто мы с ней живем как муж с женой!

Нильс судорожно глотнул воздух. Его даже качнуло. Тесный воротничок душил его.

Смущен был не только ленсман. Все присутствовавшие не знали, куда глаза девать от стыда. Двери на кухню были открыты. Разговор вышел недолгий. Нильс все отрицал. Дина не сомневалась в его вине. И тем не менее выслушала Нильса, который назвал эти слухи злобной болтовней, пущенной для того, чтобы поссорить его с Диной.

Вдруг она наклонилась к нему и заглянула в его стеклянные глаза.

— Я вижу, злобы тебе не занимать! Ну что ж, посмотрим, чья возьмет! — Ее слова как плевок шмякнулись на его ботинки.

Нильс побледнел. Отпрянул. Хотел что-то сказать, но передумал. Все время он беспомощно переводил взгляд с Дины на ленсмана и обратно.

Нильс иногда захаживал в трактир. Будто случайно ронял то слово, то два. Истолковать их иначе, чем ему хотелось, было невозможно.

Ленсман пустил в ход весь свой опыт. И грехи Нильса тут же всплыли наружу. И его непригодность к работе в конторе. И отказ из трусости от отцовства. И жадность. И мечта прибрать к рукам Рейнснес со всем его богатством, женившись на Дине. И наконец, позорный для Нильса отказ Дины.

Когда все это было перечислено, песня Нильса была спета. Люди не понимали, как он мог после этого остаться в Рейнснесе.

Но между Диной и Нильсом воцарился мир. Это был уже неопасный противник.

Дина попросила Олине приготовить жаркое из баранины — хрустящая корочка и под ней нежное розовое мясо. Велела принести из погреба хорошего вина и пригласила всех обитателей дома и родственников из усадьбы ленсмана на обед по случаю примирения.

Нильс молча отклонил приглашение. Он просто не пришел.

Но прибор ему был поставлен. Дина показала всем, что не держит на него зла.

Нильс сидел у себя в конторе с трубкой и отказался идти на обед, когда за ним пришли.

Стине незаметно отнесла ему полную корзину всего, что было на кухне. Она не вошла в контору, но оставила корзину у двери.

Перед сном она зашла, чтобы забрать корзину, — все было съедено и выпито. Осталось лишь немного соуса, кусочки застывшего гарнира да капля вина на дне бутылки. Так же незаметно Стине отнесла пустые тарелки на кухню. Олине промолчала, лишь искоса поглядела на Стине и вздохнула, занимаясь своим делом.

Из гостиной доносились звуки пианино. В них слышалось торжество.

Однажды Дина и Вениамин помогали матушке Карен распутывать мотки шерсти, которые запутала Ханна. Они сидели в комнате у матушки Карен.

Вениамин посмотрел на портреты, что висели на стене, и спросил, где тот человек, который их сделал.

— Педро прислал два письма, — ответила Дина. — Он выставляет свои картины и вполне доволен.

— А где он?

— В Париже.

— А что он там делает?

— Пытается стать знаменитым, — ответила Дина. Матушка Карен сняла со стены портрет Иакова и дала Вениамину подержать его.

— Это Иаков, — торжественно сказала она.

— Тот, который умер, когда меня еще не было?

— Это твой отец, — взволнованно проговорила матушка Карен. — Я уже говорила тебе. Дина, какой был Иаков? — Когда матушка Карен волновалась, ей нельзя было доверять, лучше было обращаться к Дине.

— Иаков был самый красивый человек в нашем приходе. Он был мальчиком матушки Карен, хотя был уже большой и взрослый. Мы с ним были женаты. Он погиб в водопаде еще до того, как ты родился.

Все это Вениамин слышал и раньше. Он видел рубашки и жилетки отца. От них пахло табаком и морем. Так же, как от Андерса.

— Несчастный, так рано умер! — Матушка Карен всхлипнула в крохотный носовой платочек.

Вениамин не спускал с нее глаз. Когда она становилась похожей на маленькую птичку, ему тоже хотелось плакать.

— Умерший человек не может быть несчастным, — сказала Дина. — Несчастные — это живые.

Матушка Карен не стала говорить на эту тему.

Но Вениамин понял, что сказано еще далеко не все, и забрался к ней на колени. Чтобы утешить ее.

Дина вдруг показалась ему страшной, как темный чердак, и весь

остаток дня он держался от нее подальше.

Дина никогда не разговаривала с Вениамином, когда он играл на полу со своими игрушками. Не звала в дом, если он бегал по саду. И не бранила, если он без разрешения убегал на берег.

Однажды летом, это случилось ночью, вскоре после разговора о несчастном Иакове, Вениамин увидел, что Дина сидит на высокой рябине.

Он проснулся среди ночи, и ему захотелось пойти посмотреть, снесли ли куры яйца, — было светло, и он решил, что уже утро.

Дина неподвижно сидела на рябине и не сразу заметила его.

Вениамин забыл про яйца и остановился у штакетника, не спуская с нее глаз.

Она махнула ему рукой. Но он видел, что она совсем не такая, как всегда.

— Почему ты залезла на дерево? — спросил он, когда она спустилась к нему.

— Я люблю лазать по деревьям.

— Почему?

— Это приятно… Залезть повыше… Поближе к небу… И голос у нее звучал не так, как всегда. Это был ночной голос.

— Матушка Карен говорит, что Иаков живет на небе. Это правда?

Наконец Дина посмотрела ему в глаза. И он понял, что именно этого ему и не хватало.

Она взяла его за руку и повела к дому. Край ее юбки отяжелел от росы. Тянул к земле.

— Иаков здесь. Он всюду. Мы ему нужны.

— Почему же мы его не видим?

— Если ты сядешь на крыльце, вот на это место, и прислушаешься, ты услышишь, что он рядом. Слышишь?

Вениамин сел, положил загорелые руки на колени и прислушался. Потом решительно кивнул головой.

Дина, очень серьезная, стояла рядом. Испуганный порыв ветра скользнул между ними. Словно дыхание.

— Дина, он бывает только здесь? На крыльце?

— Нет. Он всюду. Ты ему нужен, Вениамин, — сказала она и как будто сама удивилась этой мысли.

Потом отпустила его руку и медленно вошла в дом. И даже не сказала, чтобы он сейчас же лег в постель.

Ему сразу же стало недоставать ее.

Он босиком пошел через двор в курятник. Там пахло сеном и куриным пометом. Куры сидели на насесте, и он понял, что еще ночь.

В тот же день после полудня Вениамин стоял в кухне у окна и смотрел на поля. Вдруг он сказал Олине:

— Вон Дина. Скачет, аж чертям тошно! — В его тонком голосе звучала гордость.

— Мальчики, которые живут в Рейнснесе, не должны говорить «аж чертям тошно»! — сказала Олине.

— А Иаков так не говорил?

— Он был мужчина.

— Он всегда был мужчиной? — Нет.

— А он говорил «аж чертям тошно», когда был маленьким?

Олине растерянно вздохнула и вытерла о передник пухлые ладони. Потом отправилась искать матушку Карен. Там она торжественно объявила, что Вениамин — чистый язычник.

Олине подняла шум.

Она стояла на своем. Мальчику не хватает воспитания. Он настоящий дикарь. Как и его мать.

Прищурившись, она смотрела на Вениамина. Из-за этого ее лицо становилось похоже на высохшую картофелину со старыми белыми ростками, висевшими вдоль щек. У Олине из-под платка всегда выбивались седые пряди.

По ночам, в полнолуние, когда сон бежал от нее, Дина сидела в беседке и ждала, чтобы все успокоилось, чтобы мир скрылся за полосой, отделявшей море от неба.

Она сидела и гладила непослушные волосы Иакова. Как будто между ними никогда ничего не стояло. Говорила, что ей хочется уехать отсюда. За море. В сердце у нее кипела ярость. Иаков все понимал.

ГЛАВА 8

Вот, Бог велик, и мы не можем познать Его; число лет Его неисследимо.

Он собирает капли воды: они во множестве изливаются дождем;

Из облаков каплют и изливаются обильно на

людей.

Кто может также постигнуть протяжение облаков, треск шатра Его?

Вот, Он распространяет над ним свет Свой и покрывает дно моря.

Книга Иова, 36:26-30

Матушка Карен датировала письма 1853 годом. Иногда далекий мир словно приближался к Рейнснесу. Это бывало в те дни, когда с пароходом приходили газеты. Людвиг Наполеон Бонапарт стал императором Франции. Монархисты, либеральные и консервативные бонапартисты объединились вокруг сильного вождя, чтобы «бороться с красным призраком». Революционная волна катилась от страны к стране.

Матушка Карен опасалась, что мир загорится прежде, чем Юхан успеет вернуться домой. В последние годы он доставлял ей много тревог и огорчений. Уж слишком долго он жил вне дома! Кто знает, чем он там занимается? Скорее бы уж он сдал свои экзамены! Скорее бы вернулся!

Письма его не приносили ей желанного покоя. Она читала их вслух Дине, чтобы услышать от нее слова утешения.

Но Дина не скрывала того, что думает:

— Он пишет, только когда ему нужны деньги! Юхан истратил уже в два раза больше того, что ему было положено из наследства. Вы его балуете, посылая деньги из собственных сбережений.

О том, что Юхан обещал ей писать из Копенгагена, Дина никогда не говорила. С тех пор прошло почти девять лет. Юхана можно было больше не брать в расчет. Оставалось провести его по графе «невозвращенные долги».

Сначала зима как будто ослабила хватку, и уже в апреле начало таять. Но вдруг за несколько недель землю покрыл метровый слой снега, и налетевший ураган унес в море все, что было плохо привязано.

На побережье появилось много вдов. Из-за того что после урагана начался мороз и снежные заносы стеной отгородили одну усадьбу от другой, покойники попали в могилы только в середине июня.

Мороз долго не отпускал землю. И дожди медлили, как будто не желали покончить с этой бессрочной зимой.

Ертрюд не показывалась всю весну. Дина ходила по морским

пакгаузам. Часами. Пока мороз не забирался под волчью шубу и не стискивал ледяной рукой ее ноги так, что они теряли всякую чувствительность и признавали уже только один путь — домой, в тепло.

Но весна оказалась для людей и животных еще более трудной, чем зима. Она не приходила так долго, что в церквах уже стали служить молебны, — люди молились о дожде и оттепели.

Редко в молитвы вкладывалось столько души, они шли из самого сердца — в них никто не желал зла соседу.

Лето началось в середине июня. Наступившее наконец тепло потрясло все живое. Стройные белые ноги берез стояли еще в снегу. Распустившиеся листочки целомудренно прикрывали тонкие ветки.

Ночью задул юго-западный ветер, и березы встрепенулись. Они не могли устоять перед ним. И зеленели одна за другой, поднимаясь по склону. Трепетно вливались в великую бурлящую жизнь. Они так спешили. Так спешили.

В конце концов снег стал таять, и начался паводок. Вода затопила поля, шумела в расселинах. Она унесла с собой дороги и с грохотом летела по склону, где упали сани с привязанным к ним Иаковом.

Потом все успокоилось. Мало-помалу. И поздняя летняя страда испуганно подняла голову.

Люди и животные выбрались из помещений. Добрые летние звуки осмелели и раздавались повсюду. И наконец начались дни, напоенные солнцем, смолой и сиренью. Пусть и поздно, но все было необыкновенно прекрасно.

Я Дина. Звуки проникают в меня то далеким криком, то мучительным шепотом. А иногда мои барабанные перепонки пожирает оглушительный грохот.

Я стою у окна в столовой и смотрю, как Вениамин играет в саду с мячом. Меня затягивает водоворот Ертрюд. Быстро-быстро. И я не в силах противиться.

Лицо Лорка! Оно такое большое, что заполняет все окно, весь фьорд, весь горизонт. Вениамин лишь маленькая тень в зрачках Лорка. Как быстро он ими вращает!

Лорк спасен. Я впускаю его к себе. Сегодня 7 июля.

Цвела поздняя сирень, когда из Копенгагена пришло письмо. Оно было

адресовано в усадьбу ленсмана на имя Дины. Красивый с наклоном почерк.

Ленсман переслал Дине письмо с одним из своих работников. Оно было короткое. Как будто каждую фразу с трудом высекали на камне.

"Моя дорогая Дина!

Я лежу больной в королевской столице. И скоро умру. Легкие мои источены. После меня не останется ничего, кроме добрых пожеланий тебе. Каждый день я раскаиваюсь, что покинул тебя.

У меня нет ни сил, ни денег, чтобы вернуться обратно. Но виолончель жива! Дина! Не могла бы ты забрать ее домой? Только будь осторожна! Она сделана великим мастером!

«Твой Лорк».

Дина ходила по морским пакгаузам. По всем трем по очереди. По всем ярусам.

Весь день она не замечала Ертрюд. Иаков был для нее лишь вихрящейся в луче пылью.

Она рыдала, тихо, про себя. Башмаки дробили часы на куски. Дневной свет был безнадежно вечен. Он протискивался в узкие окна и стлался по полу.

Дина ходила по царству мертвых. То приближаясь к солнечным лучам, то убегая от них. Это был и кошмар, и светлый сон.

Наконец Лорк приник к ее виску.

С тех пор она всегда встречала Лорка, когда нуждалась в нем, чтобы обрести покой.

Он и в смерти остался таким же, каким был при жизни, — застенчивым и веселым.

Каждый год, когда цвела сирень, он бродил по дорожкам сада, посыпанным песком, смешанным с ракушками. Среди клумб, обложенных крупной галькой. Море обтесало гальку, придало ей нужную форму и вернуло обратно.

Лорк был здесь. Всех их в Рейнснес привела Дина. И Лорка тоже. Он принадлежал ей. Эта мысль потрясла ее, как грохот океана. Грустные звуки виолончели. Басистый голос каменных осыпей и гор. Безудержная страсть и неволя.

ГЛАВА 9

На праздник же Пасхи правитель имел обычай отпускать народу одного узника, которого хотели. Тогда правитель спросил их: кого из двух хотите, чтоб я отпустил вам? Они сказали: Варавву.

Евангелие от Матфея, 27:15, 21

В газете «Тромсё Стифтстиденде» в списке пассажиров «Принца Густава» значился следующим из Трондхейма первым классом кандидат богословия Юхан Грёнэльв.

Матушка Карен не могла опомниться от радости, она то и дело вытирала слезы. В последние годы письма от Юхана приходили очень редко. Но родные знали, что он сдал свой последний экзамен.

За все эти годы Юхан ни разу не был дома. В письме матушке Карен он писал, что ему нужно пожить дома, чтобы все обдумать и отдохнуть после всех лет, что он провел уткнувшись в книги.

Если Дина и волновалась немного перед приездом Юхана, то хорошо это скрывала.

Богослов сообщил в своем последнем письме, что он, терзаемый сомнениями и сознанием собственного ничтожества, ходатайствовал о получении прихода в Хельгеланде. Но где именно, он не писал.

Дина считала, что ему следовало просить приход где-нибудь поюжнее.

— Там приходы богаче, чем у нас, — объясняла она, не спуская глаз с матушки Карен.

Однако матушка Карен не думала о богатых приходах. Она пыталась припомнить, как Юхан выглядел и как держался в последний раз, когда они виделись. Но мысли ее были скованы. Смерть Иакова затмила все. Матушка Карен вздыхала и перебирала письма Юхана, готовясь принять его таким, каким он стал. Мужчиной, богословом.

Я Дина, я знаю мальчика с испуганными глазами. На лбу у него было написано слово «ДОЛГ». Он не похож на Иакова. Волосы у него светлые и непокорные от морской воды. Запястья тонкие. Мне нравится его затылок. С впадинкой, не признающей долга на лбу. Входя, он надевает на

лицо маску, чтобы спрятаться от меня.

Матушка Карен и Олине готовили праздничный обед. Был приглашен пробст. Семья ленсмана. Каждый, кто имел вес в приходе.

Собирались зарезать теленка и выставить лучшую мадеру. Готовили серебряные приборы. А также скатерти, салфетки и посуду.

Эти хлопоты радовали Олине. Ведь она готовила прием в честь сына Иакова!

Она учила Вениамина, как надо приветствовать старшего брата.

— Вот так! — говорила она, щелкнув пятками, как генерал.

И Вениамин серьезно и послушно повторял ее движения.

Матушка Карен следила за тем, как приводится в порядок мансарда, выходившая на юг, которую раньше занимала она сама. Для всех обновлений, задуманных матушкой Карен, времени осталось слишком мало.

Однако, несмотря на нахмуренный лоб Дины, она все-таки настояла, чтобы два стула, обтянутых тисненой кожей, перенесли из залы в комнату Юхана. И книжный шкаф с розеткой из слоновой кости вокруг ручек перекочевал из ее комнаты в комнату молодого богослова.

Перетаскивали мебель работники во главе с Фомой, а матушка Карен сидела на стуле в коридоре и тонким голоском руководила ими.

На вспотевших работников это действовало как удары кнута по шее.

— Осторожней, осторожней, милый Фома! Нет, нет, так вы можете повредить панели! Разворачивайтесь, только не спешите. Осторожней, не разбейте стекло!

Наконец все было сделано так, как она хотела. Дина помогла ей подняться наверх, чтобы она могла все увидеть своими глазами.

Может, виной тому был возраст, но матушке Карен показалась, что комната стала меньше и в длину и в ширину.

Дина же прямо заявила, что дорогая мебель, которая, по мнению матушки Карен, приличествует пастору, слишком громоздка для мансарды Рейнснеса. Для такой мебели мансарду следовало бы перестроить.

Матушка Карен прикусила язык и опустилась на стул, стоявший у двери. Наконец она проговорила еле слышно:

— Ему бы следовало отдать залу…

Дина не ответила. Подбоченясь, она оглядывала комнату.

— У него будет стол, что стоял в зале, и стул к нему. Их мы поставим рядом с книжным шкафом. А тисненые стулья унесем обратно туда, где они стояли.

Растерянный взгляд матушки Карен метался от стены к стене.

— Да, комната слишком мала.

— Так ведь он же не будет сидеть здесь все время. В его распоряжении будет весь дом. А здесь у него — книжный шкаф, стол, стул и кровать. По-моему, этого достаточно, если ему захочется поработать в одиночестве.

Так все и осталось. Хотя матушка Карен считала, что вернувшемуся домой богослову следовало отдать залу.

С юго-запада принесло дождь.

Четыре лиственницы, обступившие старую голубятню, пластали по ветру свои мягкие лапы.

Розовые кусты Ингеборг, точно дрессированные, покорно терпели непогоду у стен дома и вокруг беседки. Гордость матушки Карен — клумба с лилиями выглядела так, словно ее несколько часов продержали в крепком растворе щелочи.

Плита на кухне трижды гасла. Олине поминала и Судный день, и геенну огненную, плакала и причитала.

Служанки носились по дому, забыв, что и в какой последовательности им следует делать. Бывало, что Олине раза два в год теряла рассудок, но с каждым разом все больше.

Андерс забежал за кухню, он только что распорядился убрать лодки в сараи и хотел выпить кофе.

Увидев, что там творится, он добродушно заметил:

— Не беда, Олине. Если ты когда-нибудь и лопнешь пополам от злости, тебя хватит на обе половины!

— Но у каждой будет только по одной руке и ноге. Не мешайся под ногами, щенок! — сердито ответила она и бросила в него деревянным башмаком.

Но кофе он получил. Таков был закон. И принес за это две охапки березового хвороста на растопку.

Работники убрали лодки и теперь закрепляли на причалах все, что осталось непривязанным.

На флагштоке висел жалкий обрывок флага, большую его часть унесло ветром. Этот обрывок можно было принять за издевательский пиратский флаг.

Но хуже всего был дождь. Он так стучал по крыше и водостокам, что действовал на нервы матушке Карен.

В людской протекла крыша. Служанки и работники бегали с ведрами и

ушатами, спасая от воды постели и укладки.

Фома плашмя лежал на крыше, пытаясь залатать дыру, но ему пришлось отказаться от этой затеи.

В проливе уже несколько часов пыхтел «Принц Густав», но все не мог приблизиться к Рейнснесу.

Люди, отрываясь от своих занятий, то и дело поглядывали в его сторону. Никак «Принц Густав» припадает на один бок? Да, похоже на то.

Шли жаркие споры, поднимать ли поврежденный флаг. Запасного в Рейнснесе не оказалось. Матушка Карен была решительно против. Никто не виноват, что непогода унесла с собой половину флага, но такой флаг на флагштоке будет выглядеть как оскорбление.

Нильс хотел послать Фому к одному из арендаторов, чтобы взять флаг взаймы.

Но Дина воспротивилась. Прежде чем Фома вернется, Юхан будет уже дома — и флаг не понадобится.

Вениамин несколько раз выбегал на улицу посмотреть, где пароход, и каждый раз его приходилось переодевать во все сухое.

Не выдержав, Олине крикнула на весь дом, что мальчишка дикарь и Стине должна лучше следить за ним.

Высоким звонким голосом Вениамин крикнул ей в ответ:

— Нет, Олине, я не дикарь! Я язычник!

Ханна серьезно кивала, выражая свое согласие, и помогала Вениамину расстегивать многочисленные пуговицы. Их любовь и дружба были незыблемы. Ханна как тень ходила за Вениамином. Если он падал в ручей, падала в ручей и Ханна. Если Вениамин разбивал колено, плакала за него Ханна. Когда Олине назвала его язычником, Ханна подняла рев и не успокоилась до тех пор, пока Олине не назвала язычницей и ее.

Из дверей, окон и щелей летели звуки виолончели. И уносились прочь, подхваченные шквалами ветра.

Дождь, как водяная арфа, выводил свою мелодию.

Дина была несокрушимой скалой, тогда как весь дом, перевернутый вверх дном, и вся усадьба крутились и пенились, точно сливки в маслобойке. Она не вмешивалась в эту неразбериху. Хаос как будто не касался ее.

Людям необходимо порой испытывать сильные чувства. Когда пароход был уже почти у берега, Дину стали звать вниз. Слышались топот на лестнице, хруст ракушек на дорожках, звон посуды в кухне и в буфетной,

хлопанье дверей.

Наконец в доме все стихло — на берегу приветствовали сына Иакова. Далекие крики «Ура!» и гудок парохода долетали сюда вместе с ветром и слышались довольно отчетливо.

Дина словно только этого и ждала. Чтобы спуститься по аллее и приветственно помахать рукой. Не смешиваясь ни с кем. Может, ей хотелось встретить его одной, чтобы понять, каким он стал.

Но все получилось совсем не так, как ждали, хотя люди уже смирились и с непогодой, и с опозданием парохода.

«Принц Густав» издал привычный гудок, собираясь следовать дальше. Андерс и Нильс сами встречали на шлюпке возвратившегося наконец домой сына Иакова. Один из работников схватил шлюпку за нос и провел ее между камней.

Дождь временно затих. Дина остановилась в дверях и смотрела вниз, на аллею.

Юхан, стоя среди своих сундуков, с улыбкой поднял шляпу и приветствовал людей, толпившихся между камнями и причалами. Рядом с ним стоял смуглый высокий человек в кожаной шляпе.

По всему берегу, рвущиеся вместе с ветром на север, пестрели платки, шали и юбки. По разъяренным небесам неслись тучи.

Неожиданно ударила молния. Вспыхнуло пламя. Красное, жирное, злобное.

— На хлеве крыша горит! — крикнул кто-то из работников.

Люди забегали, все смешалось.

Богослов богословом, «Принц Густав» «Принцем Густавом», они и сами как-нибудь обойдутся.

Толкая друг друга, люди со всех ног бросились к хлеву.

Фома первым оказался с топором на коньке крыши. Черный от сажи, он с бешенством рубил загоревшиеся доски и сбрасывал их вниз, по земле рассыпались искры. Никто не знал, откуда у Фомы такое проворство и сила. Никто не учил его, что ему делать.

Неожиданно в толпе возникла Дина, она властно отдавала короткие приказы:

— Андерс, выводи животных! Сперва лошадей! Нильс, давай мокрый парус на сено! Эверт, принеси еще топоры! Гудмунд, закрой загон! Девушки, тащите ведра с водой!

Ее голос перекрывал и шум ветра, и треск горящего дерева. Она стояла широко расставив ноги, волосы черной стаей вились вокруг головы.

Синяя муслиновая юбка с шестью широкими складками впереди казалась парусом, противостоящим ветру.

Взгляд ее был холоден и полон внимания. Она не спускала глаз с Фомы и одним этим как будто удерживала его на крыше.

А голос был похож на крик ворона. Громкий и сердитый.

Вскоре еще несколько человек вскарабкались по стремянке, приставленной Фомой к крыше, и бросились помогать ему.

Дождь, который последние сутки, как чума, косил все на земле и на море, вдруг прекратился. Но ветер был преисполнен коварства и злобы.

Люди метались с мокрыми парусами и мешками, гасили искры, находящие себе сухую поживу.

Несколько горящих досок рухнули на сено, лежавшее на чердаке хлева, и угрожали запалить все кругом.

— Андерс, следи за сеном! Держи там мокрые паруса! — кричала Дина.

Люди мгновенно оказывались там, где были нужны их руки. Ведра, поставленные с утра в людской под текущей крышей, вмиг перекочевали к хлеву. Остальные принесли из кухни и погребов.

Слава Богу, что все было мокрое — трава, стены. Все было пропитано водой. Искры шипели и гасли.

— Недосмотрел сегодня Господь за нашей крышей! — бросил Андерс, пробегая мимо Дины с мокрым свернутым парусом на плече.

Она даже не взглянула на него.

«Принц Густав» срочно бросил якорь, на воду спустили шлюпки. И вскоре уже матросы и пассажиры-мужчины устремились вверх по аллее, чтобы принять участие в тушении пожара.

Хлев стоял далеко от берега. Выше дома и всех дворовых построек. Носить воду из моря было неблизко.

Кто-то бросился к колодцу между хлевом и домами. Но там дело шло медленно, выигрыш был невелик.

Мужчины и женщины выстроились цепочкой от хлева до берега. Их было недостаточно, чтобы передавать ведро из рук в руки, приходилось пробегать с ведром несколько метров.

И тем не менее вскоре ведра уже взлетали с земли на крышу хлева.

Матросы работали не щадя сил. Слышалась брань, проклятия и крики «Ура!».

Штурман с капитаном тоже тушили пожар. Они сбросили с себя

кители, фуражки и смешались с общей толпой.

Машинист-англичанин говорил громовым басом на своем ломаном норвежском, которого никто не понимал. Шея и плечи у него были как у моржа, и он привык таскать тяжести.

На крыше рядом с Фомой работали еще трое. Они обвязались веревками и ходили по крыше, точно по палубе в бурю, им помогала держаться на ногах ловкость, а иногда и ветер. Двое работали топорами, двое принимали ведра с водой.

Больше всего пользы было от топоров. Вскоре четверть крыши с восточной стороны была уже содрана и дотлевала на земле.

Теперь ветер добрался до сена, которое лежало под уцелевшей пока частью крыши и потому не было прикрыто мокрыми парусами.

Словно по мановению волшебной палочки сено пришло в движение. Закрутилось столбом. Взвилось над стоявшим без крыши хлевом. Сделав круг над людьми, оно уносилось к морю.

— Нильс! Сено! Давай еще паруса!

Голос Дины с такой легкостью преодолел сопротивление ветра, что капитан на мгновение удивленно поднял голову.

Нильс был занят и не слыхал приказа. Зато другие услышали его, принесли паруса, и сено быстро затихло.

Люди не замечали, как идет время. Покинутый «Принц Густав» одиноко покачивался на воде.

Ханна и Вениамин бегали в толпе и жадно впитывали в себя все, что происходило вокруг. Грязь и глина засохли у них на ногах, нарядная одежда была безнадежно испорчена. Но на это никто не обращал внимания.

Когда люди справились с огнем и лишь отдельные небольшие столбики дыма, поднимавшиеся над разбросанными по земле досками, напоминали о том, что пожар мог уничтожить все, Дина оторвала взгляд от крыши хлева. Она повернулась всем своим большим, нывшим от напряжения грязным телом и поставила ведро на землю.

Плечи у нее опустились, словно из нее вышел весь воздух. Спина сгорбилась.

Она отбросила с лица волосы движением лошади, которой хочется увидеть солнце. На небе синел широкий просвет.

Тогда она поймала на себе незнакомый взгляд.

Я Дина. Мои ноги — сваи, уходящие в землю. Моя голова невесома и

принимает все: звуки, запахи, краски.

Картины вокруг меня находятся в движении. Люди. Ветер. Острый запах обгоревшего дерева и сажи. Сначала я вижу только глаза, без головы, без туловища. Они словно частица моей усталости. В них можно отдохнуть.

Я никогда не видела такого человека. Пират? Нет! Он пришел из Книги Ертрюд! Это Бараева!

Где я была так долго?

ГЛАВА 10

О, если бы ты был мне брат, сосавший груди матери моей! тогда я, встретив тебя на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы. Повела бы я тебя, привела бы тебя в дом матери моей. Ты учил бы меня, а я поила бы тебя ароматным вином, соком гранатовых яблоков моих.

Книга Песни Песней Соломона, 8:1, 2

Глаза были ярко-зеленые. Крупные черты лица, на щеках щетина. Нос самоуверенно взирал на мир, широкие ноздри были похожи на плуг.

Дине не требовалось наклонять голову, чтобы встретиться с ним глазами. Лицо у него было темное, обветренное, на левой щеке белел широкий шрам. Наверное, кому-нибудь оно могло показаться некрасивым и зловещим.

Большой серьезный рот. Верхняя губа изящно изогнута, точно лук Амура, уголки подняты вверх. Видно, Создателю все же хотелось придать некоторую мягкость этим чертам.

Каштановые, довольно длинные волосы были потные и сальные. Белая когда-то рубашка теперь была мокрая и вся в саже. Один рукав оторвался по шву и висел, как на нищем.

Талия была перетянута широким кожаным ремнем, который держал кожаные штаны. Человек был худой, костистый, как каторжник. В левой руке у него был топор.

Освобожденный Варавва. Он смотрел на нее. Как будто хотел рубануть…

Фома и этот незнакомец оба работали топорами. Один потому, что знал, что поставлено на карту. Дина. Рейнснес.

Другой потому, что случайно сошел на берег в этом месте и оказался на пожаре. Ему было весело тушить его.

— Потушили! — только и сказал он. Он еще не отдышался после схватки с огнем. Его широкая грудь вздымалась, словно кузнечные мехи.

Дина изумленно смотрела на него.

— Ты Варавва? — серьезно спросила она.

— Почему Варавва? — так же серьезно спросил он. По его выговору она поняла, что он не норвежец.

— Я вижу, тебя отпустили.

— Ну, значит, Варавва, — сказал он и протянул ей руку.

Она не приняла ее. Он замер.

— Я Дина Грёнэльв, — сказала она и наконец пожала его руку. Рука была потная и грязная. Большая ладонь, длинные пальцы. Но сама ладонь была такая же мягкая, как у Дины.

Он кивнул, будто уже знал, кто она.

— Сразу видно, что ты не кузнец. — Она показала глазами на его руки.

— Нет, Варавва не кузнец.

В голосах, звучавших вокруг них, слышалось облегчение. Все говорили только о пожаре.

Дина освободилась от его взгляда и повернулась к людям. Их было человек тридцать.

— Спасибо, люди! — крикнула Дина, как будто чему-то удивляясь. — Спасибо вам всем! Вы заслужили хорошее угощение. Мы накроем столы и в доме для работников, и в большом доме. Прошу всех быть нашими гостями!

В это время к Дине подошел Юхан и протянул ей руку. Он широко улыбался.

— Вот это возвращение! — сказал он и обнял ее.

— И не говори! Добро пожаловать, Юхан! Видишь, что у нас творится!

— Это господин Жуковский. Мы познакомились на пароходе, — представил незнакомца Юхан.

Незнакомец опять протянул Дине руку, словно забыл, что уже здоровался с нею. На этот раз он улыбался.

Нет, Варавва не кузнец.

К вечеру ветер утих. Люди сидели в домах. Но «Принц Густав» все еще стоял на якоре. Он задержался на несколько часов.

На случай нового пожара была выставлена стража. Так было надежнее. Дождя больше не ждали. В сенокос он ни к чему.

Андрее и Нильс хотели на другой же день ехать в Страндстедет, чтобы запастись лесом для ремонта и нанять рабочих. Крышу следовало починить не откладывая.

Ленсман и Дагни прибыли, когда пожар уже потушили. Ленсман добродушно бранил Дину за то, что ни усадьба, ни лавка с пакгаузами не

были застрахованы. Дина спокойно обещала в будущем подумать о страховке. Ссориться из-за этого в присутствии пробста и богослова они не стали.

Матушка Карен семенила вокруг как наседка. И дивное дело, но суставы и ноги у нее почти не болели.

Олине одна орудовала на кухне — все служанки носили воду. Зато у нее прибавилось времени.

А обходиться без посторонней помощи она привыкла.

Зажаренный целиком теленок получился великолепно, хотя Олине и металась как угорелая между кухней и большой старой печью в поварне. Это была настоящая шахта с современными железными дверцами. Там и жарился молочный теленок.

Его принесли из поварни в лохани, под проливным дождем, еще до того, как они услышали гудок «Принца Густава».

А когда начался пожар, только хромая матушка Карен имела время, чтобы помочь Олине отнести его обратно в поварню.

Они сообразили, что праздничный обед на время откладывается.

Олине натерла теленка жиром и прикрыла как могла вощеной бумагой, чтобы он не пересох. Огонь был несильный.

Соус Олине могла приготовить в последнюю минуту. Прежде ей следовало обрести душевный покой. Тот, у кого сердце скачет галопом, никогда не приготовит соус без комков.

Перед тем как жарить теленка, Олине отбила отдельно каждое ребрышко и перевязала бока вокруг почек. Почки были ее гордостью. Они нарезались отдельно самым острым ножом и подавались как деликатес.

Толченые ягоды можжевельника наполняли ароматом всю кухню. Вообще-то можжевельник предназначался для дичи. Но теленок Олине был больше нежели просто жареная телятина. К нему полагался и можжевельник, и другие чудодейственные приправы.

Желе из красной смородины и морошка уже стояли в столовой в хрустальных вазах на ножках, накрытые салфетками. Чернослив настаивался на плите. Дрожащими руками Олине вынимала из него косточки, бегая от стола к окну и обратно.

Молодая картошка была мелковата. Служанки выскребли и вымыли ее еще накануне вечером. Всю ночь она стояла в погребе, залитая холодной водой. Ее собирались варить в четырех больших котлах в последнюю очередь.

Ведра из-под картошки девушки давно забрали на пожар. Второпях они

вывалили картошку в большую квашню.

Теперь, когда опасность миновала, Олине начала причитать над квашней. Квашня была священна. В ней можно было ставить только тесто. Как бы не наслали на них бесовскую закваску или чего похуже в наказание за небрежное обращение с сосудом, предназначенным для теста.

— Прости нас, Господи, это ж все-таки пожар! — расстроено вздыхала она, роняя картофелины в котлы, где им предстояло вариться.

Когда пожар был потушен и все так или иначе приветствовали Юхана, люди разошлись, чтобы привести себя в порядок перед праздником.

У некоторых работников было всего по одной рубашке. И они не сразу скинули их, бросившись спасать хлеб от огня. Что могли, они теперь отряхнули, но чище рубашки не стали. Грязь можно было стряхнуть, а сажа красовалась как почетные знаки отличия.

Олине наводила последнюю красоту на свои произведения кулинарного искусства и одновременно распоряжалась, чтобы накрыли столы для матросов и пассажиров, помогавших тушить пожар.

Матушка Карен решила, что капитан, штурман, механик и попутчик Юхана будут есть за одним столом с хозяевами. Всех остальных она распределила по рангу в доме для работников. Там на козлы были положены столешницы, которые накрыли белоснежными простынями и украсили полевыми цветами.

Олине вспотела, но пребывала в отличном расположении духа. Ее руки мелькали над кастрюлями и котлами с завидной ловкостью и быстротой.

Настроение в доме для работников заметно поднялось еще до того, как подали угощение, потому что на столах появился ром. Команда расщедрилась и доставила на берег и законный груз, и тот, которым гостей угощали потихоньку.

Никто и не вспоминал о том, что пароходу уже давно следовало идти дальше на север.

Мужчины помогали накрывать столы, будто ничего другого никогда в жизни не делали.

По распоряжению матушки Карен ни вино, ни другие крепкие напитки в доме для работников не подавались. Но похоже, рома там было в изобилии. Его наливали словно из кувшина сарептской вдовы: сколько ни лили, а конца ему не было.

Правда, на благословенный пароход не раз посылались гонцы. Да и в

окрестные усадьбы тоже мчались гонцы в черных от сажи куртках и рубахах.

Настроение все поднималось. Веселые истории подхватывали за столом как жезл эстафеты. И рассказчиков награждали громовыми раскатами хохота.

Пробсту, сожалевшему, что его жена больна и потому не смогла приехать в Рейнснес, было отведено место в торце стола.

Дагни щеголяла в модном бархатном платье, несмотря на летнюю жару. Платье только что прибыло из Бергена.

Дина несколько раз бросила взгляд на брошь, приколотую к воротнику платья. Это была брошь Ертрюд.

Матушка Карен сидела на другом конце стола, между ней и Диной сидел Юхан.

На пароходе плыла графская чета из Швеции, они путешествовали по северу Норвегии. Их доставили с парохода прямо к обеду, хотя они и не принимали участия в тушении пожара. Граф сидел по другую сторону от матушки Карен. Когда пришли офицеры и гости с парохода, присутствовавших за столом немного пересадили, и чужеземец Жуковский оказался напротив Дины.

Под большой люстрой сверкали серебро и хрусталь.

Наступили августовские сумерки. Ромашки, колокольчики, листья плюща и рябины пестрели на белой скатерти. Благоухание и вкусная еда настроили людей на приветливый, почти дружеский лад. Многие были незнакомы друг с другом, но их сблизили угощение и пожар.

Лицо матушки Карен покрылось сетью мелких морщинок. Она улыбалась и поддерживала беседу. Рейнснес стал таким, каким был в прежние времена. Когда здесь собиралось настоящее общество. Накрывался праздничный стол, пахло жареной телятиной и дичью. Матушка Карен испытывала глубочайшее удовлетворение от того, что все было как прежде. Она научила Стине всему, что требовалось знать хозяйке Рейнснеса, и теперь радовалась этому. Дина была не из тех женщин, которые способны постичь науку домоводства. А Рейнснес нуждался в хозяйке, умевшей не только музицировать и курить сигары. В тот вечер матушка Карен убедилась, что Стине оправдала ее надежды.

Нельзя было отрицать, что эта лопарская девушка понятлива и расторопна. И главное, умеет располагать к себе людей, тогда как Дина всех только отпугивает.

Дина смотрела на Варавву. Он надел чистую рубашку. Волосы у него были еще влажные. От света люстры глаза казались еще зеленее.

Она предложила Жуковскому занять одну из комнат для гостей. Он с поклоном принял ее предложение.

Когда она убедилась, что он спустился вниз вместе с Юханом, она проскользнула в его комнату. Там пахло туалетной водой и кожей.

Большой кожаный саквояж стоял открытый. Дина начала перебирать вещи Жуковского. Нащупала книгу. В толстом, но потертом кожаном переплете. Она открыла ее. Наверное, это была русская книга. На титульном листе мелкими острыми буквами с наклоном было написано:

Лев Жуковский

И ниже большими красивыми буквами:

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Наверное, он и написал эту книгу. Прочесть название было невозможно.

Такие же перевернутые и непонятные буквы Дина видела на ящиках и коробках с русскими товарами.

— Непонятно, — громко пробормотала она, словно рассердившись, что не может прочитать название.

Она понюхала книгу. Книга пахла влажной бумагой, — должно быть, отсырела за время долгого плавания. И типичным запахом мужчины. Одновременно сладковатым и терпким. Табаком. Пылью. И морем.

Из стены вышел Иаков. Сегодня он нуждался в Дине. Она выругалась про себя. Но он не ушел. Он ласкался к ней. Молил. Теперь в комнате пахло Иаковом. Дина загородилась руками, отталкивая его.

Наконец она положила книгу на место. Выпрямилась. Вздохнула. Точно закончила тяжелую работу.

Прислушалась к шагам на лестнице. Если он сейчас войдет в комнату, у нее есть оправдание — она хотела вставить в подсвечники новые свечи, чтобы их хватило на вечер. Где ему знать, что она вообще-то не занимается такой работой. Корзина со свечами стояла на полу рядом с ней.

Иаков ждал, когда она возьмет корзину и покинет комнату. В коридоре при свете лампы он наконец отпустил ее обнаженную руку. Припадая на больную ногу, он отошел в темный угол, где стоял шкаф с полотном.

— Мы отстояли крышу хлева от огня! И без твоей помощи! — бросила

она ему вслед и спустилась в столовую.

Я Дина, я летаю. Моя голова без меня движется в пространстве. Отворяются стены и потолки. Небосвод беспределен, это темная картина из бархата и битого стекла. Я влетаю в нее. Мне хочется туда. И не хочется!

Когда ели первое блюдо, жена шведского графа выразила удивление, что в Рейнснесе удалось разбить такой красивый сад, — ведь это у самого Полярного круга! Чего стоят одни дорожки между клумбами, посыпанные крупным песком и ракушками! Она успела посмотреть сад до того, как всех пригласили к столу. Какая трудоемкая работа развести такое великолепие на столь скудной почве!

Матушка Карен поджала губы, но вежливо ответила, что, конечно, это не просто, бывает, в суровые зимы розовые кусты замерзают. Она с удовольствием покажет завтра своей гостье грядки с овощами и пряностями. Это гордость Рейнснеса.

Потом все пили за молодого кандидата богословия. За хлев и за сено, которые с Божьей помощью удалось спасти от огня.

— И за животных! — прибавила матушка Карен. — Боже, сохрани наших животных!

И они выпили за урожай и за животных. Обед был еще в самом начале.

Шведский граф восторгался рыбным супом Олине. Он настоятельно просил пригласить ее в столовую — ему хотелось выразить ей свое восхищение. Нигде в мире граф не пробовал подобного супа. А ведь это блюдо он пробовал всюду, куда бы ни приехал.

Французский рыбный суп! Пробовал ли кто-нибудь из присутствующих французский рыбный суп?

Матушка Карен пробовала французский рыбный суп. Она воспользовалась поводом и рассказала, что три года жила в Париже. Она сдержанно жестикулировала, и на руках у нее позванивали филигранные браслеты.

Неожиданно матушка Карен продекламировала стихотворение по-французски, на щеках у нее заиграл молодой румянец.

Седые красивые волосы, которые по случаю торжества были вымыты в можжевеловой воде и завиты щипцами, спорили блеском с серебряными приборами и канделябрами.

Когда Олине наконец явилась в столовую — ей нужно было сначала немного привести себя в порядок и снять верхний передник, — все, к сожалению, уже забыли про рыбный суп.

Правда, шведский граф повторил свою речь, но уже без вдохновения. Он разошелся и заодно произнес речь в честь телятины. Наконец Олине прервала его, она сделала реверанс и сказала, что должна вернуться к своим обязанностям.

Наступила мучительная пауза.

Жуковский немного ослабил галстук. В столовой было жарко, хотя окна в сад были открыты.

Ночные бабочки, привлеченные светом, отчаянно бились за тонкими кружевными гардинами. Одна влетела в пламя свечи, стоявшей перед Диной. Мгновенная вспышка. И конец. Обугленные останки, темная пыльца на скатерти.

Дина подняла рюмку. Голоса вдруг куда-то исчезли. Жуковский тоже поднял рюмку и поклонился. Оба молчали. Потом они одновременно взялись за приборы и начали есть.

Жареная телятина была сочная и розовая. Сливочный соус выглядел бархатом на белом фарфоре. С краю на тарелке дрожало желе из красной смородины.

Дина решительно положила его на мясо. Воткнула серебряную вилку в белоснежную молодую картошку и отрезала кусочек. Медленно провела картошкой по соусу. Захватила чуть-чуть желе. Положила в рот. Встретила взгляд Жуковского — он проделал то же самое.

На мгновение розовый кусочек мяса остановился у него между губами. Потом сверкнули зубы. Наконец Жуковский закрыл рот и начал жевать. Его глаза над столом блестели, как море.

Дина подцепила на вилку его глаза и положила в рот. Провела по ним языком. Осторожно. Глазные яблоки были солоноватые. Их нельзя было ни проглотить, ни разжевать. Она спокойно катала их во рту кончиком языка. Потом раскрыла губы, и они упали.

Он ел с удовольствием, его глаза снова вернулись в свои орбиты. Лицо блестело. Глаза были на месте. И подмигнули ей.

Она тоже подмигнула. Храня серьезность. Они продолжали есть. Пробовали друг друга на вкус. Жевали. Медленно. Не жадно. Кто не умеет сдерживаться, тот проигрывает. У нее вырвался вздох. Она перестала есть. Потом бессознательно улыбнулась. Это была не обычная ее усмешка. А та, что хранилась в ней долгие годы. Еще с тех пор, когда Ертрюд сажала ее к

себе на колени и гладила по голове.

Одна сторона лица у него была красива, другая — безобразна. Шрам делил его надвое. Изгиб шрама разрезал щеку глубокой впадиной.

Дина раздула ноздри, словно ее пощекотали соломинкой. Отложила вилку и нож. Поднесла руку к лицу и провела пальцем по верхней губе.

В тишину ворвался голос ленсмана. Он спрашивал Юхана, получил ли тот приход.

Юхан скромно опустил глаза в тарелку и сказал, что вряд ли гостям интересны подробности его жизни. Но ленсман с ним решительно не согласился.

К счастью, подали десерт. Морошку со взбитыми сливками. Это венчало обед. Для таких обедов Фома специально собирал морошку на болотах Рейнснеса.

Гости блаженствовали. Штурман рассказал, что однажды случайно попал в Барду на свадьбу. Гостям там не подали ни кусочка мяса. Никакого десерта. Целый день их кормили только кашей на сливках да молочным киселем. И еще вяленой бараниной. Такой соленой и твердой, что нарезал ее сам хозяин. Он боялся, что гости с непривычки затупят об нее ножи!

Матушка Карен поджала губы и заметила, что на жителей Барду это не похоже, они щедры на угощение.

Но ее защита не помогла. Смеялся даже пробст.

Фома не пил из бочонков, что привезли с собой моряки.

Он оказался в числе тех немногих, кто не успел переодеться в чистое, чтобы идти к столу. Ему пришлось проследить, чтобы коровы и лошади вернулись в свои стойла, поставить охрану от пожара и позаботиться, чтобы стражи не слишком напились.

Андерс и Нильс быстро ушли в господский дом. И больше он их не видел. Стало быть, вся ответственность была возложена на него.

Когда он вошел к пирующим работникам, со столов было уже убрано, люди беседовали за кофе с ромом и курили трубки.

Фома вдруг понял, что больше у него ни на что нет сил, он страшно устал и чувствовал себя обманутым.

Когда пожар потушили, Дина подошла к нему. Сразу же. Она дружески хлопнула его по плечу.

— Фома! — сказала она, как обычно. И все.

В ту минуту этого ему было достаточно. Но больше она не показалась, не поговорила с ним, не поблагодарила его перед людьми, и из Фомы как

будто выпустили воздух.

Он знал, что на пожаре играл самую важную роль. Первый поднялся с топором на крышу.

Если б не он, все кончилось бы куда хуже.

Его вдруг охватила ненависть к Дине. К ней и к тому незнакомцу, который помогал ему рубить загоревшиеся доски.

Фома спросил у матросов, кто это. Но про него знали лишь то, что говорит он с акцентом, а в списках пассажиров значилось какое-то нехристианское имя. Словно он был китайцем. Он сел на пароход в Трондхейме. И всю дорогу только читал, курил да беседовал с Юханом Грёнэльвом. Он направлялся куда-то дальше на север, а потом — на восток. Может, он был финн или из восточных земель? Но по-норвежски он говорил свободно, хоть и с акцентом.

Фома видел, как незнакомец, спустившись с крыши, остановился за спиной у Дины. Дина дважды пожала ему руку, и Фоме было это неприятно. Но еще неприятнее ему стало, когда он узнал, что незнакомец будет есть за одним столом с хозяевами. Ведь он был одет как простой матрос.

Фома исполнял свои обязанности стиснув зубы. Потом зашел к Олине и спросил, не нужно ли ей чего-нибудь. Принес дров и воды и остался на кухне.

Он опустился на стул и позволил ухаживать за собой. Сказал, что уже не в силах поддерживать порядок среди работников.

Он ел медленно и много. Казалось, что вместе с едой он жует и глотает свои мысли.

— Вот беда, супа-то у меня больше не осталось! — причитала Олине. — Этот шведский граф съел все, даже на донышке не оставил!

Она никогда не встречала богатых людей с такими дурными манерами — кто же позволяет себе просить добавку супа! Хотела бы она посмотреть, что делается у него в имении.

Фома сонно кивал. Голова его почти лежала на столе.

Олине поглядывала на него, выдавливая на морошку взбитые сливки. Горку за горкой. Когда последняя горка была выдавлена, она тщательно вытерла руки полотенцем. Каждый палец отдельно. Словно крем был вреден для рук.

Потом вышла в буфетную и вернулась оттуда с бокалом темного вина.

— Ну-ка выпей! — велела она, поставив бокал перед Фомой, и снова занялась своими делами.

Фома попробовал вино и, чтобы скрыть, как он растроган ее заботой, воскликнул:

— Хорошо, аж чертям тошно!

Олине мрачно проворчала, что уже давно догадывалась, у кого Вениамин подцепил это безбожное выражение.

Фома слабо улыбнулся ей.

В кухне было тепло и уютно. От пара, запаха пищи и гула, доносившегося из столовой, его повело в сон.

Но какая-то часть его сознания по-прежнему бодрствовала.

Дина на кухню не выходила.

Стине увела детей. Некоторое время еще слышался упрямый голос Вениамина, перебиваемый сердитым голоском Ханны. Потом наверху все затихло.

Дагни, матушка Карен и графиня пили кофе в гостиной.

Дина заняла кушетку в курительной, она курила сигару и сама подливала себе вина. Изумленный граф долго смотрел на нее, потом продолжил беседу с мужчинами.

Через некоторое время пробст мягко попросил Дину:

— Фру Дина, хорошо бы вы помогли нам настроить нашу фисгармонию.

Он отличался способностью не замечать огрехов в поведении Дины. Как будто знал, что она обладает другими, более ценными качествами.

Пробст считал, что людей в Нурланде надо принимать, как принимают времена года. Ну а если они тебя раздражают, сиди дома.

Жена пробста придерживалась последнего правила, а потому и не нашла в себе сил приехать в Рейнснес, чтобы отпраздновать возвращение Юхана.

— Я не очень хорошо разбираюсь в фисгармониях, но попытаюсь, — отвечала Дина.

— В последний раз у вас получилось очень хорошо, — сказал пробст.

— Ну, это смотря на чей слух, — сухо заметила Дина.

— Конечно, конечно, я понимаю. Вы у нас тут самая музыкальная… Благодаря господину… Забыл, как его звали? Помните, ваш учитель, который привил вам любовь к музыке?

— Лорк.

— Совершенно верно. А где он теперь?

— Возвращается в Рейнснес. Вместе со своей виолончелью… — прибавила Дина. Едва слышно.

— Как интересно! И как приятно! Когда же нам его ждать?

Дина не успела ответить, пробстом уже завладел граф.

Юхан сидел со стариками, он оказался в центре внимания, не прилагая к тому никаких усилий. В его тихом голосе слышался живой интерес. Он то и дело бессознательно поправлял рукой светлые упрямые волосы. Но они тут же снова падали ему на лоб.

Юхан сильно изменился за эти годы. И не только внешне. Он и говорил теперь совершенно иначе. Употреблял в разговоре много датских слов. И держался так, будто он здесь посторонний. Казалось, он не узнает дома. Он ни к чему не прикасался. Не бегал из комнаты в комнату, чтобы посмотреть, какие произошли перемены. Если не считать пожара, он еще ничего не видел.

Андерс расспрашивал его о Дании. Принимал ли Юхан участие в политических и патриотических собраниях студентов, которые проходили в Копенгагене.

— Нет, — словно стыдясь, ответил Юхан.

— Небось датчане ликовали после битвы при Истеде? Им, верно, приятно, что они одержали такую победу над немцами, — сказал Жуковский.

— Думаю, приятно, — ответил Юхан. — Правда, присоединение Шлезвига к Дании не совсем естественно. Другой язык, другая культура.

— Кажется, это была мечта короля Фредерика? — спросил Жуковский.

— Да, и националистов, — ответил Юхан.

— Я слышала, что исход войны решил царь Николай? — сказала Дина.

— Да, он пригрозил пруссакам войной, если они не уйдут из Ютландии, — сказал Жуковский. — Но помог и новый закон о воинской повинности в Дании.

Они продолжали беседовать о новом политическом расцвете Дании.

— Я вижу, вы хорошо разбираетесь в политике, — заметил ленсман Жуковскому.

— Кое-что слышал, — улыбнулся тот.

— В Дании мало кто разбирается в политике так же хорошо, как господин Жуковский, — с уважением сказал Юхан.

— Благодарю вас.

Дина наблюдала за Жуковским.

— Матушка Карен опасалась, что война и демонстрации помешают Юхану вернуться домой, — заметила она.

— Меня политика мало интересует, — сказал Юхан. — Кому нужен

какой-то богослов.

— Не скажите, — возразил пробст. — Но вы вернулись, и это главное.

— Богослов богослову рознь, — скромно сказал Юхан. — Меня едва ли можно считать заметной политической фигурой. Другое дело — наш пробст!

— Ну-ну! — добродушно улыбнулся пробст. — Я тоже не имею отношения к мирской власти.

— Осмелюсь с вами не согласиться, — вмешалась Дина. — Все-таки имеете…

— Каким же образом? — полюбопытствовал пробст.

— Когда наши власти делают что-то, что вам кажется несправедливым, вы высказываете свое мнение, хотя это дела сугубо мирские.

— Бывает, конечно…

— И добиваетесь своего, — мягко продолжала Дина.

— И это случается, — улыбнулся пробст, он был польщен.

Разговор принял неопасное направление. И ленсман начал рассказывать о местных делах и распрях.

Андерс больше других дивился на Юхана. Он не находил в нем ничего от того мальчика, который вырос у него на глазах. Наверное, это объяснялось тем, что Юхан слишком молодым уехал из дому. К тому же здесь сейчас собралось чересчур много народу.

Андерс видел, как матушке Карен тяжело было за столом занимать своего внука-пастора. Она с трудом находила тему для беседы.

Юхан был вежливый, приветливый, но чужой.

Выкурив свою короткую трубку, пробст извинился, благословил всех и отбыл домой. Сказав, что музицирование он вынужден отложить до другого раза.

Дина провожала его до двери. Проходя обратно через гостиную, она, словно примериваясь, взяла несколько аккордов на пианино.

Жуковский тут же оказался рядом с ней. Он склонился над инструментом и слушал.

Дина перестала играть и вопросительно глянула на него.

С этого все и началось. Жуковский запел по-русски грустную песню.

Дина быстро уловила мелодию и стала подбирать ее на слух. Если она ошибалась, он поправлял ее, повторяя трудное место.

Такую песню в Рейнснесе слыхали впервые. В ней было столько тоски. Неожиданно этот высокий человек начал танцевать. Как обычно танцевали подвыпившие русские моряки. Раскинув в стороны руки. Согнув немного

колени и свободно двигая бедрами.

Ритм убыстрился, стал веселее. Русский танцевал, присев так низко, что было непонятно, почему он не падает. Он выбрасывал ноги в стороны и снова подбирал их под себя. Все быстрее и быстрее.

От него как будто расходились круги неведомой силы. Лицо было серьезное и сосредоточенное. Но это была игра.

Взрослый человек играл роль. Шрам на его пылающем лице побелел еще больше. Это был двуликий Янус. Он кружился, показывая то поврежденную, то неповрежденную щеку.

Дина внимательно следила за его движениями, а ее пальцы легко и уверенно летали по клавишам.

Матушка Карен и графиня прервали свою утонченную беседу. Мужчины в курительной поднимались один за другим и выходили в гостиную. Стине стояла в дверях, ведущих в коридор. За спиной у нее толпились четверо ребятишек.

Вениамин вытаращил глаза и открыл рот. Он даже вошел в гостиную, хотя это не разрешалось.

Ханна и сыновья ленсмана скромно стояли в дверях.

Гости улыбались. Улыбка перебегала с лица на лицо маленьким лохматым зверьком. Радость в гостиной Рейнснеса была чудом. Она так редко появлялась там в последние годы.

Пение и музыка долетали и до кухни.

Низкий мужской голос, странная скользящая мелодия, слова, которых не понимал никто, разносились по всему дому.

Фома ерзал на стуле. Олине слушала, приоткрыв рот. Служанка, которая прислуживала за столом, прибежала на кухню. Она улыбалась, и щеки у нее горели.

— Еще пуншу! Это чужеземец поет русские песни и прыгает на согнутых ногах как дурачок! Вскрикивает и бьет себя по пяткам! Я такого еще не видела! Он будет спать в южной комнате для гостей. Дина уже распорядилась! Надо налить воды в кувшин для умывания и в графин для питья. И принести чистые полотенца!

Фома задохнулся, словно его ударили в солнечное сплетение.

Жуковский перестал танцевать так же неожиданно, как начал. Изящно раскланялся перед гостями, наградившими его аплодисментами, и вернулся в курительную комнату к своей потухшей сигаре.

Лоб у него был покрыт капельками пота. Но он их не вытирал. Лишь

слегка сдвинул брови и расстегнул на рубашке верхнюю пуговицу.

Иаков коснулся руки Дины. Он был не в духе.

Дина оттолкнула его. Но он не отстал и потащился за ней, когда она прошла к Жуковскому. Сел на свободный стул рядом с кушеткой.

Дина протянула Жуковскому руку и поблагодарила за танец. Воздух между ними был наэлектризован. Это приводило Иакова в исступление.

Когда гости успокоились и приезжие начали восхищаться светлой северной ночью Нурланда, Жуковский наклонился к Дине и дерзко прикрыл ее руку своей.

— Дина Грёнэльв хорошо играет! — просто сказал он. Неприязнь Иакова к этому человеку хлестнула Дину по лицу. Она отдернула руку.

— Спасибо!

— И хорошо тушит пожары!.. И у нее красивые волосы!..

Он говорил очень тихо. Однако таким тоном, словно участвовал в общей беседе о красотах Нурланда.

— Но людям не нравится, что я не закалываю их в пучок.

— Еще бы! — только и сказал он.

Дети и Стине снова поднялись наверх. Было уже поздно. Но полярный день пробивался между кружевными гардинами и цветочными горшками.

— Ты говорил мне, что твоя мачеха очень музыкальна, и мы имели счастье убедиться в этом. Но ты говорил также, что она играет и на виолончели, — сказал Юхану Жуковский.

— Да-да! — радостно улыбнулся Юхан. — Дина, пожалуйста, сыграй нам на виолончели!

— В другой раз.

Дина раскурила новую сигару. Иаков был ею доволен.

— Когда же ты успел рассказать, что я играю? — спросила она.

— На пароходе, — ответил Юхан. — Это я помнил.

— Не много же ты запомнил… — проворчала Дина.

Жуковский смотрел то на нее, то на Юхана. Нильс поднял голову. За весь вечер он не произнес почти ни слова. Он только присутствовал.

— Что ты хочешь этим сказать? — растерялся Юхан.

— Пустяки! Хочу сказать, что ты давно не был дома, — ответила Дина.

Она встала и предложила гостям прогуляться перед сном — ненастье развеялось.

Это привело всех в недоумение. Встал только Жуковский. Юхан внимательно разглядывал их. Словно они были заинтересовавшей его

деталью интерьера. Потом он протянул руку к коробке с сигарами, которыми Андерс обносил гостей.

Это была его первая сигара за вечер.

Фома обошел расставленные им посты.

Идя из людской в хлев, он видел, как Дина и незнакомец прогуливаются по белой дорожке недалеко от беседки.

Правда, незнакомец шел, засунув большие пальцы в проймы жилета и на почтительном расстоянии от Дины. Но вот они зашли в беседку…

Фоме вдруг захотелось уйти в море. Однако для этого было слишком много преград. Прежде всего на нем лежала ответственность за пожарные посты. Потом старые родители. И маленькие сестры.

Он долго сидел на сеновале, уткнувшись подбородком в колени. Наконец он принял решение. Ему надо поговорить с Диной. Заставить ее обратить на него внимание. Хорошо бы заманить ее на охоту.

Лодка пробста отошла уже так далеко, что на причале могли начаться танцы.

Фома побывал в пакгаузе Андреаса и отправил на пост последнего человека.

После этого он вернулся на кухню к Олине. Помог ей убрать в погреб остатки еды. Принес еще вина. А также воды и дров.

Несколько раз Олине отрывалась от работы и внимательно смотрела на него.

— Теа и Аннетте пошли танцевать, — пробуя почву, сказала она.

Он не ответил.

— А ты не пойдешь? — Нет.

— У тебя тяжело на душе?

— Да просто устал, — небрежно ответил он.

— И не расположен к беседе?

— Честно говоря, не очень.

Он кашлянул и вышел в сени с пустым ведром. Наполнил доверху стоявшие там ведра и бак в плите. Аккуратно сложил в углу дрова. Хворост на растопку лежал отдельно в ящике.

— Посиди со мной, — пригласила его Олине.

— А ты спать не собираешься?

— Сегодня можно не торопиться. — Угу.

— Что скажешь насчет чашечки кофе с ликером?

— Кофе с ликером — это хорошо.

Они сидели за большим столом, погруженные в свои мысли.

Распогодилось. О ветре напоминал лишь слабый шорох, который доносился в открытое окно кухни. Стояла синяя, пряная августовская ночь.

Фома тщательно размешивал в чашке сахар.

ГЛАВА 11

Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность…

Книга Песни Песней Соломона, 8:6

При ночном освещении Жуковский выглядел лучше, чем при свете лампы. Дина без стеснения разглядывала его. Они шли по хрустящему песку, смешанному с ракушками. Он — в одной рубашке и жилете. Она — в красной шелковой шали, накинутой на плечи.

— Вы родились не в Норвегии?

— Нет.

Молчание.

— Вам не хочется говорить о вашей родине?

— Не в этом дело. Это долгая история. У меня две родины и два языка. Русский и норвежский. — Он как будто смутился. — Моя мать была норвежка, — объяснил он почти с вызовом.

— Что вы делаете, когда не путешествуете?

— Пою и танцую.

— На это можно прожить?

— Некоторое время.

— Откуда вы приехали?

— Из Петербурга.

— Это очень большой город, правда?

— Очень большой и очень красивый, — ответил он и начал рассказывать о соборах и площадях Петербурга.

— Почему вы так много ездите? — спросила Дина через некоторое время.

— Почему? Нравится, наверное… А кроме того, я ищу.

— Чего же вы ищете?

— Того же, что и все.

— И что же это?

— Правда.

— Правда? Какая правда?

Он удивленно, чуть ли не презрительно поглядел на нее:

— А вы никогда не ищете правды?

— Нет, — коротко ответила она.

— Как же можно жить без правды?

Дина немного отстала. Между ними тут же возник Иаков. Он был доволен.

— Для правды еще придет время, — тихо сказал Жуковский. Потом решительно взял Дину под локоть и вытеснил Иакова из времени и пространства.

Они шли мимо обгоревшего хлева. Внутри громко мычали коровы. Но вообще было тихо. Их встречал запах сгоревшего сена и дерева.

Через белую калитку они вошли в сад. Дина хотела показать Жуковскому беседку, которая была как бы вплетена в зелень сада. Белая, украшенная изящной резьбой. Восьмиугольный домик с головами дракона на каждом углу. Беседка хорошо сохранилась. Хотя зима и унесла несколько цветных стекол.

Жуковскому пришлось наклониться, когда он входил в дверь. Дина засмеялась. Ей тоже приходилось наклоняться.

Внутри царил сумрак. Они сели рядом. Он расспрашивал ее о Рейнснесе. Она отвечала. Тела их были совсем близко друг от друга. Его руки лежали на коленях. Неподвижно. Как спящие животные.

Жуковский держался достаточно учтиво. Иаков следил за каждым его движением. Словно почувствовав это, Жуковский сказал, что уже поздно.

— Да, день был долгий, — согласилась Дина.

— Это был незабываемый день.

Он встал, наклонился и поцеловал ей руку. Губы у него были горячие и влажные.

На другое утро они стояли в коридоре на втором этаже. У самой лестницы.

Там было темно, пахло сном, мылом, ведрами с нечистотами.

Жуковский последним из приезжих покидал дом. Остальные уже спускались к лодкам.

— Я вернусь еще до начала зимы… — Он вопросительно поглядел на нее.

— Милости просим, — сказала Дина, как сказала бы любому.

— Тогда вы сыграете мне на виолончели?

— Может быть. Я играю почти каждый день. — Она протянула ему руку.

— Но вчера не играли?

— Нет, вчера не играла.

— Не было настроения? Я понимаю, пожар…

— Да, пожар.

— Теперь вам придется делать новую крышу?

— Придется.

— У вас на плечах большая ответственность? Сколько человек работает в Рейнснесе?

— Почему вы об этом спрашиваете? В эту минуту?

Его шрам изогнулся. Улыбка стала явной.

— Тяну время. Все не так просто. Разве вы не видите, что вы мне нравитесь?

— Варавва к такому не привык?

— Не очень… Значит, я Варавва?

Оба засмеялись, обнажив зубы. Две собаки, что играют в тени, меряясь силами.

— Варавва!

— Варавва был разбойник! — прошептал он и придвинулся к Дине.

— Но его же освободили! — выдохнула она.

— Да, и вместо него пришлось погибнуть Христу.

— Христу всегда приходится погибать…

— Помашите мне, — шепотом попросил Жуковский, он был немного растерян.

Дина не ответила. Схватила его руку обеими руками и сильно укусила за средний палец. Он вскрикнул от неожиданности и от боли.

Все смешалось. Жуковский притянул ее к себе и прижался лицом к ее груди. Он тяжело дышал.

Мгновение они стояли неподвижно. Потом он выпрямился, поцеловал ей руку и надел шляпу.

— Я вернусь еще до начала зимы, — хрипло сказал он.

Ступенька за ступенькой начали разделять их. Несколько раз он обернулся и посмотрел на нее. Входная дверь захлопнулась.

Он исчез.

Пароход задержался на сутки.

Жуковский стоял на мостике, подняв руку в знак прощания. Было

тепло. Он стоял в одной рубашке. Отутюженные, застегнутые на все пуговицы пассажиры рядом с ним выглядели нелепо.

Дина следила за пароходом из окна залы. Он знал, что она стоит у окна.

Я Дина. Мы плывем вдоль берега. Рядом. Его шрам — факел среди водорослей. Глаза — зеленое море. Свет над отмелями, который что-то открывает мне. А что-то скрывает. Он уплывает от меня. За мысы. За горы. Потому что не знает Ертрюд.

Юхан стоял на одном из прибрежных камней и что-то кричал вслед пароходу. Жуковский кивнул ему и приподнял шляпу.

Пароход загудел. Лопасти заработали быстрее. Голоса потонули в шуме. Зеленые глаза Дина повесила себе на шею.

Семья ленсмана рано уехала домой. Андерс и Нильс повезли их на лодке. Они все равно собирались в Страндстедет, чтобы закупить все необходимое для ремонта. О том, чтобы найти что-то в собственном лесу, нечего было и думать. Материала требовалось много, и сухого.

Они взяли карбас, чтобы сразу же привезти все в Рейнснес. Работнику из Фагернессета пришлось по жаре одному возвращаться с лошадьми через горы.

Матушка Карен пробовала вести с Юханом беседу о смысле жизни. О смерти. О будущем. И о его призвании.

Дина поехала прогуляться верхом. Одна. Вернулась она уже к вечеру.

Фома усмотрел в этом дурной знак. И решил отложить свой разговор с нею до другого дня.

В суматохе, вызванной пожаром и приездом Юхана, никто не сказал Дине, что с пароходом в Рейнснес на ее имя прибыл большой длинный ящик.

Когда посыльный из лавки сообщил ей об этом, она пошла в пакгауз Андреаса. Шаг у нее был широкий и легкий.

Там же, на причале, Дина раскрыла ящик. Он ждал ее целые сутки.

Лорк чувствовал, что его предали. Но он не упрекал Дину. Рядом с виолончелью его запах стал более явственным. Виолончель была тщательно упакована.

Дина осторожно вынула ее из ящика. И тут же хотела настроить.

Струны плакали, но не настраивались. Дина сказала об этом Лорку. Она очень волновалась. Подкрутила колки, попробовала еще раз. И опять

услышала тот же жалобный плач.

Под причалом бились мелкие волны. Они беззаботно плескались и заглядывали в щели между досками.

Дина застонала от бешенства и досады.

Она решила отнести виолончель к себе в залу. Там, дома, виолончель, конечно, позволит себя настроить.

Но когда Дина вынесла виолончель на солнце, она сразу все поняла. Виолончель не выдержала путешествия. Она умерла. Случилось непоправимое — виолончель треснула!

Матушка Карен пыталась утешить Дину. Объясняла случившееся перепадом температур и влажностью.

Дина поставила виолончель в зале. В углу. Бок о бок со своей. Живую и мертвую. Рядом.

ГЛАВА 12

Я томился днем от жара, а ночью от стужи;
и сон мой убегал от глаз моих.
Бытие, 31:40

Была передышка между сенокосом и уборкой картофеля. Ею следовало воспользоваться для ремонта крыши, пока люди не приступили к другой работе.

Местные рыбаки начали привозить вяленую рыбу. Ее сортировали и прессовали в связки по сорок килограммов на верхнем ярусе одного из морских пакгаузов. Рыбу отправляли в Берген, она шла за границу.

Из печени, что привозили вместе с рыбой, всю осень топили рыбий жир. Все кругом пропахло рыбьим жиром. Этот запах донимал всех. Он пропитывал волосы и выстиранное белье. Точно злой дух метил несчастных, работавших на жиротопне.

Все делалось в свой черед. На все требовались руки. Но эта работа приносила деньги и достаток всем обитателям Рейнснеса.

Новая скотница боялась старой коровы-вожака, той, у которой на шее всегда висел колокольчик.

После пожара вдруг обнаружилось, что скотница и эта корова не терпят друг друга. Почти каждый день корова опрокидывала подойник с молоком и скотница в слезах прибегала на кухню к Олине.

Однажды вечером Дина, услыхав голоса, вошла в кухню и узнала, что корова опять опрокинула подойник.

— А доить-то ты умеешь? — спросила Дина у скотницы.

— Да, — всхлипнула она.

— Я спрашиваю: умеешь ли ты доить капризных коров?

— Да. — Девушка сделала реверанс.

— Расскажи, как ты доишь.

— Сажусь на скамеечку, ставлю подойник между колен…

— А корова? Что ты делаешь с коровой?

— Я… мою ей вымя… Вы же знаете…

— А еще что?

— Еще?..

— Да. Ты же доишь живое существо.

— Больше ничего.

— С коровой надо обращаться как с человеком. Понятно?

Девушка испуганно поежилась:

— Она такая злая…

— Она злая только с тобой.

— Сперва она такой не была.

— Она стала злой после пожара?

— Да. Не понимаю почему.

— А потому, что ты вечно спешишь, торопишься в людскую, — вдруг там без тебя произошло что-нибудь интересное. Ты для нее все равно что пожар.

— Но…

— Поверь мне! А сейчас идем в хлев!

Дина вышла в сени и нашла рабочую одежду. Потом они вместе пошли к мычащей корове.

Дина оставила скамеечку и подойник в проходе. Потом подошла к стойлу и положила руку корове на шею. Тяжело и спокойно.

— Тихо, тихо, успокойся, — негромко приговаривала она и гладила храпящую корову.

— Осторожно, она злая! — испуганно сказала девушка.

— Я тоже. — Дина продолжала гладить корову.

Скотница с изумлением смотрела на нее. Дина вошла в стойло и поманила к себе девушку. Та нехотя подошла к ней.

— Вот так. А теперь погладь корову, — приказала Дина. Девушка повиновалась. Сперва боязливо. Потом страх прошел.

— Посмотри ей в глаза! — велела Дина.

Девушка опять подчинилась. Корова постепенно затихла и принялась за сено.

— С ней надо разговаривать как с человеком! — сказала Дина. — Можешь рассказывать ей о погоде, о лете.

Девушка заговорила с коровой. Сперва ее голос звучал неуверенно, почти жалобно, но потом в нем зазвучали даже сердечные нотки.

— Теперь покажи ей подойник и тряпку, но продолжай рассказывать, — велела Дина и, не спуская глаз с девушки и с коровы, вышла из стойла.

В конце концов корова повернула голову и с интересом смотрела, как скотница доит ее.

Девушка радовалась. Молоко текло тугими белыми струями, с краев

подойника падала пена.

Дина ждала, пока девушка кончит доить.

Когда они возвращались с полными подойниками, Дина посоветовала скотнице:

— Можешь рассказывать корове о всех своих делах! О своем любимом! Коровы любят такие рассказы.

Девушка, которая уже собиралась поблагодарить Дину за помощь, испуганно остановилась:

— А если меня кто-нибудь услышит?

— Того поразят молния и несчастья! — серьезно сказала Дина.

— Но он может успеть до этого разнести все по приоду?

— Не успеет, — твердо обещала Дина.

— Где вы все это узнали? — спросила девушка.

— Где узнала? Да я росла у ленсмана вместе с коровами и лошадьми, — коротко объяснила Дина. — Только никому про это не говори. Ленсман опасней, чем любая злая корова.

— Вы там и доить научились?

— Нет, доить я научилась, когда жила у нашего арендатора. У него была одна корова.

Девушка с удивлением посмотрела на Дину и больше ничего не спросила.

Молоденькая скотница не могла умолчать о своей хозяйке. Она рассказывала про нее всем подряд. Как хозяйка ловко обращается с животными. Какая она добрая. Как всем помогает.

Она приукрасила историю, и та пошла гулять по усадьбам. Это было торжеством Дины, скотницы и коровы.

Да, Дина из Рейнснеса знает не только «Отче наш». Она всегда на стороне маленьких людей. Вспомнили историю Фомы, с которым Дина вместе росла. Теперь он пользуется уважением и ведет все хозяйство в Рейнснесе.

А лопарка Стине. С ее двумя незаконными детьми, одним покойным и одним живым. Ее приняли в семью. И она держала маленького Вениамина в церкви, когда его крестили.

Люди украшали эти истории своими подробностями, которые свидетельствовали об отношении Дины к беднякам. О ее справедливости. О ее большом и щедром сердце.

Нелестные истории про Дину потеряли свою силу. Стали просто некоей причудой, отличавшей Дину от других хозяек. Подчеркивали ее силу и

исключительность.

Вереск окрасил дороги в красно-фиолетовый цвет. Большие капли падали с веток, когда Фома с Диной проезжали под деревьями. Солнечное око лишилось тепла и силы. Папоротник лениво хрустел под копытами лошадей.

Фома решился заговорить с Диной. Уж слишком давно он чувствовал, что она просто не замечает его.

— Может, тебе было бы приятней, чтобы я нашел себе другое место? — спросил он.

Дина придержала лошадь и повернулась к нему. Он понял, что своим вопросом застал ее врасплох.

— Почему ты заговорил об этом?

— Не знаю, но.

— Что ты хочешь сказать, Фома?

Голос у нее был тихий и вовсе не суровый.

— Я думал… Я все помню тот день… Охоту на медведя.

Фома смешался.

— Ты жалеешь об этом?

— Нет! Нет! Что ты!

— Хочешь еще так поохотиться?

— Да…

— И как в зале?

— Да! — твердо ответил он.

— Ты хотел бы состариться в Рейнснесе, стать стариком и путаться у всех под ногами?

— Не знаю… — Голос у него сорвался. — Но если б ты хотела… Если б могла…

Он схватил поводья ее лошади и с мольбой заглянул ей в глаза.

Фома — лошадь, которая боится препятствий. И все-таки он прыгнул!

— Ты могла бы? — повторил он.

— Нет, — жестко сказала она. — Я — это Рейнснес. Я знаю свое место. Ты смелый, Фома! Но ведь и ты тоже знаешь свое место.

— А если б не это, Дина? Тогда бы?..

— Нет! — Она откинула с лица волосы. — Тогда бы я уехала в Копенгаген!

— Зачем тебе Копенгаген?

— Посмотрела бы на крыши домов. На башни. Училась бы. Мне хочется все узнать о цифрах. Куда они прячутся, когда их не видно?

Знаешь, Фома, цифры не обманывают, как слова. Слова постоянно лгут. Говорят ли люди, молчат ли… А цифры! Цифрам можно верить!

Голос Дины. Ее слова. Они хлестали его как кнут. Она была безжалостна.

И все-таки она говорила с ним! О своих желаниях, мыслях. Если он не мог попасть к ней в залу, он мог хотя бы узнать, о чем она думает.

— А Вениамин, Дина?

— Что Вениамин?

— Он мой? — прошептал Фома.

— Нет! — отрезала Дина, ткнула Вороного в бок носком башмака и ускакала прочь.

Я Дина. Живым всегда кто-то нужен. Как и животным. Нужно, чтобы кто-то потрепал их по загривку, поговорил с ними. Фома такой.

Я Дина. Кто потреплет по загривку меня?

Бугор, на котором стоял флагшток, как будто притягивал Дину. Там, наверху, почти всегда гулял ветер. Все летело и было в вечном движении. Цветы и трава, птицы и насекомые. Метели и сугробы. На этом бугре жили ветры.

Но сам бугор был незыблем. Зеленый, взлохмаченный, продуваемый ветром, на нем один из бывших владельцев Рейнснеса много лет назад поставил флагшток. И этот флагшток оказался прочнее всех остальных флагштоков на берегу. Хотя и стоял открытый ветрам и беззащитный перед капризами природы.

Зато флаг приходилось чинить часто. И даже покупать новый. С этим расходом мирились. Потому что флаг Рейнснеса был виден в проливе издалека как с севера, так и с юга.

Дина всегда была неравнодушна к этому бугру. А в ту осень она словно переселилась туда. Или же хваталась за виолончель. Струны визжали. Люди зажимали уши руками. Матушка Карен выбегала, хромая, в коридор и звала ее вниз.

Бывало, что Дина забиралась на рябину. Чтобы вызвать Иакова — ей нужно было сорвать на ком-нибудь свою злость.

Но покойники остерегались являться ей, когда она бывала в таком настроении. Они как будто понимали, что им сейчас нет места в ее мире.

Что Варавва единственный.

«Я вернусь еще до начала зимы». Но Дина не могла ждать до зимы. Она была не из тех, кто умеет ждать. Чаще, чем раньше, она гладила морду

Вороного. Привязывала к деревьям качели для Вениамина и Ханны. Но стоило в проливе показаться парусу, она поднималась на бугор к флагштоку.

Она спросила Юхана, куда направился Жуковский. Юхан покачал головой и как-то странно поглядел на нее. Она выдала себя. Он подошел и положил руку ей на плечо.

— Не жди Лео. Он как ветер. Он никогда не возвращается, — назидательно сказал Юхан.

Дина резко выпрямилась. Юхан не успел опомниться, как она одним ударом сбила его с ног.

Секунду она смотрела на него. Потом опустилась на пол и положила его голову к себе на колени. Она всхлипывала, как побитая собака:

— Ты все-таки пастор, Юхан. Ты не должен обманывать людей. Неужели ты ничего не понимаешь? Ничего…

Она вытерла кровь, что бежала у него из носа, и помогла подняться. К счастью, никто в это время не вошел в комнату.

Они никому не сказали об этом случае. Однако у Юхана появилась странная привычка, от которой людей иногда коробило. Стоило Дине неожиданно сделать резкое движение, как Юхан тут же пригибался. И вид у него потом был пристыженный и смущенный.

Назначение Юхану все не приходило. Он ходатайствовал о получении прихода в Нурланде или где-нибудь южнее. Но все как будто забыли о его существовании.

Дина не вмешивалась в дела матушки Карен и Юхана. Иаков был вялым и равнодушным. Ертрюд без слов скользила среди бухт канатов.

Вениамин, с удивлением в светлых глазах, позволял брать себя на колени. Но ему быстро надоедало суровое и властное обращение Дины, он спрыгивал на пол и убегал.

Она была сомнамбула, которая читала черную Книгу Ертрюд. О справедливом и несправедливом.

Рука у Дины была тяжелая. Дина больно ласкала и больно мстила.

Начались ночные заморозки. Лужи и забытые ягоды красной смородины остекленели. Однажды вечером как бы авансом выпало немного снега, а после него уже грозно дохнуло холодом. «Еще до начала зимы» было совсем близко.

Обычно Дина боролась с привычкой Олине заблаговременно приносить

теплые одеяла и перины, хранившиеся на чердаке и в морском пакгаузе.

— До зимы еще далеко! — упрямо говорила она.

Тем самым она непозволительно вмешивалась в чужую вотчину. Олине могла потерять свое достоинство в глазах людей. Дина и Олине были двумя снежными вершинами. Их разделял глубокий фьорд.

Однажды ночью холод закрался в душу, несмотря на ватное одеяло.

Утром Дина пошла к Фоме. Наклонилась над лошадью, которую он чистил скребницей, и, по своему обыкновению, хлопнула его по плечу.

Их взгляды встретились. Его — изумленный, ждущий. Ее — сердитый, властный, жесткий. Рыком она приказала ему разобраться на чердаке в морском пакгаузе и принести в дом теплые вещи. Казалось, он впал в немилость.

— Но, Дина! Это займет у меня весь день и даже вечер!

— Делай что велят! Он промолчал.

Зима показала свои зубы.

Фома взял с собой фонарь. Он шел с опущенной головой, не зная, что она ждет его там. Внимательно смотрел под ноги. На полу могло валяться что угодно, тут ничего не стоило загреметь носом в пыль.

Дина неожиданно выступила из угла.

Меховые одеяла висели на жердях, словно большие мягкие стены. Они поглощали все звуки. Хоронили их навечно.

На земле лежал иней, из-под беспокойно бегущих облаков выглядывала круглая луна. При желании найти по следам Фому и Дину не составило бы большого труда.

Дина злилась.

«Я вернусь еще до начала зимы!» — кривлялась луна сквозь бегущие облака и старую крышу пакгауза.

Дина вцепилась в Фому, как изголодавшаяся собака.

Он не сразу опомнился и задохнулся, когда она впилась зубами ему в шею. И тут же упал вместе с ней на пахнувшие летом бурые овчины. Но фонарь он спас. Теперь фонарь стыдливо смотрел на них.

Дина дарила либо боль, либо наслаждение. Фоме было безразлично, где он — в зале перед раскаленной чугунной печью или на чердаке морского пакгауза. Если небеса черным ястребом неожиданно обрушиваются на человека, они все равно остаются небесами.

Дина сорвала с себя шаль, расстегнула лиф. Задрала юбки. И без

всякого вступления потянулась к Фоме своим сильным большим телом.

Стоя на коленях, он смотрел на нее при желтом свете фонаря. Потом скинул с себя самое необходимое. Запутался в спешке, и ей пришлось помогать ему.

Несколько раз он порывался что-то сказать. Ему хотелось благословить ее. Или прочитать «Отче наш».

Но Дина покачала головой и бросилась с ним в темноту. Ее тело было гладкой скалой в лунном свете. Его мозг отмечал только ее запах, все остальное было вытеснено. Дрожащие мышцы могли не выдержать в любую минуту. Ярая страсть была неохватна. Лавина стронулась, пошел морской вал. Пенный, могучий, неодолимый.

Этот вал подхватил Фому. И Фома позволил увлечь себя в пучину. Над его головой сомкнулись волны.

Время от времени он всплывал на поверхность и пытался усмирить Дину.

И она покорялась ему. А потом снова увлекала его в пучину. Туда, к промытым соленой водой водорослям и озорным течениям. Она увлекала его на камни, с которых отступило море и где запах бурых водорослей дразнил его ноздри. Она неслась с ним на мель, где бок о бок стояли косяки рыб. Он чувствовал их дыхание. Чувствовал их хвосты, касавшиеся его бедер.

Дальше шла глубина. И больше Фома не помнил ничего. Могучая сила вытеснила из него воздух и влагу. В паху и в груди кололо, словно в него впились острые крючки для наживки. Диафрагма казалась треснувшим корытом. Он был готов умереть. Он был там, где хотел.

Но Фома не умер. Дина осторожно отстранилась от него. Вода остановилась на верхней отметке. Он был березовой веткой, сломанной непогодой. На ней еще сохранились зеленые листья. И ничего больше. Она уже все приняла и все отдала.

Они не произнесли ни слова. За стенами пакгауза стоял фиолетово-синий день. Чайки царапали крышу. Бешенство улеглось. Некрасивое, но сильное, как привидение.

Неожиданно из угла вышла Ертрюд и хотела погасить фонарь. Дина и Фома лежали и переводили дух.

Ертрюд наклонилась, чтобы задуть пламя. Совсем рядом с Диной. Подол ее юбки коснулся Дининого плеча.

— Нет! — крикнула Дина. Быстро протянула руку и схватила фонарь.

Ертрюд отпрянула и исчезла.

Дина потерла обожженные пальцы.

Фома сел, чтобы посмотреть, сильно ли она обожглась. Обнял ее. Он шептал ей слова утешения и дул на пальцы. Как будто это был Вениамин.

Дина одевалась медленно и тщательно. Не глядя на него. Перед уходом он обнял ее, и она на мгновение прижалась лбом к его лбу.

— Фома! Фома! — только и сказала она.

Меховые одеяла и пуховые перины были доставлены в дом и в этом году.

Фома носил их, высоко подняв над головой, точно охапки сена на вилах. Он не жалел сил. Не жаловался. Все было закончено еще до ужина. Он разбил тонкую ледяную корку на бочке с водой, что стояла на дворе, и опустил в нее голову и плечи. Раз, другой. Потом надел чистую рубашку и пошел к Олине ужинать.

Полетел снег. Осторожные белые хлопья. Господь Бог был добр и тактичен. Грех часто оказывается не таким серьезным, каким кажется самому грешнику. Фома был самый счастливый грешник во всем Нурланде.

Тело казалось разбитым. Ныл каждый мускул. Но Фома наслаждался снизошедшим на него покоем и усталостью.

ГЛАВА 13

Доколе день дышит прохладою, и убегают тени, возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор.

Книга Песни Песней Соломона, 2:17

Стине приучала Вениамина и Ханну к труду, давая им разные посильные поручения.

Бывало, что ее материнская рука надоедала им и они с шумом врывались к Дине.

Дина редко выпроваживала их, но иногда требовала от них тишины или вообще не разговаривала с ними. А то заставляла их считать все вещи, что были в комнате.

Вениамин ненавидел эту игру. Он подчинялся Дине, надеясь, что она обратит на него внимание, если он будет считать. Но он плутовал, некоторые цифры он помнил с прошлого раза. Картины, стулья, ножки столов.

Ханна еще не была посвящена в таинство цифр, и у нее не всегда все сходилось.

Поскольку Юхан так и не получил прихода, было решено, что на зиму он останется в Рейнснесе и будет учить Вениамина.

Вениамин же предпочитал общество Ханны. Между ним и взрослым братом, который должен был учить его всякой премудрости, не было полного доверия.

До Рождества оставалось четырнадцать дней. Это было самое суматошное время года. Олине сыпала распоряжениями направо и налево. Андерс, матушка Карен и Юхан отправились в Страндстедет делать покупки к празднику, а недовольные Ханна и Вениамин явились в залу к Дине. Они пожаловались ей на Юхана, который велел Вениамину читать, хотя уже давно было решено, что в этот день они будут отливать свечи Трем Святым Царям.

— День долгий, — сказала Дина. — Вениамин успеет и почитать, и отлить свечи!

Ханна как неприкаянная кружила по комнате. Она, словно щенок, налетала на все, что стояло у нее на пути. Нечаянно она сдернула покрывало с виолончели Лорка.

Дина со страхом уставилась на инструмент. Виолончель была совершенно целая.

Услышав восклицание Дины, Ханна испугалась, что она в чем-то провинилась, и заплакала.

На ее плач прибежала Стине.

— Виолончель Лорка снова стала целой! — крикнула ей Дина.

— Но ведь так не бывает?

— Бывает или нет, но она целая!

Дина перенесла виолончель к ближайшему стулу. Тихо, никого не замечая, она начала настраивать инструмент.

Наконец дом наполнили чистые, светлые звуки, и все подняли головы. Ханна перестала плакать.

Рейнснес первый раз слушал виолончель Лорка. Она звучала более мрачно, чем виолончель Дины. Голос у нее был более сильный и первозданный.

Несколько часов подряд здесь не слышали никаких других звуков. Даже гудка парохода, идущего с севера.

Как обычно, пароход встречал только Нильс. Шел густой снег. Пароход запоздал на несколько часов.

В эту пору на нем почти не было пассажиров. Лишь один высокий человек с кожаным саквояжем в руке и матросским мешком за спиной. На нем была большая шапка из волчьего меха и такая же шуба. Узнать его в зимней темноте было трудно.

Но Фома стоял в дверях конюшни, когда приезжий вместе с Нильсом поднялся от берега. Они прошли через двор к крыльцу главного дома.

Фома сдержанно приветствовал приезжего, разглядев у него на левой щеке шрам. И скрылся в конюшне.

Лео Жуковский вежливо попросил приютить его на несколько дней. Он очень устал — в Финнмарке их сильно потрепал шторм. Он не хотел бы мешать. Хозяйка музицирует…

На втором этаже все это время пела виолончель Лорка. Глубоким, звучным голосом, точно на ней никогда не было никакой трещины.

Олине без церемоний накормила гостя на кухне, так он пожелал сам.

Ему поведали про виолончель. Несколько месяцев она простояла с

трещиной и вот теперь благодаря чуду снова оказалась целой. И про то, как Дина радовалась этому старинному инструменту, который она получила в наследство от бедного господина Лорка.

Сперва Нильс занимал гостя. Но потом пришла Стине с детьми, и он, сославшись на работу, извинился и ушел.

Стине хотела сообщить Дине о приезде гостя. Но Жуковский решительно попросил ее не делать этого. Хорошо бы только открыть дверь в коридор, чтобы лучше была слышна музыка…

Гость ел кашу с малиновым сиропом, приготовленным Олине. Он радовался, что ему разрешили остаться на кухне, и поблагодарил Олине за ужин, даже наклонился и поцеловал у нее руку.

Олине, которой со смерти Иакова никто не оказывал знаков внимания, разволновалась и стала оживленно рассказывать все новости. Прошел час, Олине не умолкала и ходила по кухне, не забывая своих прямых обязанностей.

Гость слушал. И иногда поглядывал на дверь. Ноздри у него слегка вздрагивали. Но мысли прятались за высоким лбом.

Олине растрогалась, что он не погнушался подбросить дров в печку. Это вышло у него очень естественно. Она одобрительно кивнула.

Виолончель Лорка плакала. Фома не пришел на кухню ужинать. Ведь там сидел русский!

Дина решила спуститься вниз за вином, чтобы отпраздновать исцеление виолончели Лорка. Волчья шуба, брошенная на лестнице, была ей незнакома.

Но кожаный саквояж она узнала. Его вид и запах с такой силой налетели на нее, что ей пришлось ухватиться за перила.

Она висела на перилах, согнувшись, как от боли. Руки, державшиеся за лакированное дерево, сразу вспотели.

Она села на ступеньку и шикнула на возникшего рядом Иакова.

Но он тут был ни при чем. Он был ошеломлен не меньше, чем она.

Дина осторожно подобрала юбку, раздвинула колени и поставила ноги на ступеньку. Твердо. Голова лежала у нее на ладонях, словно отрубленная и оставленная ей же на сохранение.

Она ждала, чтобы глаза привыкли к темному коридору, освещенному одной свечой, стоявшей перед зеркалом. Потом она медленно встала и спустилась вниз. Жадно схватила саквояж, словно хотела убедиться, что это тот самый. Открыла его, пошарила внутри. Нашла книгу. Книга и на этот раз была с ним. Дина вздохнула и спрятала книгу под шалью. Потом

закрыла саквояж.

Пламя свечи заколебалось, когда она выпрямилась.

Залог был у нее!

Дина снова поднялась наверх. Тихо-тихо. Она не стала подкладывать дров, чтобы никто не услышал, как стукнет дверца.

Потом одетая легла на кровать, не спуская глаз с ручки двери. Несколько раз у нее шевельнулись губы. Но с них не слетело ни звука. И ничего не изменилось. Иаков сидел на краю кровати и смотрел на нее.

Стине провела гостя в его комнату. Он не хотел, чтобы она ради него топила печь. Он прекрасно себя чувствует и горяч как огонь, сказал он.

Стине принесла полотенце, налила в кувшины горячей и холодной воды.

Он поклонился и поблагодарил ее, оглядел комнату. Словно ждал, что сейчас из стены кто-то выйдет.

Служанка Теа поднялась за чем-то наверх. Она задержалась в коридоре у шкафа с бельем, украдкой заглянула в комнату гостя. Ей тоже хотелось хоть что-нибудь узнать про него.

Стине почему-то вдруг заспешила, смутилась и попятилась к двери, пожелав гостю доброй ночи.

— А хозяйка уже легла спать? — спросил он, прежде чем она успела уйти.

Стине смутилась еще больше:

— Она только что играла… Я могу посмотреть! Гость покачал головой. Он быстро подошел к Стине и остановился в дверях рядом с ней.

— Она спит там? — шепотом спросил он, кивнув в темноту в направлении залы.

От удивления Стине не успела даже возмутиться таким бесцеремонным вопросом. Она только кивнула и скрылась в темноте, в своей комнате, где спала вместе с детьми.

В большом доме все затихло. Ночь была не очень холодная. Но небо — тяжелое и черное. И две закрытые двери — в темном коридоре.

С чердака людской Фома наблюдал за светом, горевшим в зале. Для него эта ночь была адом. Ненасытной пиявкой она пила его кровь, когда уже занялся день.

Теа доложила Дине, что русский со шрамом приехал вчера вечером на пароходе. Она поднялась в залу, чтобы истопить печь.

— Тот, что был у нас осенью, когда горел хлев! — прибавила она.

— Угу, — буркнула Дина, не поднимая головы.

— У него матросский мешок и саквояж. Он не хотел вас беспокоить. Только попросил нас открыть дверь в коридор, чтобы слышать виолончель… Просидел на кухне несколько часов. Олине валилась с ног от усталости, плита погасла, ну и вообще…

— А Нильса не было?

— Был, но недолго, выкурил трубку или две. А пунша не пил…

— На кухне?

— Да.

— Гость не сказал, сколько пробудет?

— Нет, просил только накормить его и оставить ночевать. Там, на севере, их застала непогода. Он почти ничего не говорил, только расспрашивал. Обо всем. Олине сама ему все насплетничала!

— Молчи, ни слова об Олине! Он будет ждать следующего парохода?

— Не знаю.

— А Стине там была?

— Да. Она и проводила его наверх, принесла ему воды… Я слышала, он спросил ее, где вы спите…

— Тихо, не греми так дверцей!

— Я совсем не думала…

— Понятно.

— Я думала, что ему просто хотелось поболтать…

— Думай что хочешь, только перестань греметь дверцей!

— Простите.

Теа занялась печкой. Почти беззвучно.

Комната начала согреваться. Большое черное чрево печки урчало и гудело.

Дина, по-прежнему одетая, лежала, пока не ушла Теа. Она слышала, как служанка постучала в комнату гостя.

Тогда Дина встала и начала снимать с себя эту странную ночь. Вещь за вещью ложилась на стул. По голой коже потекла тепловатая вода, Дина заставила Иакова держаться на расстоянии.

Она долго одевалась, расчесывала волосы щеткой. Выбрала черное платье с красным лифом. Без брошки, без украшений. Обвязала плечи и грудь крест-накрест зеленой шалью, как повязывают служанки. Глубоко вздохнула и медленно пошла завтракать.

Матушка Карен только что вернулась из Страндстедета и очень жалела, что вчера, когда приехал Жуковский, ее не было дома.

Олине была обижена неизвестно чем, она поджала губы, и это не предвещало добра.

Дина зевнула, она считала, что ничего страшного не случилось, ведь гость не чиновник, не проповедник. Зато они устроят хороший обед перед Рождеством.

Матушка Карен распорядилась подать праздничный завтрак — все самое лучшее.

Олине сердито поглядела ей вслед — дел у нее было невпроворот. Стряпуха, что печет хлеб, придет только завтра. Они в нынешнем году запаздывали. По округе гуляла корь и другие болезни, многие слегли. Все помощники, с которыми договорились загодя, нынче приходили не вовремя. Помощница у скотницы была неопытная, хотя и старательная. Стине хватало забот с детьми, а Дина была не в счет.

Как одной Олине управиться со всеми делами! Праздничный завтрак! Этого еще не хватало!

— Значит, вы решили навестить нас еще до лета? — ледяным голосом спросила Дина у Жуковского.

Она услыхала, что он спускается по лестнице, и под каким-то предлогом вышла в прихожую.

Предназначенная ей улыбка застыла у него на лице.

— Может, в Рейнснесе не принято принимать гостей перед Рождеством? — спросил он, подходя к ней с протянутыми руками.

— В Рейнснесе всегда рады гостям, и тем, кто обещал приехать, и тем, кто не обещал…

— Значит, я не помешаю?

Не отвечая, она смотрела на него.

— Откуда вы приехали? — спросила она наконец и подала ему руку.

— С севера.

— Север большой.

— Да, очень.

— Вы надолго к нам?

Обеими руками он сжал ее руку, словно хотел согреть.

— Если можно, до следующего парохода. Я не буду вам в тягость.

— У вас есть те сигары, которые были в прошлый раз?

— Да.

— Тогда мы успеем покурить натощак перед завтраком! Между прочим, ко мне в комнату попала книга с непонятными русскими буквами. Сегодня ночью.

Глаза у него улыбались, но лицо было серьезное.

— Оставь ее пока у себя. Книги портятся от сырости, а на море слишком влажный воздух. Мне хотелось перевести эти стихи. Они очень красивые. В нашем сумасшедшем мире… Я переведу их для тебя. Ты знаешь Пушкина? — Нет.

— Я расскажу тебе о нем, если захочешь. Она кивнула. В глазах еще вспыхивала ярость.

— Дина… — мягко сказал он.

Мороз разукрасил кружевом окна. Слабый аромат сигарного дыма пополз из гостиной.

— Варавва не кузнец, — прошептала она и коснулась пальцами его запястья.

ГЛАВА 14

Разверз камень, и потекли воды, потекли рекою по местам сухим.

Псалтирь, 104:41

Нильс старался держаться поближе к Жуковскому, словно искал у русского защиты. Теперь он даже обедал вместе со всеми и по вечерам сидел в курительной. Они с Жуковским о чем-то тихо и долго беседовали.

Андерс был занят, сразу же после Рождества суда уходили на Лофотены. Он то уезжал, то приезжал. На одном из больших карбасов он взял хороший улов сайды возле Анденеса. В последние годы Андерса по всему краю стали звать Королем сайды. Были закуплены новые снасти.

Однажды, когда в Рейнснес приехал ленсман со своей семьей, Андерс принес в столовую какие-то чертежи. Все только что сели за стол. Он гордо разложил чертежи на свободном месте.

Солонина томилась в ожидании, пока все разглядывали это чудо.

Андерс задумал построить на карбасе домик с печью, тогда бы им не пришлось возвращаться на берег, чтобы приготовить себе пищу. Промышляли бы в море и днем и ночью, а спали бы в домике по очереди.

Ленсман кивал и дергал себя за бороду. По его мнению, выглядел бы такой дом довольно нелепо, однако имело смысл попробовать. А советовался ли Андерс на этот счет с Диной?

— Нет. — Андерс краем глаза глянул на Дину. Нильс назвал идею безумной. Карбас будет выглядеть безобразно. Станет высоким, непослушным, да и на буксир его не возьмешь.

Жуковский же считал, что дело стоящее. Русские лодьи тоже красотой не блещут, а на море нет ничего надежнее их. Он разглядывал чертежи Андерса и одобрительно кивал.

Матушка Карен всплеснула руками, восхитилась идеей Андерса, но попросила всех сесть за стол, пока еда не остыла.

Дина хлопнула Андерса по плечу и добродушно бросила:

— Ну и хитрец же ты, Андерс! Поставим на карбасе дом!

Взгляды их встретились. Андерс убрал чертежи и сел. Он добился своего.

Я Дина. У Евы с Адамом было два сына. Каин и Авель. Один убил другого. Из зависти.

Андерс никого не убьет. Но именно его мне хотелось бы сохранить.

Присутствие Нильса за столом и его постоянные обращения к Жуковскому злили Дину, как муха, попавшая в тарелку. Она следила за ним со своей обычной усмешкой, а потом требовательно обращала на себя внимание Андерса и Жуковского.

Стине тоже всегда была настороже в присутствии Нильса. Иногда она тихо и строго делала замечания детям. Она воспитывала своих щенят доброй, но твердой рукой. Вопреки всем обычаям дети в Рейнснесе ели за общим столом со взрослыми. Поев, они могли тут же выйти из-за стола. Уложить их спать было трудно. Но к розгам в Рейнснесе не прибегали. Так постановила Дина. Тот, кто умел сдержать необъезженную лошадь, только показав ей кнут, мог одним взглядом успокоить и двух расшалившихся детей.

Стине не всегда была с ней согласна, но помалкивала. Если случалось, что она таскала Вениамина за вихор, это оставалось между ними.

Вениамин мирился с наказаниями Стине, потому что она всегда была справедлива. Кроме того, когда Стине волновалась, от нее начинало пахнуть чем-то особенным. Этот запах Вениамин помнил и любил с младенчества.

Он не спорил, когда она наказывала его, как не спорят с погодой и временами года. И не таил на нее зла — поплачет немного и забудет.

А вот Ханна была другая. Ей всегда нужно было объяснить, в чем она виновата. Иначе наказание вызывало лавину криков и мести. И утешить ее тогда мог только Вениамин.

В тот день, когда ленсман с сыновьями приехал в Рейнснес перед Рождеством, Вениамин особенно расшалился за столом.

— Нехорошо, что оба ребенка в Рейнснесе растут без твердой отцовской руки, — проворчал ленсман.

Стине залилась краской и опустила голову. Нильс уставился на стену, словно увидел там редкое насекомое.

Но Дина засмеялась и отправила Вениамина и Ханну доедать на кухню к Олине.

Они взяли свои тарелки и весело покинули столовую, не испытывая при этом никакого стыда.

— Моего отца тоже не очень волновало, как я росла в детстве, —

заметила Дина.

Ленсману как будто плюнули в лицо табачной жвачкой.

Матушка Карен в отчаянии переводила взгляд с одного на другого. Но молчала. Дина подлила масла в огонь:

— Я тоже росла без твердой отцовской руки, когда меня отдали арендатору в Хелле. А вот теперь я — хозяйка Рейнснеса!

Ленсман хотел вскочить. Но Дагни схватила его за руку. Еще дома она предупредила его, что, если в Рейнснесе он поссорится с Диной, ноги ее там больше не будет. Мстительные слова Дины в ответ на замечание ленсмана обидели Дагни. Собственно, только она и чувствовала себя униженной. Ленсман был толстокож и нечувствителен к подобным уколам, как морж в брачный период.

Он сдержался и обратил все в шутку. И тут же завел разговор о доме, который Андерс хотел поставить на карбасе.

Глаза Жуковского как коршуны парили над обедающими.

Дерзкий упрек Дины и то, что за ним крылось, вогнали всех в столбняк.

Стине не поднимала головы, через полчаса она вышла из столовой.

В тот вечер сидели недолго. Гости рано разошлись спать, а наутро ленсман с семьей уехал домой.

Матушка Карен пыталась загладить неловкость. Она надарила всем подарков и поговорила с Дагни на прощание.

Дина позволила себе проспать их отъезд. Она крикнула «до свидания!» из окна залы, когда они уже спускались к берегу.

— Счастливого Рождества! — как ни в чем не бывало крикнула она и помахала рукой.

Перед Рождеством ритм дня постепенно менялся, начиная с непроглядной утренней тьмы и до вечернего тусклого мерцания над снежным настом. Дневная спешка медленно уступала место тяжелому вечернему покою. Даже животные подчинялись этому ритму, хотя почти не видели дневного света.

По вечерам в зале пела виолончель господина Лорка. Обычно в зимнее время в гостиную по будням выдавалось шесть свечей. Одновременно горели две. Да еще четыре большие лампы.

Пахло зеленым мылом, сдобой, березовыми дровами и копченьями. Нанятая стряпуха помогала Олине печь к Рождеству, благодатный аромат заполнял кухню и буфетную. Однако была работа, которую Олине не доверяла никому. Например, приготовление слоеного теста. Обсыпанными

мукой руками она колдовала над ним на большом столе в сенях. Дверь была открыта навстречу ледяному декабрьскому вечеру. В тулупе, с подвязанными волосами, Олине была похожа на большого копошащегося зверя. На бледном лице постепенно проступал румянец.

Блинчики были сложены в деревянные короба на чердаке лодочного сарая. Печенье хранилось в большом чулане. Мясные рулеты стояли под гнетом в погребе. Целый день из поварни доносился стук ножей, которыми рубили мясо для колбасы. Олине собственноручно проверяла готовность фарша. Красный домашний сыр выдерживался в настое корицы, прикрытый полотняными полотенцами. Свежий хлеб был сложен в деревянные лари и жестяные коробки, его должно было хватить и на Лофотены.

В Рейнснесе было много комнат и закоулков. Если бы Дина хотела, она нашла бы место, где они с Жуковским остались бы наедине. Но и дверей здесь тоже было много. И все они открывались без стука. Поэтому Жуковский принадлежал всем.

Пароход ждали не раньше Рождества. А может, и после Нового года.

Жуковский беседовал с Юханом о религии и политике. А с матушкой Карен — о литературе и мифологии. Он пересмотрел все ее книги. Но признался, что предпочитает читать по-русски и по-немецки.

Вскоре все начали звать его господином Лео. Служанке, которая по утрам топила у него печку, он подарил несколько монет. Но никто не знал, откуда он и куда направляется. Если его спрашивали об этом, он отвечал охотно, однако не уточняя ни названий, ни дат.

В Рейнснесе привыкли к приезжим, и это никого не беспокоило. К тому же люди научились истолковывать все сведения о русском в зависимости от своих способностей и интересов.

Дина поняла, что Жуковский, должно быть, недавно побывал в России, — в его саквояже сверху лежали русские книги. Несколько раз она заходила к нему в комнату, когда знала, что он ушел в лавку. Принюхивалась к тому, как пахнут его вещи. Табак, кожаный саквояж, куртка.

Смотрела книги. Кое-что в них было слабо подчеркнуто, но записей на полях, как Юхан, он не делал.

Вскоре после приезда Жуковского Андерс спросил у него, когда он в последний раз был в Бергене.

— Летом, — коротко ответил Жуковский.

И начал расхваливать шхуну «Матушка Карен», которая стояла у

причала и ждала, когда ее оснастят, чтобы идти на Лофотены.

— Лучше нурландских судов я не видел нигде, — сказал Жуковский.

У Андерса заблестели глаза, как будто это он приобрел «Матушку Карен» и заплатил за нее.

По вечерам Жуковский пел и плясал, сбросив пиджак, а иногда и жилет. Его звучный, низкий голос разносился по всему дому. Из кухни и из людской собирались люди, чтобы послушать его. Двери были распахнуты, люди, пришедшие из темноты, жмурились от света, их глаза блестели от тепла и пения.

Дина на слух подбирала мелодии и аккомпанировала Жуковскому на пианино.

Виолончель Лорка никогда не приносили вниз. Дина считала, что ей вредны перемены.

Вечером в сочельник небо стало молочно-белым от снега. Погода переменилась — началась оттепель. Гостям, которых ждали в Рейнснесе на Рождество, она не сулила добра. Санный путь мог сделаться непроезжим меньше чем за сутки, а на море уже началось волнение. Дул ветер со снегом. И никто не знал, стихнет он или наберет силу.

Дина ехала верхом вдоль кромки воды, потому что рыхлый наст с острыми краями был опасен для лошадиных ног.

Вороной трусил рысцой. Отпустив поводья, Дина вглядывалась в грязный горизонт.

Ей хотелось пригласить Жуковского с собой на прогулку, но он уже ушел в лавку. Хотелось получше узнать его. Он как будто забыл все, что сказал ей наутро после пожара.

Нахмурившись и прищурив глаза, она смотрела на усадьбу.

Дома сбились в кучу, из окон сочился желтый свет. На мерзлых рябинах и вывешенных снопах сидели крылатые небесные бродяги. Следы людей и животных, навоза и грязи пестрели вокруг домов. Тени от сосулек, упавшие на сугробы, были похожи на хищные зубы.

Дина была не в духе.

Но когда после часа езды она остановилась перед конюшней, она улыбалась.

Это насторожило Фому. Он принял у нее поводья и придержал Вороного, она спрыгнула на землю и потрепала лошадь по шее.

— Дай ему побольше овса, — проговорила она.

— А другим?

Она растерянно подняла глаза:

— Делай как знаешь.

— Можно мне уйти на два дня домой перед Новым годом? — спросил Фома и поддал ногой ледышку с вмерзшим в нее навозом.

— Только позаботься, чтобы тебя заменили в хлеву и в конюшне, — равнодушно сказала Дина и хотела уйти.

— Господин Лео еще долго пробудет в Рейнснесе? Вопрос выдал Фому. Он требовал от нее отчета. Как будто у него было право задавать ей вопросы.

Дина уже хотела резко ответить ему, но почему-то сдержалась.

— Что им наш Рейнснес, Фома!.. Она прислонилась к нему.

Фома вспомнил вкус первых весенних травинок. Сырое лето…

— Люди приезжают и уезжают, — прибавила она. Он промолчал. Погладил лошадь.

— Счастливого тебе Рождества, Дина!

Его глаза скользнули по ее рту. По волосам.

— Ты только отведай нашего рождественского угощения, прежде чем уйдешь, — бросила она.

— Я бы лучше взял домой гостинца, если можно.

— И домой тоже возьми.

— Спасибо.

Вдруг она рассердилась:

— Ну почему ты такой унылый?

— Унылый?

— Ты как живая скорбь! Уж не знаю, что там у тебя на сердце, но вид у тебя как на похоронах.

Тишина вдруг насторожилась. Фома глубоко вдохнул. Словно хотел задуть сразу все свечи.

— На похоронах, Дина? — спросил он наконец, делая ударение на каждом слове.

Он смотрел ей в глаза. С презрением? И все. Широкие плечи тут же опустились. Он отвел Вороного в стойло и дал ему овса, как приказала Дина.

Дина поднималась по лестнице, когда Лео вышел из своей комнаты.

— Идем! — бросила она, как приказ, без всяких вступлений.

Он удивленно взглянул на нее, но повиновался. Она распахнула дверь в залу и пропустила его вперед.

Первый раз они остались наедине с тех пор, как он приехал. Она

кивнула ему на один из стульев у стола.

Он сел и показал ей рукой на ближайший к нему стул. Но там уже сидел Иаков.

Дина начала снимать куртку для верховой езды. Лео встал и помог ей. Аккуратно положил куртку на высокую кровать.

Она сделала вид, что не видит Иакова, и села к столу. Групповой портрет. Иаков сидел и наблюдал за ними.

Они молчали.

— Ты такая серьезная, Дина… — начал Лео. Он закинул ногу на ногу и разглядывал виолончели. Потом перевел взгляд на окно, зеркало, кровать. И наконец обратно, на лицо Дины.

— Я хочу знать: кто ты? — спросила она.

— Ты хочешь узнать это сегодня же? В сочельник?

— Да.

— Я и сам все время пытаюсь понять, кто же я. И где мое место — в России или в Норвегии?

— И на что же ты живешь, пока пытаешься это понять?

В зеленых глазах мелькнул опасный блеск.

— На то же, на что живет и фру Дина, благодаря имению и состоянию моих предков. — Он встал, поклонился и снова сел. — Ты, наверное, хочешь получить деньги за мое пребывание у вас?

— Только в том случае, если ты завтра уезжаешь!

— Я уже давно живу здесь и много задолжал. Может, тебе нужен задаток?

— Я его уже получила. Стихи Пушкина! К тому же у нас нет обычая брать деньги с гостей. Поэтому нам и важно знать, кто гостит в нашем доме.

Он нахмурился. На скулах заходили два желвака.

— Почему ты сегодня такая злая? — прямо спросил он.

— Я не хотела. Но ты все время от меня прячешься.

— С тобой не больно легко найти общий язык… Разве что когда ты играешь. Но тогда не до разговоров.

Дина пропустила мимо ушей его иронию.

— В прошлый раз ты говорил, что я тебе нравлюсь. Это были пустые слова?

— Нет.

— Объясни!

— На таком экзамене трудно что-нибудь объяснить. К тому же ты привыкла получать прямой ответ на свои вопросы. Конкретный вопрос —

конкретный ответ. Но если мужчине нравится женщина, это совсем другое дело. Это относится к области чувств. Тут необходимы такт и время.

— Значит, ты проявляешь такт, когда сплетничаешь с Нильсом у него в конторе?

Лео засмеялся, обнажив зубы.

— Ничего другого я от тебя и не ждала! — процедила она сквозь зубы и встала. — Ты свободен!

Он наклонил голову, словно хотел спрятать от нее лицо. Потом вдруг попросил:

— Не сердись, Дина! Лучше сыграй мне что-нибудь!

Она покачала головой, но все-таки подошла к инструментам. Рука скользнула по виолончели Лорка. Дина не спускала глаз с Лео.

— О чем вы разговариваете с Нильсом? — вдруг спросила она.

— Тебе все нужно знать? Ты за всеми следишь? Она не ответила. Рука медленно гладила инструмент.

Обводила контуры его тела. В комнате прошелестел слабый звук. Потусторонний шепот.

— Мы говорим о Рейнснесе. О лавке. О счетах. Нильс скромный человек. Он очень одинок… Но ведь ты и сама это знаешь. Он говорит, что ты всегда поступаешь по-своему и все сама проверяешь.

Молчание. Дина ждала.

— Сегодня мы говорили о том, что было бы неплохо перестроить лавку на современный лад. Сделать ее более светлой. Просторной. Можно было бы установить связи с Россией и привозить оттуда товар, который трудно достать здесь.

— Почему ты говоришь о Рейнснесе не со мной, а с моими служащими?

— Я думал, что у тебя другие интересы.

— Какие же у меня интересы?

— Дети. Дом.

— Тогда ты плохо знаешь обязанности, которые лежат на хозяйке торгового местечка и постоялого двора! Я предпочитаю, чтобы дела Рейнснеса ты обсуждал со мной, а не с моими служащими! И почему тебя вообще интересует Рейнснес?

— Меня интересуют все торговые поселки. Каждый такой поселок — это целый мир, в каждом есть и добро и зло.

— А там, откуда ты приехал, нет таких поселков?

— Там они не совсем такие. У нас человек несвободен, если у него нет земли. Мелкие хозяева не так надежны, как в Норвегии. В России сейчас

трудные времена.

— Поэтому ты и приехал к нам?

— В том числе и поэтому. Но если помнишь, однажды я тушил пожар в Рейнснесе…

Он подошел к ней. Угасающий день прочертил на его лице глубокие морщины.

Их разделяла виолончель. Он тоже положил на инструмент руку. Тяжелую, точно камень, нагретый солнцем.

— Почему ты так долго не приезжал?

— Тебе показалось, что это долго?

— Нет. Но ты обещал приехать еще до начала зимы. Он смотрел на нее, как будто потешаясь над нею.

— Ты точно помнишь все, что я говорил?

— Да, — огрызнулась она.

— Значит, ты должна быть добрее ко мне, раз уж я здесь, — прошептал он, приблизив к ней лицо.

Они смотрели друг другу в глаза. Долго. Меряя силы. Изучая друг друга.

— Что значит быть доброй к Варавве? — спросила Дина.

— Это значит…

— Что же?

— Что ему нужно немного нежности…

Он взял виолончель у нее из рук и поставил к стене. Бережно. Потом сжал ей запястья.

Где-то в доме что-то разбилось. И тут же послышался плач Вениамина.

В Дининых глазах шевельнулась тень. Они вместе прислонились к стене. Он никогда не думал, что она такая сильная. Большой рот, открытые глаза, дыхание, могучая грудь. Она была похожа на женщин у него на родине. Только жестче. Целеустремленнее. Нетерпеливее.

От стены падала тень, и в этой тени они заплелись узлом. Тугим шевелящимся узлом. Иаков наблюдал за этой картиной.

Лео отстранил ее от себя.

— Играй, Дина! Играй! Ты спасешь нас обоих! — шепнул он.

У нее вырвался низкий рык. Она рванула его к себе. Потом схватила виолончель, отнесла ее к стулу и села, раскинув колени. В серых сумерках взлетел смычок.

И полились звуки. Сначала сбивчивые, не очень красивые. Постепенно ее рука обрела уверенность и мягкость. Музыка захватила Дину. Иаков исчез.

Опустив руки, Лео глядел на ее прижатую к инструменту грудь. На длинные пальцы, которые дрожали, придавая звуку полноту. На ее запястья. На могучую полноту бедер, подчеркнутую кожаными штанами. На щеки. Но вот волосы упали на лоб и скрыли ее лицо.

Он пересек комнату и вышел в коридор. Однако дверь оставил открытой. И свою тоже. По широким половицам пролегла невидимая черта. Между комнатой для гостей и залой.

ГЛАВА 15

Простираю к Тебе руки мои; душа моя к Тебе, как жаждущая земля.

Псалтирь, 142:6

Матушка Карен сама приготовила и упаковала ящики и корзины с гостинцами, которые предназначались трем арендаторам и тем нуждающимся, о которых ей было известно.

Она отправляла их с попутными лодками или с людьми, приходившими в лавку, чтобы запастись необходимым перед праздником.

Олине угощала всех на кухне. Там было тепло, уютно и царил образцовый порядок.

Унтам, сапогам и шубам было отведено место у большой чернобрюхой плиты. Там они оттаивали, сохли и прогревались перед возвращением домой. В баке на плите всегда была горячая вода. Вычищенный медный бак бросал отсветы на котлы и кастрюли, когда освобождалась конфорка для кофейника.

Всю неделю люди то приходили, то уходили, ели и пили. Спускались в лавку, сидели там на табуретах, бочках и ящиках, ждали попутных судов.

Время перестало существовать. Лавка была открыта, пока в ней были люди. Таков был обычай. Нильс и приказчик работали не покладая рук.

На печку в лавке то и дело ставился кофейник. Вода бурлила, закипала и выплескивалась из носика.

Шел пар, кто-нибудь снимал кофейник с огня и разливал кофе.

Рядом с печью лежал плоский камень, на который ставили кофейник. Он приветствовал своим ароматом всех, кто попадал сюда из царства темноты, холода и морских брызг.

В лавке было шесть синих чашек с золотой каемкой, их кое-как споласкивали после одних покупателей и наливали кофе другим. Случалось, что плохо перемолотые зерна приставали к краю чашки коричневыми карбасиками. Карбасики покачивались на волнах, когда замерзшие руки обхватывали чашку, чтобы согреться и поднести к губам горячий горький нектар. К кофе предлагались бурый сахар и печенье.

Кое-кому за закрытыми дверями подносили рюмку водки. Но в Рейнснесе водку подносили далеко не всем покупателям. Кому подносить,

решал Нильс.

На синей кухне Олине водкой не угощали никого. Лишь иногда сама Олине позволяла себе плеснуть немного в кофе, как она говорила — для разжижения крови.

В гостиную, где матушка Карен предлагала гостям вишневую наливку, допускались лишь избранные.

У Дины гости бывали и того реже. Когда в усадьбу кто-нибудь приезжал, это были гости Рейнснеса и их всех угощали в столовой.

Нильс любил предрождественские дни. Товар брали бойко, выручка была хорошая. Чем лучше шли дела, тем сильнее Нильс морщил лоб, такая у него была привычка.

Вот и в этот сочельник на лбу у него залегли глубокие складки, когда он осматривал полупустые полки и пустые склады в лавке и пакгаузах. У него был вид разорившегося человека.

В лавку, посвистывая, в праздничной рубашке, вошел Андерс, и Нильс упавшим голосом сообщил ему, что муки осталось маловато и, пожалуй, для Лофотенов не хватит.

Андерс засмеялся. Его забавляло напускное огорчение брата из-за опустевших полок и кладовых. Но случалось, Андерс ломал голову, пытаясь понять, почему торговля приносит такой небольшой доход. Покупателей у них было много, и все достаточно солидные. Да и те, кого они снаряжали на промысел, тоже были люди надежные и расплачивались либо рыбой, либо деньгами после окончания путины.

Когда за последним покупателем закрылись двери, Нильс отправился на свою одинокую литургию. Он служил ее в конторе за запертой дверью и задернутыми занавесками.

Свои дары он тщательно упаковал в два толстых конверта и положил их на стол. Потом увернул фитиль в лампе и приблизился к алтарю с одним из конвертов.

Дубовый умывальник с мраморной доской, эмалированной раковиной и вделанной в нее мыльницей был очень тяжел. Торжественно, навалившись всем телом, Нильс сдвинул его с места. Неприкрепленная половица смотрела на него всеми своими сучками.

При неярком свете он извлек жестяную коробку, открыл и принес ей последнюю жертву.

Потом все снова вернулось на свое место.

Деньги, проведенные по бухгалтерским книгам, Нильс запер в

железный шкаф.

Наконец он закурил трубку и оглядел комнату. Все было в порядке. Наступил праздник.

Нильса огорчало только одно обстоятельство: у него недавно исчезла карта Америки. Все время лежала на столе. И вдруг ее там не оказалось.

Он обыскал все. Спрашивал у приказчика Петера. Но тот клялся и божился, что ничего не видел.

Нильс понимал: пока в Рейнснесе живут Стине и Ханна, жениться он не сможет. Это заставило его принять серьезное решение. Он раздобыл карту Америки. Но она пропала.

В пять часов в Рейнснесе, по обычаю, подавали мёлье — кусочки пресной лепешки в мясном бульоне. Водку и пиво. И к этому времени все старались закончить свои дела.

В нынешнем году к ним присоединился и Нильс. Из-за Лео он теперь предпочитал есть в столовой вместе со всеми.

К тому же он надеялся угадать по лицам, кто взял его карту.

Столы для всех были накрыты в столовой. На кухне в сочельник не ел никто. Такой порядок завела матушка Карен, когда приехала в Рейнснес.

Правда, не все чувствовали себя в столовой уютно. Люди едва решались говорить друг с другом из страха показаться неучтивыми или сказать что-нибудь неподходящее.

Лео и Андерс разряжали атмосферу, шутя с детьми. Постепенно, один за другим, начали посмеиваться и остальные. И наконец уже смеялись все.

Матушка Карен сидела перед зажженной елкой. Дом благоухал благолепием и торжественностью. В плетеных бумажных корзиночках стояли изюм, пряники и бурый сахар. Но без разрешения матушки Карен их не трогали.

Она сидела в кресле у стола и читала Евангелие. Сначала по-норвежски. Потом по-немецки, чтобы, как она сказала, порадовать господина Лео.

Вениамин и Ханна истомились от ожидания, им не терпелось поскорее получить подарки и сласти. Мало того что чтение Евангелия казалось им бесконечным, они воспринимали его как преждевременное наказание Божье.

С тех пор у них появилась своя поговорка: «А теперь она будет читать еще и по-немецки!»

Дина текла по комнате, словно широкая сверкающая река, в синем бархатном платье с атласной вставкой на груди. Она не отводила взгляд и выглядела вполне миролюбиво. Когда она играла псалмы, пальцы ее как

будто ласкали клавиши.

Лео запевал, на нем была белая полотняная рубашка с широкими рукавами и кружевными манжетами. Серебряная брошь на вороте и черный жилет.

В честь Трех Святых Царей зажгли две свечи, которые по обыкновению горели в сочельник на пианино. Они отражались в серебряных блюдцах, на которых стояли. Свечи оплывали. К концу вечера блюдца были залиты причудливо застывшим стеарином.

Эти свечи в честь Трех Святых Царей делала Стине. Одну для Ханны, другую для Вениамина, хотя матушка Карен настойчиво повторяла, что они сделаны в честь Иисуса Христа.

Перед Рождеством в усадьбе работал приходящий сапожник, и работникам было нетрудно угадать, что лежит в предназначенных для них пакетах. Вскоре все они уже примеряли новые башмаки.

Лео встал и спел русскую песню обо всех башмаках, что ходят по свету.

Ханна и Вениамин пели вместе с ним. Они пели на своем, особом языке. Фальшиво и серьезно.

Волосы у матушки Карен были красиво уложены, на шее — кружевной воротничок. К концу вечера она устала. Неожиданно в комнате появилась Ертрюд, она погладила матушку Карен по бледной морщинистой щеке. И матушка Карен задремала.

Олине разрешила ухаживать за собой. У нее на щиколотке была язва, которая увеличилась после всех рождественских хлопот.

Стине варила мази из меда и трав и прикладывала их Олине к ноге. Но это не помогло.

Лео заявил, что Олине не должна двигаться: за ней надо ухаживать, пока у нее не заживет язва. Теперь преданный взгляд Олине всюду следовал за ним. Как в свое время за Иаковом.

Стине мучилась непонятной тревогой. Иногда она поглядывала на Нильса, словно смотрела, хорошо ли выскоблен пол. Задумчиво и с удовлетворением. Глаза у нее были темнее, а лицо еще золотистее, чем обычно. Волосы она заплела в косы и уложила пучком на затылке. Но красоту ее затылка пучок не скрывал.

Юхан вспоминал, как в Рейнснесе праздновали Рождество, когда он был маленький. Вот Ингеборг зажигает свечи, вот матушка Карен читает вслух Библию. Вот Иаков, он еще днем успел выпить с работниками, и лицо у него пылает.

Юхан вдруг почувствовал себя по-детски обиженным и обездоленным,

когда матушка Карен посадила к себе на колени Вениамина и Ханну. Он стыдился этого чувства и пытался искупить вину дружеским отношением ко всем, и особенно к детям.

Он видел, что за время его отсутствия дух Дины утвердился в Рейнснесе и пошел ему на пользу. Андерс и Нильс были у нее в руках. Они беспрекословно слушались ее взгляда. У Юхана осталась только старая матушка Карен.

Андерс всем улыбался. Большую часть вечера он беседовал с матушкой Карен, Юханом и Лео. Иногда он посматривал на Дину. Один раз даже кивнул ей, словно у них была общая тайна. Было видно, что с совестью у этого человека все в порядке.

Нильс время от времени куда-то уходил. Никто не спрашивал у него, чем он занят. Иногда он обносил всех сигарами или вином. Но почти не разговаривал. Глаза его, как неприкаянные тени, падали то на одного, то на другого.

Я Дина. Сегодня вечером Ертрюд стоит у ленсмана в гостиной и плачет. Она развесила ангелов, гирлянды и читала по своей черной книге. Но это не помогло. Кому-то Рождество оказалось не по душе. Поэтому Ертрюд плачет и скрывает свое изуродованное лицо. Я обнимаю ее и считаю башмаки.

Время от времени глаза Дины и Лео встречались. Между ними больше не было напряженности. Дина словно забыла, что он приехал слишком поздно. Забыла их незаконченный разговор утром в зале.

Матушка Карен ушла спать. Спали и дети. Беспокойно, со вспотевшими головками — сколько они пережили сегодня: сласти, наслаждение, смешанное со страхом. Сказки про ниссе [8], бесконечные объятия. Голоса, музыка, подарки.

Покончив с последними делами, разошлись на покой и работники. Служанки спали на чердаке над кухней, работники — в людской. Олине сама стерегла вход на кухню от ночных посетителей. Она спала с открытой дверью.

Ее храп разносился по всему дому, как звуки необычного ночного инструмента. Если бы он умолк, Рейнснес лишился бы своих самых точных часов.

Нильс куда-то ушел. Может, он был в доме для работников — там у него были свои две комнаты. А может — в конторе. Никого это не интересовало.

Никого, кроме Стине. Но она не подавала виду. И никому не досаждала своими догадками, которые прятала под темными гладкими волосами. Стине медленно разделась перед зеркалом при неярком свете стеариновой свечи и внимательно оглядела свое тело.

Предварительно она задернула полог на широкой кровати, где спали дети.

Этот вечер не принес ей ничего нового. Кроме одного: она решила требовать содержание, положенное ее ребенку. Без суеты, твердо. Поэтому она и спрятала карту Америки в нижнем ящике своего комода.

Стине многому научилась, наблюдая за Диной: человек поступает так, как ему нужно. И не спрашивает совета, если может обойтись без него.

Андерс, Юхан, Лео и Дина остались в курительной.

Дина сидела, откинувшись на спинку кушетки, и играла тяжелой шелковой кистью, прикрепленной к подлокотнику. И пускала кольца из дыма, неженственно, но весьма искусно.

Андерс рассказывал, как снаряжаются суда на Лофотены. Он решил послать сперва один карбас, так сказать на разведку. Если лов будет хороший, он тут же снарядит и другие суда. Людей у него хватит. А лов, между прочим, обещают небывалый. Не хочет ли Лео отправиться вместе с ними?

Лео как будто задумался, а потом медленно ответил, что не годится для такого дела. К тому же у него есть дела южнее Трондхейма.

Дина смерила его взглядом:

— А можно узнать, что за дела?

— Я должен перевезти оттуда одного заключенного в Вардёхюс. Его освободили от каторжных работ, и теперь он будет отбывать наказание в Вардёхюсе.

— Ты хочешь сказать, что возишь каторжников?

— Да, — просто ответил он, сделал глоток пунша и с вызовом оглядел всех.

— И это ты называешь делом? — недоверчиво спросил Андерс.

— Оно не хуже любого другого.

— Но бедные люди?

Дина вздрогнула и выпрямилась.

— У каждого из нас своя каторга, — сказал Лео.

— Ну, это все-таки не одно и то же, — заметил Андерс. Его потрясло сообщение о том, чем занимается этот русский, но он пытался не показать виду.

— И часто ты возишь каторжников? — спросила Дина.

— Нет, — коротко ответил он.

— Почему ты вдруг взялся за такую работу? — спросил Юхан.

— Во-первых, ищу приключений, а во-вторых — лень! — засмеялся Лео.

— Отказываешься от честной торговли и вместо этого торгуешь… каторжниками, — сказал Андерс.

— Это не торговля. Торговля меня не интересует. Это общение с людьми, попавшими в трудные обстоятельства. Меня интересуют люди. Благодаря им я узнаю многое и о себе.

— Этого я не понимаю, — смущенно признался Андерс.

— И чему же тебя могут научить каторжники? — мягко спросила Дина.

— Тому, что по поступкам не всегда можно правильно судить о человеке.

— А в Библии сказано, что человека узнают по делам его. Ведь так, Юхан? — Теперь Дина сидела очень прямо.

— Да. — Юхан кашлянул. — Ну конечно, мы многого не знаем о людях.

— Взять хотя бы Нильса, — сказал Лео. — Он иногда совершает поступки, которых никогда бы себе не позволил, если б не чувствовал себя здесь чужим.

Андерс от удивления открыл рот. Дина вся подалась вперед.

— Нильс здесь не более чужой, чем я! — сказал Андерс, быстро глянув на Дину.

Она снова откинулась на кушетку.

— Лео, объясни, пожалуйста, что ты этим хочешь сказать? — попросила она.

— Я знаю историю Андерса и Нильса, знаю, каким образом они попали сюда. Судьба у них одна. И тем не менее что-то в этом доме отталкивает Нильса и принимает Андерса.

— Что же именно? — мягко поинтересовалась Дина.

— Я думаю, это твое отношение к людям. Ты всех подчиняешь себе.

Стало слышно, как за окном свистит снег. Тихо, словно предупреждая об опасности.

— И почему же я отталкиваю Нильса?

— Этого я не знаю.

— А ты бы спросил у него или еще у кого-нибудь.

— Я спрашивал Нильса.

— И что же он сказал?

— Ничего такого он за собой не знает.

— И тебе не показалось, что у него не совсем чистая совесть? Знаешь, вроде одного клопа в чистой кровати!

— Все может быть, — согласился Лео.

Андерс ерзал на стуле. Этот разговор задевал и его.

— Стине родила от Нильса ребенка, а он отказался признать его! — с презрением сказала Дина.

— Конечно, это подло, но такое иногда случается. Теперь за это не сажают в тюрьму, как раньше.

— По-моему, в тюрьму следует сажать всех мужчин, которые подают женщинам ложные надежды, — заметила Дина.

— Возможно. Но тогда тюрьмы были бы переполнены. Куда в таком случае мы стали бы сажать убийц?

— Убийц?

— Ну да. Тех, кого мы называем опасными преступниками. И которые должны быть изолированы, несмотря ни на что.

Дина почувствовала прикосновение легкой руки. Но Ертрюд тут не было. Лорк! Он прятался где-то в немой темноте.

— Уже поздно, — сказала она и встала.

Юхан сидел, держась за лацканы пиджака. Ему не нравился этот разговор, который был неуместен в Рождество.

— Не могу себе представить, чтобы кто-нибудь в Рейнснесе плохо относился к Нильсу, — сказал он. — Мы все ему доверяем. У него есть работа, дом, хлеб. Конечно, он не простой человек. Но Дина в этом не виновата.

Он кашлянул несколько раз.

— А по-моему, он чувствует себя здесь отверженным и даже решил уехать в Америку, — сказал Лео, ни к кому не обращаясь. Он как будто не слышал того, что сказал Юхан.

— В Америку? — недоверчиво переспросил Андерс. Лицо Дины стало похоже на маску.

— Однажды перед Рождеством я застал его над картой Америки. И спросил, не хочет ли он туда уехать. Из его слов я понял, что ему не чужда эта мысль, — сказал Лео.

— Но он никогда не говорил об этом! — воскликнул Андерс. — И где он возьмет столько денег?

— У него есть кое-какие сбережения, — сказал Лео. Глаза Дины ожили. Она снова села, смяв пяткой один из башмаков, который наполовину сняла.

Цифры? Цифры колоннами выстраивались на стене и по шелковым

обоям уползали в тень. Их было хорошо видно.

Дина внимательно слушала.

— Какие сбережения? Откуда они у него? — удивился Андерс. — Я получаю больше, чем он, мне ведь положен процент от прибыли, которую дает торговля на наших судах. Но у меня нет никаких сбережений! А у Нильса только его жалованье…

Он виновато поглядел на Дину и Юхана, боясь, что позволил себе слишком много.

— Он тратит на себя гораздо меньше, чем ты, Андерс, — твердо сказала Дина. — Должно быть, он откладывал уже много лет.

Она надела башмаки и зашнуровала их, чтобы не споткнуться. Потом подобрала юбку и снова встала.

— Уже поздно, — повторила она и пошла к двери.

— По-моему, если Нильс нужен в лавке, его не следует отталкивать, — медленно и внятно произнес Лео ей в спину.

— Что-то в этом есть, — пробормотал Юхан. — Я тоже замечал. Он писал мне в Копенгаген такие странные письма…

Дина резко обернулась, юбка взметнулась вокруг ног.

— Непорядочный человек, который боится ответственности, куда бы ни уехал, покоя не найдет нигде! — тяжело дыша, сказала она.

— Судить людей будет Бог, — заметил Юхан.

— Никто никого и не судит! — отрезала Дина.

— Все слишком запуталось, — буркнул Андерс. — Нильс просто не знает, как снова наладить отношения. Не может же он жениться на Стине, даже если у нее от него ребенок…

— Почему не может? — рыкнула Дина.

— Ну, Господи… Это же всем ясно… — Андерс не знал, что сказать.

— Конечно, он поступил плохо, — тихо сказал Юхан. — Все мы рано или поздно совершаем ошибки. Главное, что Стине сейчас живется хорошо…

— Нет, плохо! Она потихоньку гибнет! А Нильс тем временем собирается сбежать в Америку! Меня-то его отъезд не огорчит. Так будет лучше для всех. Чище воздух — легче дышать!

— А лавка?

Юхан чувствовал, что он должен что-то сказать.

— Люди найдутся, — спокойно ответила Дина. — Да и он еще не уехал!

— Я слышал, в лавке говорили, будто Нильс предпочел бы жениться на фру Дине, — сказал Лео.

Он не собирался сдаваться. Теперь Дина уже не могла уйти. Она остановилась:

— Ах вот как! И господин Жуковский хочет, чтобы я вышла замуж за Нильса, только бы он не чувствовал себя отверженным?

Усмешка отгородила ее от всех, словно забор.

— Прости! Я виноват, это было некрасиво с моей стороны! — Лео встал и поклонился Дине. Потом быстро подошел и распахнул перед ней дверь. Пожелав всем покойной ночи, он закрыл дверь за Диной и за собой.

Свеча в коридоре выгорела до самого подсвечника. Было темно. В высокое окно падал столб лунного света. Тени от мелких переплетов, как решетка, легли на Дину и Жуковского.

Они с Диной оказались в одной клетке.

Он обнял ее. Лестница, как всегда, поскрипывала под ногами. Его бедро касалось ее бедра. Все, о чем только что говорили, вдруг исчезло. Перестало существовать.

— Помилуй Нильса, — шепнул он Дине уже наверху.

— Это не мое дело, — ответила она, рассердившись, что он снова вернулся к этой теме.

— Тебе сразу станет покойно на душе.

— Мне не нужен покой!

— А что тебе нужно?

Обеими руками она обхватила его бедра, прижала к себе. Потом распахнула рубашку у него на груди и положила руки ему на грудь.

Брошь, которой была заколота рубашка, она сжала в руке с такой силой, что проколола себе руку.

Потом она вырвалась от него и скользнула в залу. Одно мгновение. Темнота. Может, все это им только почудилось? Каждому свое.

ГЛАВА 16

Воскликните Господу, вся земля! Служите Господу с веселием; идите пред лице Его с восклицанием! Познайте, что Господь есть Бог, что Он сотворил нас, и мы — Его…

Псалтирь, 99:1, 2, 3

В первый день Рождества они поехали в церковь. На карбасе.

Незадолго до Рождества Юхана попросили прочесть проповедь, потому что пробст заболел.

Это было большое событие, поэтому матушку Карен закутали потеплее по всем правилам и доставили на борт как ценный груз.

Она улыбалась, кивала всем подряд и чуть не лопалась от гордости за Юхана.

Пробст лежал в постели, но его жена пришла в церковь.

Матушку Карен посадили на первую скамью рядом с ней. Дина и остальные обитатели Рейнснеса сидели на другой скамье.

Лео по собственному желанию сел в самом конце церкви.

Мощные каменные стены. Свечи. Тени, ожившие в углах, куда не достигал ни дневной свет, ни пламя свечей. Пение псалмов. Под высокой крышей дома Господня люди казались крошками. Они жались друг к другу на деревянных скамьях, ища друг у друга тепла.

Евангелие от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». «Пришел к своим, и свои Его не приняли» [9].

Юхан готовился к проповеди все последние дни. Упражняясь, он прочитал свою проповедь матушке Карен. Он был очень бледен, глаза как будто молили о пощаде. Но в голосе слышался металл.

Он говорил о благодати, даруемой Иисусом Христом. О том, что человек всегда должен быть готов принять откровение и спасение. О бессилии греха перед человеком, открывшим себя для света. Самое большое чудо, данное людям, — это Иисус Христос и Божья благодать.

Матушка Карен кивала и улыбалась. Она помнила каждое слово наизусть. Несмотря на старость, голова у нее была как комод. То, что однажды попало в нее, лежало на своем месте и в любую минуту могло быть извлечено наружу.

Прихожанам проповедь понравилась, и после службы они столпились вокруг Юхана на площади перед церковью.

— Душа исполнилась истинного покоя, — сказала жена пробста и пожала Юхану руку.

От дыхания шел пар. Он облаком окутывал людей. Они медленно направились в усадьбу пробста, где был приготовлен кофе.

Дина не спешила. Она зашла сначала в уборную. Одна.

Наконец на площади перед церковью никого не осталось. Дина обошла по тропинке вокруг церкви и вышла к стене, что смотрела на море. Забралась на сугроб, который намело у парапета. В этой церкви можно было долго держать оборону. С одной стороны — море, толстые стены…

Пока Дина любовалась горами на той стороне фьорда, Ертрюд рассыпала на них миллионы перламутровых раковинок. Их яркое сверкание отодвинуло вдаль все звуки, долетавшие сюда из пасторской усадьбы. Лодки на пристани были захвачены притаившимся там призраком.

Дину никто не видел. От людей ее отделяла массивная каменная церковь.

Тогда в сияние, исходившее от Ертрюд, проникли его шаги.

Они вошли в церковь через ризницу. Дверь ризницы не была видна со стороны усадьбы. Свечи давно погасили, и внутри было совершенно темно.

Каменные стены отозвались эхом на их шаги. Они прошли через всю церковь, от алтаря и до двери. Бок о бок, не говоря ни слова. Поднялись к органу. Там было еще темнее, чем внизу. Безмолвный орган тяжело навис над ними.

— По-моему, нам нужно благословение, — сказал он.

— Да, но о свечах нам придется позаботиться самим, — проговорила она, не отнимая губ от его шеи.

Здесь, на хорах, не было шелковых покрывал и восковых свечей. Не было лета с березовыми ветками в среднем проходе. Не был даже подметен пол. Однако времени на приготовления уже не осталось.

Они почти не видели друг друга. Но кровь тяжело стучала в каждой жилке. Время было отмерено скупо. И все-таки для посвящения его было достаточно.

Когда буря неистовствовала особенно сильно, шрам Лео служил Дине опознавательным знаком. Пути назад не было.

Прежде чем Лео подошел к Дине, стоявшей у стены, он убедился, что служка действительно покинул церковь. Свидетель мог подождать до следующего раза. Место не было выбрано заранее. Но уж раз так случилось, лучшего храма не нашлось бы во всем Нурланде.

За столом у пробста собралось большое общество.

Между ленсманом и Юханом сидел бергенский купец, который недавно поселился в приходе и получил разрешение открыть постоялый двор. Многие были недовольны — это угрожало местной торговле.

Разговор шел о ледниках. Бергенец удивлялся, что на севере мало ледников, — ведь здесь такие высокие горы! И много испарений от моря в любое время года. В Вестланде, и особенно в Согне, климат куда мягче, а какие там ледники!

Ленсман отвечал со знанием дела. Море в Нурланде не такое холодное, как принято думать. Здесь много теплых течений.

Юхан был на стороне ленсмана. Он даже добавил, что здесь вообще все иначе и если у них на юге приходится подниматься в горы за черту хвойных деревьев, чтобы найти карликовую березу и морошку, то здесь, на севере, густая карликовая береза спускается аж до моря. А морошка зреет даже на островах и шхерах.

Но более или менее правильно объяснить столь сложное ботаническое и природное явление не мог никто.

Матушка Карен считала, что Господь поступил весьма мудро, сделав всех людей разными. Он понимал, что тут, на севере, очень важно, чтобы карликовая береза и морошка росли у самого моря. И Он не зря избавил нурландцев от этих ужасных ледников, ведь им и так живется несладко. Чего стоит одна полярная ночь! Все эти осенние штормы и неурожаи! А рыбный промысел, который никогда не известно, чем кончится! Нет, учитывая все эти обстоятельства, Бог поступил очень мудро!

Жена пробста добродушно кивала, слушая матушку Карен. Менее просвещенные владельцы соседних усадеб кивали, глядя на жену пробста. Все верно. Так и должно быть.

Юхана не могло удовлетворить это богословское толкование природы и распространения ледников. Но он нежно смотрел на матушку Карен и молчал.

Купец же без должного почтения отнесся к суждениям старой дамы. Все-таки более чем странно, что тут самые высокие вершины не всегда покрыты ледниками. Это противоречит всякой логике.

В гостиную незаметно вошла Дина, служанка в белом воздушном переднике подала ей кофе и хворост. Дина села на стул с высокой спинкой, что стоял у двери, хотя ей тут же приготовили место за столом.

Ленсман считал, что теория о влажном морском воздухе к Нурланду не подходит. Насколько ему известно, ледник Юстедалсбре находится в одном из самых сухих районов Согна, а вот на горах Румсдала и Нурланда, лежащих у самого моря, ледников нет.

Неожиданно как-то все изменилось. Всех охватило необъяснимое беспокойство. Которое не имело ни малейшего отношения к норвежским ледникам. Трудно сказать, с чего это началось. В комнате вдруг возник слабый запах. Легкий, словно намек. Запах всего сущего. Общество встревожилось.

Лео пришел через несколько минут после Дины и стал хвалить

замечательную церковь. После его прихода странный запах морских соленых ветров и земли сделался еще ощутимее. Правда, гости пробста отметили появление этого запаха еще раньше.

Он что-то напомнил людям, они уже чувствовали его когда-то. Но когда? В далеком прошлом? В ранней юности? Или он издавна дремал в душе каждого, словно земля под паром?

Кое у кого начинали дрожать ноздри, когда к ним подходил этот русский. Или вдруг рядом оказывались волосы и руки Дины. Мужчины почему-то теряли нить разговора и склонялись над своими чашками.

Ленсман рассеянно спросил, как себя чувствует пробст. Бедняга лежал с сильным кашлем. Жена пробста смущенно пожала плечами. Ленсман уже спрашивал ее о здоровье пробста, и она ответила ему, что у пробста кашель и лихорадка. Навещать его не рекомендуется. Но привет она передаст непременно.

На этот раз она коротко бросила: «Спасибо, хорошо!» — и сняла с рукава невидимую пылинку.

Гостей снова и снова угощали печеньем. Наливали кофе. Всеми владело чувство сонного удовлетворения. Однако ноздри гостей продолжали вздрагивать перед каждым глотком.

Если воображение гостей и могло определить этот запах, ему не хватало дерзости, чтобы проследить, откуда он идет. По той простой причине, что добрым христианам было негоже думать о чем-либо подобном.

А запах тем временем витал в комнате. Убивал аппетит. Врывался в разговор, и тогда слова замирали на устах, а взгляд становился блаженно отсутствующим. Запах возбуждал прихожан как целебный бальзам, и не важно, что к концу вечера он уже почти выдохся. Через некоторое время он всплывал в памяти, и люди терялись в догадках, силясь понять, почему им было так приятно на кофе у пробста в первый день Рождества.

Уловила кое-что и жена пробста. Когда добрые прихожане разъехались, она несколько раз легонько потянула носом воздух.

Видно, Сам Бог благословил этот вечер в их доме.

Она поднялась к своему больному мужу, чем доставила ему душевную радость и утешение.

Дина сидела в карбасе, не защищаясь от ветра.

Лео! Его кожа обжигала ее сквозь одежду. Тело Дины изгибалось, словно ивовая ветвь над скрытым в горе родником.

Запахнув меховое одеяло, она беседовала с Юханом и матушкой Карен.

Поблагодарила Юхана за проповедь. Радовалась, что матушка Карен нашла в себе силы поехать в церковь, хотя последние дни чувствовала себя неважно.

Свинцовые глаза Дины были двумя блестящими озерами. Лео встретил ее взгляд. Одна синеющая даль открывалась в нем за другой.

С одной стороны Дину охраняло внимание Юхана, с другой — Лео, который заслонял ее спину от морских брызг.

ГЛАВА 17

Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — Любовь.

Книга Песни Песней Соломона, 2:4

Скрыть случившееся оказалось невозможно. Так же как нельзя скрыть время года от людей, которые выходят из дома.

Первым взгляды Дины и Лео заметил Юхан. Он вспомнил, с каким пристрастием Дина расспрашивала его о путешествиях Лео.

Пока Юхан учился в Копенгагене, воспоминания о мачехе часто тревожили его мысли. Точно навязчивый жук, ползущий по странице Библии. Для него она была все равно что жестянка с печеньем, которая стояла у Олине на полке, — прикасаться к ней не разрешалось. Но грешные мысли кружили вокруг нее.

Юхан мечтал о Дине наяву и во сне. По ее обнаженному, белоснежно-сверкающему телу струились лунные лучи и холодные капли. Она стояла в воде по пояс, покрытая пупырышками от холода, с упрямо торчащими сосками. Такой он видел ее в ту ночь, когда они купались перед его отъездом.

Он вернулся на девять лет старше. И считал себя подготовленным ко всему. Однако всякий раз, когда он видел ее, что-то томило и волновало его. И не важно, что перед Богом и перед людьми Дина была собственностью отца. Не важно, что Иаков давно уже был мертв. Что она родила Юхану единокровного брата и как мать управляла их общим имуществом.

Матушка Карен немного огорчилась, поймав взгляд, которым обменялись между собой Дина и Лео. И в то же время он тронул ее. Она

перестала вспоминать о покойном сыне. И от души желала Дине нового мужа.

Правда, она сомневалась, чтобы у этого русского было хоть какое-то состояние. И не верила, что он сможет заниматься торговлей или держать постоялый двор.

Но, с другой стороны, Иаков тоже был обыкновенным моряком, когда приехал в Рейнснес… И она уже радовалась, что в доме появится человек, с которым можно будет беседовать об искусстве и литературе. Знающий немецкий и французский и побывавший даже на Средиземном море.

Нильс был захвачен врасплох этой откровенной любовью. Почему-то она внушила ему тревогу. Словно любовь сама по себе таила для него угрозу.

Андерс был удивлен. Но не очень-то верил, что из этого что-нибудь получится.

Стине спокойно выжидала, она не выдавала ни своих мыслей, ни своей осведомленности. Хорошее настроение Дины и ее отрешенность не внушали ей тревоги.

Олине же, напротив, когда Лео однажды пришел на кухню, вдруг начала на все лады превозносить достоинства Иакова. Он вежливо, с интересом слушал ее. Кивал и расспрашивал подробно о ее кумире, хозяине Рейнснеса.

Иаков отличался множеством неоспоримых достоинств. Красивым лицом, неутомимостью, позволявшей ему танцевать ночь напролет, вниманием к слугам и беднякам. А чего стоили его вьющиеся волосы и молодая душа!

Заинтересованность Лео обманула Олине. Она даже не заметила, что говорит о своей тридцатилетней любви. Кончилось тем, что она выплакала свою тоску на груди у Лео и стала с ним неразлучна.

Фома вернулся на четвертый день Рождества и застал Лео на кухне. Лео распевал грустные русские песни, чтобы утешить расстроенную Олине. Фома сделался бездомным.

Терзаясь, он тем не менее шпионил за Диной. Прислушивался по вечерам к ее воркующему смеху, если двери между кухней и комнатами были открыты. Разглядывал следы на снегу возле беседки в преддверии новолуния. Там он открыл мучительную для себя истину. Ее поведали ему два больших талых пятна на покрытой инеем скамье. Пятна были расположены так близко друг к другу, что почти сливались в одно большое пятно. Два человека в шубах сидели на этой скамье… И ведь шубы могли быть распахнуты!..

Она привела русского сюда, где она столько раз обнажалась перед луной.

Фома незаметно отбегал от дома, чтобы посмотреть, одна или две тени видны на занавесках в зале. Но тяжелые темные бархатные шторы хранили все тайны. Наверное, теней просто не было видно из-за слабого света… Фома страдал.

Он мысленно представлял себе тело Дины в объятиях другого возле кафельной печи или в свете канделябра, стоявшего перед зеркалом. Призрак кровати с пологом мучил его день и ночь так, что он едва прикасался к обильной и вкусной рождественской пище.

Фома стал сторониться кухни. Он не заходил туда, даже если знал, что русский сидит в гостиной.

Однажды на окне в зале действительно обозначились две тени. Дина привела Жуковского к себе на седьмую ночь после Рождества. Хотя об этом мог узнать весь дом. Юхан. Матушка Карен. Страсть вела ее, как вожак ведет волчью стаю. Серый, невидимый для других, он манил ее своей красной пастью с острыми зубами и резким запахом. Презирающий смерть, голодный и неистовый.

Дина уже легла, но встала и снова оделась. Причесала волосы и вышла в темный коридор, в котором не было окон. Она прогнала Иакова за бельевой шкаф и подошла к нужной двери. Осторожно нажала на ворчливую медную ручку и скользнула в комнату.

Он ждал ее, словно верный телохранитель. Правда, без сапог и рубашки, но в брюках. Казалось, он сидел и читал, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

Комната для гостей была предназначена только для одного человека. Тонкие стены могли выдать их Андерсу и Юхану. В зале же обе стены были из бревен. Дина загасила свечу пальцами. Быстро, даже не поплевав на пальцы.

— Пошли! — шепнула она.

И словно между ними все было давно решено, он пошел за ней.

В зале Дина со вздохом повернула ключ и отвела Лео к кровати. Он хотел что-то сказать, но она прошептала «тс-с!» у самого его рта.

В зеленых глазах мелькнул смех. Лео улыбался, но был серьезен, как молящийся Будда.

Несколько раз он закрыл глаза и кашлянул. Она подошла к нему вплотную. Но он не сразу прикоснулся к ней.

Оказалось, что старинная с пологом кровать скрипит, и им пришлось переместиться на пол. Правда, у них была перина из гагачьего пуха в чехле из тончайшего атласа и простыня.

Он утолял свой голод весело, но жадно. Смеялся, скользя в ней. Беззвучно и страстно. Словно старая гора, которая сдерживает эхо, чтобы не испугать солнце. Словно летящие облака, которые боятся спугнуть ночную росу с листьев брусники или маленьких змеенышей в горной расселине.

Она была рекой, несущей речное судно с мощным остовом. Нос судна не боялся порогов и камней. Берега реки поглощали все подряд и царапали борт судна.

Перед последним порогом, после которого его должен был подхватить водопад, дно разверзлось и судно рухнуло в пучину.

Песчаные отмели тихо что-то шептали. Река же грохотала и шумела, и берега ее были все так же ненасытны. Судно снова выплыло на поверхность. Вверх килем, без весел, но сильное и могучее. Какой-то большой зверь прыгнул на него с берега и впился в него зубами.

И Лео тут же завертелся в водопаде.

Кровать с пологом невозмутимо стояла на своем месте, словно смирилась и со своей старостью, и с выказанным ей пренебрежением.

Ей не случалось видеть ничего подобного. Она как будто даже вносила свою лепту. Ее угловые столбы и высокое изголовье пытались приглушить поющую в комнате жизнь.

Единственное, чего не могла кровать с пологом, — это удержать Иакова на расстоянии. Он, как забытый ребенок, старался протиснуться между Диной и Лео. И прогнать его было невозможно.

Иаков оставался в комнате, пока в хлеву не подали голос коровы и утро не встало зимней стеной из-за гор.

Пошли холодные дни и ночи. Небеса выворачивали наизнанку свое нутро. По краям ярко-зеленых сполохов висели красные и синие лохмотья. И все это плыло и переливалось на фоне черного звездного неба.

«Принца Густава» встретили как нежеланного морского змея.

Дина опять начала ходить по ночам у себя в зале.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 1

Иной сыплет щедро, и ему еще прибавляется; а другой сверх меры бережлив, и однако же беднеет.

Книга Притчей Соломоновых, 11:24

Молодая портниха, которую пригласили в Рейнснес еще до Рождества, так там и осталась — выяснилось, что ехать ей некуда.

Она убрала за собой все катушки и лоскутки, подмела пол в людской. Стине застала ее одетую, с перевязанной коробкой и в слезах. С портнихой уже рассчитались.

Стине сохранила в тайне печальную историю портнихи. Но ясно было одно: нельзя выгонять человека из усадьбы под Рождество. Это стало бы известно всему приходу, и на Рейнснес лег бы позор.

Портнихе поручили вымыть пол в конторе и в лавке после предпраздничной торговли и угощения. Мало приятного мыть щербатые полы с прилипшей табачной жвачкой. Но она не жаловалась.

Проходя мимо буфетной, Дина случайно услышала разговор портнихи с Аннетте. Они говорили о Нильсе.

— Я и не заметила, как он там появился, — сказала портниха.

— Да ты его не бойся, он тут не хозяин, — объяснила Аннетте. — Прогнала бы его — да и делу конец.

Дина остановилась за дверью.

— А я и не испугалась. Просто он пришел не вовремя. Чудной какой-то. Однажды двигал там тяжелый умывальник, ну прямо как дурачок.

— Умывальник?

— Ну да, у себя в конторе. В сочельник Олине мне велела проверить, не осталось ли где огня, может, печь какая не прогорела. Не дай Бог пожар, ведь был же у вас тут пожар от молнии… Вот тогда-то я его и видела. Он задернул занавески, но щелка все равно осталась, я подошла к самому окну. Знаешь, он сдвинул умывальник с места, сел на корточки и что-то там делал в углу. А потом с грохотом поставил умывальник обратно и закурил. Ну разве умный человек будет двигать умывальник?

Наступили синие февральские дни.

Дина не постучавшись вошла в контору. Нильс приподнял голову от

бумаг и поздоровался с ней. В конторе было жарко. Раскаленная докрасна печка шумно вздыхала.

— Ты, Нильс, как всегда, работаешь даже в праздники? — спросила Дина.

— Хотел разнести все по книгам, пока Андерс не вернулся со своими счетами. Дел много.

— Понятно.

Она подошла к массивному письменному столу и остановилась, скрестив на груди руки. Нильс вдруг вспотел. Неприятная слабость сковала его.

— Что-то я хотела тебе сказать… Ах да… Это правда, что ты собираешься уехать в Америку?

Нильс весь сжался. На висках встопорщились поседевшие волосы. Жилетка была расстегнута. Шея у Нильса была жилистая и худая, руки тоже.

Но вообще он был недурен собой. И для конторского служащего, пожалуй, даже слишком силен и мускулист. Прямой нос, благородные черты лица.

— Кто тебе это сказал? — Он облизнул губы.

— Не важно кто. Но я хочу знать: это правда?

— Уж не ты ли стащила у меня со стола карту Америки? Он собрал все силы для ответного наступления. И был доволен собой.

— Нет, не я. А у тебя и карта была? Интересно! И куда же ты собрался ехать?

Нильс посмотрел на Дину. Их разделял стол. Он уперся ладонями в столешницу и поднял к ней лицо. Потом выпрямился так резко, что чуть не опрокинул чернильницу.

— Карта пропала бесследно! До сочельника она еще была здесь!

Он замолчал.

Дина тоже молчала и наблюдала за ним.

— Да все это так, мечты, — ответил он наконец.

— Такая поездка стоит много денег, — тихо заметила Дина.

— А я и не собирался…

Нильс покраснел и несколько раз пригладил рукой волосы.

— Может, у тебя есть деньги?

— Столько нету…

Нильс мысленно ругал себя, что не предусмотрел заранее такого разговора. Не приготовил ответов.

С Диной всегда так. Она, как хищный палтус, умеет застать добычу

врасплох.

— Я уже давно хотела поговорить с тобой об одном деле, Нильс, — вкрадчиво сказала Дина, как будто переменив тему разговора.

— О чем же? — Нильс вздохнул с облегчением.

— Да все о цифрах… Они существуют, а найти их невозможно. Неуловимые какие-то. Вдруг появляются, когда начинаешь считать бочки — что грузили, а что разгружали — или поговоришь с людьми, кто сколько и за что задолжал или вернул. Я тут записала кое-что. Не для ленсмана, не для судьи… Но знаешь, все-таки я нашла верные цифры.

Нильс судорожно глотнул воздух. Потом собрал всю свою злость и посмотрел ей в лицо.

— Ты и прежде обвиняла меня в том, что я мошенничаю, — хрипло проговорил он чуть-чуть раньше, чем следовало.

— Вот именно, — почти шепотом сказала Дина и схватила его за руку. — Но на этот раз я уверена в своей правоте!

— Какие же у тебя доказательства? — В душе у него шевельнулось предчувствие, что дело приняло серьезный оборот.

— Пока, Нильс, я оставлю их при себе.

— Потому что их не существует! Ты злая, Дина! Все это твоя злоба и ложь! С тех пор как Стине родила свою девчонку…

— Твою девчонку! — поправила Дина.

— Называй как хочешь! Но с тех самых пор Рейнснес перестал быть моим домом. А теперь ты хочешь перед всем миром выставить меня мошенником! Какие у тебя доказательства? — кричал он.

При свете лампы его лицо казалось белым, подбородок дрожал.

— Ты прекрасно понимаешь, что я не стану выкладывать тебе свои доказательства. Но я хочу дать тебе возможность загладить вину.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты откроешь мне все цифры и вернешь деньги! А об остальном мы договоримся, и я гарантирую тебе билет в Америку.

— Нет у меня никаких денег!

— Есть! Ты и родного брата объегорил на те десять процентов, что он должен был получить после расчета за поездку в Берген. Ты сжульничал, твои цифры не соответствуют сумме, которую Андерс брал с собой с Берген. Это твоя самая большая ошибка, Нильс. Ты хотел переложить свою вину на брата, чтобы в случае чего выглядело, будто мошенничает он, а не ты! Но ты не учел, что я хорошо знаю вас обоих!

Нильс в бешенстве погрозил Дине кулаком и сделал движение, чтобы обежать вокруг стола и наброситься на нее.

— Садись! — приказала Дина. — Или хочешь, чтобы я вызвала ленсмана с его людьми и выложила все, что мне известно? Отвечай!

— Нет! — прошептал он. — Но только ты не права…

— Ты откроешь мне все цифры и вернешь деньги. И немедленно! Что ты с ними сделал? Потратил? Зарыл в землю? В банке их, во всяком случае, нет.

— Откуда ты все это взяла?

Она улыбнулась. Нильс весь покрылся гусиной кожей. Съежился, словно боялся, что она проникнет в него сквозь поры и добьет изнутри.

Он снова сел за стол. Его взгляд то и дело обращался к умывальнику, словно у ребенка, который невольно смотрит туда, где спрятал деревянную лошадку, украденную у товарища.

— Так ты их зарыл? Или они у тебя под тюфяком?

— Нет у меня ничего!

Ее глаза сверлили его насквозь.

— Хорошо! Даю тебе время до вечера. А потом пошлю за ленсманом! — жестко сказала Дина и повернулась, чтобы идти.

И тут же, будто по наитию, снова обернулась к нему. Его глаза были прикованы к умывальнику! Он понял, что она за ним наблюдает.

— Вообще мне надо посмотреть счета. А ты можешь идти, — медленно сказала она. Кошка. Которая вдруг показала когти.

Он встал и прошел мимо нее, стараясь держаться как можно прямее.

Дина заперла за Нильсом дверь, не смущаясь, что он слышит это. Потом закатала рукава и принялась за дело.

Большой умывальник с тяжелой мраморной плитой не хотел поддаваться. Дуб и мрамор. Массивный и прочный.

Дина навалилась всем телом.

Нильс тем временем ходил взад и вперед по лавке. Дина достала жестяную коробку и при свете лампы начала считать деньги.

На другое утро Дина куда-то уехала через горы. Она взяла трюгеры [10]для себя и для Вороного, они были навьючены вместе с дорожной сумкой.

Нильс как раз вышел из лавки, когда она проезжала мимо кузницы.

При виде этой крупной женщины, сидевшей на Вороном, у него потемнело в глазах. Он знал, куда она едет.

С той минуты, как Нильс услыхал, что она двигает в конторе мебель, содержимое его нутра неодолимо рвалось наружу. Причем с обоих концов.

Он едва успел добежать до уборной, что была при лавке. Вечером он несколько раз порывался подняться к ней в залу, чтобы повиниться и молить о пощаде. Но не преодолел себя.

Ночь он провел в муках, ему снились покойники и кораблекрушения.

Утром Нильс тщательно намылил и сбрил седую щетину, словно это для него сейчас было самое главное.

Он все еще подумывал о том, чтобы пойти к этой каменной Дине Грёнэльв и молить о снисхождении.

Но не мог заставить себя. Тянул минута за минутой. Наконец он увидел, как она выехала со двора, но даже тогда еще можно было остановить ее. Догнать, схватить лошадь за поводья…

Однако он знал Динину твердость. Знал, что она не смилостивится, пока он не встанет на колени.

И не мог.

Ему следовало уехать. Пока было время. Нечего было тянуть до Рождества только потому, что в усадьбе появился этот Лео, с которым можно было разговаривать по-человечески.

А карта! Ну что за ребячество считать, будто в Америку нельзя ехать без карты! Теперь же у него не было ни карты, ни денег.

Нильс зашел на кухню к Олине, чтобы узнать, не к ленсману ли поехала Дина.

— Думаю, у них есть о чем поговорить, — с сухим смешком сказала Олине.

Черный жар ударил Нильсу в голову. Он ничего не видел перед собой. Слышал только, как над ним грохочет голос судьи.

От кофе он отказался.

На кухне было светло и слишком жарко. С трудом дыша, Нильс добрался до своих комнат.

Днем одну из служанок послали к нему узнать, почему он не показывается. Он ответил из-за двери больным голосом, но к себе не впустил. Поднос с едой так и стоял нетронутый, когда служанка снова пришла, чтобы забрать его.

Девушка пожала плечами. Нильс и раньше, бывало, жаловался на недомогание. Чистый ребенок.

Дина везла через горы много денег, у нее были дела в банке. Часть пути им с Вороным пришлось преодолеть на трюгерах. Покорно, не подгоняя Вороного, Дина шла за ним по заледенелой, а в некоторых местах

занесенной снегом дороге.

Они остановились на вершине. Отсюда река почти круглый год с вечным грохотом падала в ущелье и дальше в омут. Нынче струя воды была чуть заметна. Зеленые сосульки затейливым узором свисали с обрыва.

Дина долго смотрела на крутой склон, с которого когда-то сорвались сани.

Я Дина. Иаков не в омуте. Он со мной. Он не особенно тяжелый. Но назойливый. Всегда дышит на меня. Ертрюд нет в малиннике, что вырос на месте кузницы в Фагернессете. Есть только ее крик. Крик падает на землю, когда я беру ягоды в руку. И лицо у Ертрюд опять целое. Как виолончель Лорка. Я все считаю и выбираю за них за всех. Я нужна им.

Дина неожиданно вскочила на Вороного. Он вздрогнул и заржал. Эту расселину он недолюбливал. Не мог отделаться от воспоминаний. Дина громко засмеялась и похлопала его по шее.

— Н-но! — крикнула она и натянула поводья.

Поездка была трудная. Дина добралась до цели лишь после полудня. Кое-где ей приходилось расчищать дорогу для Вороного, который проваливался в рыхлый снег.

Наконец показались первые дома, люди выходили на крыльцо посмотреть, кто едет. Так здесь было принято.

Они сразу узнали Дину из Рейнснеса, которая без седла ехала на своем Вороном. Важная дама, а ходит в мужских штанах. Женщины и завидовали ей, и презрительно морщили носы. Но всем одинаково хотелось узнать, что привело Дину в эти места, зачем она пожаловала сюда в самое темное время года.

Под благовидным предлогом они подсылали к ней ребятишек или работников. Но так ничего и не узнали. Дина здоровалась со всеми и проезжала мимо.

Чуть повыше ленсманской усадьбы она остановилась, заглядевшись на куропатку.

Куропатка не взлетела, когда они с Вороным приблизились к ней. Только распласталась по земле, моргая глазами и думая, что ее не видно.

Дина свернула к ней и заставила отлететь в сторону. Засмеялась и снова пошла к ней по снегу. В конце концов куропатка зашипела.

В детстве, когда Дина жила у арендатора в Хелле, они с Фомой любили эту игру.

Зимой куропатки, что жили в кустах вокруг Фагернессета, становились

ручными, как куры, и не боялись людей. Другое дело весной и летом, когда у них появлялись птенцы. Тогда они прижимались к вереску или летали над самыми головами людей, отвлекая их, чтобы птенцы успели скрыться.

И все это с хриплым криком «габа-у, габа-у». Крохотная тварь, а какая смелая!

Дина знала, что в Эйдете живет медведь. Поэтому для безопасности взяла с собой ружье Фомы. Но обычно медведи не покидали берлогу в это время года.

Ленсман испугался. Близоруко прищурившись, он выглянул в окно конторы, когда услыхал, что кто-то подъехал. Потом, бросив дела, выбежал на крыльцо.

На Дину обрушилась лавина упреков: почему она не послала гонца? Как могла пуститься без седла в такую дальнюю поездку, да еще по плохой дороге? Неужели у нее, матери и вдовы, не хватает ума одеваться как подобает женщине?

Он ни словом не обмолвился о том, что последний раз в Рейнснесе они расстались не совсем мирно. Но громогласно возмущался, что она одна ехала в такую темень и навлекла позор на своих родственников. Встретился ли ей кто-нибудь по дороге и кто именно? Узнали ли ее?

Дина сняла шубу И бросила ее на пол у лестницы, что вела на второй этаж. Она отвечала на вопросы ленсмана невозмутимо, как оракул. Не сердясь, но и не давая ему разойтись.

— Я замерзла. У вас есть пунш? Только погорячее! — крикнула она в конце концов, чтобы остановить ленсмана.

Наконец пришла Дагни и мальчики. Оскар сильно вытянулся — этакий длинный росток. Сразу видно, что он, старший, был лучше воспитан и уже сознавал лежащую на нем ответственность. Жизнь научила его подчиняться более сильной воле и не смотреть людям в глаза.

Дина взяла его за подбородок, поглядела в лицо. Глаза у него забегали, и он постарался освободиться от ее руки. Но она держала крепко. Потом кивнула ему и сказала серьезно, переводя взгляд на ленсмана:

— Ты его слишком подавляешь. В один прекрасный день он сбежит от тебя, вот увидишь! Приходи в Рейнснес, Оскар, если тебе здесь станет невмоготу, — шепнула она, склонившись над головой мальчика.

Потом села на стул у двери.

Эгиль, младший сын ленсмана, как собачонка, протиснулся между Диной и братом.

— Добрый день, господин Эгиль Холм! Сколько тебе лет?

— Скоро десять! — сияя, ответил он.

— Ну хватит глазеть на меня, сними-ка с меня сапоги! Посмотрим, не поморозила ли я ноги?

Эгиль тянул сапог, как настоящий мужчина. Наконец сапог поддался, и Эгиль с ним в руках отлетел к стене. Они с Оскаром были не похожи. Эгиль — невысокий и темноволосый, Оскар — длинный и белокурый. И характер у Эгиля был совсем другой. Он преданно любил Дину, не замечая никого, кроме нее. При встречах это всегда приводило к перепалкам и дракам с Вениамином.

Дина никогда не вмешивалась в их ссоры.

Дагни скрепя сердце терпела любовь сына к Дине. Она вежливо сокрушалась, что не знала заранее о приезде Дины, — а то бы приготовила праздничный обед.

— Я приехала не на праздничный обед, а по делам! — отрезала Дина.

Дагни уловила презрение в этом ответе, но промолчала. У нее всегда было чувство, что Дина смеется над ней и считает глупой. Лишь когда Дина, захватив с собой пунш, увела ленсмана в кабинет, Дагни вся вспыхнула от полученного оскорбления.

За закрытой дверью Дина изложила ленсману свое дело. Она хочет, чтобы он положил в банк ее деньги.

Ленсман всплеснул руками и заохал, увидев, как она считает перед ним толстые пачки купюр.

— Откуда у тебя столько наличных? — по-ленсмански официально спросил он, затаив дыхание; он не сводил глаз с денег. — За торговлю еще не рассчитались. Лов на Лофотенах не закончен, и в Берген суда еще не ходили. Неужели ты, дочь ленсмана, в такие ненадежные времена хранишь деньги где-нибудь в ящике комода?

Дина засмеялась. Но не пожелала объяснять, откуда у нее столько денег. Сказала только, что это резерв, до сих пор она не знала, где он лежал…

Ей не по душе самой идти в банк. Она считает ниже своего достоинства явиться туда с деньгами в пакете. Эту работу за нее должен сделать отец. А квитанцию привезет ей, когда в следующий раз приедет в Рейнснес. Треть суммы должна быть положена на имя Ханны, треть — на имя Вениамина и треть — на имя самой Дины.

Ленсман очень серьезно отнесся к этому поручению. Но его возмутило, что Дина отдает столько денег какой-то лопарской девчонке, зачатой в

блуде. Разве мало того, что Дина из сострадания держит у себя и ее, и Стине, предоставив им кров, пищу, а также все необходимое? Неужели нужно выбрасывать на них еще и столько денег?

Дина улыбалась, но глаза ее в бешенстве ощипывали его усы.

Ленсман знал Динин нрав, ему ничего не оставалось, как уступить. Однако он донимал Дину, как ребенок донимает родителей перед сочельником, — он хотел выпытать, откуда у нее столько денег.

За столом он спросил будто невзначай:

— Надеюсь, ты не продала ни землю, ни карбасы?

— Нет, — коротко ответила Дина и предостерегающе взглянула на него. Они договорились, что все это останется между ними.

— Почему ты вдруг спросил об этом? — тут же вмешалась Дагни.

— Да так… пришло в голову.

— Я спрашивала у него, во сколько вогов он оценил бы Рейнснес, — спокойно ответила Дина и рукой вытерла губы. Последнее — чтобы позабавить мальчиков и позлить Дагни.

Приезд Дины привел ленсмана в прекрасное расположение духа. Он рассказал ей о своем столкновении с амт-маном [11] Тромсё. Ленсман считал, что амтман оказывает слишком много внимания ленсманам, имеющим юридическое образование, этим господам, которые приехали сюда с юга и ничего не знают ни о людях, ни об обычаях Нурланда. А старые честные труженики, знающие свой округ и всех его жителей как свои пять пальцев, стали уже вроде и лишними.

— По-моему, нет ничего худого в том, что люди получают образование, — заметила Дина, чтобы подразнить ленсмана. Она знала его уязвимые места.

— Плохо не образование, а пренебрежение к жизненному опыту и житейской мудрости старых людей! — Ленсман был оскорблен.

— Может, ты просто утопил суть дела в словах? — Дина подмигнула Дагни.

— Нет, он только хотел помирить противников, — сказала Дагни.

— А в чем там дело?

— Речь шла об одном слишком суровом приговоре, — ответил ленсман. — Вдову одного арендатора приговорили на тинге к двум месяцам тюрьмы в Трондхейме за то, что она украла фартук, три головки сыра и сколько-то денег на усадьбе, где работала. Я пожаловался помощнику судьи в Ибестаде. И на решение суда, и на свидетелей. Но они все заодно с амтманом.

— Ты поосторожней, отец, это сильные враги, — засмеялась Дина.

Ленсман обиженно взглянул на нее:

— К маленьким людям они относятся как к скотине! И ни во что не ставят старых честных ленсманов! Такие нынче времена. Люди забыли, что такое уважение.

— Это верно. — Дина откровенно зевнула. — А у тебя, отец, нет ли на совести какого-нибудь не праведного приговора?

— Нет! Клянусь Богом и королем!

— А приговор мне?

— Тебе?

— Да.

— За что же я осудил тебя?

— За Ертрюд!

Все перестали есть. Служанка отступила к двери. Стены и потолок покрепче вцепились друг в друга.

— Дина… Дина… — просипел ленсман. — О чем это ты говоришь?

— Или о чем я молчу!

Дагни велела сыновьям выйти из-за стола и сама ушла вслед за ними. Ленсман и Дина из Рейнснеса остались одни под хрустальной люстрой. Двери были затворены, раны прошлого дали себя знать.

— Ребенка нельзя судить! — мрачно сказал ленсман. Он не смотрел на Дину.

— Почему же судили меня?

— Никто тебя не судил!

— Ты судил!

— Но, Дина…

— Ты отослал меня прочь из дому, словно ненужную вещь. А потом продал Иакову. К счастью, он оказался хорошим человеком. Но я была как волчонок.

— Бессовестные слова! Продал! Как ты можешь?..

— Могу, потому что это правда! Я мешала тебе. Была невоспитанна. Если бы пробст не пристыдил тебя, я бы до сих пор доила коз и коров у Хелле! Думаешь, я не знаю? А вот чужую женщину, которая украла цветной передник и деньги, тебе жалко! Знаешь, что говорится в черной Книге Ертрюд о таких, как ты?

— Дина!

Ленсман величественно поднялся, приборы звякнули, рюмка опрокинулась.

— Сердись сколько хочешь! Но ты не знаешь, что написано в Книге

Ертрюд! Ничего-то ты, ленсман, не знаешь! Собираешь вокруг себя мелких людишек и пускаешь им пыль в глаза. Вешаешь их себе на цепочку от часов, как брелоки. Смотрите все, какой справедливый человек ленсман Холм из Фагернессета!

— Дина…

Ленсман вдруг согнулся над столом и весь побелел. Потом медленно опустился на стул и сполз на пол. Ноги больше не держали его.

Вбежала Дагни. Она плакала и обнимала лежавшего на полу ленсмана. Дина посадила его на стул, дала напиться из своего стакана и вышла из комнаты.

Ленсман быстро оправился.

— Сердце подвело, — смущенно объяснил он.

С опозданием на час они мирно принялись за десерт.

Ленсман громким голосом кликнул Дину со второго этажа. Он держался за балясины лестницы и чувствовал себя пристыженным.

Когда Дина снова заняла свое место, мальчики смотрели на нее со страхом и восхищением.

Вообще им не полагалось ни видеть, ни слышать того, что случилось. Но сегодня они еще раз оказались свидетелями того, как Дина справилась с отцовским гневом. И убедились, что она не умерла от этого. Напротив. Чуть не умер ленсман.

Лицо Дагни все время менялось, пока Дина была у них. На ленсмана смотрел растущий у ручья лютик. На Дину — гнилые водоросли.

Я Дина. Ноги мои врастают в пол, я стою в ночной рубашке и смотрю, как луна плывет по небесам Ертрюд. У нее есть лицо. Глаза, рот, нос. Одна щека немного впалая. Ертрюд еще стоит над моей кроватью и плачет, когда думает, что я сплю. Но я не сплю. Я иду по небесам и считаю звезды, чтобы она увидела меня.

Приезжая к ленсману, Дина забавлялась тем, что передвигала и переставляла вещи. На их прежние места. Туда, где они стояли еще до приезда Дагни.

Дагни не подавала виду, что замечает это. Она давно раскусила Дину. И не хотела доставлять ей удовольствие своим раздражением. Стиснув зубы, она ждала, пока гостья уедет.

На этот раз ей пришлось ждать лишь до утра. Потом она со злостью бегала по комнатам и возвращала все на свои места. Корзинку с

рукоделием из курительной обратно в кабинет. Портрет Ертрюд из столовой — в коридор на втором этаже.

Этот портрет Дина поменяла местами с синим фарфоровым блюдом с золотой каймой, на котором был изображен принц Оскар.

И помилуй Бог того, кто попадется Дагни на пути или спросит, чем она занимается.

Позже, когда ленсман курил послеобеденную сигару и, наслаждаясь покоем, не чуял опасности, Дагни не сдержалась:

— Нельзя быть такой бестактной и бесстыдной, как Дина!

— Ну-ну… Что случилось на этот раз?

Ленсману надоели женщины. Он их не понимал. Не желал вмешиваться в их дела и принимать чью-либо сторону. И все-таки он попался на удочку Дагни.

— Выбранила тебя! Испортила нам обед! Передвигает вещи с места на место, будто она здесь хозяйка! Перевесила портрет Ертрюд, чтобы унизить меня, — чуть не плача, перечисляла Дагни.

— У Дины трудный характер… Но у нее не было злого умысла.

— Какая разница! Ленсман вздохнул.

— Я рад, что у меня только одна дочь, — пробормотал он.

— Я тоже!

— Ну будет уже, Дагни!

— Что ж, подождем другого раза, когда она снова приедет верхом без седла, как простой мужик, и будет распоряжаться здесь, словно вся ленсманская усадьба принадлежит ей. И снова доведет тебя до сердечного приступа!

— Она приезжает редко.

— И слава Богу!

Ленсман почесал в затылке, взял трубку и ушел в кабинет. Бразды правления ускользали из его рук. Ему было стыдно, что он не одернул жену, не потребовал тишины и покоя. Он чувствовал, что постарел и многое ему уже не под силу. Вместе с тем он не мог не признать, что с приездом Дины в усадьбу ворвалась струя свежего воздуха. Он окажет ей услугу. Которую никто, кроме него, оказать ей не может. Все-таки она его дочь. Не хватало, чтобы он отказал ей! Кроме того, ему было приятно, что есть человек, с которым можно иногда помериться силами. А то все здесь слишком чувствительные.

Ленсман со вздохом опустился в вольтеровское кресло, отложил трубку и схватил табакерку с нюхательным табаком.

Табак помогает думать. А сейчас ему было необходимо разобраться в

собственных мыслях. С чего же начать?..

Что Дина сказала про бедную Ертрюд? Что там написано в ее черной книге?

ГЛАВА 2

Вот, Он пройдет предо мною, и не увижу Его; пронесется, и не замечу Его.

Возьмет, и кто возбранит Ему? Кто скажет Ему: «Что Ты делаешь»?

Книга Иова, 9:11, 12

Дина вернулась домой. Усадьбу стеной ограждала тишина. В доме работников, где жил Нильс, горел свет. Белое сияние падало на синеватый сугроб. Окна были завешаны простынями. В Рейнснес пришла смерть. Скользнула тенью в заиндевелое окно. Нильса срезал Фома. Обрывок веревки еще долго болтался под потолком.

Нильс нашел щель между потолочными балками. Должно быть, ему пришлось попотеть, чтобы протащить сквозь нее веревку: щель была очень узкая.

Потом он сделал петлю и удавился.

Он не ушел из теплого дома, как все, кто задумывал такое. Обычно вешались в лодочных сараях. Там легко было найти свободную балку, чтобы перекинуть петлю.

Нильс же предпочел в последнюю минуту быть поближе к теплой печке. Под крышами пакгаузов ему было бы слишком одиноко и тоскливо. Там было слишком много свободного места.

Нет, Нильс повесился рядом с печкой. Потолок в его комнате был такой низкий, что ноги рослого Нильса почти доставали до пола.

Выглядел Нильс совсем нестрашно, несмотря на обстоятельства его смерти. Глаза у него не выкатились из орбит, язык не вывалился. Но цвет лица был нехороший.

Было видно, что голова уже не принадлежала туловищу. Подбородок глядел в пол. Нильс тихонько покачивался на веревке. Должно быть, уже давно.

Фома выбил дверь, сердце у него стучало, как паровая машина.

Старый дом дрогнул, и Нильс повернулся в своей петле. Темные

волосы падали ему на лоб. Как будто он выпил лишний стакан пунша. Глаза были закрыты. Руки висели вдоль туловища. Только теперь люди наконец увидели его таким, какой он был на самом деле. Одинокий приказчик из лавки, обуреваемый мечтами. Наконец-то он принял решение.

Нильс лежал на обеденном столе на носилках, пока ему не сделали хороший гроб.

Андерс был на Лофотенах. Но за ним уже послали гонца.

Юхан со Стине вместе сидели возле покойника. Всю ночь они следили там за свечами.

Стине то открывала, то закрывала лицо Нильса. Она не замечала никого, кто заходил в комнату. Даже матушку Карен, которая, прихрамывая, подошла к Стине, положила руку ей на плечо и заплакала. Даже Юхана, который время от времени читал над покойником Библию.

Темные, как у гаги, глаза Стине смотрели на море. Кожа золотилась как обычно. Она ни с кем не делилась своими мыслями. Единственные слова, которые она произнесла в тот день, когда отца Ханны вынули из петли, были обращены к Юхану:

— Мы с тобой ему самые близкие и должны обмыть тело.

Дина задумчиво смотрела на лицо Нильса, точно оценивала лошадь или корову, которую решила не покупать. Но в ее взгляде мелькало даже одобрение.

Собрались все обитатели усадьбы. На лицах было написано недоверие и бессилие, искренний страх и легкие угрызения совести.

Дина молча кивнула, как будто соглашаясь с последними мыслями Нильса, еще витавшими в комнате. Этим кивком она наконец-то признала его.

Юхану пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы убедить матушку Карен, что Нильса следует похоронить в освященной земле. Несмотря на его грех перед Богом и перед людьми.

— Если Нильса не разрешат похоронить на кладбище, мы похороним его в саду, — решительно сказала Дина.

Юхан вздрогнул от этих слов, матушка Карен тихо и горько заплакала.

Нильса похоронили в освященной земле, и на то было несколько причин. Во-первых, прошло шесть недель, прежде чем похороны вообще смогли состояться, кому бы ни принадлежала земля, Господу Богу или

людям. Потому что таких морозов, как в том году, никто и не помнил. Каждый ком земли был тверже гранита.

Во-вторых, говорилось, что Нильс просто умер. Беседы пробста и Юхана друг с другом и с Господом сыграли свою роль с этом деле. К тому же, пока стояли морозы, людская молва улеглась. И Нильс получил свой клочок земли. За церковью. Тихо, без шума.

Все знали, что он повесился в своей комнате. На новом пеньковом канате, который Андерс получил то ли из России, то ли из Трондхейма, то ли еще откуда-то. Но все знали также, что люди из Рейнснеса всесильны и своенравны.

Стине начала говорить Ханне:

— Это было за три недели до смерти твоего отца… Или:

— Это было год спустя после смерти твоего отца…

Раньше, когда Нильс был жив, она никогда не называла его отцом Ханны, теперь же пользовалась любым предлогом, чтобы напомнить об этом. От ее слов всем становилось не по себе.

Вскоре все привыкли к тому, что отец Ханны, к сожалению, умер и Стине осталась одна с осиротевшим ребенком.

Уйдя из жизни, Нильс как бы восстановил ее честь, чего не мог сделать, пока был жив.

Возымели свое действие и слова, брошенные Диной. То тут, то там. Люди подхватили их и составили себе определенное мнение.

В последние дни Нильс одумался. И попросил Дину положить его сбережения в банк на имя Ханны.

Этот слух распространился быстрее, чем огонь по сухой траве. Когда моряки вернулись с Лофотенов, тут уже все знали об этом.

Нет, Нильс был не такой безумный, как они думали. И конечно, найдет себе местечко у Господа Бога, хотя и сам распорядился своей жизнью.

Наконец с Лофотенов вернулась шхуна. Лов там превзошел все ожидания. Но лицо у Андерса было мрачное и землистое.

Он прошел прямо в залу к Дине и спросил, как все произошло.

— Не мог он так поступить, Дина!

— Мог.

— Но почему? Что мне следовало для него сделать? Он обнял Дину и спрятал лицо у нее на плече. Они долго стояли обнявшись. Раньше этого никогда не случалось.

— Я знаю, он должен был это сделать, — мрачно сказала Дина.

— Никто не должен так поступать!

Он как будто проложил межу между их лицами.

— Кое-кто все-таки должен!

Дина взяла его голову обеими руками. Долго смотрела в глаза.

— Мне нужно было… — начал он.

— Молчи! Он не мог иначе! Каждый должен отвечать за себя!

— Ты жестока, Дина!

— Кто-то должен повеситься, а кто-то должен быть жестоким, — сказала она и отошла от него.

ГЛАВА 3

Благотворительная душа будет насыщена; и кто напояет других, тот и сам напоен будет.
Книга Притчей Соломоновых, 11:25

В книжном шкафу у матушки Карен была одна книга, написанная городским судьей из Драммена Густавом Петером Блумом, носившим почетный титул главного комиссара по учету недвижимости. Он описал свое путешествие по Нурланду. Книга содержала много поучительных сведений о нурландцах вообще и о лопарях в частности.

«Лопари не способны ни любить, ни тосковать, — считал господин Блум, — а нурландцы суеверны, по-видимому, оттого, что слишком зависят от сил природы».

Матушка Карен не понимала, почему он называет суеверными людей, вручивших свою судьбу Господу Богу и доверявших природе больше, нежели лживым обещаниям человека. Но у нее не было возможности обсудить это с господином Блумом, и потому она принимала на веру все, что он написал.

Господин Блум почти не встречал образованных и культурных людей поблизости от Полярного круга. И у него создалось крайне нелестное впечатление о внешности лопарей. «Просто ему не попадались такие, как наша Стине», — думала матушка Карен. Она ничего не сказала про это. Но спрятала книгу за другие. На тот случай, если Стине вздумает вытирать с книг пыль.

Матушка Карен достаточно поездила по свету со своим покойным мужем. Была на Средиземном море, в Париже и Бремене. И знала, что, откуда бы человек ни происходил, он, с его грехами, наг перед Богом.

Матушка Карен сама позаботилась, чтобы Стине научилась читать и писать, когда вдруг обнаружилось, что она неграмотная.

Учение Стине далось легко. Она как будто пила из кубка премудрости. Матушка Карен долго воевала с Олине. И после длительной осады все-таки заставила ее понять, что Стине от природы наделена талантом управлять таким большим домом.

Со временем Стине, так же как Олине и Фома, стала в Рейнснесе незаменимой и добилась заслуженного уважения. Но за пределами

Рейнснеса она так и осталась лопарской девкой, которую пригрела Дина. Хоть Дина и доверила ей держать Вениамина в церкви во время крещения, люди остались при своем мнении о лопарках.

И Нильса она довела до смерти своим колдовством. Почему-то в Рейнснесе и животные благоденствовали, и деньги текли туда сами собой, а вот хозяйка, которая прогнала Стине из Тьелдсунда, умерла. Уж конечно, Стине приложила к этому руку.

Стине редко покидала Рейнснес. Ее стройная, тонкая фигура неслышно скользила из комнаты в комнату. Казалось, будто горе заставляет ее постоянно искать рукам работу, чтобы не поддаться отчаянию. Наследие предков жило в движениях Стине. Ее спокойное скольжение заражало и других служанок.

Трудно было понять, о чем она думает. Ее лицо и глаза, горящие темным огнем, как будто предупреждали: «Я могу находиться с тобой в одной комнате, но мне нечего сказать тебе».

Только высокие скулы да певучая речь выдавали ее происхождение. В ней как будто звучала мелодия северных просторов и рек.

Стине больше не носила холщовую кофту летом и кожаную куртку зимой, но нож и ножницы в чехле из дубленой кожи, медный игольник и звенящие медные кольца еще висели у нее на поясе, как и в тот день, когда она приехала в Рейнснес, чтобы кормить Вениамина.

Однажды Дина попросила Стине рассказать о ее семье и предках. И Стине поведала ей нехитрую историю семьи. Они происходили из рода шведских лопарей, которые потеряли своих оленей во время снежного обвала еще до рождения Стине. Семья долго кочевала на шведской стороне. Приручала диких оленей, охотилась, ловила рыбу.

Но потом про отца и деда пошла молва, будто они крадут чужих оленей.

И всей семье пришлось бежать через границу. В конце концов они поселились в землянке в Скон-ланде, обзавелись лодками и начали рыбачить. Но лопари без оленей, промышляющие только рыбной ловлей, не внушают к себе уважения.

Для норвежцев они были всего-навсего нищие лопари, и потому их даже не занесли в подушные списки.

С двенадцати лет Стине пришлось идти в люди и зарабатывать себе на жизнь. Она работала скотницей в одной усадьбе на юге Тьелдсунда. Потом родила мертвого ребенка, и ее заставили уехать оттуда. Ее не обвиняли в том, что она убила своего ребенка. Только в недостойном поведении.

Хозяин хорошо к ней относился. Но хозяйка больше не желала видеть у себя эту лопарку. И Стине уехала. Хотя грудь у нее лопалась от молока и кровотечение после родов еще не прекратилось.

— Женщинам ничего не стоит разорвать человека на лоскутки, развеять их по ветру, а потом спокойно поехать в церковь! — заметила Дина.

— Кто тебе это сказал? — медленно спросила Стине.

— Ленсман.

— В Рейнснесе таких нет, — заметила Стине.

— Да и таких, как ленсман, тоже, — твердо сказала Дина.

— Твоя мать была не такая?

— Нет! — быстро ответила Дина и вышла из комнаты.

На каждое время года у Стине была своя работа. Она словно совершала особый ритуал. Плела коробы из бересты, ткала небольшие салфетки, собирала целебные травы и травы для окраски сетей. У нее в комнате пахло лесными клопами, шерстью и здоровыми детьми.

В чулане, где хранилась еда, у Стине были свои полки. Там остывали и отстаивались ее отвары, прежде чем она разливала их по бутылкам. На случай болезни.

После того как Нильса вынули из петли, Стине всю работу делала механически. Это продолжалось долго.

Однажды поздно вечером Дина послала за ней. Все уже легли, когда Стине постучалась в дверь и протянула Дине карту Америки.

— Мне следовало давно отдать тебе эту карту, да все не получалось, — сказала она.

Дина разложила карту на кровати, склонилась над ней и внимательно изучала ее.

— А я и не знала, что это ты взяла у Нильса карту. Я собиралась поговорить с тобой о другом… Ты хотела уехать вместе с Нильсом?

— Нет! — твердо ответила Стине.

— Тогда зачем же ты взяла эту карту?

— Взяла, и все! Ведь он не мог без нее уехать! Дина выпрямилась и встретилась со Стине глазами.

— Ты не хотела, чтобы он уезжал? — Нет!

— А зачем он тебе был нужен здесь?

— Ради Ханны…

— А если бы он тебя позвал, ты уехала бы с ним в Америку?

В комнате воцарилось молчание. Звуки дома, словно крышка ведро,

накрыли обеих женщин. Они сидели в ведре. Вдвоем. И каждая — наедине с собой.

Стине начала догадываться, что в этом допросе таится особый смысл.

— Нет, — наконец ответила она.

— Почему?

— Потому что мне хочется жить в Рейнснесе.

— Но может, вы хорошо бы зажили и там?

— Нет.

— И ты думаешь, что из-за этого так и получилось?

— Нет…

— Как ты думаешь, почему он так сделал? Повесился.

— Не знаю… Поэтому я и принесла тебе карту.

— А вот я знаю, Стине, почему он повесился. И к тебе это не имеет никакого отношения!

— Люди говорят, что это мое колдовство довело его до могилы.

— У людей язык как помело! — рявкнула Дина.

— Но иногда… они бывают правы…

— Нет!

— Откуда ты знаешь?

— У него были свои причины. Никто, кроме меня, о них не знает. Он не мог больше жить здесь.

— Потому что хотел жениться на тебе? — спросила вдруг Стине.

— Он хотел владеть Рейнснесом! Это единственное, что у нас с ним было общего!

Глаза их встретились. Дина кивнула.

— Ты умеешь колдовать, Стине?

— Не знаю… — ответила Стине едва слышно.

— Тогда, значит, мы с тобой заодно, — сказала Дина. — И пусть люди поостерегутся! Правда?

Стине смотрела на нее во все глаза:

— Ты и впрямь так думаешь?

— Да!

— Понимаешь… бывают силы…

— Я знаю. Если бы не эти силы, нам бы не победить.

— Меня они спасли…

— Спасли? Каким образом?

— Это все дьявол…

— Дьявол не занимается такими пустяками, Стине. Спроси хоть у матушки Карен.

— Нильс повесился, какие же это пустяки!

— Ты жалеешь Нильса?

— Не знаю.

— Это хорошо, даже если ты жалеешь человека, который повесился.

— Может быть.

— Я думаю, что твоя жалость спасет его во всех отношениях. Значит, он повесился не напрасно.

— Ты правда так думаешь?

— Да. Одно доброе дело Нильс, во всяком случае, сделал. Поэтому я и просила тебя прийти ко мне. Он оставил в банке небольшую сумму на имя Ханны. Это поможет ей в жизни. Денег там примерно столько, сколько стоит билет до Америки.

— О Господи! — проговорила Стине, внимательно изучая клетки на своем переднике. — Я слышала об этом, но думала, что это не правда, как и всё, что говорят обо мне! Что мне делать с этими деньгами? — прошептала она не сразу.

— Они избавят тебя от нужды, если Рейнснес вдруг попадет в лапы черта, — многозначительно сказала Дина.

— Черт никогда не бывал в Рейнснесе, — серьезно сказала Стине. Она снова замкнулась в себе. Собралась уходить. — А Нильсу следовало подумать о Ханне, прежде чем он решился на это…

— Он подумал и о тебе.

— Зря он это сделал! — с неожиданной силой сказала Стине.

— Что зря — оставил вам деньги?

— Нет, повесился.

— Но может, это был единственный способ отдать вам эти деньги, — сухо сказала Дина.

Стине судорожно глотнула воздух. Потом лицо у нее посветлело. Старинная, украшенная резьбой дверь с медной ручкой осторожно разделила женщин.

Матушка Карен называла это весенним чудом. Оно повторялось каждый год с той самой весны, когда в грудях у Стине не осталось больше молока. А началось все с того, что Стине увидела гагу, которая гнездилась на прибрежных шхерах и островах. И узнала, что в нынешние времена гагачий пух ценится очень высоко.

Стине всегда ладила с природой. Она начала строить укрытия для гаги. Связывала из веток можжевельника что-то вроде палаток. Кормила птиц и разговаривала с ними. А главное, следила, чтобы никто не тревожил их и

не трогал их яйца.

Весна за весной птицы сотнями возвращались к родным берегам. Они выщипывали на груди пух и выстилали им свои гнезда.

По всему приходу шла молва о том, как лопарка из Рейнснеса пасет гагу. И суммы, которые она выручала за собранный в опустевших гнездах пух, вырастали до невероятных размеров.

Денег было столько, что лопарка даже положила их в банк. Небось собирается уехать в Америку и открыть там свое дело.

Некоторые женщины, имевшие к тому склонность, пытались подражать Стине. Но у них ничего не вышло. Лопарка своим колдовством переманила в Рейнснес всю гагу! Гага у нее как ручная, говорили те, кто видел все своими глазами.

Когда подходил срок садиться на яйца, гага неожиданно появлялась в самых немыслимых местах. Как-то раз одна птица зашла в открытую дверь поварни и расположилась высиживать яйца в большой печи, где пекли хлеб.

Стине и Олине не могли договориться, что важнее: пользоваться в период высиживания печью или оставить гагу в покое.

Олине проиграла битву.

Дело было так. Олине послала работника в поварню, чтобы он вынес гнездо и развел в печи огонь, но на него ястребом налетела Стине. Она схватила парня за руку и что-то сказала по-лопарски, глаза у нее сверкали.

Этого было достаточно. Белый как мел работник пришел на кухню к Олине.

— Боюсь, погубит она меня своим колдовством! — объявил он.

На том все и кончилось.

С тех пор двери в поварню и дверцы печи были открыты, чтобы гага в любое время могла свободно выходить за кормом.

За каждой кочкой и под каждым нависшим камнем пряталась жизнь.

Стине собирала пух, когда птицы садились на гнезда. Ее юбка постоянно мелькала среди камней.

Она никогда не забирала из гнезда весь пух. Брала понемногу то тут, то там.

Иногда темно-карие глаза Стине и черные круглые глаза гаги встречались. Птицы сидели спокойно, пока она собирала пух по краю гнезда.

После ее ухода гага немного шевелилась, вытягивала крылья и получше

подбирала под себя яйца. Потом быстро выщипывала на груди пух вместо того, который унесла Стине.

В эти апрельские и майские дни Стине опекала сотни привыкших к ней птиц. Они прилетали каждый год. Те, что вывелись в Рейнснесе, непременно возвращались сюда. «Весеннее чудо» постепенно росло.

Когда птенцы вылуплялись, Стине в своем переднике относила пушистые комочки к морю. Чтобы помочь гаге защитить потомство от ворон.

Птицы спокойно замыкали шествие. Переваливаясь с боку на бок, они шли за Стине, о чем-то громко лопоча. Словно спрашивали у нее совета, как воспитывать детей.

Стине сидела на камнях и охраняла семьи, пока они не воссоединялись в воде. Самцы, те уже давно успели убраться восвояси. Вернуться в море, на свободу. Самки оставались одни. Стине принимала их одиночество близко к сердцу.

Постепенно пушистые комочки оперялись, меняли цвет, учились находить пищу. Осенью они улетали.

Корзины с пухом опорожнялись, пух чистили, зашивали в холщовые мешки и отвозили в Берген.

На гагачий пух был большой спрос. Особенно если были налажены связи с торговцами из Гамбурга и Копенгагена.

Андерс не требовал со Стине причитавшихся ему процентов. С нее он не брал ничего, ни за фрахт, ни за посредничество в сделке.

Глаза Стине были похожи на круглые влажные глаза гаги, смотревшей вслед супругу, улетавшему в море.

Стине опасалась, что налетят вороны и убьют хрупкую жизнь, за которую она чувствовала себя в ответе.

Она не знала, что в книге матушки Карен написано, будто «лопари не способны ни любить, ни тосковать».

ГЛАВА 4

Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; Цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей.

Книга Песни Песней Соломона, 2:11, 12

Дина велела прибить в конторе оторванную половицу. И на всякий случай приказала служанке, которая по средам мыла там пол, отодвигать умывальник.

Нильс редко донимал ее. Обычно это случалось, когда она проверяла, правильно ли составлены списки товаров, не упустила ли она чего-нибудь важного. Или же когда смотрела на бегущую через двор босую Ханну и Вениамина, следовавшего за ней по пятам.

Нильс вдруг возникал перед Диной и отказывался уступить ей дорогу. Тогда она снова и снова проверяла списки, пока не убеждалась, что все верно.

Несколько раз он заставлял ее брать на колени Ханну, оставшуюся без отца.

В конторе, на своем вертящемся кресле, Нильс приносил практическую пользу. Но незаменимым он не был.

Теперь Дина сама занималась и списками товаров, и ежедневными счетами. Она навела порядок во всех старых делах, накопившихся с годами. Разобрала полки, шкафы. Нашла недостающие суммы.

Отправила гонца к тем должникам, которые, по ее убеждению, могли бы с ней расплатиться, и предупреждение тем, кто, стыдясь старых долгов, избегал покупать в Рейнснесе необходимое для страды и лова оборудование и предпочитал теперь обзаводиться этим в Тьелдсунде или где-то на стороне.

Предупреждение звучало недвусмысленно: если они будут привозить свои товары в Рейнснес, она будет обеспечивать их всем необходимым, даже когда у них не будет денег, чтобы рассчитаться с ней. Но если их заметят с рыбой или со шкурами в каком-нибудь другом месте, она обратится к властям.

Это подействовало незамедлительно.

В большом доме стало чересчур многолюдно. За каждой стеной и в каждой кровати кто-нибудь храпел или шептался.

В любое время суток, когда бы Дина ни вышла из залы, она встречала людей, спешивших по делам в людскую, на кухню или еще куда-нибудь.

Особенно много было женщин. От них просто рябило в глазах. Они убирали, вязали, сплетничали, сновали взад и вперед. И вместе с тем все они были нужны.

Дина злилась.

Она решила отремонтировать дом, в котором жил Нильс, и перебраться туда.

— Тогда бы Юхан мог занять залу и перенести в нее все свои книги, — сказала она Андерсу.

Он первый узнал о ее планах. И поддержал их.

Андерс уехал в Намсус, чтобы купить там лес для каюты, которую собирался поставить на карбасе.

К всеобщему изумлению, он вернулся домой, таща на буксире целый плот. У него были свои связи, поэтому цена на лес была невысокая и качество его отменное.

Сперва только Андерс был посвящен в планы Дины. Когда же все обитатели Рейнснеса узнали, что Дина хочет переехать в дом, где повесился несчастный Нильс, они не могли опомниться от удивления.

Олине разразилась рыданиями. По ее мнению, этот дом следовало разрушить и забыть. Просто у нее не хватало духу сказать об этом раньше. Другое дело — сейчас.

— Неужто кто-то из живых переедет в этот злосчастный дом? — причитала она. — Уж только не матушка Карен! И в большом доме места довольно!

Дина с Андерсом всех успокаивали, показывали чертежи. Говорили о стеклянной веранде, которая будет выходить на море. Там можно будет наслаждаться покоем и наблюдать за куликом-сорокой, который весной вышагивает по полям в поисках червей. О трубе, которую сложат заново. Об окнах, которые будут смотреть на юго-запад.

Олине объяснили, что в доме будет жить сама Дина.

Но она никак не могла примириться с этой мыслью. Она оплакивала Дину. И маленького Вениамина, который будет жить с матерью в доме покойника.

— Хоть бы в этот дом ударила молния! Сожгла бы его, и конец! — с

сердцем сказала она.

Тогда в дело вмешалась матушка Карен. Это еще что за заклинания! Пусть Олине сейчас же возьмет назад свои безбожные слова и впредь языку воли не дает. Если Дина хочет жить в этом доме, значит, так тому и быть. Молодые сами должны распоряжаться своим временем и своим жильем. На Дине лежит такая ответственность, она думает обо всем — об усадьбе, торговле, цифрах!

Матушка Карен нашла много оправданий для Дины.

Олине продолжала ворчать. Почему нельзя думать о цифрах и о торговле в конторе? Чем там плохо?

Наконец у Дины лопнуло терпение, и она прямо заявила, что не намерена обсуждать с прислугой перестройку дома. Эти слова ядовитой стрелой ранили сердце Олине. Она покорилась, но затаила обиду навсегда.

Дина уже давно заказала в Трондхейме цветные стекла для веранды, а в Гамбурге — белый кафель для печки.

Она тратила накопленные Нильсом деньги, которые ленсман по мере необходимости брал для нее из банка.

Таким образом, она приводила старый дом в порядок как будто и для самого Нильса. Ему не на что было жаловаться.

Щель между балками Дина велела заделать. По просьбе матушки Карен, которую мучило это напоминание о последнем поступке бедного Нильса каждый раз, когда она заходила в этот дом.

Кроме сезонных рабочих нужно было кормить и обихаживать еще и плотников. Работы у Олине прибавилось.

Но она со всем управлялась. И не спешила. Никто не умрет от голода, если получит хороший обед на полчаса позже, вместо того чтобы есть вчерашние остатки. Так рассуждала Олине.

Поэтому завтрак она подавала очень рано — в пять утра. Для тех, кто не являлся сразу, как прозвучат три коротких удара колокола, что висел на амбаре, не делалось никаких исключений.

— Раз со стола убрано, значит, все! — твердо говорила Олине, строго глядя на несчастного, которому приходилось идти на работу натощак.

Ни матушке Карен, ни Дине не приходило в голову вмешиваться в железные порядки Олине. Ведь благодаря им большая часть дневного урока к вечеру бывала выполнена.

Случалось, некоторые работники, не привыкшие к такому распорядку, уходили.

Олине сухо бросала:

— Ветер унес гнилое сено, и Бог с ним.

Однажды, когда Дина с Ханной и Вениамином считали вершины, в проливе показался «Принц Густав». Они сидели на бугре, где стоял флагшток. Новый экспедитор уже отправился в лодке к пароходу, чтобы забрать почту и товары.

И вдруг — он! Одетый простым матросом. С мешком и саквояжем. Лицо его было размыто маревом.

Лодка шла обратно к причалу, а пароход, дав гудок, двинулся на север.

Дина дернула Вениамина за волосы и начала считать вершины так громко, что ей откликнулось эхо. Каждую она быстро называла по имени. Через мгновение она уже бежала с детьми по каменистой тропинке к дому. Там она отослала их прочь с таким видом, будто забыла, кто они.

Потом поднялась в залу. Не могла найти платья. Щетки для волос. Лица. Спотыкалась о ковер.

А дом Нильса еще не был готов, чтобы принять гостя, которого она не хотела делить ни с кем.

Тем временем он уже достиг синей кухни Олине. Его голос взбежал по лестнице, проник в открытую дверь. Словно текучая мирра из Книги Ертрюд.

Дина открыто приветствовала Лео как друга дома. Но Олине и служанки были себе на уме. Они-то знали, что Дина не многих обнимает, приветствуя их. Занявшись своими делами, они старались держаться к ним поближе.

Стине поздоровалась с гостем и тут же начала накрывать праздничный стол. Юхан с Андерсом вошли в дом, неся вдвоем матросский мешок Лео. Они оставили его в прихожей у лестницы.

Андерс заглянул в кухню и поинтересовался у Олине, не полагается ли им кое-что по случаю приезда гостя.

Юхан, снимая в прихожей верхнюю одежду, расспрашивал Лео о погоде во время путешествия, о здоровье.

Прибежали дети, они узнали гостя. Как два мышонка, они кружили возле норки, поглядывая, не появится ли кошка.

За столом шел оживленный разговор.

— Как твой каторжник? — спросила вдруг Дина. Их глаза — одни зеленые, другие блестящие, как лед, — встретились над столом.

— Помилование отозвали, — ответил Лео. Его как будто удивило, что она помнит про этого каторжника.

Он сидел близко. От него пахло смолой и соленым ветром.

— Почему? — спросила Дина.

— Потому, что он притворился сумасшедшим и с поленом набросился на тюремщика.

— И ударил его?

— Еще как! — Лео подмигнул Вениамину, который, открыв рот, слушал их разговор.

— Что это за каторжник? — невежливо вмешался Вениамин, он подошел и уперся в колени Лео.

— Не мешай! — мягко сказала Дина.

— Я должен был отвезти его в Вардёхюс, — ответил Лео.

— А что он сделал?

— Совершил тяжкое преступление.

— Какое? — Вениамин не сдавался, хотя взгляд Дины уже обжигал его, как раскаленная печка.

— Зарубил топором свою жену.

— Топором?

— Да.

— Аж чертям тошно! — объявил Вениамин. — А за что?

— За что-то он на нее рассердился. А может, она ему мешала. Кто знает. — Лео не привык удовлетворять детское любопытство.

— Значит, если бы он не стукнул тюремщика поленом, ты привез бы его к нам? — спросил Вениамин.

— Нет, — серьезно ответил Лео. — С такими гостями в Рейнснес не приезжают. Тогда бы я проехал мимо.

— Значит, хорошо, что он его стукнул?

— Для меня — хорошо. А для него — плохо.

— А как он выглядит: как все люди? — не унимался Вениамин.

— Да, если умоется и побреется.

— А что он делал до того, как убил жену?

— Этого я не знаю.

— Что же с ним будет теперь?

— Останется на каторге.

— Там хуже, чем в Вардёхюсе?

— Говорят, хуже.

— Как думаешь, он зарубит ее еще раз?

— Нет, — по-прежнему серьезно ответил Лео.

— А у нас Нильс повесился! — вдруг объявил Вениамин, глядя гостю в глаза.

Шрам вспыхнул синевой на смуглой коже.

— Фома говорит, что в Рейнснесе вот уже десять лет не было покойников, — продолжал Вениамин. — Последним был Иаков, — деловито прибавил он.

Вениамин стоял посреди комнаты и переводил взгляд с одного на другого. Как будто искал объяснения. Тишина давила на барабанные перепонки.

Глаза Дины не предвещали добра. Ее юбка грозно зашелестела, когда она подплыла к нему, как шхуна.

— Возьми Ханну и ступайте играть, — сказала она неприятным голосом.

Вениамин схватил Ханну за руку. И они убежали.

— Да, Нильса больше нет, — сказала матушка Карен, которая незаметно появилась в гостиной из своей комнаты. Ее рука сжимала серебряный набалдашник трости. Матушка Карен осторожно прикрыла за собой дверь, с трудом дошла до Лео и пожала ему руку.

С потерянным видом Лео встал и предложил ей свой стул.

— А вот нам суждено жить дальше. Добро пожаловать в Рейнснес!

Лео рассказали о том, что случилось, коротко и просто. Лица людей были словно присыпаны тонким слоем пыли.

Труд этот взяла на себя матушка Карен. Она то и дело вздыхала. Или бормотала: «Господи помилуй!»

— Но почему же?.. — недоуменно спросил Лео. Он смотрел на Дину.

Стине тихонько входила и выходила из комнаты. Андерс закрыл лицо темными ладонями, похожими на перевернутые лодки. Юхан плотно сжал губы, глаза его беспокойно метались по сторонам.

— Помилуй, Господи, душу бедного Нильса, — закончила свой рассказ матушка Карен.

— Но почему же он это сделал? — снова спросил Лео.

— Пути Господни неисповедимы.

— Это не Господь, матушка Карен. Такова была воля самого Нильса. Не надо этого забывать, — тихо сказал Юхан.

— Даже птаха малая не упадет на землю, не будь на то воли Господней, — упрямо сказала матушка Карен.

— Ты права. — Юхан уступил ей.

— Но все-таки почему он это сделал? Что случилось? Почему он не захотел больше жить? — опять повторил Лео.

— Наверное, у него ничего не осталось, ради чего стоило жить, —

хрипло сказал Андерс.

— Человек видит лишь то, что способен увидеть. Что-то, должно быть, застило Нильсу зрение, — сказал Юхан.

Лео переводил взгляд с одного на другого. Он не скрывал своего волнения. Вдруг он встал, уперся руками в край стола, откашлялся, словно собирался произнести речь. И запел. Грустную незнакомую мелодию. Лео изливал свое горе, как ребенок. Он откинул голову, всхлипывал, но продолжал петь. Он пел долго. Повторяя без конца одни и те же слова:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

Они никогда не слышали такой песни. Лео был послан им, чтобы помочь освободиться от проклятого вопроса, который они долго таили в себе: «А нет ли здесь и моей вины?»

После обеда Дина и Лео уехали верхом на прогулку, их проводил горестный взгляд Фомы.

Весенний свет до позднего вечера висел над ними, словно наточенный нож.

— Ты ездишь верхом с Фомой? — спросил Лео.

— Да, бывает.

Кое-где лежали кучки рыхлого снега. Дина направилась по дороге через горы.

— Фома давно живет в Рейнснесе?

— Да. А почему тебя это интересует?

— У него взгляд как у собаки.

— Ах вот что!.. — Дина засмеялась. — Просто у него разные глаза: один — голубой, другой — карий. Он очень хороший работник. И надежный…

— Не сомневаюсь. Но он смотрит на тебя так же, как смотрел Нильс…

— Хватит уже о Нильсе! — оборвала его Дина и пустила Вороного галопом вверх по склону.

— Ты можешь извести человека! — крикнул Лео ей вслед.

Она не оглянулась. И не ответила.

Он догнал ее и схватил поводья Вороного. Вороной испугался и с диким ржанием взвился на дыбы.

— Отпусти поводья! — Ее голос словно вырвался на свободу после долгой неволи.

— Ты знаешь, почему умер Нильс? — настойчиво спросил он.

— Повесился — и все! — огрызнулась она и вырвала у него поводья.

— Ты жестокая!

— А что ты хотел услышать? Что это я довела его до смерти, потому что не хотела оставлять в Рейнснесе? Ты действительно считаешь, что он повесился из-за этого?

Лео не ответил.

Они замолчали, каждый держал при себе свои мысли.

Я Дина. Зачем я взяла с собой сюда этого посланца Ертрюд? Чтобы он увидал время и место? Сани в омуте? А увидев, онемел?

Когда они выехали на крутой склон, с которого сорвались сани с Иаковом, Дина придержала лошадь:

— Ты все это время был в Трондхейме? — Нет.

— А где? Ты не написал мне.

Она спрыгнула с Вороного и отпустила его. Лео последовал ее примеру. Потом ответил:

— Я думал, мне удастся приехать раньше.

— Откуда?

— Из Бергена.

— А что ты делал в Бергене? У тебя там тоже есть вдова?

— Нет. У меня нет вдовы в Бергене. Нет в Трондхейме. Нет в Архангельске. Только в Рейнснесе…

Она не ответила.

Вороной тревожно заржал, подошел к Дине. Ткнулся мордой ей в волосы.

— Что с ним? Чего он боится? — спросил Лео.

— Он не любит это место.

— Вот как? Почему же? Его пугает шум водопада?

— Здесь сорвались сани с Иаковом. Мы с Вороным удержались на самом краю.

Лео оглянулся и внимательно посмотрел на нее:

— Это случилось десять лет назад, как сказал Вениамин?

— Да. Вороной состарился. Скоро мне придется сменить его.

— Страшно было?..

— Приятного мало, — сухо ответила Дина и склонилась над обрывом.

— Ты любила Иакова? — спросил он через некоторое время.

— Любила?

— Ну да, если не ошибаюсь, он был намного старше тебя?

— Он был старше моего отца.

Лео с любопытством и удивлением смотрел на нее. Она спросила:

— А ты многих любил из тех, кого встречал на пути? Ты столько ездишь…

— Не столько…

— Ты так смело спросил, любила ли я Иакова, вот и ответь мне: многих ли любил ты сам?

— Я любил свою мать. Но ее уже нет в живых. Она не могла привыкнуть к России. Тосковала по Бергену. Думаю, по морю. В двадцать лет я женился, мы были женаты три года. Моя жена тоже умерла.

— Ты когда-нибудь видишь ее?

— Если ты имеешь в виду, думаю ли я о ней… Да, иногда. Даже теперь… Уж раз ты спросила. Но я не любил ее так, как следовало. Наши семьи считали, что мы составим хорошую пару. Я был беспечный студент, изучал медицину, мне нравилось быть вольнодумцем, общаться с художниками и богатыми шалопаями при царском дворе. Я учился, пил вино, произносил смелые речи…

— Сколько тебе лет?

— Тридцать девять. — Он улыбнулся. — По-твоему, я старый?

— Дело не в возрасте. Он громко рассмеялся.

— Ты из знатной семьи? Был принят при дворе? — спросила Дина.

— Пытался.

— Что же тебе помешало?

— Смерть Пушкина.

— Того, который писал стихи?

— Да.

— Отчего он умер?

— Погиб на дуэли. Дрался, будто бы из ревности. Но на самом деле он оказался жертвой политических интриг. Россия гниет изнутри. Мы все страдаем от этого. Пушкин был великий художник, которого окружали мелкие людишки.

— Как-то не похож он на крупную личность, — убежденно сказала Дина.

— Перед любовью нет крупных личностей.

Она бросила на него быстрый взгляд:

— А ты мог бы застрелить кого-нибудь из ревности?

— Не знаю. Может быть…

— Куда его ранили?

— В живот…

— Неудачное место, — сухо заметила она.

— В тебе совсем нет сострадания к людям, Дина, — вдруг раздраженно сказал он.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Женщина не должна так спокойно относиться к страданиям и к смерти. Когда ты говоришь о своем покойном муже… О Нильсе… И вот теперь о Пушкине. Женщины обычно не такие.

— Я не знала этого Пушкина.

— Его — да, но других…

— А что тебе хотелось бы услышать?

— Немного сострадания в голосе. Ты все-таки женщина.

— Обряжать и хоронить покойников приходится женщинам. Мужчины только падают и умирают. Нельзя плакать из-за раны в живот, полученной на глупой дуэли. У нас, между прочим, мужчины умирают не так. Они гибнут в море.

— Или вешаются. Но женщины в Нурланде тоже плачут.

— Это меня не касается. Холодны были не только слова.

— Твоя мать тоже умерла не своей смертью? — продолжал он, словно не слышал ее последних слов.

Дина наклонилась и взяла в руку увесистый камень. Потом размахнулась и с силой швырнула его в пропасть.

— На нее вылилась кипящая щелочь, — сказала она, не поднимая на него глаз. — Вот почему ленсман велел снести прачечную в Фагернессете и предпочел, чтобы я навеки перебралась в Рейнснес.

Сунув два пальца в рот, она свистом подозвала Вороного. Лео стоял с опущенными руками. В глубине его зеленых глаз вдруг затеплилась безграничная нежность.

— Я понял, что тут не все так просто… Твой разговор с отцом накануне Рождества. Вы с ним не ладите, да, Дина?

— Это он со мной не ладит.

— Ну, это уже ребячество с твоей стороны.

— Но между тем это так.

— Расскажи мне о себе.

— Сначала ты расскажи о себе, — упрямо сказала она, но тут же продолжала:

— А что ты сделал бы, если бы это твой ребенок повернул рычаг и

вылил щелочь? И что бы ты сделал, если б твоя жена, которую ты мучил несколько лет, вдруг умерла, так и не дождавшись от тебя любви?

Лео подошел к Дине. Обнял ее. Прижал к себе. Целовал слепо и горячо.

Водопад звучал, как церковный орган. Небеса скрыли лошадей. Иаков был всего лишь ангелом. Потому что пришел новый посланец Ертрюд.

— Зачем ты подчеркнул слова в книге? Это некрасиво, — вдруг сказала Дина, когда они ехали вниз по склону.

Он не подал виду, что это его удивило.

— А ты шпионишь за людьми. Осматриваешь чужие саквояжи и книги.

— Что же мне остается, если ты сам ничего не рассказываешь о себе?

— Я рассказывал.

— Да, о Пушкине, которого ты боготворишь. Ты обещал сделать для меня перевод.

— Сделаю.

— Только из той книги, которую ты дал мне.

— Я тебе ее не давал. Ты сама взяла. Я тебе давал другую.

— У тебя были две одинаковые книги. Одна с подчеркнутыми местами, другая — нет. Мне больше нравится та, где подчеркнуто.

— Все увидела, — проговорил он, словно ее тут не было. Дина повернулась и насмешливо взглянула на Лео:

— А ты будь поосторожней!

— Теперь буду. Между прочим, эта книга очень важная, — сказал он и вдруг остановил лошадь.

— Кому ты привозишь в Норвегию русские книги?

— Тебе, например.

— Мне нужна та книга, которая мне больше нравится.

— Ты не очень скромничаешь, — сухо заметил он.

— Нет!

— Почему ты взяла книгу с подчеркнутыми местами?

— Потому, что для тебя она важнее! Он промолчал. Она утомила его.

— Ты везешь с собой на север вторую книгу?

— Нет.

— Где же она?

— Украла одна вдова.

— В Бергене?

— В Бергене.

— Ты рассердился?

— Да.

— Приходи сегодня вечером ко мне в залу и переведи то, что тебе у Пушкина нравится больше всего.

— Ты этого хочешь?

Дина засмеялась. Она слегка подпрыгивала на спине лошади, спускавшейся по крутому склону. Ехала она без седла. Ляжки крепко и мягко обнимали бока лошади, бедра покачивались в такт движению.

Ему захотелось лета. Зноя. Для этого пришлось привязать лошадь к дереву.

На третий день Лео уехал. Дина снова начала ходить по ночам. А весна продолжала свою работу.

ГЛАВА 5

Наготы жены отца твоего не открывай; это нагота отца твоего.

Третья книга Моисеева, 18:8ф

Женщины в Рейнснесе были сродни его шхунам. Берег у них был общий. Но назначения разные. Разный груз. Разная оснастка.

Если у шхуны был свой шкипер, женщины доверяли свои паруса ветру. Своевольно и каждая на свой лад.

Кое-кто считал, что Стине умеет вызывать ветер. Другие верили, что Дина повелевает злыми силами. А то зачем бы ей пить вино одной, завернувшись в волчью шубу, зимними лунными ночами в занесенной снегом беседке.

Ну а третьи полагали, что злые и добрые силы в Рейнснесе уравновешивают друг друга. Но беда придет в тот день, когда не станет матушки Карен.

Однако старая матушка Карен цеплялась за жизнь. Она была похожа на светлую гибкую березу. Белую, с темными пятнами на коже. Каждый день Стине причесывала ее. Вымытые в можжевеловой воде волосы красиво блестели. И были как шелк.

Породистый нос с горбинкой крепко держал пенсне. Матушка Карен читала каждый день по три часа. Газеты, книги, старые и новые письма. Она полагала, что в старости очень важно поддерживать в себе духовные интересы.

После обеда она спала в вольтеровском кресле, укрыв колени пушистым пледом. Вечерами она ложилась одновременно с работниками и вставала с петухами. Ее мучили больные ноги. Но она никому не жаловалась на это, тем более что теперь у нее была комната рядом с гостиной и ей не нужно было подниматься по лестнице.

Матушка Карен не одобряла Дининых планов по перестройке старого дома. Но так как Дина не уступила и плотники принялись за дело, матушка Карен смирилась.

Дом был перестроен, отремонтирован и в конце концов превратился в игрушку.

В тот день, когда работы были закончены и Динины вещи перенесены на новое место, матушка Карен, прихрамывая, перешла через двор, чтобы увидеть все своими глазами.

Она решила, что дом следует выкрасить охрой, а наличники и резной орнамент — белилами.

Дина с ней согласилась. Дом выкрасили охрой. Хватит в усадьбе одного большого белого дома. И вместе с тем Динин дом отличался от красных служебных построек. Особенно украшала его новая стеклянная веранда, выходившая на море. Шпиль, увенчанный головой дракона, цветные стекла. Двустворчатые двери, широкое крыльцо. На нем можно было сидеть, можно было приходить и уходить, и никто бы этого не увидел.

— Чтобы стеклянная веранда с двустворчатыми дверями глядела на море! Дров не напасешься ее топить. В доме всегда будет холодно! — критически заявила Олине. — А эти вазоны с папоротником и розовыми деревьями погибнут в первый же зимний день!

— Мания величия! — сказал ленсман, увидев новый дом. — Стеклянная веранда не сочетается с крышей, покрытой дерном. — Так он считал, но улыбался.

Андерс стоял на стороне Дины. Ему дом нравился.

— Лучше сидеть зимой на крытой веранде, чем в беседке, — сказал он и подмигнул Дине, не побоявшись намекнуть на ее порок.

Матушка Карен преподнесла Дине отростки герани для ее окон.

В день переезда она сидела у Дины в качалке и с улыбкой любовалась всем этим великолепием. Она и словом не обмолвилась о том, что в этом доме умер Нильс.

— Боже мой! Видел бы все это Иаков! — воскликнула она и всплеснула руками.

— Иаков видит то, что видит, — сказала Дина и налила вишневую наливку в две маленькие рюмочки.

Мужчины, закончив работу, ушли и оставили их вдвоем. Аннетте истопила печь. Дым мягко стелился по крыше, а потом уплывал к фьорду. Словно клочки оленьего моха, раскиданные по небесам.

— Надо позвать Олине и Стине! — сказала матушка Карен.

Дина открыла новое окно и крикнула через весь двор. Вскоре они пришли. Четыре женщины собрались под крышей бывшего жилища Нильса.

Олине поглядывала на потолок, где повесился Нильс.

— По-моему, в доме пахнет совсем иначе, — сказала она, вертя маленькую рюмку в пухлых пальцах.

— Это пахнет свежее дерево и новая печка, — объяснила Стине.

— Белая печка! Это же настоящее чудо! Во всем приходе ни у кого нет белой печки! — гордо сказала Олине.

Дина не хотела опустошать залу и забирать оттуда всю мебель. От кровати с пологом она отказалась. Кровать останется Юхану. Но овальный стол и стулья, которые привезла в Рейнснес матушка Карен, заняли в Дининой гостиной почетное место. Они красиво смотрелись на фоне светлых полотняных обоев и светло-зеленых панелей. Так же как и зеркало с полкой и серебряным канделябром.

Этим летом Дина собиралась заказать в Бергене новую мебель.

Ханне и Вениамину она сказала, что хочет купить секретер с потайным ящиком для хранения золота, серебра и драгоценностей. Еще она собиралась приобрести себе широкую и удобную кровать.

В новой кухне было все только самое необходимое. Никто не верил, что Дина станет когда-нибудь себе здесь готовить, но об этом помалкивали.

Виолончели заняли свое место в гостиной. Обе. В этот солнечный день Дина собственноручно, с угрюмым видом, перенесла их сюда.

Когда наливка была выпита, Дина распахнула дверь на веранду и села, зажав между ногами виолончель Лорка.

Она сидела спиной к остальным и, глядя на море, играла полонезы. Ее отделяли от моря цветные окна новой веранды. Оно становилось то кроваво-красным или золотистым, то светло-синим или зеленоватым, в зависимости от стекла, через которое смотрела Дина. Мир беспрерывно менял свой цвет.

А в комнате на стульях сидели женщины Рейнснеса, сложив на коленях руки, и слушали. Впервые все четверо позволили себе освободиться от своих дел одновременно и собраться вместе.

Я Дина. Он ходит по моим новым комнатам. Наклоняется над столом и слушает виолончель Лорка. Волосы его потоком струятся с левой стороны, словно хотят темным водопадом закрыть его голову. Его волосы — ледниковая вода, которая на пути к морю превратилась в шелковые нити. От них мне в глаза летят брызги.

Лео!

Он похож на неотвязные мысли, которые всегда возвращаются. Я будто бы снова стою поздней осенью у старого хлева в Хелле и грею в коровьем навозе босые ноги. Когда он проходит по комнате, меня охватывает удивление, что я еще могу двигаться, говорить, ощущать

ветер в волосах. Передвигать ноги. Откуда берутся силы? Откуда поднимаются соки? Те, что сначала бывают свежими, а потом становятся отвратительными, липкими и вонючими? А камни? Кто дал им неодолимую силу? Лежать вечно? Или повторения? Кто решает, чтобы все повторялось? Звуки, что повторяются в гармонических сочетаниях? Бесконечные, закономерные ряды цифр? Полет северного сияния в небесах? Я не понимаю его движения, но оно подчинено своей системе. Как загадка. Меня охватывает удивление, и мне легче терпеть все, когда Лео, с его густой шевелюрой, проходит по моим комнатам. Он прогоняет их всех. Потому что видел обрыв. И слышал рассказ об Ертрюд. И все-таки говорил со мной.

Приедет ли он еще раз?

Кто я, думающая об этом? Дина? Которая делает то, что хочу я?

По ночам люди слышали, как в доме Нильса поет виолончель Лорка. Дина немного увяла, как картофелина, побитая морозом.

Олине, со своим ястребиным взглядом, первая заметила это. Она прямо выложила все, что думает по этому поводу: вот оно, проклятие, за то, что она поселилась в доме, где человек покончил с собой. Нельзя безнаказанно жить под этой крышей. Такой грех не скроешь новыми обоями и новой краской. Он там останется во веки веков. Аминь.

Но все видели, что это проклятие имело и другие последствия для Дины. Она работала как здоровый работник. Вставала на рассвете, а далеко за полночь люди видели в окнах ее тень и слышали музыку, доносившуюся со стеклянной веранды.

Фома был прикован к будням Рейнснеса. Он чуял присутствие Дины в бочках с сельдью, жиротопне и в испеченном Олине хлебе. И он благословлял тот день, когда русский уехал из Рейнснеса и Дина снова, как вол, впряглась в работу.

Фома ощущал ее запах, видел ее бедра, замечал, что запястья у нее стали тоньше. Что волосы начали терять упругость.

Она не брала его больше с собой, когда ездила верхом. Игра кончилась. Взгляд у нее стал острым, как у артельного рыбацкой ватаги. И голос редко, но напоминал раскаты грома.

Когда она переехала в бывший дом Нильса, он все ждал, что она пришлет за ним.

Дверь веранды была видна только со стороны моря.

Однажды в Рейнснес пришло письмо с сургучной печатью. На имя Юхана.

Весенний день полнился криками чаек и голосами людей, снаряжавших карбасы для поездки в Берген.

Юхан стоял в лавке с письмом в руке. Там никого не было, поэтому он вскрыл письмо. В нем сообщалось, что ему наконец-то дали приход. Маленькое рыбацкое местечко в Хельгеланде.

Юхан ходил среди морских пакгаузов. Смотрел на причалы, дворовые постройки, большой господский дом и бывший дом Нильса, который уже начали называть Домом Дины. Слышал шум на берегу, где шла погрузка. Арендаторы, ребятишки, случайные люди. Зрители и помощники. И над всей этой суетой звучали властные голоса Андерса и штурмана Антона.

Насколько хватал глаз, вверх по склону, до перелесков, поля были уже зеленые. Фьорд и горы скрывались в молочном мареве.

Неужели он все это покинет?

Юхан смотрел на большой белый дом, окна залы как будто подмигивали ему, а по аллее навстречу ему шла Дина в красном платье. Волосы ее развевал ветер.

Глаза у Юхана вдруг наполнились слезами, и он отвернулся.

Письмо, которое он уже и не чаял получить, вдруг показалось ему приговором.

— Чего ты грустишь? — спросила Дина, подходя к нему.

— Мне дали приход, — беззвучно ответил он, пытаясь поймать ее взгляд.

— Где?

Он назвал место и протянул ей письмо. Она медленно прочитала его, сложила и посмотрела ему в глаза.

— Тебя никто не заставляет принимать его. — Дина вернула ему письмо.

Она читала его мысли. Видела его насквозь, понимала его обращенную к ней мольбу. О чем он вряд ли подозревал сам.

— Не могу же я оставаться в Рейнснесе.

— Ты нам нужен, — коротко сказала она.

Их глаза встретились. Ее — требовательные. Его — молящие. Полные вопросов, на которые она не давала ответа.

— Детям нужен учитель, — продолжала Дина.

— Но матушка хотела совсем другого…

— Твоя мать не могла заглянуть в будущее. Она не знала, кому ты можешь понадобиться. Она только хотела, чтобы ты занял свое место в

жизни.

— Думаешь, она бы не огорчилась?

— Нет.

— Ну а ты, Дина? Что такое пастор без прихода?

— Хорошо иметь в усадьбе своего пастора. — Она сухо засмеялась. — Между прочим, приход, который тебе дали, такой маленький, что это выглядит оскорблением.

В тот же день, позже, Дина проверяла по спискам все, что надлежало везти в Берген. Она ходила по пакгаузам и смотрела, что еще не погружено.

Из стены вышел Иаков, он был голый, его детородный орган был нацелен на нее, как копье.

Неужели она забыла, на что способен старик Иаков? Как глубоко проникал в нее? Как умел заставить ее кусать простыни, обезумев от страсти? Забыла, как он ласкал ее? Что по сравнению с ним этот пустослов русский? Почему бы ей не объяснить ему, какой был Иаков? Чем она докажет, что любовь русского слаще? Что руки у него нежнее?

Дина ощущала Иакова всем телом.

«Ну что ты тоскуешь по этому перекати-полю, который сам не знает, куда держит путь — в Берген или в Архангельск?!» — презрительно сказал Иаков. Динина рука с бумагами дрожала.

Я Дина. Юхан входит со мной в воду. Мы идем. Но он этого не знает. Я-то плыву. Потому что меня держит Ертрюд. Так мы наказываем Иакова. Наказываем Варавву.

В тот же вечер под предлогом, что им надо обсудить дела Рейнснеса и будущее Юхана, Дина принесла бутылку вина и пригласили Юхана на стеклянную веранду, освещенную полуночным солнцем.

Она хотела показать ему свой дом.

Должен же он наконец увидеть комнату, выходящую на море, в которой она спит.

Он пошел за ней. Главным образом потому, что не знал, как отказаться, не обидев ее. Ведь, наверное, у нее в мыслях было совсем не то, что у него… Дина никогда ничего не скрывала. При свете дня творила все, что хотела. Например, ей захотелось показать пасынку свою спальню. Наедине. И прижаться к нему так, чтобы он потерял рассудок и забыл все слова.

Она поймала его, как кошка полузадушенную ею птицу. Несколько

минут она держала его в когтях. Забавлялась его испугом, стоя между кружевными занавесками и кроватью. Подбиралась к нему все ближе и ближе. Наконец ее руки скользнули по его телу.

— Нет, Дина! Нет! — твердо сказал он.

Она не ответила. Прислушалась к тому, что делается на дворе. И жадно приникла к его губам.

Иаков вышел из стены и попытался спасти своего сына. Но было уже поздно.

Природа одарила Юхана не хуже, чем Иакова. Хотя он был не такой высокий и сильный, как отец.

Его орудие неожиданно оказалось большим и могучим и было покрыто синими прожилками, которые, словно сеть, удерживали то, что рвалось наружу.

Дина руководила им.

Юхану нечего было дать ей, кроме того, что он получил от Бога. Она раздела его, и в душе у него зазияла большая дыра. Он пытался скрыть ее от них обоих. Робко. Но ученик он был хороший. Ведь он был сыном не только Иакова, но и старика Адама.

И раз уж так случилось…

Потом Юхан лежал в мерцающем свете за белыми задернутыми занавесками, с трудом дыша, и думал о том, что предал Господа, свой приход и своего отца. Он чувствовал необыкновенную легкость и как орел парил высоко над морем.

Ему было мучительно стыдно, что он так открылся перед ней. Он не только излил в нее свое семя, он вообще был перед ней наг и ничтожен. И не знал, как перевести дух.

По Дине он видел, что грех этот ему придется нести одному. Наконец-то он понял, что таилось за его беспредельной тоской по дому, которая точила его в Копенгагене, понял, почему он не смел раньше вернуться домой.

Дина сидела и курила большую сигару, подол рубашки задрался. Она с улыбкой наблюдала за Юханом. Потом спокойно начала рассказывать о своей первой ночи с Иаковом.

Юхана замутило. Все было как во сне. Слова, которые она употребляла, и то, что говорила об его отце. Потом в нем проснулось любопытство. Он как будто заглянул в замочную скважину в спальне отца.

— Если ты станешь пастором, напрасно потеряешь время, — сказала она, откидываясь на подушки.

Он в ярости набросился на нее. Таскал за волосы. Разорвал рубашку. Расцарапал руки.

Она прижала его к себе, спрятала его лицо у себя между грудями и стала качать, как ребенка. Больше она ничего не сказала. Он был дома. Хуже уже быть не могло.

Худшее уже свершилось, и это было непоправимо.

Ушел Юхан не через заднюю дверь. Хотя люди уже проснулись и могли видеть его. Так велела Дина.

— Кто ходит через заднюю дверь, тот прячется, — сказала она. — А тебе прятаться нечего. Запомни это. Ты имеешь право приходить и уходить, когда я захочу. Рейнснес и все, что в нем есть, принадлежит нам.

Он потерпел кораблекрушение и нагой выбрался на острые камни. Солнце уже искупалось в море. И теперь струилось на поля.

Юхан не понимал детей. Он вообще никогда никого не понимал.

Мало того, у него не было опыта общения с ними. Он и не старался установить с ними связь.

Дети всегда пребывали в движении. Он не успевал слова сказать, как менялись их мысли, менялось положение их тел в пространстве.

Юхан не считал, что дети многое узнают во время занятий с ним.

Вениамин быстро научился сбивать с толку учителя и мешал Ханне. Или смешил ее.

Они занимались за столом в гостиной. Кое-какие книжные знания они все же приобрели, но главным образом научились составлять заговоры и обмениваться тайными знаками.

Они существовали в стане дерзких слов, переглядываний и всяческих подвохов.

Они читали катехизис и заповеди.

— «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего!» — тонким голоском выговаривала Ханна и водила пальчиком по строчкам.

— Юхан, почему у тебя нет ни жены, ни имения? — спросил Вениамин, когда Ханна на мгновение умолкла.

— Жены у меня нет, но имение есть, — коротко ответил Юхан.

— А где оно?

— Это Рейнснес, — с отсутствующим видом ответил Юхан и кивнул Ханне, чтобы она читала дальше.

— Нет, Рейнснес принадлежит Дине! — заявил Вениамин.

— И Дине, и мне, — поправил его Юхан.

— Но ведь вы не женаты!

— Нет. Дина была замужем за Иаковом, моим и твоим отцом.

— Но ведь Дина тебе не мать?

— Нет, однако мы вместе владеем и управляем Рейнснесом.

— Я никогда не видел, чтобы ты чем-нибудь управлял в Рейнснесе, — сказал Вениамин и захлопнул катехизис.

Не успев опомниться, Юхан влепил ему пощечину. На щеке Вениамина выступила красная полоска. Глаза стали похожи на черные пуговицы.

— Ты еще пожалеешь об этом! — крикнул Вениамин и пулей вылетел за дверь.

Ханна соскользнула со стула и, как тень, бросилась за ним.

Юхан стоял у стола, ладонь у него горела.

Юхан понял, что так продолжаться не может. Он вынул письмо с королевской печатью и с отвращением думал о своем положении.

Он часто ловил на себе косые взгляды, слышал вопросы: неужели до сих пор ему еще не дали прихода? Или он решил остаться в Рейнснесе? Ведь он столько учился, чтобы стать пастором, у него такая светлая голова!..

Ленсман прямо заявил, что взрослому человеку из хорошей семьи негоже служить учителем у своей мачехи. Юхан весь сжался и не знал, что на это ответить. Сын Ингеборг и Иакова не умел защищаться.

Юхан написал, что принимает приход. Он старался не заходить в контору и не оставаться с Диной наедине.

Последние дни перед отъездом Дина и Юхан были как чужие. Он заглянул в гостиную и буркнул, что прощание они отложат на утро. Андерс и матушка Карен растерялись. Решение Юхана принять приход было для них неожиданностью. Атмосфера была тягостная.

Стине встала и подошла к бледному молодому человеку в черном платье. Она взяла его руку обеими руками и сделала низкий реверанс.

Юхан был тронут, он повернулся и ушел.

Тут же ушла и Дина, не пожелав никому доброй ночи. Она нагнала Юхана на лестнице. И быстро ухватила за полу сюртука:

— Юхан!
— Что?
— По-моему, нам надо поговорить!
— Может быть.
— Идем! Пошли ко мне!
— Нет! — прошептал он, испуганно оглядываясь на стены, которые могли и слышать, и видеть их.
— Юхан!.. — позвала она.
— Дина, это большой грех…
Он осторожно передвигал ноги. И поднимался вверх по лестнице. Уже наверху он оглянулся и посмотрел на нее. Он весь взмок. Но спасся.
С той ночи она стала для него святой блудницей. Посланницей его страстей. Пусть живет в Рейнснесе и управляет тут всем, а он отправится служить Господу, как и хотелось его матери. Грех он заберет с собой и постарается искупить его. Он оправдывал себя тем, что Дина слишком неуемна в своей чувственности и совершенно не думает о том, что заняла место его матери. Всевышний не может не понимать, что есть предел, за которым человек не властен над собой.

Он уплыл с пароходом на другой день. Дина пришла проводить его на берег. В виде исключения. Как-то она сумела изобразить все так, будто он был обычным гостем, покидавшим Рейнснес.
Юхан вошел в лодку и в знак прощания поднял шляпу. Приказчик Петер оттолкнулся веслом от берега.

Вениамину было велено стучаться в дверь, если он хотел зайти к Дине. Так сказала Стине. Первые дни, после того как Дина переехала в новый дом, он плакал и отказывался спать. Потом разработал свою стратегию. Он прибегал к всевозможным уловкам, пускал в ход все свое обаяние, чтобы повелевать всеми женщинами в усадьбе. Начал он со Стине, но она тут же раскусила его замысел и одним взглядом привела его к послушанию.
Тогда он кинулся в объятия матушки Карен. Ведь она его бабушка. Правда? Только его. Не Ханны. Этим он заставил плакать и Ханну, потому что матушка Карен оказалась только его собственностью. С ее тростью с серебряным набалдашником, пучком на затылке, кружевным воротничком, брошкой и всем прочим. И Ханна еще раз поняла, что ее положение в этом доме зависит от настроения других, — когда этим другим было хорошо, они забывали, кто она, и не вспоминали о своих правах. Матушка Карен пожурила Вениамина, но вынуждена была признаться, что Ханне она

бабушка лишь понарошку. Еще была Олине. Ею нельзя было управлять, используя родство или ее положение в доме, зато Олине можно было очаровать, и тогда она забывала обо всем. Тогда Вениамину разрешалось сидеть на кухне и пить чай с медом, хотя на самом деле ему уже давно полагалось лежать в постели. Он часто подкрадывался босиком и, послушав у двери, одна ли Олине на кухне, составлял ей компанию в любое время.

Не забыл он и о Фоме. Но Фому Вениамин видел, только когда тот задавал корм лошадям. У Фомы было много обязанностей, и найти его порой было трудно. Вениамин поднимал на Фому большие серьезные глаза и просил разрешения посидеть на лошади, пока Фома ее запрягает или ведет в поле. А иногда просто вкладывал свою ладошку в большую руку Фомы и ходил вместе с ним.

Вениамин завел обычай залезать на стул и открывать в комнате окно, обращенное на Дом Дины. Он становился на подоконник и неподвижно стоял там, глядя на Динины окна.

Это привело к тому, что Стине стала чаще наведываться в комнату; она снимала Вениамина с подоконника и закрывала окно. Не говоря ни слова.

— Я хотел только поговорить с Диной, — жалобно оправдывался Вениамин, пытаясь снова влезть на окно.

— Дина не разговаривает с детьми так поздно, — говорила Стине и укладывала его в постель.

В конце концов Вениамина охватывала такая усталость, что он не мог даже сердиться. Лишь тихонько всхлипывал и не двигался, пока Стине читала вечернюю молитву. Потом она подтыкала вокруг него одеяло.

И ночь вдруг делалась шаром, наполненным светом и криками чаек. И Вениамин оставался один на один с подземными силами. Чтобы избавиться от них, он заставлял себя заснуть.

ГЛАВА 6

На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его.

Книга Песни Песней Соломона, 3:1, 2

В том году светлые ночи мешали Дине больше обычного. Люди слышали, как она то выходит из дому, то снова возвращается в дом. Мается, как зверь в клетке.

Это началось после отъезда Лео. После того случая, который показал, что в это лето Лео уже не вернется. Во фьорде бросила якорь русская лодья. Капитан и штурман привезли какой-то товар. Ящики и бочки. Все думали, что русские хотят что-то продать или обменять. Оказалось, это дары от безымянного друга.

Дина знала, кто этот безымянный друг и что отправил он эти дары потому, что не приедет сам.

Там были прочные веревки для Андерса и большой ящик с немецкими книгами для матушки Карен. Олине получила красивый воротничок с французскими кружевами. В рулоне, надписанном для Дины, были ноты для виолончели и фортепиано. Русские народные песни и Бетховен.

Дина заперлась у себя, предоставив матушке Карен и Андерсу самим принимать русских моряков.

Русские остались довольны приемом и задержались в Рейнснесе. Штурман немного говорил по-норвежски и занимал всех забавными историями.

Он был осведомлен в вопросах политики и торговли на севере и на востоке. Россия и Англия никак не могут договориться. Конечно, из-за Турции. Нелады с этими турками начались уже давно. Он только не знал, из-за чего именно.

Андерс слышал, что русский царь очень несговорчив, когда дело касается Турции.

— Нельзя считать себя правым только потому, что ты царь, — заключил Андерс.

На другой день Дина ужинала со всеми. Играла на пианино по новым нотам. Русские пели так, что дрожали потолочные балки. Подогрел настроение и пунш.

У бородатого штурмана было крупное лицо и живые глаза. Он был уже не первой молодости, но хорошо сохранился. Большие уши упрямо выглядывали из-под густых волос. В его руках приборы и рюмки казались кукольными.

Постепенно разговор оживился. После ухода матушки Карен сигарный дым поплыл по комнате.

В открытые окна доносились крики чаек. Мягкий свет ласкал грубую одежду моряков, подчеркивал задубелость их кожи, играл на золотистых щеках и в темных глазах Стине. Падал на руки Дины, летавшие по клавишам. И нежно прикасался к золотому обручальному кольцу Иакова, которое Дина носила на среднем пальце левой руки.

Гаги, которых пестовала Стине, склонив головы набок, с блестящими глазами и трепещущим на груди пухом прислушивались к голосам и звону бокалов. Стоял май, и небо на юге было еще новорожденное.

Дина попыталась узнать у русских, в каком городе они взяли на борт подарки от Лео. Сперва они долго не понимали ее. Она без конца повторяла свой вопрос.

Наконец штурман сказал, что они получили эти подарки в Хаммерфесте. С другой лодьи, которая шла на восток. Отправителя никто из них не знал. Но им было точно указано, куда все следует доставить. И еще им обещали, что им будет оказан радушный прием.

Новый управляющий лавкой в Рейнснесе энергично кивал головой. Это был тощий тридцатилетний человек с жидкими волосами. Сутулый и косоглазый. Он носил пенсне и цепочку для часов, но самих часов у него не было. Теперь, после праздничного обеда и трех бокалов пунша, он обнаружил новые стороны своей натуры. Он умел смеяться!

И прежде чем все успели опомниться, рассказал историю об одном торговце из Бремена, который видел у русских много распятий из мореного дерева и литографий. Они привозили их с собой на своих лодьях.

На другой год этот торговец взял с собой целый короб таких распятий и литографий, намереваясь выгодно продать в России. Но русские не стали их покупать. Он стал выяснять причину и узнал, что на его распятиях голова у Христа повернута влево, а не вправо и к тому же Он безбородый, как ребенок. Русским был не нужен такой немецкий Христос. Они не верили, что он может чем-нибудь помочь русским морякам. Однако

торговец не растерялся. Он тут же предложил свой товар норвежцам, и те охотно все раскупили за полцены, считая, что совершили выгодную сделку. Они были добрые лютеране, и потому безбородый Христос вполне их устроил. Вскоре эти распятия и литографии висели уже во всех домах на побережье.

Все смеялись. Андерсу в его поездках доводилось видеть такие распятия. Значит, управляющий не солгал.

У русского капитана создалось другое впечатление и о норвежцах, и о норвежской торговле.

Они выпили за торговое братство и гостеприимство. Потом выпили за ячмень из Кольской земли, который отличался замечательными свойствами и созревал быстрее, чем ячмень из других мест.

Через некоторое время гости и хозяева вышли, чтобы полюбоваться полуночным солнцем. Оно зацепилось за крутой склон, где погиб Иаков.

Дина попыталась еще раз расспросить о Лео штурмана, который немного говорил по-норвежски.

Но он сокрушенно покачал головой.

Дина поддала камень ногой, нетерпеливым движением разгладила юбку и попросила штурмана передать Лео поклон и сказать, что его ждут еще до Рождества. Если он не приедет, подарки ему не помогут.

Штурман остановился и взял ее руку:

— Терпение, Дина из Рейнснеса. Терпение!

Вскоре Дина пожелала всем доброй ночи. Она пошла в конюшню и отвязала Вороного. Вороной был недоволен.

Она нашла обрывок веревки, подвязала юбки, вскочила на Вороного и направила его вверх по склону через березовую рощу. Вместо шпор она пользовалась носком башмака. Вороной вытянул шею и заржал. Весенний ветер подхватил его гриву. И они полетели.

На скалах возле причала стояли русские моряки и смотрели вслед хозяйке Рейнснеса. Штурман решил, что она даже более русская, чем их женщины.

— Слишком мужеподобна, — заметил капитан. — Курит сигары и сидит на лошади, как мужик!

— Но у нее красивые розовые ногти! — сказал второй штурман и громко рыгнул.

Они сели в лодку и направились к своей тяжелой лодье.

Она чуть-чуть покачивалась на волнах. Было безветрие.

Их голоса далеко разносились в тишине. Они звучали стройно, напевно,

незнакомо. Почти нежно. Словно убаюкивали ребенка.

Той майской ночью Дина приняла решение. Она поедет со шхуной в Берген. Теперь уже она могла и заснуть.

Повернув Вороного, Дина поехала домой.

Болота цвели. На березах у ручья появились листочки, маленькие, словно мышиные ушки.

Из кухонной трубы поднимался тонкий дымок. Значит, Олине уже встала и готовила завтрак.

Когда Дина снимала башмаки, явился Иаков. Он напомнил ей, как они вместе ездили в Берген. Об их скачке в постели на постоялом дворе в Грётёйе.

Но Иаков явно боялся, что она уедет. Ведь в Бергене столько мужчин. По всему побережью много мужчин. Всюду одни мужчины.

Когда шхуна была уже оснащена и нагружена, Дина объявила, что тоже едет.

Матушку Карен эта новость испугала — до отъезда оставалось всего три дня.

— Как ты можешь ни с того ни с сего бросать дом, милая Дина?! Это же безответственно! Управляющий лавкой — человек новый, ему еще нельзя доверить всю бухгалтерию и товары. И кто будет руководить сенокосом и ходить за скотиной, если Фома тоже уедет?

— Человек, который каждую субботу в любую погоду по любой дороге идет через горы, чтобы навестить своего отца, и возвращается обратно каждое воскресенье, как-нибудь справится с мертвыми вещами, что хранятся в ларях и на полках. А Фома… Фома останется дома.

— Но, Дина, он же просто бредит этой поездкой!

— Будет, как я сказала. Раз я уезжаю, он тем более необходим здесь.

— Но с чего тебе вдруг понадобилось в Берген? Почему ты не сказала об этом раньше?

— Мне надо вырваться отсюда. — Дина хотела уйти. Она стояла в комнате у матушки Карен. Старушка сидела у окна в мягком вечернем освещении. Но в ней самой мягкости не было.

— У тебя слишком много забот, милая Дина. Тебе надо отдохнуть. Я понимаю… Но ведь поездка в Берген — это не развлечение. И ты это знаешь.

— Я не собираюсь гнить в Рейнснесе год за годом. Мне хочется увидеть что-нибудь новое!

Слова были как крик. Словно Дина лишь сейчас поняла, что ей нужно.

— Я видела, что не все так уж ладно… Но до такой степени…

Дина не уходила, но нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

— Ведь ты сама много ездила в молодости, матушка Карен!

— Да.

— Скажи, разве справедливо, что я прикована к одному месту на всю жизнь? Я должна быть свободна, а то я за себя не ручаюсь… Ты понимаешь?

— Я понимаю, тебе кажется, что жизнь обошла тебя стороной. Может, тебе следует найти себе мужа? Ты бы ездила почаще в Страндстедет. К ленсману. К знакомым в Тьелдсунд.

— Там я мужа не найду. Мужчины, которых стоило бы привезти в Рейнснес, не растут на березах в Тьелдсунде или в Квефьорде! — сухо сказала Дина. — Ты сама так и осталась вдовой, после того как приехала в Рейнснес.

— Да, но у меня не было усадьбы, постоялого двора и судов. На мне не лежала ответственность за людей, животных и торговлю.

— Я не собираюсь мотаться по округе и искать кого-нибудь, кто начнет меня учить, что и как нужно делать в Рейнснесе. Лучше уж просто уехать…

— Но почему ты так быстро все решила, милая Дина?

— Нужно делать что решишь, пока в тебя не закрались сомнения, — ответила Дина.

И ушла.

Фома собирался в дорогу. Он еще никогда не бывал за пределами прихода. Им владело нетерпение. По телу бежали мурашки, словно он лежал на можжевеловых ветках.

Он рассказал о предстоящей поездке людям, которые приходили в лавку. Побывал дома в Хелле и получил благословение родителей и подарки от сестер. Олине и Стине, каждая на свой лад, позаботились, чтобы в дороге он ни в чем не нуждался. Он чистил скребницей лошадей и объяснял новому конюху все, что тому следует делать.

В конюшню пришла Дина.

Некоторое время она следила за его работой, потом дружелюбно сказала:

— Когда закончишь, приходи ко мне на стеклянную веранду и захвати с собой малинового соку.

— Спасибо, приду! — Фома опустил скребницу. Новый конюх, мигая, смотрел на него. Он был преисполнен уважения к Фоме, которого Дина

пригласила к себе на стеклянную веранду.

Фома шел и думал, что наконец-то дождался признания. Встречи. Но услышал от нее только трезвые слова, что он не может ехать в Берген, потому что нужен дома.

— Но, Дина! Почему? Ведь я уже все обдумал и подготовил, дал людям задания, нанял нового конюха, который знает работу и в хлеву, и в конюшне! Мой отец придет в Рейнснес на сенокос. И Карл Улса из Нессета тоже. Да еще с двумя сыновьями. Они будут работать на совесть, чтобы отработать свою повинность. Я не понимаю!..

— Чего тут понимать? — коротко бросила Дина. — Я сама еду. А это значит, что ты должен остаться!

Фома сидел на стуле у открытых дверей веранды, перед ним стоял стакан с недопитым соком. Солнце светило ему прямо в лицо. Он вспотел.

Наконец он встал. Схватил шапку и отодвинул стакан с соком подальше от края стола.

— Ах вот как! Значит, ты едешь сама! И потому нельзя ехать мне? С каких это пор я вдруг стал тут незаменим, позволь спросить?

— Ты не незаменим, Фома, — тихо сказала Дина. Она тоже встала. И была на целую голову выше его.

— Что ты хочешь этим сказать? Почему тогда…

— Незаменимы только те люди, которые делают свое дело, — жестко сказала она.

Фома повернулся и пошел. Миновал дверь. Спустился по ступенькам крыльца, крепко сжимая белые перила, лежавшие на резных балясинах, выкрашенных охрой. Он как будто сжимал шею врага. В людской он сел на свою кровать и задумался. Ему хотелось взять свой мешок, сундук, распрощаться со всеми и отправиться в Страндстедет, чтобы подыскать себе новое место. Но кто возьмет работника, сбежавшего из Рейнснеса без всякой на то причины?

Он зашел на кухню к Олине. Она уже все знала. Не стала ни о чем спрашивать, а налила ему кофе с водкой, хотя до вечера было еще далеко. Вид у этого парня с разными глазами был неважнецкий.

Фома молчал, пока Олине месила тесто. Наконец она не выдержала:

— Для рыжего ты даже слишком смел и умен, я так считаю.

Он взглянул на нее глазами обреченного человека. И все-таки у него хватило сил улыбнуться. Горький смех, родившийся где-то в глубине, вырвался наружу.

— Дина вдруг решила, что хорошо бы ей съездить в Берген, а это

значит, что я должен остаться дома! Ты уже знаешь об этом?

— Кое-что слыхала.

— Можешь объяснить мне, в чем дело? — тяжело спросил он.

— Теперь, когда нет Нильса, Дина принялась мучить тебя.

Фома вдруг побледнел. В кухне сделалось неуютно.

Он поблагодарил за кофе и ушел. Но не в Страндстедет.

В тот день, когда шхуна ушла на юг, Фома был в лесу.

ГЛАВА 7

Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне.

Книга Песни Песней Соломона, 5:6

Все говорили только о войне. Прежде всего она отразилась на квашне с тестом. Белое море в то лето было блокировано англичанами, и русские лодьи с мукой не пришли. Уже давно ходили слухи, будто положение настолько серьезно, что купцы в Тромсё собираются сами идти на восток. Люди не могли взять в толк, почему от войны в Крыму должны страдать жители севера.

А тем временем шхуна «Матушка Карен» готовилась выйти в Берген. Когда-то она обошлась Иакову в три тысячи талеров. Он приобрел ее в тот год, когда в Фагернессете услыхал, как Дина играет на виолончели.

Длина киля у шхуны была двадцать четыре локтя, и она могла принять до четырех тысяч вогов рыбы.

Иаков считал, что совершил удачную покупку, и был очень доволен.

Команда, как правило, состояла из десяти человек.

Шли годы. Шхуна успела потемнеть, но и теперь, полностью загруженная, она спокойно ждала последние корзины с продовольствием, попутных пассажиров и матросов. Она была сработана на совесть и могла нести свой груз в любую погоду. Широкий остов, клепаные шпангоуты, солидные гвозди выдерживали любую нагрузку.

На обрезанной корме находилась белая каюта с круглыми иллюминаторами. Иаков попросил одного знакомого из Раны вырезать орнамент в стиле рококо и древненорвежской резьбы. Он не любил новомодный обычай делать квадратные окна. На судне квадрату не место, считал он. Это претит морским духам и богам.

Андерс не противоречил ему. Его больше интересовали паруса, штурвал и грузоподъемность. Так было и теперь. В каюте были две койки и стол. Каждая койка задергивалась пологом и была достаточно широка, чтобы в случае необходимости на ней могли поместиться двое.

Каюту заняли Дина и Андерс. Перед самым отходом штурману Антону пришлось перебраться в тесный кубрик на носу шхуны. Но это его не

обидело.

Над каютой и кубриком лежала прочная палуба с небольшим возвышением. А вообще — то шхуна была открытая, и думали здесь не об удобствах, а как бы взять побольше груза.

Шхуну снаряжали опытные руки.

Внизу в трюме стояли тяжелые бочки с рыбьим жиром и лежали связки кожи. Сушеная рыба была уложена вокруг мачты. Она была плотно укрыта от сырости и морских брызг.

Вдоль бортов, от каюты до кубрика, был сделан широкий тесовый настил, предохраняющий груз от волн и дождя.

Мачта была особой гордостью Иакова. Сделанная из цельного ствола, она высоко возносилась над поручнями. Иаков сам ездил за ней в Намсус. Она крепилась шестью вантами, не считая бакштагов и штагов. Нижняя часть мачты входила в гнездо и крепилась могучими деревянными блоками.

Прямой парус имел в ширину двенадцать метров, а в высоту — шестнадцать. В случае непогоды его можно было зарифить, а в сильный шторм и вовсе убрать.

И наоборот: поставив топсель, поверхность паруса можно было значительно увеличить. Тут уж хватало работы для всей команды.

На флагштоке на корме развевался старый Даннеб-рог*1*[12] с норвежским львом. Это было сделано в честь матушки Карен. Она не могла примириться со шведским королем Оскаром. Считала, что он слишком легковесен, но подробнее свою мысль не объясняла. Они с Андерсом много спорили на эту тему. Но Даннеброг так и остался на «Матушке Карен», хотя у всех на побережье вплоть до самого Бергена это вызывало улыбку. В Рейнснесе считались с желанием матушки Карен, ссориться с крестной матерью судна было чревато несчастьем.

Штурмана звали Антон Донс. Это был плотный, невысокий человек, очень умный и обладавший чувством юмора. Но шутить с ним не решался никто. Характер у него был трудный. Примерно раз в год у штурмана случался приступ бешенства, как правило во время поездки в Берген. Особенно если кто-нибудь из команды позволял себе неуместные шутки.

Водка в море считалась смертным грехом. Повинного в этом грехе штурман мог вздуть собственноручно. Он не ждал, пока бедняга протрезвеет и начнет соображать. Так что одно похмелье на «Матушке Карен», которой командовал Антон, было куда тяжелее, чем семь похмелий на суше среди лошадей и баб.

Хороших штурманов на свете не так-то много, приходилось принимать Антона таким, каким он был. Зато побережье он знал, как пробст Библию, — в этом не сомневался никто.

При сильном ветре Антон становился суров и молчалив, но во время шторма, казалось, вступал в сговор и с Богом и с дьяволом.

Говорили, будто в молодости Антон однажды так прочно посадил судно на скалы, что просидел на них трое суток, пока его не сняли. Этого ему хватило на всю жизнь.

Нужно было обладать большим мастерством, чтобы вести «Матушку Карен» с ее сложным такелажем. Особенно при сильном и неблагоприятном ветре. В таких случаях бесполезно обращаться к Богу за помощью, если на судне нет опытного штурмана. Такого, который знал бы все рифы и шхеры и правильно определял скорость и направление ветра.

Ходили слухи, что однажды Антон привел шхуну из Бергена в Тромсё за шесть суток. А для этого одного попутного ветра было бы мало, смеялся Антон.

Вениамин стоял у окна в Доме Дины и смотрел на суету возле «Матушки Карен». Он злился и был безутешен.

Сундук Дины уже увезли и поставили в каюту. Дина поедет далеко-далеко, в Берген. Вениамин не мог смириться с этой мыслью.

Дина должна всегда быть в Рейнснесе. Иначе мир рухнет.

Он испробовал все уловки. Плакал и бранился. Его тело словно скрутило штопором, когда он узнал, что Дина отправляется в Берген.

Она не смеялась над проявлением его гнева. А только твердо положила руку ему на затылок и молча сдавила его.

Сперва Вениамин не понял, что это должно означать. Но потом догадался — это следовало считать утешением.

Она не обещала ему интересных подарков, не говорила, что скоро вернется. Не объясняла, что ехать ей необходимо.

И когда он швырнул ей в лицо, что женщины не ездят в Берген, она спокойно сказала:

— Ты прав, Вениамин, женщины не ездят в Берген.

— Тогда почему же ты едешь?

— Потому что я так решила. Ты можешь пока жить в моем доме, будешь охранять виолончели и все остальное.

— Нет, в твоем доме привидение!

— Кто тебе это сказал?

— Олине.

— Можешь передать Олине, что привидений тут столько, что они все легко спрячутся в ее наперстке.

— Здесь повесился Нильс!

— Ну и что?

— Значит, есть привидение!

— Нет. Нильса сняли, положили в гроб и похоронили на кладбище.

— Это правда?

— Конечно. Ты сам должен помнить.

— Откуда ты знаешь, что он не приходит сюда?

— Я живу в этой комнате и вижу эту балку днем и ночью.

— Но ведь Иаков приходит к тебе сюда? Всегда, хотя он тоже умер!

— Это другое дело.

— Почему?

— Иаков — твой отец. Он не может доверить ангелам присматривать за тобой, они такие непоседливые!

— Я не хочу, чтобы сюда приходил Иаков! Он тоже привидение! Скажи ему, чтобы он уехал с тобой в Берген!

— Он будет мне там мешать. Но уж так и быть, возьму его с собой!

Рукавом рубашки Вениамин размазал по лицу слезы и сопли, он совсем забыл, что такие вещи Дину не раздражают. На это сердилась Стине.

— Ты должна передумать и остаться дома! — крикнул он, когда понял, что разговор принял непредвиденный поворот.

— Нет.

— Тогда я поеду к ленсману и скажу, что ты уезжаешь! — выпалил он.

— Ленсмана такие вещи не интересуют. Засучи рукава, Вениамин, и помоги мне отнести на шхуну картонку со шляпами.

— Я брошу ее в море!

— Это не поможет.

— Все равно брошу!

— Я слышала, что ты сказал.

Он схватил картонку обеими руками и в ярости потащил к двери.

— Когда ты вернешься, меня здесь не будет! — торжественно объявил он.

— А где же ты будешь?

— Не скажу!

— Тогда я не смогу найти тебя.

— Может, к тому времени я уже умру!

— Значит, у тебя будет короткая жизнь.

— Плевать я на это хотел!

— Никто не плюет на свою жизнь.

— А я плюю! И буду ходить тут привидением! Так и знай!

— Очень хорошо, значит, я не совсем тебя потеряю. Он еще долго всхлипывал, пока они шли к причалам и пакгаузам.

Не доходя до горстки людей, которые ждали Дину, чтобы проститься с ней, Вениамин жалобно проговорил:

— Дина, когда ты вернешься домой?

Она наклонилась к нему и снова твердо положила руку ему на затылок, а другой рукой взъерошила ему волосы.

— К концу августа, если ты будешь молиться и просить, чтобы Господь послал нам хорошую погоду, — нежно сказала она.

— Я не буду махать тебе на прощание!

— Этого я не могу от тебя требовать, — серьезно сказала Дина и повернула к себе его лицо. — Можешь идти и лягать камни ногой, это помогает.

Так они расстались. Он не обнял ее. Просто убежал обратно. Полы его рубашки развевались, как крылья.

В тот день он не хотел видеть даже Ханну.

Вечером с ним не было сладу, потом он спрятался, и все искали его. Он получил нагоняй, зато привлек к себе всеобщее внимание. Наконец он нашел утешение в объятиях Стине.

— Дина — дерьмо! Плевать я на нее хотел! — не унимался он, пока его не сморил сон.

«Матушка Карен» в том году рано вышла в море. Андерс уже побывал на Лофотенах. Там он снарядил для лова суда хельгеландцев и рыбаков из Салтфьорда.

Всего он обеспечил снаряжением двадцать артелей и привез домой тяжелый груз рыбы, икры и печени. Кроме того, он сдавал в аренду необходимое снаряжение двум артелям и имел долю в добыче.

Когда он вернулся, Дина с удовлетворением ткнула его кулаком в бок. Они понимали язык друг друга.

Андерс внимательно следил за тем, чтобы контракты на фрахт составлялись по всем правилам. Если у него было недостаточно места и он опасался, что не сможет доставить груз в сохранности, он передавал фрахт другому шкиперу.

Как-то раз один фрахтователь из Страндстедета обманул Андерса и отдал свою сушеную рыбу шкиперу из Квефьорда. Дина потребовала возмещения за убытки, которые понесла, не получив обещанного ей

фрахта, и получила его.

Ходили сплетни, что дочери ленсмана было легче получить возмещение, чем кому-либо другому.

Так совпало, что в Берген шли сразу несколько шхун. Две пришли с севера и догнали рейнснесцев, потому что шли быстрее их. Еще три присоединились к ним в Вестфьорде. Погода была сносная, ветер северо-восточный.

Настроение на шхуне было приподнятое. У каждого было свое дело — каждый следил за сохранностью порученной ему части груза. Свет позволял им идти не только днем, но и ночью. Вахтенные сменялись круглые сутки.

Товары из самого Рейнснеса занимали в трюме отдельное место. К ним относились десять бочонков гагачьего пера и пуха, собранного и очищенного Стине. Пять анкеров [13] морошки, которую Олине запарила и засыпала сахаром. Всю зиму, пока морошка стояла в погребе, Олине следила, чтобы плесень не попортила ценный товар. Пятьдесят оленьих шкур и два анкера оленины, купленных и выменянных у лопарей, которые проходили мимо и получили за свой товар другие продукты. Фома отправил в Берген куропаток и лисьи шкурки. Кроме того, семьдесят пять бочонков рыбьего жира и две тысячи вогов сушеной рыбы.

Дина часто стояла на палубе и смотрела на проплывавшие мимо острова и горы. Она вдруг изменилась. Ветер улыбался ей, и все, что в Рейнснесе донимало и сердило ее, вдруг показалось не стоившим выеденного яйца.

— Хотела бы я жить как ты, Андерс! — крикнула она, стоя в дверях каюты и глядя, как Вест-фьорд раскрывается перед ними, превращаясь в безбрежный океан.

Андерс оглянулся на нее, сощурившись от яркого солнца. Большой, упрямо выдвинутый вперед подбородок. И продолжал заниматься своим делом.

Они с Диной делили каюту и стол. Иногда вместе выпивали по кружке пива. Отношения у них были дружеские, их связывали определенные обязательства. Андерса нисколько не смущало соседство женщины у него в каюте. Он относился к этому равнодушно. И вместе с тем не забывал, что Дина женщина. Он всегда стучал в дверь и дожидался, чтобы она разрешила ему войти. И не бросал как попало, а аккуратно развешивал в каюте свою одежду. Первый раз, когда Дина плавала с Иаковом, в кубрик к

команде переселялся Андерс. Они с Иаковом получили каюту в свое полное распоряжение. И потому даже не замечали, если ветер в Вестфьорде вдруг усиливался. На этот раз Иакову пришлось довольствоваться палубой. А Дина глазами волчицы поглядывала на упрямый подбородок и мягкие губы Андерса.

ГЛАВА 8

Он спасает бедного от беды его и в угнетении открывает ухо его.
Книга Иова, 36:15

Туман меховыми шапками лежал на семи горах Бергена. Штурман знал точно, к какому причалу им следует подойти. Их обступили знакомые запахи и картины. Как долго они гнали их от себя! Теперь же они нахлынули с новой силой. Точно половодье старых надежд.

Матросы делали свое дело, упиваясь видом обетованной земли. Причалы! Город! Шхуны и карбасы! Веселые крики матросов, летящие над Вогеном, и грохот колес по брусчатке.

Время от времени перед распахнутыми воротами морских пакгаузов жалобно взвизгивали тали. Пакгаузы стояли плечом к плечу. Величественные и неизбежные, как вечный ландшафт, прислонялись они друг к другу по берегам всего Вогена. Серая королевская крепость казалась великаном, улегшимся здесь до конца времен. Великан зорко следил за жизнью города. Неподвижный сородич самих гор.

Они еще не успели толком пришвартоваться, как их уже окружили лодки.

Бойкие и веселые бергенки предлагали им свои крендельки и плюшки. Под веселые крики торговкам помогли подняться на борт. Они крепко держали свои корзины. И казалось, скорее позволят бросить себя за борт, чем отдадут задаром хотя бы одну плюшку. Удачно распродав товар, они улыбались во весь рот под сдвинутыми на глаза платками и чепцами. Торговлю скрепили плюшками, отданными сверх платы, и вполне безобидным флиртом.

Через поручни перешагнула молодая девица. В ярко-синем шелковом чепце, украшенном пурпурным петушиным пером, и светло-зеленом бумазейном платье. Элегантным бергенкам было бы за нее стыдно.

Дина вздрогнула при этом зрелище. Улыбаясь, она обменялась взглядом с Андерсом, который удостоился доверия и кренделькoв этой разодетой девицы.

Солнце сверкало, точно новенькая монета. Матросы надели белые рубашки. Причесали смоченные водой волосы и застыли без шапок в

ожидании торжественной минуты.

Впереди у них был праздник.

Дина надела широкополую шляпу и зеленый дорожный костюм. Ради такого случая она заколола волосы в пучок. Время от времени непослушные пряди выбивались из-под полей шляпы.

Андерс подтрунивал над ее парадным костюмом и над прической.

— Вот теперь ты настоящая капитанская вдова, Дина! — с восхищением сказал он, когда она вышла на палубу. — Ты наверняка поднимешь в цене нашу рыбу!

Она глянула на него сияющими глазами и проплыла по трапу через соседнюю шхуну. Но когда они уже шли по набережной вдоль причалов, она крепко держала его под руку.

Их встречали незнакомые запахи. Если так пахло море, то запах у него здесь был совсем другой, чем в Рейнснесе. К нему примешивался гнилой, тошнотворный дух сточных канав, просмоленных судов и рыбы. Лавки на набережной ломились от всевозможных товаров. И все это пронзительно пахло городом.

Перед мастерской, в которой, по-видимому, продавали и чинили повозки, под яркими лучами солнца стоял аккуратно одетый господин. Он опирался на зонтик и сердито разговаривал с хозяином. Господин гневно показывал на лошадь, которая была выпряжена из повозки и ела из мешка сено. Он обвинял мастера в том, что тот продал ему никудышные хомутные затычки.

Дина потянула Андерса за руку и остановилась, внимательно слушая перебранку. Хозяин стоял на своем. Но он был не такой искусный спорщик, как господин.

Неожиданно Дина подошла к ним.

— Хомутные затычки нужно делать из ивы, — вмешалась она.

Мужчины как по команде повернули головы и уставились на нее. Обиженный господин был так поражен, что забыл, о чем говорил с хозяином.

Хозяин же, напротив, кашлянул, поклонился и сказал, что Дина совершенно права.

— Ива гибкая, — сказала Дина. Она подошла поближе и внимательно осмотрела хомутную затычку.

Мужчины не спускали с нее глаз. Они так ни до чего и не договорились. Их спор увял на солнце.

— Эта затычка сломана, вот тут сучок. — Дина выковырнула обломки

и отдала хозяину.

Тот подхватил их черной, просмоленной рукой. Дина кивнула и, не оглядываясь, пошла к Андерсу. Ее провожало молчание.

Трактиров в городе было видимо-невидимо. Гостиниц и постоялых дворов тоже.

Один сторож ходил и кричал, что знает, где лучше всего остановиться. Взмахнув рукой, он низким голосом называл сразу несколько гостиниц. Было видно, что ему за это заплатили.

Рыбный рынок напоминал муравейник. Дух тут стоял куда более тяжелый, чем весной в хлеву. Торговки громко выкрикивали свою цену. Звонкие голоса, красные лица. Высокие груди, несмотря на жару, были крест-накрест перевязаны шерстяными шалями.

Здесь сословные различия бросались в глаза сильнее, чем дома в церкви. Яркие платья торговок и поденщиц брали верх надо всем. Кое-где проплывали белые кружевные платья под широкополыми соломенными шляпами, украшенными лентами, розетками и бантами. Стук каблучков смешивался с грубым стуком деревянных башмаков или мягким шарканьем меховой обуви.

Кто-то без конца повторял, что нужно к ужину купить копченого лосося и морских языков.

Они вышли к бульварам с богатыми особняками, к которым вели широкие подъезды и подстриженные живые изгороди.

Дина все время была чем-то недовольна. Андерс не мог понять, в чем дело, но почему-то смущался, если кто-нибудь в это время проходил мимо.

Неожиданно Дина стала рассказывать, как они с Иаковом жили в одной из лучших гостиниц.

Они развлекались тем, что все время к чему-нибудь придирались. То к умывальнику, который был не больше обыкновенной миски. То к отсутствию сливочника — сливки в кофе приходилось наливать ложкой.

О рюмках для яиц хозяин и не слыхивал.

По их вежливым, но высокомерным жалобам все в гостинице решили, что они англичане.

Этого Иаков стерпеть не мог, он высказал в буфетной все, что об этом думает, и объяснил, кто он и откуда.

Прислуга в гостинице сразу изменила к ним отношение. Наутро сливки к кофе им подали в сливочнике.

Пока Дина рассказывала эту историю, рядом остановился экипаж и

кучер предложил им свои услуги. Дина покачала головой. Андерс поблагодарил и отказался.

Они поднимались вверх по крутым улочкам, которые становились все уже. Дина натерла ноги, они нашли скамейку под деревом и сели. Перед ними расстилался весь город. Андерс объяснял и показывал. Там — Бергенсхюс, крепость с королевским дворцом и башней. Воген со всеми судами и перекинутыми между ними трапами. Часть судов стояла на якоре на рейде. Несколько пароходов, выбрасывая клубы черного дыма, скользили на фоне светлого неба. Какая-то шхуна подошла с зарифленными парусами и заняла свободное место.

Дина и Андерс начали медленно спускаться, нашли извозчика и доехали до причалов. Они торопились, так как были приглашены к купцу. Пренебречь приглашением было бы неучтиво.

— Надо соблюдать приличия, — напомнил Андерс. На пристани он показал Дине шхуны из Хьеррингёйя, Хусбю, Грётёйя. Сразу за причалами стояла церковь, ее зубчатый профиль с двумя шпилями на башнях вырисовывался на фоне неба.

— Церковь Девы Марии, — сказал он.

Их взгляды встретились. Словно они впервые увидели друг друга.

— Никогда раньше ни с кем никуда не ездил! — смутился он.

— Ты хочешь сказать, что никогда не ездил с женщиной?

— Да. Это совсем другое дело.

— Почему же?

— Ты видишь то, чему я раньше не придавал значения. Спрашиваешь о вещах, о которых я ничего не знаю.

— Удивительный ты человек, — вдруг решительно сказала Дина. — Нильсу повезло, что у него был такой брат.

Торговцы и владельцы постоялых дворов были посредниками между бергенскими купцами и фрахтовщиками. И хотя цены в Бергене редко совершали драматические взлеты или падения, всегда возникало некоторое напряжение, когда решался вопрос, с какими новостями гости вернутся домой. Фрахтователям было хорошо — они были избавлены от необходимости торговаться. Нередко случалось, что рыбаков надували.

Купцы же и владельцы шхун, напротив, давно постигли все хитрости. У них было достаточно времени и опыта, чтобы дождаться наиболее выгодного предложения. И они знали, с кем из бергенских купцов выгодно иметь дело.

Гостей угощали в конторе купца кашей с сиропом. Предложили всем пенковые трубки. Разговор шел о пустяках.

У купца был большой живот и одним подбородком больше того, чем его снабдил Господь. Его имя часто упоминалось в Рейнснесе. Господин Раш! Дина много лет подряд вела счет его цифрам.

В прошлый раз господина Раша сопровождала величественная пышногрудая жена. Купец сказал, что она умерла от какой-то непонятной болезни. Бедная женщина вся высохла и сморщилась, как забытое яблоко. Говорили, будто у нее в семье были душевнобольные. Но купец отрицал эти слухи и утверждал, что они пущены по злобе. Сам он считал, что у жены было что-то с желчным пузырем. Так или иначе, он вдовеет уже четвертый год. У жены были богатые родственники в Хардангере, которые оставили ей большое состояние. Но в Бергене все сильно преувеличивают размеры наследства.

Дина, Антон и Андерс ничего о наследстве не слыхали. Они жадно ловили все слухи, которые ходили о несчастном вдовце.

В этом мире не осталось ничего святого. Никому нет дела до человеческих страданий. Жалкие времена.

Лицо у господина Раша побагровело после длинного монолога. Второй подбородок грустно покачивался на манишке из стороны в сторону. Туда. Сюда.

Дина не могла оторвать от него глаз. Господин Раш ей даже нравился.

Он со своей стороны вспомнил молодую Дину Грёнэльв.

— Таких женщин не забывают! — прохрипел он и игриво посмотрел на нее.

Постепенно Андерса, Антона и Дину отделили от остальных гостей и пригласили в «личные покои», как сказал господин Раш.

Андерс не ошибся: на столе тотчас появился пунш. Купец приказал подать Дине мадеру, но она отказалась. Она предпочитает стакан пунша и трубку.

Господин Раш был поражен, но отнесся добродушно к Дининой прихоти. Он сам набил ей трубку и рассказал об одной датской дворянке, которую знал в молодости. Она тоже курила трубку и носила мужские шляпы.

— Я не хочу вас сравнивать, — весело кивнул он Дине, — но, наверное, у вас на севере трудно заказать приличную шляпу?

— Нисколько! Мы заказываем по рисункам через нашего посредника в Бремене. Шляпы и кафель мы получаем из Бремена, книги и ноты — из

Гамбурга. Картины — из Парижа. У матушки Карен очень строгий вкус. — Дина улыбнулась.

Андерс забеспокоился и предостерегающе посмотрел на нее. Но она почти вплотную подошла к господину Рашу и доверительно взяла его под руку.

Через минуту он уже растерянно улыбался и зажигал ей трубку. Потом пригласил их в гостиную, где они могли бы обсудить «дела земные», как он выразился.

Дина внимательно следила за тем, как Андерс договаривается о цене и размере сделки. Он рассказывал о качестве и количестве привезенной рыбы, икры, кожи и пуха.

Но в разговор она не вступала.

Глаза у Андерса были такие честные, что могли повергнуть в сомнение любого торговца. Однако было видно, что эти двое не первый раз имеют дело друг с другом. Лицо Андерса сияло как луна, когда он называл свою цену. Если ему в ответ предлагали слишком низкую цену, он с честным видом качал головой. Он держался почтительно, словно беседовал с пастором. И твердо, как на судне, когда отдавал приказы, от которых зависела их жизнь.

Господин Раш многозначительно вздыхал и твердил, что надо договориться о средней цене. Это был обычный ритуал. Он повторялся каждый год. Так велось издавна. Наконец господин Раш ударил Андерса по плечу, поклонился Дине и добродушно заметил:

— Когда мы произведем расчет, может статься, что из нас двоих богаче окажется фру Дина Грёнэльв из Рейнснеса.

— Мы заключаем торговую сделку, а не считаем капитал друг друга, — напомнила ему Дина.

Андерс снова забеспокоился.

— Богатство — вещь сложная. Оно, как и любовь, — случайный дар, — добавила Дина, пристально глядя на господина Раша.

Он отвел взгляд. Растерялся. Ему было непривычно вести дела с женщиной. Что-то его смущало. Эту вдову из Нурланда не разберешь. У него было неприятное чувство, будто она смеется над ним. Но уличить ее в этом он не мог. Однако сделка была выгодная. Особенно это касалось сушеной рыбы. Как и предсказывал Андерс.

Швейную машину для Стине они приобрели с приличной скидкой благодаря связям господина Раша.

В благодарность они преподнесли ему бочонок пареной морошки. В

придачу, как сказал Андерс.

Пока судно разгружали и загружали снова, Дина одна бродила по городу.

Ей захотелось взглянуть на больницу для прокаженных, о которой много рассказывала матушка Карен.

Она трижды прошла мимо ворот. Словно преодолевая самое себя. Чтобы рассказать матушке Карен, что она исполнила свое обещание — вознесла Господу молитву за больных людей. Хотя молитвы и не получилось.

Я Дина. В Книге Ертрюд написано, что Иов удивлялся, почему Господь так строг к людям, жизнь которых столь коротка и полна невзгод. Иов много страдал. Он не понимал, почему Господь наказывает правоверных и оставляет без наказания безбожников. Иов потратил много времени и сил, пытаясь понять свою судьбу. Здесь же больные с их язвами ходят среди четырех стен. И не требуют к себе такого внимания, какого требовал Иов.

Перед дверью каждого дома в Бергене стояла бочка с водой. Наконец Дина спросила у хозяйки одной лавки, что означает этот обычай.

Хозяйка ответила, что это из-за пожара, который случился весной. В городе все очень боятся пожаров.

— Сразу видно, что вы не из Бергена, — сказала хозяйка.

Дина улыбнулась. Нет, она не из Бергена.

Но ведь только ребенок может думать, будто бочка воды спасет его, если вспыхнет пожар.

Хозяйка поджала губы, но промолчала.

Дина купила тесьму, кружева, пуговицы и вообще все, что значилось в списке, который ей дала Стине.

Потом она взяла извозчика и проехала мимо пожарища. 30 мая в городе сгорело сто двадцать домов. Зрелище было страшное, но захватывающее.

Живой, шумный город пульсировал вокруг сгоревших домов, которые напоминали язвы прокаженного. На пожарище бродили нищие, они искали драгоценности. Оборванные, они время от времени наклонялись к земле и палками ворошили груды углей. Иногда они распрямлялись и что-то прятали в свои узелки.

— Сколько здесь бедных и нищих, не считая прокаженных! — сказала

Дина Андерсу, когда они вечером встретились в своей каюте. — И шлюх! — прибавила она. — Они так и вешаются на мужчин, которые сходят на берег, или сами поднимаются на корабли.

— Трудная работа. На ней не разбогатеешь, — заметил Андерс.

— Иова Бог избавил хотя бы от этого! — сказала Дина. Андерс внимательно поглядел на нее.

Она рассказала ему о своей молитве перед больницей для прокаженных и о прогулке на пожарище.

— Тебе не следовало гулять по пожарищу. Это опасно, — сказал он.

— Для кого опасно?

— Для одинокой женщины.

— А для мужчины?

— И для мужчины тоже, — спокойно сказал он.

— Кто они, эти мужчины?

— Какие мужчины?

— Те, что ходят к шлюхам. Андерс застенчиво покрутил головой.

— Наверное, это те, которые по той или иной причине не смогли получить то, что им нужно, — медленно ответил он. Словно раньше ему это не приходило в голову.

— Ты считаешь, что мужчина, у которого нет одной женщины, предпочитает многих?

— Да, — смущенно пробормотал он.

— А вообще? Что нужно мужчине?

Андерс почесал в затылке и подергал себя за волосы.

— Кому что, — ответил он наконец.

— Ну а тебе?

Он посмотрел на нее. Так же как смотрел на господина Раша. Чистыми и честными глазами.

— Мне ничего не нужно! — спокойно сказал он.

— Никогда?

Под ее взглядом он медленно покраснел:

— Чего ты добиваешься?

— Не знаю, Андерс. Наверное, хочу понять, что собой представляют мужчины… О чем они думают…

Он промолчал. Но не спускал с нее глаз.

— А ты ходишь к шлюхам?

Вопрос опалил ему лицо. Но он принял его.

— Случается, — не сразу ответил он.

— Ну и как это?

— Хвастать нечем, — тихо сказал он. — Видно, я не так устроен, — еще тише прибавил он.

Антон постучал в дверь каюты, ему надо было поговорить с Андерсом. По крыше барабанил дождь. Дине хотелось задать еще один вопрос.

Погрузка шла полным ходом, и цены на вяленую рыбу были выше, чем за все последние годы. Большая часть пошла высшим сортом, качество было отменное.

Люди были довольны и вернулись на шхуну, оживленно беседуя. В последнюю ночь Дина, Андерс и Антон тоже ночевали на судне. Вообще-то, находясь в Бергене, они снимали комнаты в гостинице. Только для того, чтобы лучше ощутить, что они в городе, как сказал Андерс.

Здесь, на судне, шум города воспринимался иначе. К нему примешивался плеск весел и поскрипывание спящих судов. Он проникал и в кровь. И тайной лихорадкой точил душу, заставляя мечтать о Вогене.

ГЛАВА 9

Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя.

Псалтирь, 120:1

Они шли на север при попутном ветре. Море было тихое. Гордость шхуны, кормчий, стоял у штурвала при полном параде и важно смотрел вдаль. На флагштоке, точно выглаженная скатерть, обращенная на северо-запад, красовался Даннеброг.

Когда они миновали Страндландет, Дина преподнесла им сюрприз. Она собирается зайти в Трондхейм. Андерс с Антоном стояли на корме, когда она объявила им о своем решении.

— В Трондхейм? — не веря своим ушам, повторил Антон, с удивлением глядя на Дину. — А что мы там забыли?

Дина сказала, что у нее там дела. Кроме того, ей хочется посмотреть собор. Вот она и решила.

Антон и Андерс заговорили разом, перебивая друг друга. Антон горячился и говорил все громче. Андерс говорил тихо и проникновенно. Понимает ли она, какой опасности их подвергает? Заходить в этот окаянный длинный Трондхеймсфьорд, когда все остальные при попутном ветре пойдут домой? Болтаться в этой мертвой заводи почти без надежды выбраться оттуда? Ясно ли ей, что на это уйдет самое малое десять дней?

— И это в конце августа! — сказал Андерс.

— Дней я не считала. Но это не важно. Придем домой позже!

Всю веселость с Антона как ветром сдуло. Он помрачнел. Еще немного — и ураган был бы неминуем.

Андерс отнесся ко всему спокойнее. Ему случалось видеть, как Дина ломала ветки почище, чем Антон.

— Мы идем в Трондхейм! — спокойно повторила Дина, подобрала юбки и спустилась в каюту.

Всю ночь Антон нес вахту, кипя от ярости. Он был настолько зол, что не хотел идти спать, когда Андерс пришел сменить его.

— Нечего из-за этого терять рассудок! — сухо сказал Андерс.

— Кой черт тебя дернул взять с собой эту бабу? — крикнул Антон, стараясь перекричать ветер.

Он стоял без шапки, в темно-синей тужурке, которую купил себе в Бергене. Медные пуговицы слепили глаза, когда на них падало солнце. Воротник был поднят, плечи подбиты ватой и широки, как амбарная дверь.

— Не забывай, что Дине принадлежим и мы, и шхуна! — сказал Андерс и схватил штурвал.

Проклятия шипели на губах Антона, как вода на горячей плите. Но он все-таки пошел спать, и от его храпа в ужасе сотрясался весь кубрик.

Первая новость, какую они узнали по прибытии в Трондхейм, было сообщение о том, что русская морская база Бомарсунд на Аландских островах подверглась нападению английских и французских кораблей.

Говорили, будто финны были лояльны по отношению к русским. Они как разъяренные звери отстаивали интересы русских и свои собственные. Люди сведущие считали, что король склонен втянуть в эту войну Швецию и Норвегию.

Андерса особенно интересовали финны. У него у самого в жилах текла финская кровь. Он считал, что финны поддерживают русских не из симпатии, а потому, что западный флот опустошает финские земли и захватывает финские суда.

— Ясное дело, человек будет защищаться, если у него на крыльце разведут костер, — сердито сказал он.

Дина не могла взять в толк, зачем англичанам и французам понадобилось стрелять в Балтийском море.

Постепенно Антон перестал злиться, и с ним уже можно было разговаривать. Но он не хотел углубляться в этот вопрос. Сказал, что говорит лишь о том, в чем разбирается. Женщинам и морякам нечего лезть в политику. Надо побыстрей заканчивать дела и идти домой.

— Я помню, Лео говорил, — задумчиво сказала Дина, не обращая внимания на слова Антона, — что французы и англичане поддерживают турок в этой бесконечной русско-турецкой войне и что она опасна для всего мира. Еще он сказал, что финны никогда не будут выступать на той стороне, которую поддерживает Швеция. И что король глуп, если не понимает этого. Впрочем, и царь Николай тоже пороха не изобрел. И вообще, эта война началась из-за запутанного спора между двумя монахами. Православным и католиком.

— О чем же они спорили? — спросил Андерс.

— О том, кому принадлежат святыни в иудейской земле, — засмеялась Дина.

— А какое отношение это имеет к войне? — раздраженно спросил

Антон.

— Святость всегда так или иначе связана с войной, — спокойно ответила Дина. — Библия. Христос. Дева Мария. Святыни у иудеев…

Она вдруг согнулась пополам, словно ее ударили в живот.

— Тебе плохо? — испугался Андерс.

— Да нет! — отмахнулась она. — Но как они смогли впутать в свой спор короля и царя? — Она распрямилась. — Как думаешь, откуда Лео мог знать, кто начал войну? — Дина повернулась к Андерсу.

— Много ездит. Слышал где-нибудь.

Дина ушла. Война подступила к ним ближе, чем им хотелось бы.

В давние времена король отвел в Трондхейме большой участок земли между Конгенсгатен и Эрлинг-Скаккельсгатен под то, чтобы собрать в одном месте всех, кого судьба раскидала по дорогам и задворкам жизни.

И собрались там прокаженные, нищие, сумасшедшие, преступники, старые и безродные. Добрые граждане Трондхейма завещали приюту свои состояния и заботились о том, чтобы поддерживать сносные условия жизни для этого несчастного люда.

Приют представлял собой большой комплекс каменных и деревянных зданий. В них и находили прибежище человеческие отбросы со всеми их страданиям. Выглядело все в высшей степени пристойно. Снаружи.

Дина нашла «Вахту», выходившую фасадом на Воллгатен. С открытой аркадой и внушительными каменными стенами. «Вахту» от «Каторги» отделяла просторная площадка. Но стены были высоки, и ворота охранялись.

Дина объяснила, что ей нужно, и ее пропустили внутрь. Здесь был особый мир. Скрытый от людей. Тех, кто никогда не попадет сюда.

Деревянные, обшитые тесом дома в два этажа. Кое-где между ними попадались и каменные строения. Красные черепичные крыши соединяли дома своеобразной общей судьбой.

«Острог», или «Каторга», как ее здесь называли, представлял собой большое двухэтажное здание с ампирными наличниками на окнах и дверях.

Дина вошла в овальный зал на первом этаже. Из соседних помещений доносился многоголосый гул. Дина судорожно глотнула воздух, словно чего-то ждала или опасалась. Первый, кого она увидела помимо стражи, был высокий человек, который рылся в ящике с тряпьем. Все время он показывал на стену и вслух спорил с самим собой, идти или не идти ему в город. Он задавал себе вопросы и сам же отвечал на них другим голосом.

Словно исполнял две разные роли. Один голос был гневный и грубый, другой — тихий и жалобный. Время от времени он наносил удары кому-то невидимому и приговаривал: «Так тебе! Так тебе!»

Голова его была гладко выбрита, точно у завшивленного. Но серые, запавшие щеки покрывала щетина.

Дина остановилась. Ее охватило предчувствие беды. Она вся напряглась, будто хотела приготовиться к тому, что произойдет, когда этот человек увидит ее. Однако все обошлось. Вернулся страж и сказал, что управляющий приютом собирается уходить, но по пути может здесь поговорить с ней. Он придет через минуту. Это был явный отказ. Управляющий не знал, кто такая Дина Грёнэльв. И очевидно, не обратил внимания на то, что ее интересует, когда они ждут сюда Лео Жуковского.

В ожидании управляющего Дина расспрашивала стража про «Каторгу». Страж охотно отвечал ей. На первом этаже находятся рабочие помещения, столовая и комната для молитвы. Вон там. А вообще арестанты помещаются на втором этаже. Несколько камер здесь совершенно темные.

— В «Шахте», например, темно как в могиле! — Страж улыбнулся, обнажив редкие зубы, улыбка у него была веселая и добрая. — Камеры они и есть камеры, — сказал он. — Но печка есть в каждой. Как же без печки!

Сверху долетали разные звуки. Кто-то царапался и скребся, стучал, слышались громкие сердитые голоса.

— Чего тут порой не услышишь! — усмехнулся страж. Несчастный, рывшийся в ящике, как будто не замечал их. Страж проследил за взглядом Дины:

— Бендик сегодня чудит. Но он неопасный.

— А почему его здесь держат?

— Да он дурачок! Но безвредный. Говорят, с ним в Нурланде приключилась беда. Какая-то женщина по его вине обварилась насмерть. Вот он и помешался. Но у нас он даже кошку ни разу не обидел. Всегда занят чем-то своим. Он не похож на тех, что сидят в «Шахте». С теми не дай Бог остаться один на один!

Дина что-то искала в своей сумочке. Черная глубокая сумочка казалась бездонной, как топь.

— Видать, у вас важное дело, если вы приехали в такое место. Да еще из самого Нурланда!

Дина выпрямилась. Она объяснила, что возвращается на своей шхуне из Бергена. Так что заехать по пути в Трондхейм для нее не составляло труда.

— У госпожи своя шхуна? — восхищенно проговорил страж, с

уважением глядя на Дину. А вот он знал одну госпожу, у которой был свой колесный пароход! Страж искоса вопросительно глянул на Дину. Она не проявила к его словам никакого интереса, и тогда он добавил:

— Она была самая богатая вдова в городе!

Дина оглядывалась по сторонам, давая понять, что не намерена поддерживать беседу о богатых вдовах и их пароходах. Она спросила сухо:

— А каковы ваши обязанности?

— Следить, чтобы никто не вышел наружу! — быстро ответил он.

— А в чем они провинились? Те, что сидят тут?

— Они-то? Да это все убийцы, поджигатели, умалишенные и воры, — проговорил он словно заученный псалом.

— Откуда они все?

— Из города, из окрестностей. А впрочем, отовсюду. В это время несчастный Бендик подошел к ним, таща за собой свое тряпье.

Все случилось в одно мгновение. Прежде чем страж успел вмешаться, Бендик схватил Дину за руку и испуганно уставился на нее. Страж оттащил его назад. Великан протянул к Дине руки. В его глазах плыли серые тучи. В их глубине было отражение Дины.

На нее вдруг что-то нашло. Она подняла руку в перчатке и положила на плечо несчастного. Он заморгал, словно увидел что-то очень важное. Лицо его просветлело, он улыбнулся ей беззубой улыбкой. Его спина согнулась от тяжелой ноши, которую он покорно нес все эти годы.

— Ты… Ты пришла наконец… — пробормотал он и снова схватил ее за руку. Быстро, как молния.

Страж оттащил его и что-то строго сказал ему.

Дина не шелохнулась. Зубы у нее были стиснуты, лицо побелело. Она освободилась от рук сумасшедшего, но не могла освободиться от его взгляда.

Страж вытащил несчастного во двор тюрьмы.

Я Дина. Я вижу печь с кипящим чаном на ней. Вокруг меня пар! Поэтому я и вспотела. С меня все время сходит кожа. Я моюсь, и от меня ничего не остается. А Ертрюд все кричит и кричит.

Управляющий приютом появился неожиданно и будто ниоткуда. Просто вдруг возник из воздуха. С достоинством подошел к Дине и протянул ей руку.

Это был высокий худой человек со строгой бородкой, словно приклеенной к лицу.

Ни намека на приветливость или улыбку. Сухое, корректное рукопожатие, сухие, корректные манеры.

Густые черные волосы были гладко причесаны. Казалось, его главной заботой были волосы и борода.

Он кивнул Дине и, как только отпустил ее руку, снова переложил трость из левой руки в правую. Чем он может служить? Его взгляд унес последние хлопья пара. Голос был спокойный и низкий.

Из серых глаз Дины выплеснулась неприязнь. Он ничего не сделал. Только спас ее от пара.

Дина изложила свое дело. Пакет, содержавший книгу Пушкина и письмо к Лео, был запечатан заранее. Но она не сразу достала его.

Управляющий слишком поспешно выразил свое удивление. Он не знал, что у них транспортировал узников человек по имени Лео Жуковский. Никогда о таком не слышал. За его бытность на этом посту узников транспортировали два раза. Но чтобы их транспортировал русский? Нет.

Дина не обратила внимания на его ответ и спросила, давно ли он управляет этим местом.

— Три месяца, — невозмутимо ответил он.

— Не очень давно.

Управляющий кашлянул, словно его обвинили в мошенничестве.

— В Лео Жуковском трудно узнать русского, — сказала Дина. — Он говорит по-норвежски.

Ее голос инеем выпал на стены.

Я Дина. Как шумят за окном березы! Они ветками сжимают мою голову, я не могу думать. Бьют церковные колокола. Я считаю двери в этой комнате. Но число исчезает в звуках и голосах, доносящихся сверху, из камер. Управляющий этим сумасшедшим домом, полно, да человек ли он? Почему он не желает говорить о Лео?

Управляющий сказал, что ей надо справиться в тюрьме, у начальника «Каторги». Если она хочет, он может проводить ее туда.

Это близко. Но все-таки лучше, если он проводит ее через двор и проведет через ворота.

Дина последовала за ним. Бессильно шла через тяжелые ворота и мрачные двери. Мимо стражей с пустыми глазами. Она так ничего и не узнала о Лео. Здесь никто не знал русского по имени Лео Жуковский, который говорил по-норвежски и сопровождал узника то ли в Вардёхюс, то

ли оттуда.

Когда они снова вернулись в овальное помещение, Дина достала пакет. Вложила его в вялую руку управляющего, ему оставалось только взять его.

Она смотрела на управляющего так, словно он был обычным работником в Рейнснесе. Распорядилась коротко и ясно. Отказаться, не обидев даму, он не мог.

— Когда господин Лео Жуковский приедет, передайте ему этот пакет. Как видите, он запечатан сургучом.

Управляющий покачал головой, но пальцы его сжали пакет, чтобы он не упал на пол. Дина поправила шляпу, взбила буфы на рукавах. Натянула получше правую перчатку и поблагодарила управляющего. Потом попрощалась и пошла к выходу.

Извозчик поехал мимо большого дома крестообразной формы, с высокими окнами и тяжелой черепичной крышей. Портал над входной дверью выглядел величественно. Да и сама центральная часть дома была трехэтажная, с большим полукруглым окном наверху.

Дина наклонилась и спросила у кучера, что это за дом.

— Тронка. Лечебница для умалишенных, — вяло ответил он.

— А почему она называется Тронка?

— Говорят, когда-то перед входом стояла кружка для пожертвований. А кружка для пожертвований по-французски — тронк.

Кучер немного оживился.

— Зачем лечебнице для умалишенных французская кружка для пожертвований?

— Люди любят красивые слова. Родные слова их уже не устраивают. А внутри-то там все равно дурачки да всякая шваль, хоть и название французское.

Кучер прикрикнул на лошадь, которая почти не двигалась. Поднимался ветер. Кучер дважды обернулся, потому что его пассажирка вдруг замолчала. Она сидела вся сжавшись и раскачивалась из стороны в сторону.

Через некоторое время он остановил лошадь и спросил Дину, как она себя чувствует.

Она ответила ему пустым взглядом стеклянных глаз. Но когда они доехали до места, заплатила по-царски.

Дина ли я? Кошмары обернулись действительностью. Бендик — кузнец. Почему я нахожу кого угодно, только не Лео? Дина ли я? Которая

отрезала часть сердца и отдала его в руки управляющего приютом для умалишенных? Зачем я здесь? Почему из моей раны не идет кровь? Где теперь Ертрюд?

Остаток дня Дина провела в каюте. Ночью Андерс несколько раз просыпался оттого, что она стонала. Он окликал ее. Но она не отзывалась.

Наутро лицо у Дины посерело, она была замкнута.

Но они взяли извозчика и поехали на фабрику на берегу Нидэльвы, чтобы купить новый колокол для амбара.

Старый давно треснул. Весной половина его откололась и повредила крышу амбара.

Они выбрали колокол подходящего размера с хорошим звуком, на колоколе стояла дата изготовления.

Владелец фабрики был давним другом Иакова.

Дина заранее известила его о своем прибытии. Поэтому прием им был оказан безукоризненный, с угощением, показом фабрики. Хозяин сокрушался, что его компаньон, господин инженер, ненадолго уехал в Англию и не может дать ей нужных объяснений.

Андерса хозяин не замечал. Было ясно, что правила вежливости фабриканты в Трондхейме понимают совсем не так, как купцы в Бергене.

Андерс отнесся к этому спокойно. Он на своем веку встречался с разными людьми. Не все понимали, что человек не может таскать за собой по суше судно, чтобы люди видели, что он шкипер.

Хозяин фабрики говорил долго и подробно об успехах, каких его фабрика достигла в изготовлении колоколов, печей и деталей к машинам.

Новое время заставило его стать более покладистым, засмеялся хозяин. Мало у него забот, так он еще взвалил на себя нелегкую и ответственную задачу отлить детали для колесного парохода «Нидэльва».

На обратном пути в коляске извозчика Дина и Андерс обменялись взглядами.

— Чудные эти трондхеймцы! — сказал Андерс.

— Да, если только они из Трондхейма, — сухо заметила Дина.

Они посмеялись.

Вдруг Дина стукнула его по ноге носком башмака.

— Почему ты такой осторожный, Андерс? Неужели тебя никогда не тянет совершить какое-нибудь безрассудство?

— Как сказать… Сдержанность со временем окупается.

— Но ты же все-таки купец!

— Может быть, и купец. Только без капитала.

— А ты хотел бы иметь капитал?

— Нет. Ты сама видела, какими становятся люди, у которых есть капитал.

— Я тоже такая?

— Нет. Но и у тебя есть свои причуды, — честно сказал он. — Раз уж ты сама спросила об этом.

— Какие же? Скупость?

— Нет. Но прижимистость. И упрямство. Возьми хоть эту поездку в Трондхейм!

Она промолчала.

Колеса постукивали по брусчатке. Вокруг шумел город.

— Ты вчера ездила одна… Можно полюбопытствовать куда?

— Заезжала в тюрьму.

Андерс повернулся к ней не только лицом, но и всем туловищем:

— Ты с ума сошла! Что ты там делала?

— Передала пакет для Лео. Книгу, которую он забыл… У него есть обыкновение забывать книги…

— А он что, там?

— Нет, но он же приедет туда.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что там мне сказали, что он не приедет… — задумчиво ответила Дина.

— Сказали, что не приедет? И поэтому ты считаешь, что приедет? Объясни, Дина.

— Понимаешь, тут что-то не так. Управляющий был очень недоволен моим приходом и тем, что я знала, что Лео там ждут…

— А ты не повредилась в уме за эту поездку?

— Помнишь, Лео говорил, что должен переправить в Вардёхюс какого-то каторжника?

— Да…

— Но даже если б не говорил, он все равно бывает в тюрьме в Трондхейме.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю! — уверенно сказала она.

Они молчали, пока кучер просил столпившихся на дороге людей пропустить экипаж.

Андерс с любопытством смотрел по сторонам. Потом спросил:

— Ты уже решила насчет этого русского?

— Ишь ты, спрашиваешь без обиняков!

— Так что же ты мне ответишь?

— Что свои решения я держу при себе.

— Он тебе нравится? Я сам видел.

— Зачем же спрашиваешь, если видел? Андерс скрестил руки на груди и замолчал.

— Мы с тобой говорили о капитале, — вдруг начала Дина через некоторое время.

— Да, — охотно откликнулся Андерс.

— Ты знаешь, что сделал твой брат?

— Нильс? Ты имеешь в виду, знаю ли я, как он покончил с собой? — Андерс с удивлением уставился на нее.

— Нет, это всем известно. Я имею в виду другое.

— Что же?

— Все эти годы он утаивал деньги! — Она смотрела прямо перед собой.

— Что?.. Что ты сказала? — В глазах у Андерса был испуг.

Дина не ответила.

Он схватил ее руки. На шее у него билась жила, он побледнел.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что это правда. — И она рассказала Андерсу о тайнике под оторванной половицей.

Андерс снова схватил ее руки и сжал их.

— И много там было денег? — хрипло спросил он.

— Достаточно, чтобы уехать в Америку.

— А где они теперь? Я имею в виду — деньги.

— В банке.

— Но зачем он это делал?

— Хотел иметь капитал.

— Не могу поверить!

— По-своему он был прав. — Эти слова невольно вырвались у нее.

— Прав?

— Конечно, ведь его все осудили. Из-за Ханны.

— Господи Боже мой!

— Нильс хотел уехать. Куда-нибудь подальше. Скитаться нищим бродягой он не мог. Помнишь, Лео говорил, что он собирается в Америку? А Стине нашла у него карту… Вот так-то. Отправиться в тюрьму он тоже не мог. Ертрюд не допустила бы этого…

— Ертрюд? Дина, милая… Но почему же он не уехал? Почему?

— Он повесился, когда узнал, что мне все известно.

— Ты действительно все знала?

— Я дала ему срок, он должен был принести мне деньги.

— Ты хочешь сказать, что из-за этого он покончил с собой?

— Да, боялся позора.

— Он думал, что ты на него заявишь?

— У него не было причин сомневаться в этом.

— Дина! Неужели ты довела его?.. — Андерс задохнулся. Он все крепче и крепче сжимал ее руки. Ногти впились в кожу.

Она откинулась на спинку сиденья. И как будто поникла.

— Не знаю, — сердито сказала она и крепко зажмурилась.

Тогда он обнял ее и крепко прижал к себе.

— Прости меня! Конечно, ты не виновата! Если человек совершил преступление, он должен ответить за это. Я все понимаю. Но чтобы Нильс… Чтобы он мог пойти на такое!.. И ничего не сказать мне…

Андерс тяжело вздохнул. Но не отпустил ее. Двое детей, связанные одним несчастьем. Они надолго погрузились в свои мысли.

— Улицы в Трондхейме шире, чем в Бергене, — сказала вдруг Дина.

— Зато погрузка и разгрузка здесь тяжелее, да и пройти по фьорду тоже не шутка!

Андерс был благодарен Дине за то, что она переменила тему разговора.

— И гавань слишком мелкая! — прибавил он.

Они смотрели на столб жирного дыма, валившего из трубы вошедшего в порт парохода.

Извозчик ехал по узкой боковой улочке мимо низких домишек. Какой-то матрос, пошатываясь, перешел дорогу перед самым носом у лошади. Женщина истерично кричала толстому господину в слишком узком сюртуке, чтобы он поторопился, — пароход уже подходит. Господин пыхтел, как кузнечные мехи, и в спешке выронил картонку со шляпой. Они перебежали перед самой лошадью, словно хотели угодить под колеса.

Наконец Дина с Андерсом приехали и расплатились. Остаток пути они шли пешком.

В гавани они снова увидели давешнюю пару. Женщина заставила перевозчика отвезти их на пароход. На сходнях они споткнулись и чуть не упали. Казалось, хрупкое сооружение под ними сейчас рухнет в воду. И все время они без умолку переругивались между собой.

Длинный причал с пакгаузами и экспедициями чернел от людей. Здесь

многие тоже просили доставить их на пароход, пока он не ушел. Подходить к причалу пароходу не разрешалось из-за опасности пожара. Так по крайней мере говорилось.

У Андерса появился повод дать выход своему отчаянию, и он тут же им воспользовался.

— Не порт, а блюдце! — в сердцах сказал он, ни к кому не обращаясь.

Дина молча сбоку наблюдала за ним.

Какой-то человек, грозя ножом, босиком бежал по причалу за парнем, укравшим бутылку рома. Подоспевшая полиция под крики и возгласы толпы забрала обоих. Люди отпрянули в стороны, не желая оказаться замешанными в это дело. Кого-то чуть не столкнули с причала.

Андерса давило горе. Динина рана не заживала. Тучи на небесах разорвало, но солнца не было. Мысли падали словно дождь.

Наутро они вышли в море.

Ветер был хороший. Но Антон все-таки был не в духе.

— Мои кости чуют непогоду, — сказал он.

Он стоял за штурвалом, похожий на разъяренного быка.

Дина и Андерс не церемонились с ним и не обращали внимания на его мрачность.

У них была другая забота. Между ними возникла какая-то новая связь, приятная и неприятная в одно и то же время. Что-то необычное, незнакомое им. Разговор по пути с фабрики, который они так и не закончили, положил начало чему-то новому, что им, вынужденным делить одну каюту на двоих, трудно было держать под контролем.

Глаза Андерса были невинны, как библейский текст под увеличительным стеклом. Они говорили: мы брат и сестра. Но что-то помешало нам исполнять свои роли. Видно, мы плохо знали чувства друг друга.

Он признался себе, что много лет мечтал, чтобы Дина оказала ему доверие. Попросила совета.

И вот она оказала это доверие: он узнал, что Нильс был мошенником. В душе у Андерса возникла смута — и все-таки он больше радовался Дининому доверию, чем думал о последних минутах Нильса.

Дина, как сова, сидела в своем дупле и пряталась от дневного света.

ГЛАВА 10

Господь отвечал Иову из бури и сказал:

Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?

Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь.

Кто положил меру ей, если знаешь? Или кто протягивал по ней вервь?

На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее,

При общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божий восклицали от радости?

Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева,

Когда Я облака сделал одеждою его и мглу пеленами его.

И утвердил ему Мое определение, и поставил запоры и ворота,

И сказал: «доселе дойдешь, и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим»?

Давал ли ты когда в жизни своей приказание утру и указывал ли заре место ее…

Книга Иова, 38:1, 2, 4-12

Они вышли из Трондхеймс-фьорда и взяли курс на север. Андерс видел, что приближается непогода. И у него даже полегчало на сердце.

Наконец справа скрылся Анденес, а слева — плоские очертания Эрланда, теперь «Матушка Карен» была предоставлена лишь самой себе и стихиям. Ветер был еще терпимый, и туман легкий.

Но ветер не унимался. Как серый морской призрак, он налетал на них с северо-запада и нес дождь.

Высокий штевень «Матушки Карен» заливало водой, вместительный остов швыряло между волнами, все равно что кофейную чашку без ручки.

Дорогой груз был привязан дополнительными канатами и по возможности укрыт от воды.

Юнга, сын одного из арендаторов Рейнснеса, уже валялся на койке с

морской болезнью. Беднягу вывернуло прямо на тюфяк. Под брань и крики соседа. Но соседа никто не поддержал. Каждому хватало своего.

В чреве упрямого судна что-то без конца урчало и перекатывалось. Паруса и реи стонали и жаловались.

Уже несколько часов судно шло скорей под водой, чем над ней. Все-таки Антон не хотел искать укрытия в каком-нибудь порту. Он вел «Матушку Карен» в Фоллово море, точно сдавал экзамен на выдержку.

Тут-то и налетел шторм.

Дина одна сидела в каюте, ухватившись за край стола.

Переборки ходили у нее перед глазами.

Увидев, что из нее течет кровь, она засунула между ногами наволочку. И тут же повалилась на стол.

Робкая лужица крови все время меняла направление на досках настила. То она бежала на запад, то на восток, то на север, то на юг — в зависимости от крена судна. В конце концов она превратилась в густой коричневый ручей, застывший между щелями настила.

Дина ли я? Вчера еще я была церковным органом. Из моего тела рвались многоголосые хоралы! Потому что мне так хотелось! Сегодня мое тело терзают ножи. Я река, не знающая, куда течет. Не слышно даже моего крика. Меня несет так беззвучно, что мне страшно. Где теперь Ертрюд?

Фигура матушки Карен на штевне, вырезанная из дерева в виде полногрудой дамы с забранными в пучок волосами, то и дело исчезала в бешеных волнах.

Но она снова гордо выныривала на поверхность и отряхивала с себя волны. Раз за разом. Глаза ее были вырезаны острым ножом мастера из Вефсны. Их пустой взгляд был устремлен то в пучину морскую, то в небеса.

Море проявило свой истинный, коварный нрав. В этом году на два месяца раньше, чем обычно.

Антон приказал зарифить паруса. Андерс, как коршун, стерег ячмень от воды.

Стихия была безжалостна. Сворачивать к берегу не имело смысла. Там было полно рифов и шхер.

Антон взял курс в открытое море. Ничего другого им не оставалось. Ветер был порывистый и капризный, но ему пришлось уступить людям —

недаром Андерс с Антоном много лет учились приноравливаться к нему.

Каждый раз, когда судно выравнивалось и Андерс чувствовал, что оно слушается руля, его словно что-то толкало в бок. Дина!

Борьба с ветром дарила ему сладострастную радость. Он испытывал наслаждение. Они подчинили себе волны, подчинили ветер. Судно и паруса.

Таким бейдевиндом ему ходить еще не случалось. Нижняя губа у него выпятилась вперед. Брови топорщились от соленой воды. Внешне он был похож на мокрую рукавицу, которую на бечевке тянули за судном. Внутри — это была железная свая. Что бы там ни случилось, а водить суда он умел!

Дина лежала на койке с задернутым пологом и не видела того, что творилось за иллюминаторами, которые заливала вода.

Все, что осталось непривязанным и незакрепленным, перекатывалось по каюте. Дина подсунула под себя непромокаемую робу и между приступами боли обеими руками держалась за койку.

Александр Пушкин заглянул к ней в окно и заговорил о смерти. Ведь она поразила беднягу в живот! У него была с собой книга стихов. Как подарок от Лео. Он смеялся так, что тряслись все переборки. Потом он с силой хлопнул Дину книгой по животу. Пушкин свободно входил и выходил через иллюминатор и каждый раз приносил новую книгу. На животе у Дины скопилось уже много книг, ей было тяжело, и углы у них были острые.

В конце концов они почему-то превратились в кровавую массу, которая свешивалась через край койки тонкими лохмотьями.

Дина пыталась удержать книги, но не могла. Этот смуглый человек тут же кидал на нее новые книги с острыми краями. Громким голосом, в котором слышалось отчаяние, он то кричал о своей ненависти к женщинам, то, стиснув зубы, называл Дину шлюхой Медного Всадника или своей дорогой Наташей.

Его голос, похожий на голос Лео, вырывался из ветра с такой силой, будто Пушкин кричал в рупор. Этот голос разносил ее голову на тысячи частиц.

Это был сам морской призрак. С руками кузнеца и шрамом Лео. Наконец он вытащил ружье Фомы и прицелился в Дину. Бах!

Он попал в Ертрюд! Ертрюд стояла в углу, и вместо лица у нее зияла дыра! Как это могло получиться?

По ногам Дины струилась горячая кровь и постепенно застывала

ледяной пленкой.

Ветер чуть-чуть стих.

Дина приподнялась настолько, что смогла скомкать простыню и засунуть ее между ногами. Потом с трудом добралась до двери и позвала Андерса. У нее чуть не вырвало легкие. Крик пронесся, точно ведьма на шабаш. Заглушая грохот воды и вой ветра.

Сомнений не осталось. С Диной что-то случилось.

Андерс замерз, устал, и глаза у него резало от соленой воды. Он поставил вместо себя другого. И пробрался в каюту, откуда, словно бешеный рык, летело его имя.

В дверях он остановился, чтобы перевести дух. С одежды текли потоки воды.

Его зюйдвестку давно унесло в море. Со светлых растрепанных волос на лицо и шею бежали реки. Жесткие от соли волосы прилипли к макушке, отчего Андерс стал похож на рассерженного тюленя. Подбородок выдавался вперед больше обычного.

Он с удивлением смотрел на Дину. Смотрел и не верил своим глазам.

Дневной свет упрямо проникал сквозь мокрые стекла. Андерс увидел голые ноги и бедра Дины. Пропитанную кровью простыню. Ее стоны напоминали скрип судовых ларей и непогоду. Она протягивала к нему руки. В глазах была мольба.

— Господи Боже мой! — Он опустился перед ней на колени.

— Помоги мне, Андерс!

Она даже не пыталась прикрыться. Он обнял ее, бормоча в отчаянии что-то нечленораздельное.

— Я умираю. У меня внутри все порвано, — прошептала она и закрыла глаза.

Андерс вскочил и хотел броситься на палубу за помощью. В одиночку он не мог с этим справиться. Но Дина открыла глаза и пристально посмотрела на него.

— Молчи! Никому ни слова! Помоги мне! — просипела она сквозь зубы.

Он обернулся в растерянности. Наконец ее слова дошли до его сознания. Он тут же вспомнил, что женщины подчиняются иным законам. Вспомнил о женских страданиях. О женской судьбе. О женском позоре.

На секунду он потерял дар речи. Потом слабо кивнул ей. Открыв дверь каюты, он откашлялся, прочищая горло, и рыком приказал Антону:

— Дина заболела! Толлеф встанет вместо меня! Вели юнге согреть

воды.

Антон был вне себя от злости. Черт бы побрал всех баб, которым непременно нужно идти в море! То у них морская болезнь, то им подавай Трондхейм! С ними добра не жди! Сущее наказание-Юнга, еле державшийся на ногах от морской болезни, принес горячей воды в деревянном ведерке, но половину расплескал по пути. Андерс встретил его в дверях. Обоих трясло, оба были бледны. Хотя и по разной причине.

В каюту он юнгу не впустил и задернул полог перед койкой Дины. Сбросив с себя кожаную куртку, голый по пояс, он принял у юнги ведерко. И приказал принести еще.

Несчастный юнга еле стоял на ногах. Слабый после морской болезни, испуганный и растерянный. Его лицо напоминало ладонь с ободранной кожей после работы с железом на сильном морозе.

— Шевелись, собака! — рявкнул Андерс. Это было так на него не похоже, что парня как ветром сдуло.

Дина затихла. Она позволила Андерсу перекатить себя на бок, чтобы вытащить из-под нее кровавые простыни. Андерс видел, что они насквозь мокрые.

От них шел сладковатый, тошнотворный запах. Андерса чуть не вывернуло. Усилием воли он подавил рвоту.

Ничего не соображая, Андерс обмыл и уложил Дину. Так близко к женщине он еще никогда не был. Его охватило желание, смущение и бешенство.

Он подложил старый кожаный плащ под чистую простыню, которую нашел в сундучке у Дины. Уложил ее поудобней. Она была очень тяжелая и почти безжизненная. Не открывала глаз, лишь тяжело дышала и хватала его за руки. Ему пришлось стряхнуть ее руки, чтобы она не мешала ему.

Кровотечение у нее уменьшилось, но не прекратилось. Андерс ногой задвинул в угол грязные простыни.

Вдруг он увидел среди яркой крови что-то синеватое, как бы затянутое пленкой. Он похолодел. Кого благодарить за этот подарок? Андерс стиснул зубы, чтобы ничего не сказать.

Дина унеслась далеко отсюда. Должно быть, она потеряла слишком много крови. Только бы она не… Андерс гнал от себя эту мысль. Он выпятил губу и затолкал шерстяную рубаху ей между ногами. Шерсть впитает все — и чистое, и нечистое. Он читал все известные ему молитвы.

Дина временами приходила в себя и смотрела на него остекленевшими глазами. Несчастье вползло в каюту и забралось к Дине на койку.

Андерс тихо молился.

Ветер немного утих, шхуна игриво покачивалась на тяжелых волнах.

Андерс заметил, что с парусами на палубе управились без него. Ему стало чуть-чуть легче. Но кровотечение у Дины все еще продолжалось.

К Андерсу то и дело приходил кто-нибудь из команды. То один, то другой. Он встречал всех в дверях. Приказал принести горячего супа и еще горячей воды.

В конце концов Антон заорал, что Андерс должен вытащить хозяйку Рейнснеса на палубу и пусть блюет в море, как все люди.

Андерс рванул дверь и чуть не съездил Антону кулаком по челюсти. Потом захлопнул дверь с такой силой, что едва не зажал ею большой нос штурмана.

На палубе царила тишина. Шхуна мирно разрезала волны. Принесли котелок с супом. Потом горячую воду.

Команда справилась со штормом. В конце концов все поняли, что у Дины не просто морская болезнь. И занялись своими делами.

Прошли сутки. Выглянуло солнце. Ветер торопился на юг.

В каюте, ничего не замечая вокруг, дремала Дина. Кровотечение у нее прекратилось.

Андерс, который уже отчаялся вымыть Дину, смог наконец передвинуть ее в сторону и вытереть под ней старый кожаный плащ. Она держала его за шею, когда он передвигал ее. Он действовал осторожно, опасаясь, как бы у нее снова не открылось кровотечение.

Она даже не пыталась прикрыться. После всех часов, что они провели вместе в геенне огненной, в этом не было необходимости.

Достоинство Дины не страдало от подобных вещей. Она вверила свою жизнь в его руки. Время от времени она теряла сознание. Потом снова приходила в себя и тихо звала его. Однажды она что-то пробормотала, но он не разобрал слов. Кажется, она звала этого библейского разбойника. Верно, она звала Варавву.

Андерс заставил ее проглотить несколько ложек супа. Воду она пила жадными глотками. Вода бежала по подбородку, и на рубашке расплылись мокрые пятна. Волосы у нее свалялись и слиплись от пота. Андерс даже не пытался расчесать их.

Время от времени он осторожно встряхивал Дину, чтобы убедиться, что она жива. Увидев, что ей неприятен свет, он задернул иллюминаторы. Даже полумрак не мог скрыть ее неестественную бледность. Чернота,

залегшая вокруг глаз, стекала на щеки. Нос заострился. Ноздри были совсем белые.

Андерс не умел лечить людей. Да и молиться, пожалуй, тоже. Но в то воскресное утро, в каюте, где пахло несвежей кровью, он молился, чтобы Дина осталась жива.

Тем временем команда привела в порядок груз, и «Матушка Карен», направляясь домой, уже миновала Вегу.

Помогла ли молитва Андерса или что другое, но дыхание у Дины стало ровным, длинные белые пальцы лежали на покрывале. Он видел, что по ее рукам до самых розовых ногтей ветвятся синие жилки.

Он легонько прикоснулся к ее бровям, чтобы посмотреть, дрогнут ли у нее веки. Она открыла глаза, словно только что вынырнула из тумана.

Он подумал, что она сейчас заплачет. Но она только коротко всхлипнула и снова закрыла глаза.

«Да плакала ли она вообще когда-нибудь? — подумал Андерс. — Если даже теперь не заплакала…»

Ему не хотелось оказаться посвященным в ее жизнь. И он был благодарен ей, что она не плакала.

— Что тут за недуг такой? — спросил Антон. Он успокоился вместе с ветром и пожелал узнать, как обстоят дела.

Андерс закрыл за собой дверь и вышел вместе с ним на палубу.

— Дина заболела не на шутку. Она очень слаба. Ее рвало, и сильно шла кровь. Должно быть, что-то с животом. Что-то съела… Она совсем без сил, бедняжка… Антон кашлянул и извинился — он не понял, что это так серьезно. Но ведь он всегда говорил: баба на судне…

— Она чуть не умерла! — сказал Андерс и привязал отвязавшуюся бочку. — Вели юнге привязать груз покрепче, а то мы все растеряем. И перестань злиться. Не ты же болен!

— Да я не знал, что это так серьезно…

— Ну а теперь знаешь!

Он вернулся в каюту. Словно на палубе у него не было больше никаких обязанностей.

Андерс потихоньку выбросил за борт самые грязные простыни. Он дождался, чтобы непогода стихла, и улучил минуту, когда на палубе никого не было. Его никто не видел.

Подстилка, подзоры. Он все свернул вместе. Синеватый комочек был

скрыт навсегда.

С Диной они не обмолвились о нем ни словом. Но оба его видели.

Она подняла на Андерса прозрачные, как вода, глаза. Он сел к ней на койку. Край у койки был высокий, и сидеть на нем было неудобно. Над головой у них жалобно скрипели снасти.

Андерс открыл один из иллюминаторов, чтобы впустить в каюту свежий морской воздух.

На лбу и на шее у Дины выступили капельки пота. Вокруг лихорадочно блестевших глаз лежали коричневые круги. На желтых скулах горели красные пятна. Это был дурной знак.

Андерс всего повидал на своем веку. Чахотку, оспу, проказу. Он знал, что такие пятна — признак жара. Но ничего не сказал. Лишь смочил тряпку и вытер Дине лицо и шею. У нее в глазах мелькнуло выражение, похожее на благодарность. Но он не был в этом уверен. С Диной вообще ни в чем нельзя было быть уверенным. И все-таки он осмелился взять ее за руку.

— Ты ни о чем не хочешь спросить? — шепотом сказала она.

— Нет. Сейчас не время. — Он отвернулся.

— Не настолько же ты глуп, чтобы не понять…

— Нет, я не глуп…

— Что ты собираешься сделать, когда мы вернемся домой?

— Сперва доставлю тебя на берег, а потом позабочусь о грузе и судне.

Он старался, чтобы голос у него звучал обыденно.

— А потом?

— Что потом?

— Когда тебя спросят, что было со мной?

— Скажу, что ты что-то съела и тебя рвало кровью, несло со всех концов. А теперь все прошло. Это не заразная болезнь.

Он откашлялся после такой длинной речи и взял ее другую руку тоже.

По Дине прошло еле уловимое движение. Оно передалось и Андерсу. Большой горячей волной. Казалось, Дина плачет. Не глазами, а телом. Точно животное. Молча.

Андерс чувствовал себя как у причастия. Словно кто-то протянул ему Святые Дары.

Сколько лет он жил с нею в одном доме, проявляя иногда разве что злость и упрямство. Но никогда ни капли тепла. Он вдруг подумал, что все так привыкли к этому, что уже не стремились лучше понять друг друга.

Обнимая Дину, Андерс постигал самого себя. И это придавало ему силы. Он мог бы сейчас плыть куда угодно, в любую погоду, как пожелает

Господь. Потому что ему открылась суть жизни.

Андерсу захотелось плакать над своими покойными родителями. Над Нильсом. Над собственным упрямством. Из-за которого он стал шкипером в Рейнснесе. Хотя всегда ненавидел это проклятое море, забравшее родителей и заполнившее его сны кошмарами о волнах, которые однажды поглотят всех. Ему хотелось плакать над богом, который цеплялся за каждый перевернутый киль и думал только о собственном спасении.

Он обнимал Дину, пока ее дрожь не утихла. Звуки, доносившиеся с палубы, казались далеким бессмысленным эхом. Чайки носились над низким августовским солнцем, которое наконец-то нагрело крышу каюты.

— Ты избавил меня от необходимости идти в Каноссу, чтобы каяться и объяснять появление незаконного ребенка, — горько сказала она.

— Твои страдания все искупили.

— Стине избежала тюрьмы, потому что это было во второй раз.

— Кто считает разы? Скажи, Бога ради, кто из нас так чист, чтобы считать эти разы? — сказал Андерс.

— Нильс все отрицал. И никто не считал его виноватым.

— Нильс умер, Дина!

— А Стине живет опозоренная!

— На этот раз пересудов не будет. И не думай об этом, все прошло.

— А некоторые из-за этого попадают в тюрьму, — не унималась Дина.

— В наше время уже нет.

— И в наше попадают. Кирстен Нильсдаттер Грам приговорили к трем годам тюрьмы за то, что она остригла девятнадцать овец своего соседа и стащила у него из амбара муку и солонину… А Нильс утаил целое состояние… И оставил Стине опозоренной…

Андерс понял, что у нее в голове все путается.

— Кроме Нильса, у меня никого не было, — проговорил Андерс, обращаясь больше к себе, чем к Дине.

Она как будто вернулась издалека.

— У тебя есть я! — Она неожиданно сильно ущипнула его за руку. — Тебе не придется жалеть, Андерс… Ни о чем!

Они обменялись взглядом. Словно скрепили договор печатью.

До самого Тьелдсунда никто не осмелился их беспокоить. Андерс объяснил команде, что на шхуне побывала смерть. Но видимо, передумала и решила отступить.

И юнга, который единственный приходил в каюту с горячей водой и супом, охотно подтвердил, что Дина настолько больна и слаба, что даже не

может разговаривать.

Матросы мимо каюты ходили на цыпочках. Грубые шутки и радость, которая охватила их при приближении к родным краям, поугасли. Матросы прикидывали, как им доставить хозяйку на берег.

Андерс помог Дине сесть, чтобы она могла взглянуть на мир через иллюминатор.

Начиналось торжество плодоносной осени. Дина же потеряла свой плод.

В одном месте они увидели морской пакгауз на сваях и причал.

— Это лавка и причал торговца Кристенсена, — объяснил Андерс. — Хитрый мужик! Послал на международную выставку в Париже мешок озимого ячменя и написал на бумажке: «Озимый ячмень, родился на 68° северной широты»!

Дина слабо улыбнулась.

Когда они проходили мимо Сандторга, Андерс хотел сойти на берег и привезти к Дине доктора. Она воспротивилась:

— Он потом разнесет повсюду, что со мной было!

— А если ты умрешь, Дина? Если снова начнется кровотечение?

— Значит, судьба.

— Как ты можешь так говорить! Ничего он не расскажет, не должен, все-таки доктор, его долг — молчать. Я так понимаю.

— Долг не долг, а только люди болтают обо всем.

— Ты сурова, Дина! Неужели ты не думаешь о своем здоровье? Не боишься смерти?

— Сейчас глупо говорить об этом, Андерс…

Он долго смотрел на нее. Надеялся, что она изменит свое решение. Но она даже глаз не открыла. Тогда он вышел и затворил за собой дверь.

Дина немного оживилась, когда проходили Вогс-фьорд.

Она уже не лежала, а сидела. Но на щеках у нее еще горели лихорадочные пятна. И глаза были похожи на мутное стекло.

Заросшие березами холмы были окаймлены выбеленными солнцем берегами. Островки и вершины беспечно проплывали мимо. Мелкие волны плескались о борт шхуны.

Раза два Дина снова впадала в забытье. И тут же над ней с пронзительным криком склонялась голова Ертрюд, пар клубился и душил Дину. Она старалась не спать.

Я Дина. Я вижу все прожилки в распустившихся листьях березы. Но

теперь осень. Олине собирает мою кровь и разливает ее по бутылкам. Она заливает их горячим сургучом и говорит, что поставит на зиму в погреб. У зеленых бутылок тяжелый и сытый вид. Служанкам не снести больше одной бутылки за раз.

Команда пребывала в добром расположении духа. Погода благоприятствовала их возвращению домой. Каждый думал о своем. Море было покрыто мелкой рябью, а небо словно забрызгано сливками. Сливки держались возле вершин и не мешали солнечным лучам попадать на землю. Берега заливов и мысов заросли лесом. Зелень сверкала после дождя. Страндстедет лениво покачивался вокруг мыса Ларснессет, и церковь казалась добрым белым великаном, возвышавшимся среди всей этой зелени и сини.

Наконец они обогнули последний мыс и увидели Рейнснес, над флагштоком с достоинством реял флаг. Кто-то на берегу увидел, что они вошли во фьорд.

Андерс хотел помочь Дине расчесать волосы. Но им пришлось отказаться от этой затеи. Они просто спрятали их под шляпу.

Матросы предлагали отнести Дину на берег на скамейке. Но она отказалась.

Увидев, как она вышла из каюты, обняв Андерса за шею, они поняли, что она действительно серьезно больна. Такой Дину еще не видел никто.

Она была похожа на морскую птицу, которую освободили после долгого пребывания в сетях. Шляпа съехала набок. Слишком большая и хрупкая, она не вынесла унижения, когда ее хозяйку, словно мешок, перетащили в лодку, чтобы доставить на берег.

Было видно, что Дина из последних сил пытается сохранить достоинство. Но ей это плохо удавалось. Мужчины отвернулись, чтобы не смущать ее понапрасну.

Андерс помог ей перебраться через скользкие и липкие от водорослей камни. На мгновение Дина остановилась среди удивленных, онемевших людей. Она стояла как коза, увидевшая на склоне среди камней три зеленых стебелька. Потом двинулась дальше.

Матушка Карен помахала ей рукой со скамейки в саду. Стине смотрела на солнце. Смуглая рука Вениамина спряталась в складках ее юбки. Андерс был рядом. Но Фома не вышел из конюшни.

Матросы сошли на берег. Их приветствовали радостные возгласы. Но все было как бы немного приглушено. Глаза людей не отрывались от

Дины.

— Что случилось?

Андерс всем объяснял. Спокойно. Словно заученный урок. Его рука, обнимавшая Дину, дрожала.

Тут же протянулось много рук, которые подхватили ее. Стине. Служанки. От этого Дина вдруг ослабела еще больше. Ноги уже не держали ее. Она упала, и водоросли, покрывавшие камни, тихо вздохнули.

Дина вернулась домой.

Ее уложили в постель под присмотром Стине. Наконец-то мужчины почувствовали свободу.

У Андерса тяжесть свалилась с плеч. Он пережил не один шторм, спасая людей от верной смерти. Но такого плавания у него еще не было.

Он никогда не рассказывал о собственных подвигах, поэтому ему ничего не стоило умолчать и об этом. Он действовал как торговец и шкипер от имени Дины. Ведь она лежала в постели и не могла позаботиться об угощении.

Андерс раздал привезенные подарки. Из Бергена и Трондхейма. Ящики и коробки.

Всех привела в восторг швейная машина Стине. На завитушках чугунного литья была марка «Вилькокс & Гибс», поверхность столика была отделана ореховым деревом. Именно такую машину Стине видела в журнале, она стоила четырнадцать талеров.

Стине не могла опомниться от радости. Она ходила по комнатам и все время всплескивала руками. Лицо у нее пылало, она четыре раза забегала к Дине, чтобы поблагодарить ее за подарок и сказать, что это больше, чем она заслужила.

Комнаты Рейнснеса гудели от веселых голосов. Сверкали и звенели рюмки. Шелестела шелковая бумага, щелкали замки, шуршала одежда.

Бурый сахар и кофе подверглись особому осмотру. Женщины восхищенно примеряли платки и шали с красными розами и длинными кистями, разглаживали их руками. Разглядывали кольца, пристегивали брошки.

Юнга, у которого это было первое плавание, должен был откупиться от девушек, потому что за время поездки у него выросла борода. Он покраснел и хотел убежать, но девушки задержали его и вывернули у него карманы, ища бергенские гостинцы.

Ханна прижимала к себе куклу с грустным белым лицом. На кукле было красное бархатное платье и пальто с капюшоном. Голова, руки и ноги

у нее были на шарнирах. Они весело поскрипывали под платьем, когда Ханна двигала ими.

Вениамин получил в подарок пароход, прикрепленный к дощечке. Благодаря умелым рукам Андерса пароход выпустил в гостиной облако пара. Но Вениамин и смотреть не хотел на пароход, который пускала не Дина.

Коробку с бергенским печеньем передавали из рук в руки, пока она не опустела. На дворе из ящика со стружкой достали новый колокол и повесили на ось, где висело точило, чтобы испытать звук.

Вениамин ударил по колоколу, и тот запел. Он ударял снова и снова. Люди улыбались. Матушка Карен в окне была похожа на фарфоровую куклу в кружевах. Она прищурившись смотрела на людей.

— Звук слишком резкий, — скептически сказала Олине про колокол.

Андерс считал, что звук изменится, когда колокол повесят на место, под крышу амбара.

— На деревянной балке он будет звучать лучше, — пообещал Андерс.

Он покосился на Дом Дины. Окно было открыто, и кружевная занавеска колыхалась в воздухе. Край ее зацепился снаружи за неровную доску наличника и рвался изо всех сил, стараясь освободиться.

Андерс вдруг подумал, что будет жалко, если ветер порвет занавеску.

Фома не показывался весь день. Он неделями готовился к возвращению шхуны. Боль его постепенно утихла. Но ему и раньше бывало не по себе, когда шхуна возвращалась после долгого отсутствия.

Когда суда уходили в плавание, в Берген или в Трондхейм, в усадьбе оставалось мало мужчин. Зато после их возвращения мужских рук бывало в избытке.

Фома обычно занимался только хлевом и лошадьми. О делах в усадьбе он рассказывал, лишь когда у него спрашивали об этом. К этому привыкли. Он видел, как Дина шла к себе в дом. Незнакомая. Без лица, без глаз. Поникшая, точно моток шерсти. Железные крючки впились ему в сердце.

Пока люди праздновали возвращение шхуны, Фома держался поближе к Стине, чтобы узнать у нее про Дину. Чем она больна? Правда ли, что ее выворачивало от морской болезни во время шторма в Фолловом море? У нее что-то с желудком?

Стине кивала. Так, так. Самое плохое уже позади. Она дает Дине отвар из корней, которые только что нарыла. Дина поправится… Но не сразу…

Темные блестящие глаза смотрели сквозь Фому, не замечая его. Мысли Стине были скрыты за семью печатями.

ГЛАВА 11

Так праведнику воздается на земле, тем паче нечестивому и грешнику.

Книга Притчей Соломоновых, 11.31

Днем груз перевозили на берег и сортировали — одну часть должны были получить заказчики, другая оставалась на складе, все следовало разложить по местам.

Антон помогал в этой работе. Он должен был также помочь вытащить судно на берег, где оно будет отдыхать до похода на Лофотены. Нужно было воспользоваться тем, что в усадьбе собралось столько мужчин. В этих краях не было обычая оставлять суда в воде. В мокром дереве скорее заводятся черви. Да и непогода могла оказаться роковой для судна, оставшегося без присмотра.

В ту осень «Матушку Карен» вытаскивали на берег два дня. Морякам помогали работники и водка. Еще в 1778 году покойный амтман постановил, что шкиперу судна за такую ответственную работу положено больше водки, чем всем остальным. Но Андерс по-братски делился своей долей с другими.

Уровень воды был невысок, однако дело все-таки ладилось. С помощью смекалки, проклятий и молитв. Ну и, конечно, таких подручных средств, как тали, канаты и лебедка. Дело шло медленно, но верно.

Угощение готовила Олине. Она не могла допустить, чтобы работники ели старые, оставшиеся на судне сухари или даже засохшие бергенские плюшки. Олине поставила варить солонину и развела в поварне огонь, чтобы испечь свежего хлеба и нагреть воды для мытья.

Конечно, от солонины мужчин будет мучить жажда, это ясно. Но это ее уже не касается. Она позаботилась лишь о том, чтобы кофе и сиропа было в достатке.

На лодках, на лошадях и пешком люди стекались в Рейнснес. Те, кто посылал товары в Берген, и вообще все считавшие, что так или иначе могут оказаться там полезными. Люди знали, что это потом окупится. А вот если они не придут, им это рано или поздно припомнят. Так уж повелось в этих местах. Так гласило простое и старое правило.

Впрочем, люди спешили не только помочь. Ведь после всех трудов их в Рейнснесе ждал еще и праздник с угощением. И танцы в пакгаузе

Андреаса.

Угощали всегда в Рейнснесе на славу. Застолья бывали веселые и шумные.

И служанки там были не в пример служанкам из других мест. Внимательны, предупредительны. И податливы, как масло на солнце. Так, во всяком случае, говорили.

Андерс как хозяин следил за порядком. Дина лежала на новой, привезенной кровати.

Странное чувство охватило всех, когда стало известно, что она не будет присутствовать на берегу во время работ. Не будет играть на виолончели, не будет командовать, когда тянут тали, не будет морщить лоб, как старый сапожник, у которого что-то не ладится.

Обычно, встречаясь с жителями дальних мест, они с гордостью рассказывали об этой высокой женщине, что, подбоченясь, отдавала команды. В Рейнснесе все было иначе, чем в других усадьбах.

Матушка Карен очень тревожилась за Дину. Она с трудом ковыляла через двор, садилась рядом с кроватью и читала Дине вслух или беседовала с ней часа два в день.

Дина мирилась с этим, в глазах у нее пряталось что-то вроде улыбки. Она пожаловалась матушке Карен и Стине, что больше не может пить вино. Ее тошнит.

Стине считала, что мысли о вине — признак выздоровления. Но матушка Карен сочла, что жаловаться на это после такой болезни — богохульство.

Олине кормила Дину печенкой, сливками и свежей черникой, что должно было прогнать лихорадку и восстановить кровь.

Дважды в день Стине помогала ей расчесывать волосы, так же как всегда помогала матушке Карен. О Дининой болезни она знала больше, чем говорила. Как будто говорить о ней было небезопасно. У комнат и у вещей были уши.

Стине знала, кого должна благодарить за то, что живет в Рейнснесе. Она лишь поглядывала на Дину из-под густых ресниц. Глаза у нее были как зрелая морошка на горных болотах в сентябре. Темно-янтарные. Мягкие.

Дина попросила ее принести мыло, которое Иаков привозил из своих поездок в город. Стине принесла коробку и открыла крышку.

Запах мыла, точно запах цветущего луга, наполнил комнату. Стине поправила подушки и принесла черничный сок в старинном хрустальном

кувшине.

Она заставила Олине украсить поднос, на котором стояла вазочка с малиной в сахаре. А Ханне велела принести с огорода земляники. Земляника была нанизана на стебелек и подана на тарелке с золотой каемкой, рядом лежала белоснежная салфетка и стояла рюмка мадеры.

Когда-то на базаре Дина встретила девушку, которая замечательно пела, и привезла ее в Рейнснес. Девушка должна была прислуживать Дине в ее новом доме.

Но теперь ее отправили на кухню помогать Олине. Стине интуитивно поняла, что сейчас здоровая, крепкая девушка в этих комнатах будет лишней. От ее запаха, походки и тяжелой чувственности в доме становилось душно. Больной Дине это было ни к чему. Стине хорошенько проветрила после девушки и всего, что ей сопутствовало.

В конце концов в комнате остался лишь запах мыла, которое привозил Иаков, и надежный запах Стине, запах вереска, свежего белья и сухих трав. Такой запах обычно замечают, лишь когда он вдруг исчезает.

Через несколько дней Дина послала за Андерсом. Он вошел к ней разувшись, в одних носках, и держался как чужой. Словно впервые увидел ее в этой большой кровати с пологом из немецкого кружева и таким же покрывалом. Словно никогда не помогал ей избавиться от маленького синеватого комочка, затянутого пленкой, не смывал с нее кровь во время шторма в Фолловом море.

Он стоял без шапки, заложив руки за спину, и чувствовал себя не в своей тарелке.

— Ну, как здоровье, возвращается помаленьку? — спросил он.

— Все хорошо. — Она поманила его к себе. — Садись, Андерс, мне надо поговорить с тобой о делах.

Андерс вздохнул с облегчением, схватил стул и сел на приличном расстоянии от кровати. Потом он вздохнул и улыбнулся.

— Я сейчас не могу заниматься счетами в лавке, — сказала она.

Он кивнул — это было ясно и без слов.

— Поможешь мне? У меня еще слишком мало сил. Андерс снова кивнул. Он был похож на человечка в барометре матушки Карен, который перед плохой погодой выскакивал и низко кланялся.

— Скоро я встану на ноги и займусь всем сама. Но сейчас надо проверить заказы на зиму. Надо послать предупреждение должникам: сперва пусть расплатятся, а потом получат нужное снаряжение. Их не так

много. Но ты знаешь… — Она откинулась на подушки и посмотрела ему в глаза. — С наших арендаторов не бери ничего. Они могут расплатиться поденной работой перед Рождеством.

Уголки губ у нее опустились, глаза были неспокойны. Она протянула ему руку.

Он сидел неподвижно, словно не понимая, что от него требуется. Потом подвинул свой стул ближе к кровати и прикоснулся к ее руке.

— Андерс… — вдруг шепнула она.

— Что? — тоже шепотом отозвался он.

— Ты мне нужен, Андерс!

Он глотнул воздуха и отвернулся. Маленький мальчик с упрямым подбородком и серьезными голубыми глазами, который первый раз подошел к алтарю и увидел большие зажженные свечи.

— Я с тобой! — Он взял ее руку в свои.

— Пошли за ленсманом. Я хочу составить завещание.

— Но, Дина! Что у тебя за мысли? Не думаешь же ты… Ты поправишься, непременно поправишься!

— Смерть в наших краях берет то, что ей причитается, невзирая на возраст и положение, — сказала она.

— Смелые слова!

— Не волнуйся. Просто я должна записать, как мне хочется распорядиться тем, что принадлежит мне.

— Да-да, понятно.

— Шхуна «Матушка Карен» останется тебе, Андерс. Она твоя. И она переживет нас обоих.

Андерс несколько раз шумно вздохнул.

— Ты это серьезно? — выдавил он с трудом после долгого молчания.

— Конечно, раз я так сказала.

Солнечный луч упал на умывальник и лег легкой дымкой на его розовый край. Потом забрался на непослушные светлые волосы Андерса. И высветил седину на висках.

Андерс уже не был похож на человечка в барометре матушки Карен. Он был похож на херувима с факелом, которых изображают на закладках для книг.

— Ты ничего не слышал? — спросила Дина через некоторое время.

— Что тебя интересует?

— Может, кто-нибудь подозревает, что у меня был совсем другой недуг? — жестко спросила она.

Нижняя губа Андерса изогнулась в улыбке.

— Нет. Никто. Я же им все объяснил.

— А если дело все-таки дойдет до суда? — прошептала Дина, тяжело глядя ему в глаза.

— То я подтвержу это под присягой, — твердо сказал он. Она вдруг резко села. Наклонилась вперед и обеими руками схватила его голову. Крепко прижала к себе. Она держала ее как в тисках и сверлила его глазами.

На мгновение все вокруг них заколебалось, задрожало. Второй раз Дина и Андерс заключили между собой договор. Они понимали друг друга.

И тут же все кончилось.

В прихожей он надел сапоги и вышел в сумерки.

Сегодня его нижняя губа казалась мягкой. Он сбрил бороду, отросшую за время долгой поездки. Незагорелая часть лица пылала.

Идя через двор, Андерс держался необычно прямо.

ГЛАВА 12

Рука прилежных будет господствовать, а ленивая будет под данью.

Книга Притчей Соломоновых, 12.24

Прошел октябрь, и на березах не осталось ни листочка. Первый снег унесло в море, второй прочно лег на землю, и мороз нашел свою бочку с водой, что стояла у поварни. Печи топили с утра до вечера, пока люди не расходились спать. Охоты в том году не было, и брусника замерзла на своих кустиках.

Но Дина наконец начала ходить.

Матушка Карен получила письмо от Юхана. Это была сплошная жалоба. Ему не нравилось в Хельгеланде. Пасторская усадьба находилась в ужасном состоянии. Крыша текла, у него не было самого необходимого. У служанок ничего не допросишься, если не платить им золотом. А паства скупа, и помощи от нее никакой. Не могла бы матушка Карен прислать ему денег, хоть немного, в добавление к той ренте, что он получает ежегодно из материнского наследства? Тогда бы он приобрел себе облачение для службы и постельное белье.

Матушка Карен пошла к Дине и скорбным голосом прочитала ей вслух это письмо. Она зябко потирала руки и сидела у белой кафельной печки, не снимая шаль.

— У тебя поредели волосы, — сказала Дина и тоже села.

Матушка Карен смутилась и поправила волосы на макушке.

Языки пламени вырывались в открытую дверцу печки в вечной погоне за поживой.

— Не повезло ему с этим приходом, — грустно сказала матушка Карен и умоляюще взглянула на Дину.

— Я не сомневалась, что так будет, — сказала Дина. — А теперь он хочет получить немного и из твоих денег?

Дина искоса поглядела на матушку Карен.

— У меня уже ничего не осталось, — смущенно призналась матушка Карен. — Я почти все отправила ему, пока он учился. Жить в Копенгагене так дорого… Немыслимо дорого… — Она покачивалась из стороны в сторону и вздыхала. — Знания — это верный друг, но приобретается эта

дружба дорогой ценой, — прибавила она.

— Может, Юхан хотел бы получить свою долю наследства? — добродушно спросила Дина.

— Я думаю, это было бы лучше всего. — Матушка Карен обрадовалась, что Дина сама заговорила о деле и избавила ее от необходимости просить деньги для Юхана.

— Я поговорю с ленсманом, попрошу его подсчитать сумму и заверить все у свидетелей.

— Разве такие формальности необходимы?

— Конечно. Когда речь идет о наследстве, следует соблюдать все формальности, матушка Карен. В Рейнснесе есть и другие наследники.

Матушка Карен быстро взглянула на нее и неуверенно пробормотала:

— Я думала… может, это была бы… просто небольшая помощь, которая не зачтется…

Дина ответила ей острым взглядом, загнавшим матушку Карен в угол.

— Ты хочешь, чтобы Вениамин отдал свою часть наследства старшему брату, получившему пасторский сан? — тихо спросила она, делая ударение на каждом слове.

Матушка Карен склонила голову. Седой пучок на затылке уставился в потолок. Над ушами дрожали серебряные локоны. Она теребила крестик, висевший на шее.

— Нет-нет, этого я совсем не хотела! — вздохнула она.

— А я поняла именно так. Значит, мы просто не поняли друг друга, — равнодушно сказала Дина. — Тогда я попрошу ленсмана заверить в присутствии свидетелей бумагу, что Юхан получил аванс из своей доли наследства в добавление к той сумме, которую он получил раньше.

— Нелегко ему вот так, по частям, получать отцовское наследство, — грустно сказала матушка Карен.

— Всегда трудно, если живешь не по средствам. Особенно впоследствии, — заметила Дина.

— Но, милая Дина, Юхан не такой…

— Именно такой! — отрезала Дина. — Он получал твердую ренту, когда учился на пастора, плюс ты преподнесла ему все свои деньги!

Наступило молчание. У матушки Карен было такое лицо, будто ее ударили. Она протянула к Дине руки. Хотела защититься. Потом опустила руки на колени. Они дрожали, и она крепко сжала их.

— Милая, милая Дина, — хрипло сказала она.

— Милая, милая матушка Карен, — сказала Дина. — Юхану пора совершить что-нибудь значительное, пока он еще жив. Я говорю прямо,

хотя и люблю его.

— Но он уже совершил, стал пастором…

— А на мне лежала ответственность за Рейнснес, пока он здесь жил, отдаваясь духовной жизни и чревоугодию! Он даже палец о палец не ударил!

— Ты чересчур сурова, Дина. Я с трудом узнаю тебя.

— И давно я так изменилась?

— Давно. Когда-то ты любила спать до обеда и ничем себя не утруждала.

— С тех пор прошло много жизней!

Матушка Карен вдруг встала со своего кресла и неуверенными шажками подошла к Дине. Склонилась над ней и погладила ее по голове:

— У тебя слишком много забот, милая Дина. На тебе лежит слишком большая ответственность. Это все правда. И никто не понимает этого так, как я. Ведь я знала тебя еще тогда… Тебе надо снова выйти замуж. Нельзя жить одной. Ты еще молодая…

Дина жестко рассмеялась, но не отклонилась.

— Может, у тебя есть на примете подходящий человек? — спросила она, глядя в сторону.

— Этот русский подошел бы тебе, — сказала матушка Карен.

Дина густо покраснела:

— Почему ты так решила?

— Потому, что я видела, как ты бегаешь на бугор с флагштоком и смотришь на море, словно кого-то ждешь. И потому, что этот русский заставил твои глаза сиять ярче елочных свечей в последнее Рождество. А когда он уехал, ты стала такой желчной… Если уж говорить прямо…

Дину начало трясти.

— Да-да, да-да, — приговаривала матушка Карен и непрерывно гладила Дину по голове. — Любовь — это безумие. Так было, и так есть. Она не проходит. Даже если ее испытывают буднями и непогодой. Она причиняет боль. Временами…

Казалось, матушка Карен обращается к самой себе или к кафельной печке. Взгляд ее скользил по комнате, она переступала с ноги на ногу.

Неожиданно Дина обняла ее, посадила к себе на колени и стала покачивать, покачиваясь и сама вместе с ней.

В ее объятиях матушка Карен казалась маленькой девочкой.

Они сидели и качали друг друга. А их тени плясали по стенам, и огонь медленно угасал.

Матушке Карен чудилось, что она снова молода и сидит в шлюпке, которая должна доставить ее на галеас, на котором она с любимым мужем впервые поедет вместе в Германию. Она чувствовала запах моря и просмоленной пакли.

— У моего мужа были такие нежные губы, — мечтательно сказала она, покачиваясь в объятиях Дины. Она закрыла глаза и поболтала ногами. — И такие светлые вьющиеся волосы, — прибавила она, улыбаясь сквозь синие жилки век. Из-за них ее мечты окрасились в красноватый цвет. — Когда я первый раз поехала в Гамбург, я была на втором месяце. Но я никому не сказала о своей беременности, боялась, что мне не разрешат ехать. А на судне признаки беременности приняли за морскую болезнь. — Матушка Карен захлебнулась от воспоминаний и смеха.

Дина уткнулась ей в шею. Обхватила покрепче и продолжала покачивать.

— Рассказывай, матушка Карен! Рассказывай! — попросила она.

Из углов тянуло холодом. Зима проникала повсюду. Тени двух женщин в кресле медленно поглотила тень от стены. Иаков теперь сидел с ними, но не мешал.

А любовь тем временем продолжала свои вечные поиски на русских проселках, в русских лесах и больших городах.

— Матушка Карен, но ведь я не могу сама к нему посвататься! — вдруг с отчаянием сказала Дина, прервав историю матушки Карен, которая как раз прибыла в Гамбург и мужу стало известно о ее беременности; отец Иакова подбросил ее в воздух, словно мешок с сеном, и поймал так осторожно, будто она была сделана из хрупкого стекла.

Матушка Карен была настолько поглощена своими воспоминаниями, что растерянно замигала:

— Посвататься?

— Ну да, если Лео опять приедет!

— Конечно можешь! Вдова Иакова Грёнэльва может сама посвататься к человеку, с которым хотела бы соединить свою жизнь! А как же иначе! Конечно можешь!

Иакова встревожил этот взрыв чувств со стороны матери, и он отступил в стену.

— А если он мне откажет?

— Не откажет!

— Ну а если?

— Значит, у него есть на то веские причины, хотя я их не вижу, — сказала матушка Карен.

Дина прислонилась к ней головой.

— Ты считаешь, что я должна постараться получить его?

— Да, нельзя позволить любви уйти из твоей жизни и даже пальцем не пошевельнуть, чтобы удержать ее.

— Но я искала его.

— Где? Я думала, ты ждала, что он сам подаст признаки жизни, и потому была как зверь в клетке.

— Я спрашивала о нем и в Бергене, и в Трондхейме, — жалобно сказала Дина.

— Если бы ты встретила его там, это была бы редкая удача.

— Да…

— Ты знаешь, где он может сейчас находиться?

— Может быть, в Вардёхюсе или еще дальше, на востоке…

— Что он там делает?

— Не знаю.

Они помолчали. Потом матушка Карен твердо сказала:

— Этот русский с красивым голосом и изуродованным лицом непременно вернется в Рейнснес. Как ты думаешь, где он получил этот шрам?

Юхану отправили круглую сумму. Как аванс из наследства. Все было оформлено в присутствии свидетелей.

Матушка Карен написала ему письмо. Втайне от Дины. Просила его, если возможно, найти Лео Жуковского. Но следов Лео не было нигде. Эта сыскная деятельность ради будущего Дины из Рейнснеса придала матушке Карен бодрости и сознания собственной необходимости. Она даже начала учить Вениамина и Ханну читать и писать, а Дину заставила учить их арифметике.

Так прошла зима со снежными заносами, горящими свечами, приготовлениями к Рождеству и отправкой людей на Лофотены.

Однажды Дина явилась в конюшню. Она хотела поговорить с Фомой.

— Я тебя отпущу, если ты хочешь пойти с Андерсом на Лофотены, — неожиданно предложила она.

На окнах и на двери с внутренней стороны лежал иней. Углы конюшни промерзли.

Но Фома не хотел идти на Лофотены. Он посмотрел на Дину — один глаз карий, другой голубой — и продолжал заниматься лошадьми.

— Фома! — мягко сказала она, словно вдруг превратилась в матушку

Карен. — Не можешь же ты навек загубить себя здесь, в Рейнснесе!

— Тебе кажется, что я гублю себя здесь?

— Ты никуда не ездил. Нигде не бывал…

— Я хотел летом поехать в Берген, да не вышло…

— И потому ты не хочешь идти на Лофотены?

— Не гожусь я для этого.

— Кто тебе сказал?

— Сам знаю.

— Ты еще долго собираешься сердиться на меня из-за Бергена?

— Я не сержусь. Но я не хочу, чтобы ты отсылала меня прочь, будто я тебе здесь мешаю! — еле слышно проговорил он.

Наморщив лоб, Дина покинула конюшню.

Андерс ушел на Лофотены, и Дина не находила себе места. Она беспокойно ходила по своему дому, ей было не с кем выпить вина и выкурить сигару.

Она вставала на рассвете и принималась за работу. Или же устраивалась возле лампы и читала Книгу Ертрюд. Читала торопливо, как осенью гонят с гор овец или как путник карабкается по крутому склону, чтобы сократить путь.

Ертрюд приходила редко. А если и приходила, то всегда ее сопровождал крик. В спальне гулял сквозняк. Занавески взлетали от ветра, стекла звенели. Дина одевалась и шла в пакгауз Андреаса, чтобы утешить и получить утешение. Она брала с собой маленькую перламутровую раковинку. Медленно крутила ее в пальцах и направляла фонарь на восточный угол, умоляя Ертрюд выйти к ней. Из-под потолка свисал невод для сельди. Неподвижный, как тяжелые мысли. Волны громко плескались под самыми половицами.

Иногда она сидела на стеклянной веранде и пила вино. Было полнолуние. Дина с трудом держалась на ногах.

Когда дни посветлели, приехал Юхан. Сказал, что предпочитает жить в Рейнснесе и учить детей, чем замерзнуть насмерть среди чужих и не верующих в Бога людей. У него дрожали губы, и он следил глазами за Диной.

Матушка Карен испугалась: как это он ни с того ни с сего отказался служить Богу?

Юхан считал, что у него есть уважительная причина. Он болен. Уже несколько месяцев он кашляет и не может жить в холодном пасторском

доме. Там только одна исправная печь. Неужели он должен сидеть на кухне вместе со служанкой и писать там свои проповеди и служебные письма?

Матушка Карен поняла его. Она написала письмо епископу, и Юхан подписал его.

Вениамин отдалился от взрослых. Он всегда был мрачный. Его напускная угрюмая многоопытность очень раздражала Юхана. Но когда Вениамин хотел, он учился легко и охотно. Он делил свою любовь между тремя женщинами — Стине, Олине и Ханной. Этих представительниц трех поколений он использовал для разных целей.

Однажды Стине застала Вениамина, когда он пыхтя знакомился с телом Ханны. Ханна с закрытыми глазами лежала на их общей кровати.

Тут же было решено, что отныне Вениамин будет спать в отдельной комнате. Он горько плакал из-за предстоящей разлуки, гораздо горше, чем от стыда.

Стине ничего не стала объяснять ему. Но настояла на своем. Вениамин будет спать отдельно.

Дина, по-видимому, не слышала всего шума, и слово Стине стало законом.

Тем же вечером Дина возвращалась из конторы. В лунном свете она увидела голого Вениамина, который стоял на окне второго этажа.

Окно было открыто, занавески развевались вокруг него, как флаги. Дина поднялась к нему, встала у него за спиной и окликнула по имени. Он не хотел ложиться. Был безутешен. Отказывался с ней разговаривать. И даже не плакал от бешенства, как бывало.

Он оторвал подошвы от своих лучших башмаков, из вязаного покрывала вырезал лепестки и звезды.

— Ты чего так сердишься, Вениамин?

— Я хочу спать с Ханной! Мы всегда спали вместе!

— Но ведь ты плохо поступил с Ханной.

— Как плохо?

— Ты раздел ее.

— Я всегда раздевал ее, когда мы ложились спать! Она еще маленькая!

— Нет, теперь уже большая. — Нет!

— Вениамин, ты уже слишком большой, чтобы спать с Ханной. Мужчины не спят с женщинами.

— Но ведь Юхан спит с тобой! Дина отпрянула.

— Кто тебе это сказал? — хрипло спросила она.

— Я сам видел. Он тоже не любит спать один.

— Не говори глупостей! — строго сказала Дина. Она взяла его за волосы на затылке и стала тянуть, пока он не слез с окна.

— Нет! Я сам видел!

— Замолчи! И сейчас же ложись, а то я тебя выпорю! Вениамин до смерти испугался. Не спуская с нее глаз, он быстро поднял обе руки и прикрыл ими голову, словно боялся, что она его ударит.

Дина отпустила его и вышла из комнаты.

Весь вечер Вениамин неподвижно стоял на окне и смотрел на Дом Дины.

Наконец она снова поднялась к нему. Сняла его, дрожавшего, с окна и уложила в постель. Потом подобрала юбки и спокойно легла рядом с ним. Кровать была достаточно широка для двоих. Маленькому мальчику, который привык спать рядом с теплой Ханной, кровать, конечно, казалась слишком большой и неуютной.

Впервые за много лет Дина видела, как Вениамин заснул. Она погладила его вспотевший лоб, тихонько спустилась вниз и прошла через двор к своему дому.

В ту ночь Дина очень нуждалась в Ертрюд, поэтому она беспокойно кружила по комнатам, пока не увидела в окне серый парус утра.

ГЛАВА 13

Враждуйте, народы, но трепещите, и внимайте, все отдаленные земли! Вооружайтесь, но трепещите; вооружайтесь, но трепещите!

Книга Пророка Исайи, 8:9

Крымская война создала благоприятную конъюнктуру для морской торговли и рыболовства. Но привела к разрыву налаженных связей с русскими. В прошлом году Белое море почти все лето находилось в блокаде. И было похоже, что нынешним летом блокада повторится. Русские суда из моря не выпускались.

Осенью шхунам из Тромсё пришлось самим идти за зерном в Архангельск.

В ту осень, когда Дина и Андерс вернулись из Бергена, Андерс собирался на одной из шхун отправиться на восток. Но вместо этого занялся снаряжением на Лофотены и вообще делал то, «для чего был предназначен», как он выражался.

Всю весну Дина следила за газетами и пыталась понять, заставит ли война купцов из Тромсё опять посылать свои шхуны за хлебом. Ей хотелось наладить связи со шкиперами в Тромсё, которые могли бы привозить продовольствие. Но это было так же трудно, как ободрать живого угря.

— Мне надо самой поехать в Тромсё и там договориться! — сказала она однажды, когда они с матушкой Карен и Фомой обсуждали этот вопрос.

И хотя в прошлую осень в приходе многие собрали хлеба сам двадцать — двадцать пять, что считалось неслыханным урожаем, этого было недостаточно.

В Рейнснесе хлеба почти не сеяли. Было лишь одно небольшое поле — матушка Карен считала это необходимым. Фома же говорил, что забот с полем больше, чем пользы. Про себя он каждый год проклинал это поле матушки Карен.

После урожайной осени матушка Карен набралась смелости и стала убеждать всех, что хлеба следует сеять больше. Особенно теперь, когда снова нависла угроза блокады. В тот день она торжественно прочитала

Дине и Фоме газетную статью управляющего епархией Моцфельдта, который писал, что благодаря войне народ пробудился и понял: нельзя рассчитывать на хлебные поля за морем, это ненадежно. Он призывал людей напрячь силы и пережить зиму без русской муки. Напоминал о необходимости беречь хлеб, стремиться получить от своей земли хлеба больше, чем они получали раньше, и растить его в поте лица своего.

— Я всегда говорила то же самое. Нам надо сеять больше хлеба, — сказала матушка Карен.

— Земля в Рейнснесе не подходит для хлеба, — спокойно заметил Фома.

— Насколько возможно, мы должны обеспечить себя сами. То же самое говорит управляющий епархией.

Олине стояла в дверях. Прищурившись, она глянула в газету и сухо сказала:

— Вряд ли этому Моцфельдту приходится так потеть ради хлеба насущного, как нам в Рейнснесе!

— Мы не привыкли сами выращивать хлеб, — сказала Дина. — Но если матушка Карен считает, что нам следует сеять больше хлеба, мы обратимся за советом в Сельскохозяйственное общество. Это в нашей власти. Но тогда нашим арендаторам придется больше работать на нас. Матушка Карен, ты считаешь, это будет справедливо?

— А разве нельзя нанять работников? — Матушка Карен не думала о практической стороне вопроса.

— Мы должны делать то, что нам выгодно. Нельзя заготавливать корм для такого количества животных и в то же время выращивать хлеб. Ведь у нас, на севере, хлеб хорошо родится далеко не каждый год. Но немного увеличить посевы мы, конечно, могли бы. Можно распахать землю на южном склоне, хотя она и не защищена от ветра с моря.

— Сколько еще придется поработать, пока посевы на том склоне окупятся! — Фома был недоволен.

— Рейнснес — торговый дом, — сказала Дина. — Все цифры говорят о том, что именно торговля дает нам самый большой доход. У матушки Карен были добрые намерения, но ей не знаком крестьянский труд, зато она лично знакома с управляющим епархией и он пользуется ее расположением.

— Управляющий епархией не понимает — нельзя жить надеждой, что зимние заморозки начнутся поздно, — сказала Олине.

Матушке Карен нечего было возразить им, но она не сердилась.

Когда шхуна и карбас под командой Андерса вернулись с Лофотенов, Дина собралась ехать по делам в Тромсё.

Похоже, война продлится еще долго, надо приготовиться к тому, что муку придется везти из Архангельска, так сказала Дина. Она не хочет больше платить втридорога за русскую муку, которую привозят купцы в Тромсё. Она намерена сама явиться к медведю, выманить его из берлоги и попытаться заполучить свою часть шкуры.

Она не желает и в эту зиму платить по четыре — шесть талеров за рожь и по три — шесть талеров за ячмень. Андерс поддержал ее.

Они вместе просмотрели все бергенские счета и прикинули, сколько они выручат за купленную на Лофотенах рыбу. Прикинули они также, сколько муки надо купить в Архангельске. Амбаров для хранения у них было достаточно.

Дина хотела купить муки больше, чем требовалось для снаряжения судов на Лофотены и торговли в лавке. Ей хотелось иметь запас на трудные весенние месяцы. Вряд ли в Страндстедете, да и во всем Тьелдсунде, будет достаточно хлеба.

Андерс считал, что если она выложит наличные, когда купцы в Тромсё будут снаряжать свои суда, то ей будет легче приобрести муку по сходной цене. В Тромсё многие купцы привозят муку из Архангельска, и на них можно положиться. Можно также с выгодой использовать старые торговые связи. Главное — это поладить.

Андерс не сомневался, что Дина справится с этой задачей лучше, чем он. Только пусть попридержит язык. Купцы в Тромсё раскусят ее скорее, чем в Бергене. Пусть помнит об этом.

Все было решено. О том же, что она намерена съездить еще и в Вардёхюс, Дина не сказала никому. Кроме матушки Карен. Как она попадет из Хаммерфеста в Вардёхюс, она себе не представляла. Но должны же там ходить какие-нибудь суда.

То, что Дина выплачивает Андерсу проценты от стоимости груза, направляемого в Берген, и к тому же разрешает самостоятельно торговать лесом, который он в плотах пригоняет из Намсуса, было предметом многих досужих разговоров и зависти.

Видать, есть между ними что-то, о чем никто не догадывается, что держится в тайне от всех.

Слухи набирали силу. Особенно после того, как торговец в Намсусе обманул Андерса, а Дина его выручила, расплатившись за него. Дело было так: Андерс заплатил торговцу за бревна, не зная, что тот разорился и

продал бревна, ему уже не принадлежавшие. Новый владелец потребовал у Андерса деньги за бревна. Поскольку свидетелей сделки с первым торговцем у Андерса не было, ему ничего не оставалось, как заплатить еще раз.

Эта история никого не оставила равнодушным. Слухи вились, как мухи над свежей коровьей лепешкой. Воображение у людей разыгралось вовсю.

— Что-то тут не чисто, если Дина Грёнэльв, такая прижимистая, разделила со своим шкипером его убыток. Мало того, она вписала его в свое завещание и отказала ему лучшее судно!

Эти грязные слухи дошли до ушей матушки Карен. Она послала за Диной и, взволнованно потирая руки, спросила у нее, что они означают.

— А если и так? Если между нами что-то есть, у кого достанет ума и власти указывать нам, как себя вести?

Матушку Карен не удовлетворило такое объяснение.

— Следует ли понимать тебя так, что ты собираешься выйти замуж за Андерса?

Дина оторопела:

— Ты что, хочешь, чтобы я вышла замуж сразу за двоих мужчин? Не ты ли сама благословила меня на поиски Лео?

— Но пойми. Нехорошо, когда люди болтают… Я ведь только поэтому…

Но мысль уже облеклась в слова. Мысль о том, что Андерс может стать хозяином Рейнснеса.

Дина ходила под балкой, на которой повесился Нильс, и вызывала его к себе.

Он был смирный и приводил множество доводов в свое оправдание. Она их не приняла, запихнула его обратно в петлю и толкнула так, что он закачался, как маятник на часах.

Она напомнила ему: он рано успокоился, даже если больше не кормится в Рейнснесе. Его репутация в ее руках. Прежде чем лечь спать, она дала ему понять, что, если он не остановит все эти слухи, она поймает его на слове. Выйдет замуж за Андерса. С венчанием и пышной свадьбой.

Нильс вдруг сник, ослабел и исчез вместе со всеми своими оправданиями.

Если Андерс и слышал эти сплетни, то виду не подавал. Занимался своим делом.

Он посоветовал Дине, с кем ей следует встретиться в Тромсё, чтобы купить муку, написал имена тех, с кем ей ни при каких обстоятельствах не следует вступать в сделку. Вместе с нею еще раз проверил списки и цены на товары. Прикоснулся к ее руке и даже не заметил прикосновения.

Они обсуждали максимальную цену, какую могут дать за русскую муку, чтобы продать ее потом в лавке по доступной людям цене и не понести при этом потерь. И количество муки, которое надо иметь в амбарах к началу весны.

Руки Андерса то и дело ворошили густые русые волосы, иногда он энергично кивал, чтобы подкрепить свои слова. Глаза блестели и были широко открыты. Казалось, Андерс только что побывал у причастия и получил отпущение грехов.

Наконец они покончили с делами. Дина принесла початую бутылку рома и прямо спросила у Андерса, слышал ли он, какие о них ходят сплетни.

Андерс широко улыбнулся:

— До моих ушей дошло, что кое-кто в Страндстедете и среди арендаторов не прочь женить старого холостяка из Рейнснеса. Но это бывало и раньше.

— И что же ты отвечаешь на это?

— Стараюсь помалкивать.

— И даешь сплетням волю?

Он с удивлением посмотрел на нее. И молча закрыл папку с бумагами.

— Ты думаешь, мне приятно слышать эти сплетни? — через некоторое время спросила Дина.

— Нет, — ответил он не сразу. — Но и убиваться из-за них тоже не стоит.

Он насмешливо смотрел на нее. И Дина сдалась. Они рассмеялись. Чокнулись рюмками и снова засмеялись. Но сделать вид, будто этого разговора между ними не было, они уже не могли.

— «Принц Густав» похож на женщину! — мрачно объявил Вениамин и засунул пальцы под подтяжки, как любил делать Андерс.

— Это просто такая фигура на носу, для украшения, это ненастоящий принц Густав! — объявила Ханна и вытянула шею. Любопытная, как ласка, она всегда боялась пропустить что-нибудь интересное.

Ханна хотела обнять Вениамина, но он вырвался и подбежал к Дине, которая стояла на причале в дорожном костюме.

— «Принц Густав» — женщина! Неужели ты поедешь на женщине? —

сердито крикнул он ей и поддал ногой камень так, что чуть не угодил Стине в голову.

Дина промолчала.

Вениамин не отступал, хотя кругом было много людей, которые пришли проводить Дину.

— Ты и в этот раз вернешься домой как дохлая ворона? — с горечью крикнул он ей.

— Придержи язык! — сказала она тихо, но достаточно грозно.

— Сколько ты лежала в постели после прошлой поездки!

Он плакал, уже не таясь.

— В этот раз так не будет.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Он прижался к ней и рыдал от отчаяния.

— Ты слишком шумно ведешь себя, Вениамин, — твердо сказала Дина и положила руку ему на затылок.

— Зачем ты туда едешь? Матушка Карен говорит, что там круглый год зима. И ничего нет, только птичий помет да кричат чайки! — с торжеством заявил он.

— Мне надо туда поехать. Я так хочу.

— А я не хочу!

— Это я уже слышала.

Он хватал ее за платье и плакал, не теряя надежды ее удержать, пока она не села в лодку и Фома не оттолкнулся веслом от причала.

— Этот мальчик уже никого не стесняется, — сказала она Фоме.

— Он хочет, чтобы мать была с ним. — Фома посмотрел в сторону.

— Я не понимаю…

Лодка шла против ветра, и Дина придерживала шляпу. Фома равномерно взмахивал веслами.

— Ты тут присматривай за порядком, — дружески сказала она. Словно он был дальний знакомый, которого ей приходится просить об услуге.

— Все обойдется. Но ясное дело, будет трудно: Андерс уйдет в Берген, тебя тоже не будет. Придется нанимать много людей… На сенокос и…

— Раньше ты с этим справлялся.

— Да, — коротко бросил он.

— Я на тебя полагаюсь, Фома. И смотри получше за Вороным. Езди на нем иногда, — вдруг сказала Дина.

— Никого, кроме тебя, он на себе не потерпит. Она промолчала.

— Смотри, никак это матушка Карен сидит у окна в зале? — спросила

Дина и помахала рукой.

Этот гудящий и извергающий клубы дыма пароход был назван «Принцем Густавом» в честь младшего сына короля Оскара. Его форштевень украшала фигура женщины. Не больно красивая, но заметная. Имя принца было написано на лопастях колеса замысловатыми буквами и увенчано короной.

Колесо заработало. На берегу в воздух полетели шапки и замелькали платочки, словно им подали сигнал. Со всех сторон слышались крики. Дина подняла руку в белой перчатке.

Большая бузина в саду слегка раскачивалась, хотя ветра не было.

Там сидел Вениамин и плакал, вымещая гнев на дереве. Он пинал бузину ногами, обламывал ветки и обрывал листья. Пусть видит и возмущается.

Дина стояла и улыбалась. Легкий южный ветер гнал мелкую рябь. Пароход шел на север. Матушка Карен благословила ее поездку. Но поможет ли это?

Дина познакомилась с капитаном еще до того, как пароход пришел в Хавнвикен. Ей говорили, что у него большая борода и седые бакенбарды и что зовут его капитан Лоус.

Но перед ней стоял высокий человек, который своим видом и движениями напомнил ей рабочую лошадь. На крупном продолговатом лице героически высился нос. Губы были немного вывернуты. Они все время шевелились, над верхней губой была впадинка, как между грудями у старой женщины. Круглые добродушные глаза прятались под кустистыми бровями.

Он держался весьма учтиво и выразил сожаление, когда Дина спросила его о старом капитане. Он щелкнул каблуками и протянул ей руку, которая никак не вязалась с его обликом. Ладонь была узкая и красивой формы.

— Капитан Давид Христиан Люсхолм, — представился он, и его синие глаза скользнули по Дине.

Он показал ей весь пароход с таким видом, будто это была его собственность. И похвалил Нурланд, будто он принадлежал Дине, а капитан был ее гостем.

Здесь, в Нурланде, еще царят добрые старые обычаи. Состоятельные люди еще могут ездить с роскошью, подобающей их положению. А вот на юге, по мнению капитана, все давно уже изменилось.

Он погладил начищенные медные поручни и кивнул в подтверждение

своих слов. Спросил, может ли он закурить трубку в присутствии дамы.

Дина не возражала. Она и сама не отказалась бы от трубки. Капитан оторопел. Дина решила не приносить трубку из каюты. Не стоит слишком привлекать к себе внимание.

Они продолжали оставаться в пределах, огороженных медными поручнями, которые отделяли публику первого класса от остальных пассажиров.

Человек должен занимать место, подобающее его положению, а не бумажнику, считал капитан. Он вел Дину под руку свободно и уверенно.

В Хавнвикене их встретило много шлюпок с молодыми людьми.

Капитан приосанился и поздоровался с единственным пассажиром, который сел здесь на пароход. Это был фохт [14] Он поднялся по сходням с портфелем из свиной кожи, вид у него был очень внушительный.

Капитан поздоровался с фохтом как со старым знакомым и представил его Дине.

Почтмейстер стоял у сходней и разговаривал с местным торговцем о двух письмах, которые были оплачены не по правилам. За них следовало дополучить четыре скиллинга почтового сбора.

Прозвенел третий звонок, лопасти заработали. Одна за другой они скрывались в соленой воде. Люди на берегу превратились в муравьев и мелкий мусор. Горы скользили мимо.

Когда пассажирам казалось, что на них никто не смотрит, они украдкой разглядывали друг друга. У одних лица были замкнутые, у других — светились любопытством и живым интересом. И у каждого были свои причины пуститься в это путешествие.

Капитан поинтересовался, что заставило фохта отправиться на север.

Стало известно, что в нескольких местах русские перешли границу между Норвегией и русской Лапландией. От местных жителей поступили жалобы, что пришельцы захватили норвежскую территорию. Пришельцы утверждали, что это русские земли, и распространились уже до Таны. Местные власти потребовали, чтобы они убрались, но безуспешно. Вот фохт и двинулся на север.

— А как они настроены, мирно или враждебно? — просила Дина.

— Как бы они ни были настроены, уходить они не собираются, — ответил фохт.

В разговор вмешался почтмейстер, он задумчиво посасывал усы и сдвинул на лоб форменную фуражку. Он, например, слышал, что русские

ведут себя так, будто эти земли принадлежат их царю. И многие финнмаркцы предпочли бы, чтобы так и было. Местные жители недолюбливают власти в Христиании. Все вопросы улаживают опытные русские дипломаты. А правительство не удосужилось даже палец о палец ударить. Оно и знать не знает, что на севере происходит. Никогда там не бывало.

Произнеся эти тираду, почтмейстер трижды поклонился фохту. Он вдруг сообразил, что не знает, чью сторону держит фохт — правительства, русских или жителей Финнмарка. Вежливость никогда не повредит, особенно когда говоришь то, что думаешь.

Капитан смутился. А фохт нисколько. Он добродушно посмотрел на почтмейстера и сказал:

— Наша страна слишком вытянута. Трудно уследить, что происходит в ее самых отдаленных частях. Весь Хологаланд, и особенно Финнмарк, зависит от хороших отношений с Россией. Оттуда поступают такие необходимые товары, как зерно и веревки. Но конечно, всему есть предел. И с захватом земли мириться нельзя.

Фохт повернулся к Дине и спросил, как обстоят дела в ее краях. И как здоровье ленсмана Холма, ее отца.

Дина ответила коротко: ленсман никогда ничем не болеет, разве иногда у него пошаливает сердце. Весна у них тяжелая. Но сейчас все наладилось.

Фохт был в отличном настроении. Веселые морщины даже украшали его. Он попросил Дину передать поклон ленсману, если она увидит его раньше, чем он.

— Чем закончилось дело с пиратами, которые промышляли в Рафтсунде? — спросила Дина.

— Дело будет слушаться осенью в тинге. А сейчас они сидят в тюрьме в Трондхейме.

— Это правда, что среди них были две женщины?

— Да. Цыганки.

— А как таких опасных преступников перевезли в Трондхейм?

— Для такого фрахта нужны кандалы и надежная охрана, — с удивлением ответил фохт.

Больше Дина ничего не сказала, и мужчины завели привычный разговор о погоде.

Если не считать Дины, горничных и двух сестер, которые ехали третьим классом, женщин на пароходе не было.

Дина удалилась в свою каюту первого класса, которую пока, к счастью,

занимала одна. Она открыла саквояж и придирчиво выбрала платье и украшения. Даже забрала волосы в пучок и надела корсет. Но шляпу надевать не стала. С довольным видом она вертелась перед зеркалом.

Надо же так случиться, что ее попутчиком оказался сам фохт. К предстоящему вечеру она относилась как к партии в шахматы.

На пароходе было два лоцмана. Но трезвым был только один. Капитан добродушно заметил, что этого вполне достаточно. Второй лоцман просыхал в кубрике. Но один лоцман на мостике и один — в кубрике, несомненно, обеспечат им спокойное плавание.

Беседа была оживленная. Говорили по-немецки, по-английски и по-датски, не считая, конечно, норвежского.

Пассажиры третьего класса собрались вокруг черной трубы. Они сидели на ящиках и коробках. Кое-кто дремал, пользуясь хорошей погодой. Другие соорудили нечто вроде стола и подкреплялись захваченной в дорогу снедью.

Черный дым из трубы медленно опускался на них, но они не обращали на него внимания. Девушка в платочке вязала. Рыжие спутанные волосы падали ей на лоб.

Ее сестра сидела и следила за ящиком с комнатными цветами, который был поднят на борт под веселые крики публики. Гвоздика и герань. Свешивающиеся через край ящика цветы выглядели очень свежими. Ярко-зеленые листья, красные соцветия. Благодаря им третий класс превратился в подоконник невидимого окна.

Проходя по мостику, Дина залюбовалась цветами. Потом спустилась ужинать. На ужин подали рыбу. Лососину и селедку. Ветчину, сыр, масло и хлеб. Кофе, чай, пиво.

Посредине стола красовалась большая бутылка пшеничной водки. В Рейнснесе такую водку не покупали. Дина пробовала ее в Бергене. И решила, что она слишком сладкая.

За столом прислуживали два лакея и одна горничная, они незаметно наполняли бокалы, заменяли пустые бутылки полными.

Дина задержалась в дверях ровно столько, сколько требовалось. Капитан встал и пригласил ее к столу.

Она позволила проводить себя на место. Она была на полголовы выше всех мужчин. Они стояли по стойке «смирно» и ждали, когда она сядет.

Дина не спешила. Иаков стоял рядом и шепотом подсказывал ей, как себя вести. По очереди она поздоровалась со всеми за руку, глядя прямо в

глаза.

Датчанин, у которого все лицо было в складках, назвался графом и долго не отпускал Динину руку. Очевидно, он уже воздал должное бутылке, стоявшей на столе.

Его меховая шуба лежала на стуле рядом с ним, графа сопровождал слуга. Дина заметила, что в это время года такая одежда слишком тяжела.

Но граф считал, что на севере погода может измениться в любую минуту. Он тут же сообщил про себя, что он доктор филологии и член Копенгагенского литературного общества. Жители Нурланда, по его мнению, очень приветливы и не так вульгарны, как он опасался. Однако из них почти никто не знает английского. Он оживленно жестикулировал, поблескивая перстнями.

Лоб Дины прорезали морщины, словно свежие борозды картофельное поле, но графа, державшего ее руку, это не смутило.

Наконец Дина освободилась от него, потому что пожилой человек с лицом такого цвета, какой бывает у мальчишек, целый день пробегавших на морозе, протянул ей руку и поклонился.

Он был невысокий, плотный и говорил по-немецки. Он представился камергером и художником, с ним рядом на стуле лежал альбом для рисунков. Весь вечер, с кем бы художник ни разговаривал, он не спускал с Дины глаз. Этим он немного напоминал развязных купчишек из Гамбурга. Оказалось, ему приходится много ездить по разным делам.

За столом сидел англичанин, который приехал сюда, чтобы порыбачить. Его интересовал лосось. А вообще он был маклером по продаже недвижимости. Но любил путешествовать. Дина сказала, что у нее создалось впечатление, будто по Англии путешествовать неинтересно. Не то что по Норвегии. Они то и дело встречают англичан в своих краях.

Капитан служил переводчиком. Маклер по недвижимости засмеялся и закивал. С косой улыбкой он наблюдал, как все мужчины церемонно ухаживают за Диной.

Ужин начался.

Я Дина. Я знаю все складки на платье. Все швы. Все поры на теле. Чувствую крепость костей и упругость кожи. Длину каждого волоса. Как давно я не уезжала из Рейнснеса! Я притягиваю к себе море. Я несу с собой Ертрюд через ветер и дым тлеющих углей!

Во время ужина мужчины обращались только к Дине. Тема разговора постоянно менялась. Но все старались следить за его ходом.

Датчанин с графским титулом в разговоре не участвовал. По той причине, что заснул. Фохт спросил, не следует ли удалить его из-за стола.

— Спящий мужчина редко приносит вред, — ответила Дина.

Мужчины вздохнули с облегчением, услыхав, что дама непредвзято относится к таким вещам. И разговор непринужденно покатился дальше.

Капитан начал рассказывать о Тромсё. Город оживленный, там каждый найдет себе что-нибудь по вкусу. По его мнению, это лучший город на всем маршруте.

— Господин Холст, британский вице-консул, достоин, чтобы вы его посетили! Он человек не без средств, ему принадлежит долина на другом берегу пролива, — прибавил он с уважением.

Все внимательно слушали, кого полезно посетить в Тромсё.

— Некоторые купцы получают английские газеты, — продолжат капитан, обращаясь к маклеру. — Гостиница Людвигсена весьма комфортабельна, можете не сомневаться. Там есть даже бильярд! — Он кивнул тем, кто не мог рассчитывать, что попадет в дом британского вице-консула.

— Людвигсен тоже капитан, и он говорит по-английски. — Капитан продолжал оказывать предпочтение англичанину.

Другие гости не обиделись, но начали потихоньку переговариваться друг с другом.

Разбудили датчанина, похлопав его по плечу. Смущенно оглядываясь по сторонам, он извинился, что так рано вышел на палубу. Его разбудило полуночное солнце.

Дина заметила, что, должно быть, его разбудило не полуночное, а обыкновенное утреннее солнце. Но датчанин серьезно настаивал, что это самое красивое полуночное солнце, какое он видел. Четыре утра. Мир прекрасен, море неподвижно, острова отражаются в воде… За ваше здоровье!

Все подняли бокалы.

Я Дина. Сегодня ночью они все лежат рядом со мной. Все вместе. Лео ближе всех. Но Фома подлез ко мне под руку и хочет столкнуть остальных на пол. Я лежу, раскинув ноги и вытянув руки вдоль туловища. Я не принимаю их. Они сотканы из праха и паутины.

Иаков такой потный, что мне становится холодно. Андерс, свернувшись клубочком, греется у меня в волосах. Он не двигается. И все-таки я чувствую, как его твердое бедро давит мне на ухо.

Юхан повернулся ко мне спиной, но потихоньку придвигается поближе.

Наконец кожа и руки у нас становятся общими. Он отворачивается к Лео и не хочет смотреть на меня.

Все лежат рядом со мной, только Андерс, как птица, свил гнездо у меня в волосах. Его дыхания почти не слышно.

Лео начинает беспокоиться. Он опять хочет сбежать. Я хватаю его. Держу за волосы на груди.

Тогда он сталкивает всех остальных и ложится на меня, как крышка. Движения его тела передаются моим сосудам. Через кровать. Они такие резкие, что Андерс вываливается из моих волос и все остальные увядают, как лепестки розы на блюдце. Беззвучно они падают на пол.

Из Лео, как из церковного органа, льется музыка. То сильнее, то тише. Его голос, словно легкий ветерок, касается моей кожи. Проникает сквозь поры. Я больше не могу защищаться.

Пробст стоит у алтаря. Фигуры и изображения святых запирают меня вместе с Лео. В церковном органе. Мощные колокола сотрясают воздух.

Солнце встает из моря. Плывет морозная дымка. Мы превращаемся в прибрежные водоросли. Водоросли карабкаются по скалам, цепляются за церковные стены. Проникают через высокие окна и щели.

Мы еще колышемся, еще живы. Но вот от нас остается только цвет. Красноватый, коричневый. Земля и железо.

Тогда мы попадаем в объятия Ертрюд.

ГЛАВА 14

Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением.

Книга Песни Песней Соломона, 8:7

Дина прикрепила шляпу двумя булавками — в Тромсё был сильный ветер. Она зашнуровала корсет так, чтобы ей было нетрудно дышать, однако чтобы грудь была поднята достаточно высоко и в случае необходимости помогла бы направить переговоры в нужное русло.

Несколько мгновений она стояла перед маленьким зеркалом в своей каюте.

Потом вышла на палубу и попрощалась со своими попутчиками и с морскими офицерами.

Матрос шел за ней на берег и нес ее тяжелые саквояжи. Раза два Дина обернулась, словно хотела помочь тщедушному матросику нести тяжелые вещи.

Теперь все дело было в цифрах, хитрости и такте. Женщина, умеющая быстро считать в уме, могла легко поставить мат тому, кто этого не умеет.

Дни в Бергене и Трондхейме многому научили Дину. Всевозможные хитрости и уловки пестрели на поверхности, как веселые нотные знаки. Ей оставалось только разобраться в них и выявить связь между ними.

— В делах следует говорить только о самом главном. Если тебе нечего сказать, лучше молчи, пусть говорит партнер. Рано или поздно он проговорится.

Таково было последнее напутствие, которое Андерс дал Дине.

Тромсё состоял из нескольких кучек белых домов, удобно расположенных между бесконечными бурлящими ручьями, сбегавшими по зеленым склонам и служившими естественными границами. Выше по склонам рос густой березовый лес. Словно перенесенный сюда из небесного рая.

Но рай здесь сохранялся только до тех пор, пока к нему не прикасалась рука человека.

Дина наняла извозчика, чтобы при ясной погоде осмотреть город. С южной стороны у городской черты, вдоль берега, тянулась дорога Тромсёстранден с двумя рядами жалких домишек.

Дальше дорога шла через Пасторский мыс, огибала пасторскую усадьбу и выходила к улице Шёгата. Самая длинная улица в городе называлась Страндгата. Параллельно ей шла Грённсгата. Дорога кончалась на площади у ратуши, стоявшей между аптекой и домом британского вице-консула Холста.

Южнее рынка бежал ручей. Минуя усадьбу Л. И. Петтерсена, он достигал моря. Ручей был удостоен названия — река Петтерсена.

Возле аптеки дорогу преграждала канава. Кучер рассказал Дине, что, когда Петтерсен устраивает балы, кавалерам приходится надевать высокие сапоги, чтобы переносить дам через эту канаву. И, несмотря на это, а может быть, именно поэтому, получить приглашение на бал к Петтерсену считается особенно почетным.

Теперь же хорошая погода и ветер осушили канаву, так что по ней можно проехать.

Дина остановилась в гостинице Людвигсена, она называлась Du Nord или Hotel de Bellevue. Здесь останавливались только состоятельные люди.

Й. — Х. Людвигсен носил цилиндр и зонтик с длинной ручкой, который заменял ему трость; он заверил Дину, что всегда готов служить ей, и поклонился. У него было широкое, внушающее доверие лицо и густые бакенбарды. Волосы были зачесаны красивой волной, их разделял безупречный пробор с левой стороны.

Несколько раз он напомнил: если фру Дине Грёнэльв что-нибудь понадобится, пусть сразу обратится к нему.

Дина отправила посыльного к двум торговцам и просила назначить ей время встречи. Так посоветовал ей Андерс.

На другое утро она получила сообщение, написанное на визитной карточке, что господин Петтерсен готов принять ее у себя в конторе. И короткое письмо, уведомляющее, что господин Мюллер ждет ее.

Господин Петтерсен встретил Дину приветливо. Он был в превосходном настроении. Его только что назначили вице-консулом в Мекленбург, и он как раз собирался отправиться туда, чтобы вступить в должность. Он хотел взять с собой жену, но оставлять дела в Тромсё не собирался. У него с братьями было собственное судно.

Дина рассыпалась в поздравлениях и стала расспрашивать о его новой

должности.

Несмотря на веселый нрав, господин Петтерсен был опытный предприниматель.

Наконец Дина изложила свое дело. Спросила о капитане и снаряжении. О команде. О доле господина Петтерсена. О процентах судовладельцу. Какие, он думает, будут цены на муку? Может ли он гарантировать, что мука будет доставлена сухой?

Господин Петтерсен велел принести мадеру. Дина не возражала, но, когда служанка хотела наполнить ее рюмку, сделала предупреждающее движение рукой. Так рано она не пьет. Петтерсен взял рюмку и распорядился принести Дине чаю. Он был явно заинтересован в предстоящей сделке. Но слишком торопил события и произносил слишком много слов. Словно хотел успокоить ее, прежде чем она сама попросит об этом. Кроме того, он не мог гарантировать твердой цены на муку.

Дина внимательно посмотрела на него и выразила удивление, что вице-консул не знает цен.

Он как будто не обратил внимания на ее тон и спросил, долго ли она намерена пробыть в городе. Через несколько дней он все будет знать. Со дня на день тут ждут русские лодьи.

Рискуя испортить дело, Дина отказалась от его предложения поселиться у него в доме. Сказала, что уже нашла приют и не может от него отказаться. Большое, большое спасибо! Она непременно даст о себе знать, если решит принять его предложение купить и привезти для нее муку из Архангельска, не оговорив заранее твердую цену.

Ханс Петер Мюллер значился в списке вторым.

На другой день Дина явилась в его богатый дом на Шкиппергата. Убранство дома свидетельствовало о благосостоянии и любви к роскоши. Красное дерево. Фарфор.

Молодая, болезненного вида хозяйка, говорившая на диалекте Трёнделага, зашла в контору поздороваться с Диной. Глаза у нее были такие же грустные, как у маленького привидения в Тьотте. Она не шла, а плыла по комнате. Как будто ее поставили на постамент на колесиках и тянули его за невидимую веревку.

Шхуна «Надежда», стоявшая у причалов Мюллера, собиралась идти в Мурманск с рыбьим жиром из собственной жиротопни. Мюллер назвал Дине твердую максимальную цену. Но не скрыл, что может выторговать для себя и более выгодные условия.

Дина крепко пожала ему руку. Он открыл ей свои карты, и это

свидетельствовало о том, что он считает ее надежным партнером. Ей не пришлось прибегать к игре с поднятыми грудями. Человек, у которого в доме был свой ангел, мог спокойно говорить о делах. Дина подняла рюмку за сделку.

В доме у Мюллера дышалось легко. Дина охотно приняла его предложение остановиться у них на несколько дней.

Оказалось, что у господина Мюллера была вороная ездовая лошадь. Она лоснилась и блестела так же, как и красное дерево в гостиной. И слушалась Дининых ляжек, словно была выточена с ними из одного куска дерева.

Дина сразу поладила с молодой хозяйкой, фру Юлией из Стьёрдала. Фру Юлия не любила пустой болтовни и смотрела собеседнику в лицо. Но она не объяснила, почему у нее такие грустные глаза.

Дина пробыла в Тромсё дольше, чем рассчитывала.

Фохт давно уехал, и ей пришлось искать другое попутное судно, идущее в Вардёхюс. Господин Мюллер считал, что сможет обеспечить ей место на судне, которое отправится туда примерно через неделю.

В первый день, когда Дина перебралась к Мюллерам, они с хозяином вечером курили в гостиной. Фру Юлия отдыхала у себя.

Господин Мюллер рассказывал, какой тяжелой оказалась для них прошедшая зима. Лед сковал залив и преградил путь «Принцу Густаву». 10 мая им пришлось прорубать полынью длиной в шестьдесят локтей, чтобы пароход смог пройти в гавань. К счастью, лед не помешал движению шхун и парусных судов.

Два судна господина Мюллера только что вернулись в целости и сохранности из Ледовитого океана. Мимоходом, словно случайно вспомнил об этом, он сказал, что у него есть одно судно и в более южных широтах.

В прошлом году было трудно достать хорошую карту архангельского побережья. Да и толковых лоцманов тоже не так много.

Дина считала своей удачей, что у нее на шхуне есть Андерс и Антон. Хотя, конечно, поездки в Берген — пустяки по сравнению с тем, что подстерегает суда, ходящие в Архангельск.

Хозяин растаял. Сказал, что 17 мая пароход пришел с юга со сломанными лопастями, почти все лопасти вышли из строя. Чтобы их починить, пришлось нанимать много людей, так что нет худа без добра. Сам он потерял свой галеас «Турденшёлд», с двенадцатью матросами и полным грузом, к востоку от Моффена. И тем не менее общий доход от

уловов в Ледовитом океане составил за несколько лет шестнадцать с половиной тысяч талеров.

Дина заинтересованно кивала и пускала облака дыма, которые завивались воронкой над ее головой.

Потом господин Мюллер заговорил о том, что после смерти царя Николая многое обернулось к лучшему. Торговля расцвела так, как они и не мечтали.

Дина полагала, что расцвет торговли связан скорее с войной, чем со смертью царя.

Господин Мюллер спокойно заявил, что одно не исключает другого.

Дина считала, что именно ненормальная ситуация, вызванная войной и блокадой, обеспечила расцвет торговли.

Господин Мюллер одобрительно кивал, он полностью с ней согласен. Но что касается царя, он остается при своем мнении.

А лучшие сигары хозяина дома тем временем обращались в дым.

Дина чувствовала себя в этом доме уютно, как кошка на нагретом солнцем камне. Как ни странно, но фру Юлия не проявляла никаких признаков ревности из-за того, что эта странная женщина вошла в их жизнь и добилась расположения ее мужа. Напротив, она прямо сказала, что Дине не нужно спешить с поездкой на восток. Надо сначала осмотреться.

Дина следила за всеми судами, которые приходили и с юга, и с востока.

Господин Мюллер спросил, точно ли она решила ехать в Вардёхюс, если ее одинаково интересуют суда, идущие в противоположных направлениях.

Но фру Юлия уже поняла причину.

— Дина кого-то ждет, — сказала она.

Дина с удивлением посмотрела на нее. Их глаза встретились — они понимали друг друга.

Я Дина. Юлия надежна. В ее глазах живет смерть. Юлия начинает спрашивать и не заканчивает вопроса. И смотрит на меня, и ждет от меня ответа. Она хочет, чтобы я показала ей Ертрюд. Но для этого еще не пришло время. Пока еще не пришло.

Дина ездила верхом за город. В кожаных штанах господина Мюллера.

Юлия предложила ей элегантный костюм для езды — черная кашемировая юбка, белая блузка и белые панталоны со стрипками. Но Дине костюм оказался мал.

Ей пришлось ограничиться юбкой, чтобы надеть ее поверх кожаных штанов. Юбка была очень широкая, с разрезами спереди и сзади. Только чтобы немного прикрыться, как сказала Юлия.

Когда Дина возвращалась с прогулки, Юлия ждала ее с рюмкой хорошей мадеры, чтобы она выпила перед тем, как идти переодеваться к обеду. Сама Юлия пила чай.

В свойственной ей необычной манере Юлия рассказывала Дине о жизни и нравах Тромсё. Глаз у нее был зоркий, и она наблюдала за всем как бы со стороны, потому что сама была приезжая.

Дина могла не бояться, что оскорбит Юлию, если что-нибудь здесь удивит или насмешит ее.

Дина спросила у нее, что за человек Людвигсен.

— Очень состоятельный и выглядит как картинка из журнала, — без особого интереса или тепла ответила Юлия.

Они хихикали, как две подружки, среди красивых и мертвых вещей в этой слишком торжественной гостиной.

В хмельные сороковые годы, когда в Тромсё пили особенно много, управа ограничила число заведений, где подавалось спиртное, оставив один трактир и гостиницу. Хозяин трактира и Людвигсен сильно разжились тогда.

— Приличные люди ходят к Людвигсену. Открыто, чтобы быть на виду, — рассказывала Юлия.

Какой бы она ни была, Юлия напоминала ангела. Всегда в светлом платье, шелковом или хлопчатобумажном. Ангельские локоны у висков не соответствовали ее ироничной улыбке и грустным глазам.

Больше всего она говорила о балах и обедах у богатых горожан и чиновников. О столкновениях между людьми разного происхождения. Она всякого навидалась — господин Мюллер и его жена всюду были желанные гости.

Дина принюхивалась ко всему новому, словно к незнакомым заморским приправам.

— Ты поостерегись и не сразу сближайся с людьми, — наставляла ее Юлия. — А то они начнут ходить за тобой, как собаки. Избавиться от них ты уже не сможешь, порвать такое знакомство невозможно. Люди, у которых нет ничего за душой, кроме любви к спиртному и обжорству, необычайно прилипчивы.

На второй день после того, как Дина поселилась у Мюллеров, к ним в

гости пришел доктор. Он ведал больницей, при которой был приют для душевнобольных. В народе приют называли «Клетка для дураков».

Дина с интересом расспрашивала доктора об этом приюте. Он оживился. Стал рассказывать о надзирателях. Об улучшениях в содержании несчастных, которые находились по ту сторону разума.

В приюте содержался один религиозный фанатик. Он сошел с ума в 1852 году, когда были казнены Хетта и Сомбю. Ужас перед этой казнью, законом, Церковью и лестадианскими фанатиками, к которым относились казненные, еще носился в воздухе. Напуганные люди не могли пережить два смертных приговора.

— Многие даже вышли тогда из государственной Церкви, — сказала Юлия.

— Теперь к нам приехал новый епископ, он, несомненно, наведет у нас порядок. Его жена очень набожная и добрая женщина, — сказал доктор.

Уголки губ у Юлии чуть-чуть приподнялись вверх. Дина поняла, что они с доктором уже не раз говорили на эту тему. Они прекрасно дополняли друг друга.

Мюллер больше молчал.

— А он опасный? — вдруг спросила Дина.

— Кто? — не понял доктор.

— Ну этот, ваш религиозный фанатик.

— Ах он… Да, для самого себя. Он часто до потери сознания бьется головой о стену. Никогда не знаешь, когда на него накатит. Я склонен считать его буйным. Он призывает и Бога, и черта и не делает разницы между ними.

— А почему его держат в больнице?

— Он угрожал семье…

— Мне бы хотелось посмотреть вашу больницу, — сказала Дина.

Удивленный таким желанием, доктор обещал исполнить ее просьбу. И они договорились о встрече.

По обе стороны коридора было по четыре камеры. Те же звуки, что и в Трондхейме, но не такие громкие.

Здесь содержались и душевнобольные, и преступники. Не самое подходящее место для дам, так считал доктор. Раздался отчаянный крик, кто-то позвал доктора, — казалось, какому-то несчастному грозила гибель. Доктор извинился. Загремел ключами и исчез за одной из дверей.

Через окошко в двери надзиратель подозвал человека по фамилии Йентофт.

В окне показалась грубая, грязная рубаха и выбритая голова. Больной щурился и мигал от яркого света. Но глаза у него были более живые, чем можно было ожидать у заточенного здесь человека.

Йентофт пытался схватить Дину, но не мог просунуть руку между прутьями.

Надзиратель сказал ему, что фру Дина Грёнэльв хочет поговорить с ним, хотя он и умалишенный. Йентофт благословил Дину и осенил ее крестным знамением.

— Бог милостив! — крикнул он так громко, что надзиратель цыкнул на него.

— Ты знаком с Богом? — быстро спросила Дина и покосилась на надзирателя, который, чтобы не терять времени, наводил порядок на полках, висевших по стенам.

— Да! И со всеми святыми!

— Ты знаком с Ертрюд? — настойчиво спросила Дина.

— Я знаком с Ертрюд! Бог милостив! Она похожа на тебя? Она приходила сюда?

— Ертрюд бывает всюду. Иногда она похожа на меня. Иногда мы с ней разные. Бывает…

— Перед Богом все равны!

— Ты так считаешь?

— Не я, а Библия! Об этом написано в Библии! — крикнул Йентофт.

— Да. Библия — это Книга Ертрюд.

— Эта Книга всех! Аллилуйя! Мы пройдем в Жемчужные ворота, все как один! Все падут от меча, если не обратятся в истинную веру!

Надзиратель подошел к Дине и спросил, не хочет ли она прекратить свидание.

— Эта дама пришла, чтобы поговорить с тобой, Йентофт, — сказал он.

— Херувимы бросятся и разрубят их пополам! От темени до пяток! Всех до единого! Топор уже лежит у подножия дерева… Бог милостив! — кричал сумасшедший.

Надзиратель смотрел на Дину, как будто прося извинения за Йентофта. Словно тот был его собственностью, неодушевленным предметом, помешавшим ей на пути.

— Успокойся, Йентофт! — твердо сказал он и закрыл окно перед лицом разволновавшегося больного.

— Неужели обязательно, чтобы больной человек всегда был заперт только с самим собой? — спросила Дина.

Надзиратель с изумлением уставился на нее.

— Вы дождетесь доктора? — спросил он.

— Нет, передайте ему привет и благодарность!

Мюллеры устроили прием в честь Дины.

Ее представили книготорговцу Юрдалу. Вряд ли его можно было считать светским львом. Но когда-то он был мальчиком на побегушках у Хенрика Вергеланда и имел книжный магазин в Лиллехаммере. Так что он во всех отношениях принадлежал к сливкам общества.

Юрдал издавал ноты старинных грустных песен. Он зазывал рыбаков в заднюю комнату своей лавки и разучивал с ними мелодии. Таким образом песни Юрдала стали широко известны. Дина тоже их знала.

Пока ждали обеда, Дина играла на пианино, а книготорговец пел.

Были приглашены также и епископ с женой.

Стоило заглянуть в большие серые глаза епископши, как все в мире становилось на свои места. У нее были широкие ноздри и крупный нос. Уголки рта были приподняты в улыбке, а широкую бороздку над верхней губой как будто пропахала грусть. Черные волосы, скрытые белым чепцом, разделял прямой пробор. Кроме обручального кольца единственным ее украшением был кружевной воротничок.

Юлия говорила, что все женщины, независимо от их положения, находят у нее утешение.

Епископша по очереди обвела всех глазами. Как будто прикоснулась прохладной рукой к воспаленному лбу. Ничто в этой женщине не подчеркивало ее высокого положения. И тем не менее ее присутствие за столом было исполнено значения.

— Вы такая молодая, Дина Грёнэльв, и уже так давно вдовствуете, — мягко сказала она и налила Дине кофе, словно обычная служанка.

— Да.

— И на вас лежит ответственность за постоялый двор, шхуны и судьбы людей?

— Да, — прошептала Дина. Ее поразил голос епископши. Глаза.

— Должно быть, вам очень трудно?

— Да…

— Вам совсем не на кого опереться?

— Кое-кто есть.

— На брата? Или, может быть, на отца?

— Нет, на жителей Рейнснеса.

— Но ведь это не близкие вам люди?

— Нет… То есть… Матушка Карен…

— Это ваша мать?

— Нет, свекровь.

— Но ведь это не одно и то же?

— Нет.

— Вы полагаетесь на Бога, я это вижу!

Юлия попросила епископшу принять одну женщину, жившую по соседству, — она хочет поговорить с епископом, но не смеет прийти без разрешения.

Старая епископша медленно повернулась к Юлии, мимоходом она будто случайно накрыла своей рукой руку Дины. Легкие, прохладные пальцы.

Дина приняла этот день как подарок.

Крупное, широкое лицо епископа светлело, глаза увлажнялись, когда он смотрел на жену. Легкие нити тянулись от одного к другому, незаметно задевая присутствующих.

Дина не стала курить после обеда сигару, ей не хотелось вести себя вызывающе.

Весь следующий день она была полна смирения. Но поняла, что ей нужно как можно скорее попасть в Вардёхюс. Она чуть не загнала хозяйскую лошадь, пустив ее галопом вверх по склону, вокруг озера, через кусты и пролески.

Лето благоухало, и все чувства саднили, как ожог.

ГЛАВА 15

Встретили меня стражи, обходящие город: «не видали ли вы того, которого любит душа моя?»

Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя; ухватилась за него и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей.

Книга Песни Песней Соломона, 3:3, 4

В тот день, когда Мюллер договорился о Дининой поездке в Вардёхюс, задул жесткий юго-западный ветер. На море поднялось волнение.

Судам, не собиравшимся заходить в Тромсё, пришлось искать там убежища. Их собралось столько, что, перепрыгивая с палубы на палубу, можно было, как по суше, уйти далеко в море. Если бы не дождь!

На борту одной лодьи, идущей в Трондхейм, был пассажир, которому остановка в Тромсё была не с руки. У него были дела в других местах.

Он остановился в гостинице Людвигсена, чтобы избежать переполненных моряками домов для приезжих. На нем была широкополая фетровая шляпа и кожаные штаны. Получив номер, он предупредил, что не желает делить его ни с кем, и пошел в аптеку, чтобы купить средство от нарыва, — по дороге из Вардё у него начал нарывать палец.

Приезжий стоял и ждал, когда его обслужат. Колокольчик возвестил о приходе нового покупателя. Не поворачивая головы, приезжий понял, что вошла женщина.

Дождь прекратился, но ворвавшийся в дверь ветер сорвал у него с головы шляпу.

Это было 13 июля 1855 года, через три дня после того вечера, когда Дина за столом у Мюллеров увидала Любовь. Наверное, эти три дня были необходимы, чтобы исполнилось благословение епископши. Так или иначе, Дина подхватила шляпу Лео и с любопытством стала ее разглядывать.

Аптекарь бросился и захлопнул за Диной дверь. Заливался зажатый стенами колокольчик.

Глаза Лео блуждали по пальто Дины, как будто он не смел поднять их и

увидеть ее лицо.

Оба затаили дыхание. Наконец их глаза встретились. Они стояли в двух шагах друг от друга.

Дина держала шляпу, словно щит. У Лео было такое лицо, будто он увидел летающую лошадь. И только когда аптекарь спросил. «Что вам угодно?» — Дина опомнилась и засмеялась, заливисто и свободно:

— Вот ваша шляпа! Добро пожаловать!

Шрам Лео выглядел бледным нарождающимся месяцем на коричневых небесах. Он протянул ей руку. Больше они не видели ничего вокруг. Рука была холодная. Дина провела указательным пальцем по его запястью.

Они вышли на ветер, так и не купив ни капель для матушки Карен, ни бинта с йодом для Лео. Приветливый аптекарь, открыв от изумления рот, слушал, как колокольчик провожает их своим звоном.

Дина и Лео шли по разрытой, грязной дороге. В нижней части улицы рабочие укладывали тротуар.

Сперва они молчали. Он взял ее руку и уже не отпускал. Потом наконец заговорил. Низким, красивым, завораживающим голосом. Этот голос отчетливо выговаривал каждое слово. Но всегда что-то утаивал.

Дина поскользнулась. Лео с трудом удержал ее, чтобы она не упала. Прижал к себе. Подол Дининой юбки полоскался в лужах, она не могла подобрать юбку, потому что придерживала рукой шляпу. Лео этого не замечал. Невидящими глазами он смотрел, как с каждым шагом грязь жадно цепляется за ее подол.

Они поднимались по склону. Наконец город и грязь ослабили свою хватку. Дину и Лео обступили поля и березовый лес. Они шли, удерживая шляпы. Но вот Дина опустила руку, и ее шляпой завладел ветер. Лео бросился за ней, однако не догнал. Они видели, как шляпа с развевающейся лентой летела на север. Красивое зрелище.

Лео водрузил Дине на голову свою большую черную шляпу и надвинул на самые глаза.

Внизу раскинулся город. Но Дина его не видела. Она видела только губы Лео, красные, с горькими темными складками вокруг. Обожженные солнцем.

Дина остановилась и положила руку ему на губы. Медленно провела пальцами по обожженным местам.

Он закрыл глаза, обеими руками удерживая на ее голове шляпу.

— Большое спасибо за подарки, которые прошлой весной привезла русская лодья! — сказала она.

— Как ноты? Тебе понравились? — спросил Лео, не открывая глаз.

— Да! Большое спасибо. Но ты не написал даже двух слов!

Он открыл глаза:

— Не мог…

— Откуда ты это послал?

— Из Тромсё.

— Ты был в Тромсё и не доехал до Рейнснеса?

— Не мог. Торопился в Финляндию.

— Зачем?

— Искал приключений.

— А в Рейнснесе ты их больше не ищешь?

Он негромко засмеялся, но не ответил. Его руки все еще лежали у нее на плечах. По-видимому, чтобы удерживать черную шляпу.

В конце концов он прижался к Дине, крепко и тяжело.

— Ты собирался приехать в Рейнснес?

— Да.

— И до сих пор собираешься?

Он долго смотрел на нее. Потом еще крепче прижал ее к себе вместе со шляпой:

— А там меня еще ждут?

— Думаю, да.

— Но ты не уверена?

— Нет!

— Почему ты так сурова, Дина? — прошептал он и приблизился к ее губам, словно боялся, что ветер унесет ее ответ.

— Так нужно. А вот ты жестокий человек. Обещаешь и обманываешь, не приезжаешь… Заставляешь ждать и томиться в неведении.

— Я послал подарки.

— Но даже не написал, от кого они!

— Тогда было нельзя.

— Может быть. Но это жестоко!

— Прости!

Рукой с нарывающим пальцем он поднял ее лицо за подбородок. И вдруг, смутившись своей грубой руки, опустил ее.

— Я была в тюрьме в Трондхейме и спрашивала о тебе. Там для тебя оставлено письмо.

— Когда это было? — Его слова унес ветер.

— Год назад. Я ездила в Берген… Ты не был в Бергене?

— Нет, я был на берегах Финнмарка и смотрел, как англичане играют с

порохом.

— И тоже играл с порохом?

— Да, — честно ответил он.

— Ты хоть думал о чем-нибудь?

— Все время.

— О чем?

— Например, о Дине Грёнэльв.

— Думал, но не приехал.

— Да.

— У тебя были более важные дела?

— Да.

Она вдруг с яростью ущипнула его за щеку, потом поддала ногой камень так, что он попал Лео в щиколотку. В лице у него не дрогнул ни один мускул. Он только передвинул ногу. И, сняв шляпу с ее головы, надел на свою.

— По-моему, ты занимаешься какими-то темными делишками.

Она процедила это сквозь зубы, как судья, удивленный внезапным сопротивлением человека, которого собирался осудить. Лео долго испытующе смотрел на нее. И улыбался.

— Что же ты собираешься предпринять?

— Собираюсь все выяснить! — отрезала она. Неожиданно он начал читать стихотворение, которое переводил ей в последнюю ночь, когда был в Рейнснесе.

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной…
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

Дина сердито смотрела на него.

— Это описание реки, помнишь? — сказал он. — Пушкин сопровождал русские войска в Турцию. Я тебе рассказывал…

Она мрачно смотрела на него. Кивнула.

— Ты похожа на дикую реку, Дина.

— Ты просто смеешься надо мной, — упрямо сказала она.

— Нет… Я пытаюсь найти с тобой общий язык.

Я Дина. Стихотворение Пушкина — это мыльные пузыри, которые вылетают у Лео изо рта. Его голос заставляет их держаться в воздухе. Долго. Я насчитала двадцать один пузырь. Потом они лопнули, и брызги упали на землю. А мне пришлось заново все обдумывать.

Уже по дороге обратно она спросила, куда он теперь направляется.

— В Трондхейм, — ответил он.

— И по пути нигде не остановишься?

— Нигде.

— Тогда можешь забрать там в тюрьме свою книгу с подчеркнутыми словами! — с торжеством сказала она. — Я знаю, она имеет отношение к твоим темным делишкам, о которых ты не рассказываешь. Из-за которых не написал письма и не подписал своего имени на подарках. Я спрашивала о тебе, но никто про тебя даже не слыхал.

— А кого ты обо мне спрашивала?

— Русских моряков. Бергенских торговцев. Управляющего тюрьмой в Трондхейме.

Он в изумлении не сводил с нее глаз.

— Зачем? — прошептал он.

— Затем, что у меня была твоя книга, я хотела ее тебе вернуть.

— И из-за этого ты доставила себе столько хлопот в Бергене и в Трондхейме?

— Да. Теперь ты сможешь получить ее обратно.

— Так я и сделаю, — спокойно сказал он, но голос у него дрогнул. — Кому ты ее оставила?

— Управляющему.

Он на мгновение нахмурился:

— Почему?

— Потому, что не хотела больше держать ее у себя.

— Но почему ты отдала ее управляющему?

— А кому же еще? Но пакет запечатан сургучом. — Она усмехнулась.

— Я ведь сказал, что ты можешь оставить ее себе.

— А я не хотела держать ее у себя. Да и ты так ею дорожил…

— Почему ты так решила?

— Потому, что ты притворился равнодушным.

Наступило молчание. Он остановился и долго не спускал с нее глаз.

— Тебе не следовало этого делать, — серьезно сказал он.

— Почему?

— Этого я не могу тебе объяснить.

— Управляющий твой недруг?

— Я не уверен, что Пушкину у него будет хорошо…

— Ты его знаешь?

— Нет. Перестань меня допрашивать, Дина! Она быстро подошла и влепила ему пощечину.

— Зря ты меня ударила, Дина. Ни людей, ни животных бить нельзя.

Лео медленно пошел вниз, в правой руке он держал шляпу. Левая, как остановившийся маятник, висела вдоль туловища.

Дина не двинулась с места. Не услышав ее шагов, он остановился и позвал ее.

— Можешь сколько угодно напускать на себя таинственность! — крикнула она.

Шея у нее вытянулась, как у гусыни, которая уворачивается от ножа мясника. Крупный нос был похож на клюв. Солнце разорвало тучи. Ветер усилился.

— Ты ездишь повсюду и привязываешь к себе людей. А потом исчезаешь и не подаешь признаков жизни! Что ты за человек? Кто ты? Что за игру ты ведешь?

— Спускайся сюда, Дина! Нечего кричать оттуда!

— Где хочу, там и стою! Сам иди сюда!

И он пришел. Как будто уступил ребенку, которого сам же чуть не довел до слез.

Они стали спускаться, прижавшись друг к другу.

— Ты редко плачешь, Дина?

— Не твое дело!

— Когда ты плакала последний раз?

— В прошлом году в Фолловом море во время шторма! — сказала она.

Он чуть заметно улыбнулся:

— Давай заключим мир?

— Не раньше, чем я узнаю, кто ты, откуда и куда едешь.

— Но мы же с тобой увиделись!

— Этого мало!

Он стиснул ее руку и сказал просто, словно разговор шел о погоде:

— Я люблю тебя, Дина Гренэльв!

Много лет назад, как раз в том месте, где они проходили, кто-то поставил дорожную тумбу. Не будь ее, Дина села бы прямо в грязь.

Она сидела на тумбе и тянула себя за пальцы, точно хотела оторвать их.

— Что же это такое? Что же это такое? — в отчаянии кричала она.

Он ждал, когда она успокоится. Внешне он был невозмутим.

— Может, довольно уже, Дина?

— Почему ты так говоришь? Почему редко приезжаешь в Рейнснес?

— Слишком далеко, Дина. — Он растерялся.

— Тогда расскажи мне, чем ты занимаешься!

— У мужчин иногда бывают причины молчать.

— Неужели чаще, чем у женщин?

— Не знаю. Я же не спрашиваю тебя ни о чем. Что-то надорвалось в их отношениях.

— Ты думаешь, можно приезжать и уезжать из Рейнснеса, как будто…

— Я приезжаю и уезжаю когда захочу. И пожалуйста, перестань расспрашивать всех обо мне. Я НИКТО! Запомни это!

Он рассердился.

Она встала с тумбы и взяла его за руку. Они снова стали спускаться. Вокруг еще были лес и поля. Ни домов. Ни людей.

— Чем же ты все-таки занимаешься? — Она доверчиво прижалась к нему.

Он сразу понял ее уловку. Но все-таки ответил.

— Политикой, — грустно сказал он.

Она взглядом разобрала его лицо на части. Подбородок, рот, нос. И задержалась на глазах.

— Одни преследуют тебя. Другие — прячут.

— Ты преследуешь меня, — засмеялся он.

— Что же ты такое натворил?

— Ничего, — ответил он, на этот раз серьезно.

— Это по-твоему, а по-моему…

— И по-твоему тоже.

— А уж это позволь мне решить самой. Расскажи! Он безнадежно развел руками, снял шляпу и сунул ее под мышку. Ветер растрепал ему волосы.

Наконец он собрался с духом и твердо сказал:

— Мир хуже, чем тебе кажется. Кровь. Виселицы. Голод. Бедность. Предательства и унижения.

— Неужели он так плох?

— Плох, хотя мог бы быть и хуже. Но он более жесток, чем ты думаешь. Из-за этого я и стал человеком, которого не существует.

— Тебя не существует?

— Да. Но когда-нибудь времена изменятся.

— Когда же?

— Не знаю.

— И тогда ты приедешь в Рейнснес?

— Да, — твердо сказал он. — Примешь ли ты тогда человека, который проезжает мимо и не существует?

— Я не могу выйти замуж за человека, которого не существует.

— А ты хочешь выйти за меня замуж?

— Да.

— А моего согласия ты спросила?

— Нас с тобой благословили. Этого достаточно.

— Чем же я буду заниматься в Рейнснесе?

— Жить со мной и тушить горящую крышу, если потребуется.

— Ты думаешь, мужчине этого достаточно?

— Иакову было достаточно. И мне тоже.

— Но я не ты и не Иаков!

Они мерили друг друга взглядом, как два самца, отстаивающих свое право на самку. Любви в их глазах не было. Наконец Дина сдалась. Она опустила глаза и тихо сказала:

— Ты мог бы быть шкипером на одном из судов.

— В шкиперы я не гожусь, — мягко ответил Лео. Он по-прежнему держал под мышкой скомканную шляпу.

— Но не могу же я быть женой человека, который ездит в Россию и еще Бог знает куда! — крикнула она.

— А тебе и не надо выходить замуж, Дина. По-моему, ты не годишься для роли жены.

— Но кто же тогда будет рядом со мной?

— Я!

— Но ты же не существуешь!

— Для тебя существую! Пойми это! Но мои дороги нельзя обнести оградой. Это приведет только к ненависти.

— К ненависти?

— Да! Людей нельзя держать в загоне. От этого они становятся опасными. Так поступили с русским народом. И это чревато взрывом!

Ветер гнал по полю соломенную труху. Кое-где дрожали испуганные колокольчики.

— Людей нельзя держать в загоне… Они от этого становятся опасными! — шептала Дина. — Они от этого становятся опасными!

Она сказала это в пространство, словно ей вдруг открылась истина, которой она прежде не понимала.

Им не нужно было обнимать друг друга. Их связывали узы прочнее морских канатов.

На другой день к Мюллерам пришел посыльный с пакетом. На имя Дины.

Это была ее шляпа. Она выглядела так, будто всю зиму пролежала под снегом. Но в тулье в заклеенном конверте лежала записка:

«Независимо ни от чего я вернусь».

И все.

Дина уехала с первым же пароходом, который шел на юг. Лео уехал двумя днями раньше. Радости она не чувствовала. Но немного успокоилась.

Епископша показала ей, что Любовь существует. К тому же ей уже незачем было ехать в Вардёхюс, в это дикое, забытое Богом место с тюрьмой и крепостью в форме звезды, обнесенной каменными стенами. Так ей сказали.

— Людей нельзя держать в загоне. Они от этого становятся опасными! — шептала Дина, ей оставалось только считать горные вершины да рукава фьордов.

Люди на борту в счет не шли.

ГЛАВА 16

Помилуй меня, Господи, ибо тесно мне; иссохло от горести око мое, душа моя и утроба моя.

Псалтирь, 30:10

Дина была уже на пути домой, когда матушка Карен вдруг поникла в своем вольтеровском кресле и потеряла дар речи.

Фому послали верхом через горы за доктором. И Андерс с попутными судами послал письмо Юхану, который гостил у пастора в Вогене.

Доктора дома не оказалось, но и, окажись он дома, он все равно уже ничем не помог бы матушке Карен.

Юхан быстро собрался и поспешил к смертному одру своей бабушки. Как и все в Рейнснесе, он считал матушку Карен бессмертной.

Олине совсем растерялась от горя. Это чувствовалось и по ее стряпне. Все казалось пресным и безвкусным.

Стине не отходила от матушки Карен. Она готовила травяные отвары и поила больную с ложечки. Обтирала ее, меняла под ней белье. Мыла и присыпала ее крахмалом. Развесила полотняные мешочки с душистыми травами и розовыми лепестками, чтобы в комнате у больной лучше пахло.

Время от времени матушке Карен казалось, что она находится в садах Эдема и уже можно забыть ту долгую дорогу, которую ей пришлось преодолеть, чтобы попасть туда. Стине согревала шерстяные тряпки и обкладывала ими дряблое тело матушки Карен, взбивала подушки и перины, приоткрывала окно. Только чуть-чуть, чтобы свежий воздух все время тек в комнату.

А тем временем августовское солнце было обжигающе горячим, созревала черника и последнее сено перевезли наконец под крышу.

По приказу Олине Вениамин и Ханна старались держаться подальше от дому. Они бродили вдоль берега, высматривая судно, на котором могла бы вернуться Дина и привезти им подарки.

Вениамин понимал, что матушка Карен тяжело больна. Но слова Олине о том, что она скоро умрет, принял за ее обычное преувеличение. Ханна же, напротив, как и Стине, предчувствовала неотвратимое. Как-то, стоя в воде и подцепив палочкой перевернутого краба, она сказала:

— Матушка Карен умрет еще до воскресенья!

— Почему ты так говоришь?

— Потому, что у мамы такое лицо. И у матушки Карен тоже. Все старые люди умирают!

Вениамин рассердился.

— Матушка Карен не старая! Это только так кажется, будто она старая, — сказал он.

— Она очень старая!

— Нет! Ты дура!

— Почему ты споришь? Все умрут, и она тоже. И нечего из-за этого сердиться.

— Все умрут, а она — нет! Слышишь!

Он схватил Ханну за волосы и намотал их на руку. От злости и боли Ханна с громким ревом плюхнулась в воду. Платье и панталоны у нее намокли. Она сидела в воде, раскинув ноги, и громко рыдала.

Вениамин уже забыл, что сердит на нее. Кроме того, он испугался, что на плач Ханны сюда прибежит Стине. Нужно было что-то делать. Несколько мгновений он растерянно смотрел на Ханну, потом протянул ей

обе руки и помог встать.

Они сняли с Ханны одежду и разложили сохнуть на горячие камни. Пока они сидели там, не зная, враги они или друзья, Вениамин начал разглядывать тело Ханны, как делал всегда, когда их никто не видел. Она с оскорбленным видом смотрела на камни и смахнула муравья, который полз у нее по ляжке, милостиво разрешая Вениамину продолжать осмотр и утешать ее таким образом. Они уже забыли, что матушка Карен умрет еще до воскресенья.

На другой день вернулась Дина. Она привела обоих детей к матушке Карен. Они стояли у кровати, руки у них одеревенели, глаза были потуплены.

Вениамин дрожал, хотя в комнате было жарко. Он помотал головой, когда Стине велела ему взять матушку Карен за руку.

Тогда Дина наклонилась над кроватью и взяла руки матушки Карен в свои. Потом сделала знак Вениамину. Он вложил свою руку в руки Дины и прикоснулся к руке матушки Карен.

В глазах матушки Карен мелькнул свет. Половина лица у нее была парализована. Но уголок рта с левой стороны поднялся в беспомощной улыбке. И глаза медленно наполнились слезами.

Над кроватью тихо покачивались мешочки с травами Стине. Белые занавески шевелились от ветра.

Вениамин вдруг обнял матушку Карен за шею, хотя ему никто не говорил, что это нужно.

Олине, Андерс и слуги стояли в дверях. Они по очереди подходили прощаться.

Матушка Карен уже ничего не могла сказать им. Но позволяла гладить свои худые руки. На них выступили большие синие жилы, похожие на ветки облетевших осенних деревьев. Иногда, очень редко, она открывала глаза и следила за людьми. И люди видели, что она все слышит и понимает.

Дом наполнился небывалым покоем. Обитатели Рейнснеса молча жались друг к другу. Словно кустики вереска, освободившиеся от снега, они выпрямились и переплелись друг с другом.

Юхан не успел застать матушку Карен в живых.

Карбас, на котором везли гроб, был украшен ветками и папоротником вперемежку с венками и букетами. Гроб совсем утонул в них.

Олине позаботилась, чтобы угощение на поминках было как подобает, — не хватало только, чтобы потом говорили, будто на кухне в Рейнснесе не стало порядка. Такой славы Рейнснес матушки Карен не заслужил.

Олине стряпала день и ночь. Всего должно было быть вдоволь. Она беспрестанно плакала и вздыхала.

Вениамин думал, что этому не будет конца. Он находился при Олине и вытирал ей глаза, чтобы слезы не капали в тесто, на паштеты и бутерброды.

Юхан замкнулся в своем горе. То, что случилось между ним и Диной, как язва разъедало его. Он так и не вымолил себе прощения грехов. Смерть матушки Карен была для него страшным предупреждением. Но ведь Дина осталась. Одно ее присутствие в комнате оскорбляло и тяготило его. Он не успел покаяться матушке Карен в своем страшном грехе, и вот теперь ее нет. И Юхан уже не мог думать об отце, не сжимаясь при этом от страха.

С Богом у Юхана давно не было никакой близости. Он ездил на скалистые острова к своей пастве, пытаясь искупить свой грех. И хотя все жалованье он отдавал беднякам прихода, облегчения ему это не приносило.

Он так ненавидел себя, что не выносил вида собственной наготы. Даже греша во сне, он видел себя тонущим в волосах Дины. Ее белые ляжки казались ему воротами в ад. Просыпаясь, он видел тянущиеся к нему языки пламени и судорожно читал все известные ему молитвы.

Но Господу этого было мало. Юхан должен был покаяться в своем грехе епископу Нидароса или Тромсё.

После похорон Юхан снова уехал в Хельгеланд. Он обходил Дину стороной, как обходят лед, в котором есть полынья.

Дина велела вычистить хлев. А также выскоблить добела полы в лавке и пакгаузах.

Никто не понимал, зачем наводить такую чистоту. Но все поняли, что это приказ. Темными осенними вечерами Дина сидела в конторе и жгла дорогой керосин, чтобы разобраться в еще более дорогих цифрах.

Она не перебралась жить в главный дом и перестала играть на виолончели. Последнее обстоятельство особенно всех беспокоило.

Вениамин лучше других понимал, как опасна эта новая Дина. Он попробовал обратить на себя ее внимание теми же приемами, которыми она сама пользовалась, когда хотела чего-нибудь добиться. Но в ответ Дина наняла нового домашнего учителя. Он учил детей послушанию и

вколачивал в них знания, словно они были строптивцами, которых следовало согнуть в бараний рог.

Андерс уезжал и возвращался. Но даже когда он был в Рейнснесе, это не шло в счет, потому что он снова должен был уехать.

Матушка Карен лежала в могиле, освобожденная от забот об обитателях Рейнснеса. И тем не менее она всегда была с ними. И репутация ее была такой же ослепительно белой, как морозные цветы на окнах у Дины. Матушка Карен не тревожила Дину. Она не являлась ей из углов или тяжелых туч, плывших над фьордом. Она не вмешивалась в Динины дела. И ничего не требовала.

Казалось, она была рада успокоиться и больше не нуждаться в чьей-либо близости.

Прошел слух, что в Эйдете опять видели медведя, и Дина звала Фому на охоту. Но он всегда отговаривался каким-нибудь срочным делом.

Так прошла осень.

Зима пришла рано, уже в октябре начались морозы и снегопады.

Дина опять стала играть на виолончели. Теперь она делила свое время между счетами и виолончелью.

Звуки и ноты. Черные значки на прямых линейках. Безмолвные, пока она не вдохнет в них звук. Иногда звуки сами собой вырывались из нотных тетрадей и виолончели Лорка, даже когда Дина не играла. Ее руки неподвижно покоились на инструменте, и все-таки она слышала мелодию.

Цифры. Темно-фиолетовые витиеватые заголовки. Безмолвные, но достаточно красноречивые. Для посвященных. У них был свой годовой ритм, и они всегда говорили об одном и том же. О незаметных приобретениях. Или о явных потерях.

ГЛАВА 17

Амнон воспылал бесстыдною любовью к своей сестре Фамари и обесчестил ее…

Потом возненавидел ее Амнон величайшею ненавистию, так что ненависть, какою он возненавидел ее, была сильнее любви, какую имел к ней; и сказал ей Амнон: встань, уйди.

Вторая книга Царств, 13.15

Фома опять следил за Диной, как только она показывалась на дворе или в конюшне.

Ее тревожило его присутствие. Она избегала его, как избегают докучливое насекомое. Иногда она задумчиво смотрела в его сторону. Обычно издалека.

Однажды после полудня он вдруг возник рядом, когда она шла к себе.

— Почему ты всегда попадаешься мне на пути? — сердито спросила Дина.

Голубой глаз и карий несколько раз моргнули. Потом спрятались в глубину.

— Я работаю у тебя в усадьбе, как же мне не ходить тут?

— А что тебе делать у меня на крыльце?

— Хотел расчистить снег вокруг крыльца. Или это не нужно?

— Тогда, наверное, тебе лучше взять лопату?

Он повернулся и пошел в сарай за лопатой. Несколько часов он с яростью разгребал снег вокруг Дома Дины.

На другой день Дина позвала к себе Стине.

— А не пожениться ли вам с Фомой? — без обиняков спросила она.

Стине опустилась на ближайший стул, но тут же вскочила.

— Как ты можешь так говорить? — воскликнула она.

— Это был бы хороший выход.

— Из чего выход?

— Из всего.

— Ты не можешь так думать, — робко сказала Стине и с отчаянием посмотрела на Дину.

— Вы могли бы жить в этом доме, как все добрые люди. А я перееду обратно в большой дом, — мягко сказала Дина.

Стине сцепила руки под передником и, не отвечая, глядела в пол.

— Что ты на это скажешь?

— Он не захочет, — спокойно сказала она.

— Почему же он может не захотеть?

— Ты сама знаешь почему.

— Что же это такое?

— Он думает о другой.

— О ком же?

Стине чувствовала себя как на иголках. Голова у нее опускалась все ниже.

— Наверное, ты единственная, кто этого не знает. Тяжело заставить человека переменить свои чувства. Бог не даст на это благословения…

— Ты сама, Стине, благословение Божье! — прервала ее Дина.

Стине медленно шла из Дома Дины. Глаза у нее потемнели и пристально смотрели вдаль. Она забыла на стуле свою шаль. Но возвращаться за ней не стала, хотя и было холодно.

Она долго стояла на крыльце кухни и разглядывала сосульки, свисавшие со стрехи. Олине возилась на кухне спиной к окну.

Дина послала за Фомой и поведала ему о своих планах относительно его будущего.

Фома остолбенел, словно кто-то прибил его к полу. Лицо у него сделалось совершенно беспомощным.

— Ты не можешь этого хотеть! — прошептал он.

— Почему? Это было бы замечательно. Вы бы жили в этом доме как баре!

— Дина! — Он задохнулся. Его взгляд ощупью, вслепую искал ее.

— Все, что делает Стине, отмечено благословением Божьим.

— Нет!

— Почему нет?

— Ты сама знаешь. Я не могу жениться!

— Так и будешь жить здесь холостяком всю жизнь? Он вздрогнул, будто она его ударила. Но промолчал.

— Ты слишком размечтался, Фома! Я предлагаю тебе хороший выход. Так будет лучше для всех нас.

— Тебе не нравится, что я вижу все твои поступки, — откровенно сказал он.

— Наблюдать за моими поступками — не лучшее будущее для тебя.

— Но раньше… я был хорош!

— Не будем говорить о том, что было раньше! — отрубила она.

— Ты недобрая!

— Ты считаешь, что такое предложение мог сделать злой человек?

— Да! — хрипло сказал он, надел шапку и хотел уйти.

— Ты понимаешь, что неженатым тебе нельзя оставаться в Рейнснесе?

— С каких это пор?

— С тех пор, как я заметила, что ты неотступно следишь за мной, — тихо, но выразительно сказала она.

Он ушел прежде, чем она прогнала его.

Весь вечер Дина ходила по комнате, хотя ее ждала работа.

Пришла служанка, чтобы протопить печку в спальне, но Дина прогнала ее.

В доме было темно и тихо.

Фома ужинал у Олине на кухне. Туда зачем-то зашла Стине.

Увидев Фому, она залилась краской и быстро ушла. Фома чувствовал себя как на раскаленной сковородке. Плечи у него поникли, он нехотя жевал кашу.

— Что, каша холодная? — спросила Олине.

— Нет, сохрани Боже, нет, каша хорошая, — смущенно пробормотал он.

— Чего голову повесил? — Я?

— И ты. И Стине тоже. Что случилось?

— Дина хочет поженить нас! — вырвалось у Фомы прежде, чем он успел подумать.

Олине поджала губы, как будто завинтила на ночь печные дверцы.

— Друг на друге или каждого по отдельности? — спросила она, словно это было для нее новостью.

— Друг на друге.

— Между вами что-нибудь было?

— Нет! — сердито ответил он.

— Вот как…

— Нельзя ни с того ни с сего заставлять людей жениться, — прошептал Фома.

Олине молчала и гремела чашками на столе. Наконец сказала:

— Дина стала все больше походить на ленсмана.

— Ты права, — согласился Фома.

— А Стине согласна выйти за тебя?

— Не знаю, я не думал об этом, — смутился он.

— Может, это было бы не так уж плохо, Фома?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Может, это неплохой выход?

Фома отодвинул чашку с кофе, схватил шапку и бросился к двери.

— Плевать я хотел на то, что в Рейнснесе считается хорошим выходом! — крикнул он из сеней.

Наутро Фома исчез. Никто не знал, куда он ушел.

На третий день он спустился с горы, одежда на нем была изодрана, и от него несло перегаром.

Он наелся на кухне, а потом завалился спать и проспал целые сутки. Проснулся он оттого, что Дина трясла его за плечо. Сначала он решил, что она ему снится. Потом вытаращил на нее глаза и сел.

По стойке «смирно» перед Диной Грёнэльв, горько подумал он, когда сообразил, кто перед ним. Годами он униженно ловил ее взгляд, слово, жест.

— Я вижу, Фома, ты устроил себе передышку. И это перед Рождеством, когда столько работы! — спокойно сказала Дина.

С похмелья в голове у него стоял грохот.

— Ты не боишься, что тебя выгонят?

— Нет, — равнодушно ответил он.

Дина оторопела от такой откровенности, но тут же оправилась:

— Собирайся на работу!

— Что прикажет хозяйка Рейнснеса? Обслужить ее спереди или сзади?

За окном ветер гремел железным ведром.

Она ударила его. Со всей силы. Тут же у него из носа хлынула кровь. Он сидел на кровати и смотрел на Дину. Кровь текла все сильнее. Красная горячая река струилась по губам, по шее и подбородку. Стекала в открытый ворот рубахи, окрашивая красным рыжие волосы на груди.

Фома не вытирал кровь. Сидел неподвижно со злой усмешкой, кровь все текла и текла.

Дина кашлянула. Ее слова громыхнули, как камнепад:

— Утрись и ступай работать!

— Сама утри меня! — хрипло сказал он и встал.

В нем мелькнула угроза. Такого с ним не бывало. Дина уже не понимала, как раньше, о чем он думает.

— Почему это я должна вытирать тебя?

— Потому, что ты пустила мне кровь!

— Ты прав, — неожиданно мягко сказала она и оглядела комнату.

Нашла полотенце, взяла его и с кривой усмешкой протянула Фоме.

Он не взял полотенца. Тогда она подошла и осторожно вытерла ему лицо. Это не помогло. Кровь продолжала идти.

И вдруг между ними пробежала искра! Яркая, как фосфорическая вспышка, в этой полутемной, почти пустой комнате. Неудержимая, грубая страсть! Сестра ненависти и мести.

От Фомы пахло перегаром и конюшней. От Дины — розовой туалетной водой и потом.

Она отдернула руку, словно обожглась. И, широко раздувая ноздри, попятилась к двери.

— Это ты виновата, что у меня течет кровь! — крикнул он ей вслед.

В первое воскресенье после Нового года в церкви огласили предстоящее бракосочетание Стине и Фомы.

— Не знаю, что с ними будет, — без конца повторяла Олине.

Дина снова перенесла виолончели в залу.

— Мечты, что прикажете с ними делать? — любила говорить Олине. — Иногда они проходят быстро, и конец у них, как правило, бывает печальный. А иногда носишь их в себе всю жизнь.

Интермеццо в Доме Дины было окончено.

Я Дина. Кругом люди. Я их встречаю. Потом, рано или поздно, дороги расходятся. Это я знаю.

Один раз я видела то, чего никогда не видела раньше. Видела это между пожилыми людьми, епископом и его женой. Любовь — это волна, которая существует только для того берега, о который она бьется. Я не берег. Я Дина. Я наблюдаю такие волны. Я не могу дать себя захлестнуть.

Вениамин уже привык, что они с Диной живут в разных домах. Он сам решил, что переедет в Дом Дины. Ему хотелось опередить Дину.

Он сильно вырос за последний год. Но высоким не стал, он вообще не обещал стать высоким. Вениамин молча наблюдал за всем, что происходило вокруг. Спрашивал и отвечал, словно оракул. Коротко и вразумительно. Он больше не цеплялся за Дину. Что-то в нем изменилось после Дининой поездки в Тромсё. А может, после смерти матушки Карен?

По нему не было заметно, что он тоскует по ней, что ему ее не хватает. Но он часто заходил без Ханны в комнату матушки Карен. Там все было как прежде. Застеленная кровать. Горка белоснежных кружевных подушек

в изголовье, похожая на неподвижные крылья улетевшего ангела. Книжный шкаф с ключом в замочной скважине.

В этой комнате Вениамин скрывался, пока его не начинали искать по всему дому. Он почти перестал бывать в большом доме, а если бывал, то сидел на полу, скрестив ноги, возле книжного шкафа матушки Карен и читал.

Он учился легко, но рад был случаю побездельничать. В большой дом он заходил редко, только чтобы взять книги. И хотя Юхан увез с собой все книги по философии и религии, в шкафу осталось еще много романов.

Вениамин читал Ханне вслух. Они часами сидели у белой кафельной печки в Доме Дины и читали книги матушки Карен.

Стине не прогоняла их, если они вели себя тихо. Время от времени она напоминала им:

— Осталось мало дров. Или:

— В бочке нет воды.

И Вениамин знал, что, если поблизости нет работника, эту работу придется выполнить ему. Бывало, поднимаясь из лавки или с берега, он останавливался и в изумлении глядел на большой белый дом. Потом переводил взгляд на голубятню, стоявшую посредине двора, и начинал думать уже о другом.

Иногда ему становилось больно, но он не понимал отчего.

Вениамин замечал многое, чему раньше как-то не придавал значения. Фома, например, всегда принадлежал Дине. Как Вороной или виолончель. До тех пор, пока он не женился на Стине и они не переселились в Дом Дины.

Понадобилось всего несколько вечеров, проведенных у кафельной печки за какой-то работой, чтобы Вениамин понял: Фома больше не принадлежит Дине. Правда, и Стине он тоже не принадлежал, хотя и спал с нею. Фома принадлежал только самому себе.

Вениамина пугало, что человек может принадлежать самому себе, хотя живет и не в собственном доме. Дина, с ее виолончелью, превратилась для него в далекие звуки, доносившиеся из залы.

Вениамин жил в этом доме, чтобы научиться принадлежать самому себе.

ГЛАВА 18

Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа.

Книга Притчей Соломоновых, 18:22

Андерс ушел на Лофотены в январе, чтобы закупить рыбу. Не успел он вернуться домой, как стал готовиться к поездке в Берген. Его жизнь представлялась одним бесконечным морским переходом. Стоило ему провести несколько недель на берегу, и он начинал чувствовать себя не на месте, но никому не говорил об этом.

Случалось, что с пароходом приезжали какие-нибудь люди и останавливались ненадолго в Рейнснесе. Но уже не так часто, как раньше.

А вот в лавке, напротив, всегда было полно народу. Динина мысль закупить муку в Архангельске оказалась весьма удачной. Весной люди остались без хлеба, и Дина хорошо заработала на этой муке. Разошелся слух, что в Рейнснесе за сушеную рыбу можно получить муку, снаряжение для лова и вообще все необходимое. Благодаря этому у Андерса был солидный фрахт в Берген.

Стине больше не ела в большом доме. Теперь она сама готовила пищу для своей семьи. Но на ней остались все ее прежние обязанности. Она с утра и до позднего вечера была занята работой, однако из-за ее плавных, скользящих движений это было как-то не заметно.

Постепенно Стине изменилась. Эти перемены начались с того дня, когда она перенесла в новый дом свои нехитрые пожитки. Она улыбалась, перенося котелки, в которых варила отвары и мази. Перенося из погреба большого дома свои травы, напевала что-то на лопарском, которым пользовалась очень редко.

Прежде всего она выскоблила и вымыла весь дом. Вытерла пыль. Заставила Ханну и Вениамина помогать ей и вырезать для полок затейливые кружева из цветной бумаги. Проветрила тюфяки и перины. Разложила по шкафам и комодам приданое, полученное от Дины.

Дом всегда был открыт. Стине принимала всех, кто к ней заходил. Просто из любопытства или за каким-нибудь снадобьем.

Можно сказать, она отбила хлеб у Олине. Теперь большая часть людей, приходивших в лавку, навещала Стине, а не синюю кухню Олине. Приходили главным образом за травяными отварами и мазями. А иногда и по причинам, о которых не хотели говорить при посторонних.

Руки у Стине были добрые и теплые. Глаза светились радостью. Той

весной гаг у нее было больше, чем обычно. Она кормила птиц и собирала пух, строила из ящиков укрытия, чтобы сидевшие на яйцах птицы не страдали от дождя и ветра. Когда подходил срок, она собирала птенцов в передник из грубой ткани и относила их к морю.

Первое время после женитьбы Фома был похож на оглушенного быка. Потом перестал противиться судьбе. Его лицо постепенно разгладилось, морщины исчезли. Словно Стине с утра до вечера мыла его своими отварами и розовой водой. Или прибегала к не известному никому средству.

Когда ее живот под передником заметно округлился, Фома начал улыбаться. Сперва осторожно. А потом уже сиял так, что соперничал с солнцем и своими бронзовыми от загара руками.

Фома думал, что это какое-то колдовство. Шли дни и ночи, и он уже не мог оставаться равнодушным и холодным. Стине излучала тепло.

Она ничего от него не требовала. Но заботилась о его одежде и ставила перед ним еду. Следила, чтобы он отдыхал. Приносила ему в поле ведерко с кислым молоком. С доброй улыбкой ставила молоко на землю и уходила.

Видно, она не привыкла ничего получать даром. В свадебную ночь он овладел ею торопливо и сердито, думая о том, что у нее было двое незаконных детей.

В последнее мгновение ему почудилось, будто он лежит между могучими ляжками Дины. Потом Стине подоткнула вокруг него одеяло и пожелала ему доброй ночи. Но Фома не мог спать. Он лежал в полумраке и смотрел на лицо Стине.

Стоял сильный мороз. И вдруг он увидел, что она ежится от холода. Тогда он встал и затопил печь. Чтобы сделать ей приятное. Он вдруг осознал, что она тоже человек. И что она не приглашала его в свою постель.

Очень скоро Фома понял, что если Стине и пыталась добиться его расположения с помощью лопарского колдовства, то выиграл от этого только он сам.

Все чаще и чаще он с застенчивой радостью искал ее близости. Для него было чудом, что она никогда не отказывала ему. Чем осторожнее он с ней обращался, тем горячее и охотнее она ему отвечала. И хотя ее чужеродные глаза жили своей особой жизнью, сама она всегда была с ним. И днем и ночью.

Тем временем в ней рос ребенок. Законный ребенок, у которого был

отец, уже заботившийся о нем и записанный в церковных книгах. Если когда-то Стине и мечтала о другом муже, она никогда не говорила об этом. Если и понимала, что получила Фому от своей повелительницы, как получала от нее белье, платья, а иногда и кусочек душистого мыла, то сумела превратить его в свою собственность.

В тот день, когда Стине сказала Фоме, что у них будет ребенок, он обнял ее и стал шептать ей всякие ласковые слова. И не стыдился этого. Фома мало что знал о любви. Он всегда ждал Дининого слова, кивка, прогулок верхом, ее настроения, ее всепожирающей страсти. Такая любовь подавляла его. Вся его молодость прошла под знаком тайной жизни. И вдруг он от этого освободился.

Теперь он редко вспоминал о владелице Рейнснеса. Он работал в поле. В хлеву. В лесу. Работал ради Стине и ребенка.

ГЛАВА 19

Не называйте заговором всего того, что народ сей называет заговором; и не бойтесь того, чего он боится, и не страшитесь.

Книга Пророка Исайи, 8:12

Однажды к причалу Рейнснеса без всякого уведомления подошел карбас с казенкой, на котором прибыл ленсман. Седой серьезный ленсман хотел поговорить с Диной наедине.

— Что случилось? — спросила она.

— В Трондхейме арестовали русского. Дина оцепенела:

— Какого русского?

— Лео Жуковского, который несколько раз гостил в Рейнснесе!

— За что же?

— За государственный шпионаж! И оскорбление его королевского величества!

— Какой еще шпионаж?

— Фохт сказал, что за ним следили уже давно. Он допустил неосторожность, и его арестовали на территории тюрьмы. Он пришел туда за каким-то пакетом. Управляющий знал, что рано или поздно Жуковский придет туда. Помощник судьи считает, что связным у этих политических смутьянов был прежний управляющий. Лео Жуковский попал в ловушку. Пакет долго лежал там… Он содержал шифр…

В тихом голосе ленсмана слышалась угроза. Наконец его голос перешел в негромкое рычание:

— Директор тюрьмы сказал, что этот пакет ему передала Дина Грёнэльв из Рейнснеса!

— Ну и что из того?

— А то, что моя дочь может оказаться замешанной в позорном шпионаже! Что у нее были доверительные отношения со шпионом! И что этот человек ел и пил за одним столом с ленсманом!

Лицо Дины посерело, как старый папирус. Прищуренные глаза были окружены сеткой морщин. Она ходила между окном и ленсманом.

— Но это книга, отец! Я оставила там стихи Пушкина. Мы с Лео вместе читали их. Конечно, ему приходилось переводить мне. Я же не знаю русского.

— Что за глупые выдумки!

— Это не выдумки!

— Ты должна сказать, что не оставляла там эту книгу!

— Но ведь я ее оставила!

Ленсман вздохнул и схватился за сердце.

— Позволь тебя спросить, почему ты делаешь такие глупости?! — воскликнул он.

— Мы подчеркивали в книге отдельные слова, в ней нет никакого шпионского шифра. Это просто слова, которые я пыталась выучить.

— Нет, там подчеркнуты другие слова. Этот шифр был там записан раньше.

Ленсману была нестерпима мысль, что его дочь может оказаться замешанной в таком деле, у него больное сердце и вообще… Сперва он не хотел указывать в рапорте, что Дина в Трондхейме передала книгу для Лео. Он пристально смотрел на Дину из-под кустистых бровей. Ледяным взглядом. Будто она нанесла ему личное оскорбление, подтвердив, что оставила в тюрьме этот злосчастный пакет. Он не желает, чтобы его имя было замешано в этом скандале.

— Смею напомнить, что я ношу фамилию Иакова! И мой долг — не скрывать достоверных сведений. Ясно?

Ленсман сжался, словно кто-то ударил его молотком по затылку. Казалось, даже послышался удар, и голова ленсмана упала на грудь. Он захватил руками кончики усов и с покорным выражением лица свел их воедино.

Кончилось тем, что ленсман сдался и решил считать эту историю посланной ему Провидением. Она придаст ему веса в глазах фохта и как отцу, и как ленсману. Он возвысится в глазах всего норвежского общества!

Ленсман с удовольствием поразит их всех и покажет им, что все это просто смешная ошибка. Лео Жуковский — обычный лоботряс и бродяга. Шпион. Это же надо выдумать! Из-за войны и неурожая люди стали подозрительно относиться ко всему, что приходит с востока. Почему-то англичан и французов никто ни в чем не подозревает, хотя все началось именно из-за них, а вина русских состоит только в том, что они любят выпить, поют свои песни на несколько голосов и привозят в Норвегию хлеб!

Ленсман составил подробный отчет. Дина подписала свои показания.

Но в голове у Дины еще продолжалась Крымская война. Звуки виолончели в тот вечер говорили о том, что Дина пытается вернуться в

Трондхейм.

Ленсман считал, что ее показания помогут освободить этого человека. А как же иначе! Ведь ко всему прочему он помог потушить в Рейнснесе тот ужасный пожар. Благодаря своей смекалке и мужеству.

Дину вызвали в Ибестад дать показания помощнику судьи. Об этой злосчастной книге с подчеркнутыми в ней местами, которые приняли за шифр.

Помощник судьи любезно принял Дину и ленсмана. В кабинете уже сидели писец и двое свидетелей. Он начал с того, что прочитал все документы, потом Дина назвала свое имя; были соблюдены все формальности.

Перевод подчеркнутых слов показывал, что Лео Жуковский обвиняет короля Оскара I, а также господина Кнута Бонде, уважаемого гражданина и директора театра, в том, что они действовали заодно с Наполеоном III. Далее, он, не называя имен, пытался организовать заговор против шведского короля!

Дина весело рассмеялась. Помощник судьи должен извинить ее. Но ее уважение к шведскому королю было несколько подорвано прежде всего матушкой Карен. Ведь это по ее воле шхуна из Рейнснеса плавала и плавает под Даннеброгом.

Ленсману стало стыдно. Но как отец, а стало быть заинтересованная сторона, он, к счастью, должен был воздерживаться от замечаний. И поэтому не мог запретить Дине смеяться.

— Ваше объяснение будет внесено в протокол и отправлено в Трондхейм, — предупредил Дину помощник судьи.

— Дочь ленсмана не может не знать об этом! — парировала Дина.

Он начал задавать ей вопросы. Она отвечала коротко и понятно. Но почти каждый ответ заканчивался вопросом.

Помощник судьи подергал себя за усы и постучал пальцами по столу.

— Значит, вы считаете, что речь идет только о единичном оскорблении его величества в частной беседе?

— Безусловно!

— Но русский объяснял все иначе. Он не называл вашего имени в связи с этим шифром. Признал только, что, очевидно, вы по собственному желанию передали книгу, не предупредив его об этом.

— Я понимаю, он не хотел впутывать меня в это дело.

— Вы хорошо знаете этого человека?

— Как и всех, кто останавливается у нас на одну-две ночи. В Рейнснесе

многие сходят на берег.

— Но вы настаиваете, что этот человек подчеркнул в книге некоторые места во время, так сказать, светской забавы?

— Да.

— У вас есть свидетели?

— К сожалению, нет.

— Где это происходило?

— В Рейнснесе.

— Но почему вы передали книгу через такое место, как тюрьма?

— Потому, что я была со своей шхуной в Трондхейме. Жуковский забыл у меня свою книгу, а я знала, что он там будет.

— Откуда вы это знали?

— Он что-то упоминал об этом.

— Что он собирался там делать?

— Об этом мы не говорили.

— Но все же это не самое подходящее место для женщины, даже если ей нужно всего лишь передать книгу.

— Для мужчины — тоже!

— А вы можете объяснить, почему эта книга так много значила для Жуковского?

— Это его любимый поэт. Вам должно быть так же хорошо известно, как и мне, что люди часто возят с собой книги, которые им нравятся. В свое время матушка Карен привезла с собой в Рейнснес два больших шкафа с книгами. Лео Жуковский любит Пушкина. И всегда возит с собой его книги. Он сам наверняка говорил об этом.

Помощник судьи кашлянул и заглянул в свои бумаги. Потом кивнул.

— Кто этот Пушкин?

— Поэт, который написал все эти стихи. Эту книгу!

— Я понимаю. Лео Жуковский не мог вразумительно объяснить, откуда он приехал и куда направляется. Вам об этом что-нибудь известно?

Дина подумала, потом покачала головой.

— Подозреваемый заезжал в Рейнснес перед тем, как приехал в Трондхейм?

— Нет. Последний раз он гостил в Рейнснесе весной тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года.

— Этот… этот альбом со стихами все это время лежал в тюрьме?

— Об этом вам лучше справиться у управляющего тюрьмой… Мне ясно одно: кто-то сломал мою личную печать на частном пакете.

— Гм-м…

— Разве это допустимо, господин помощник судьи?

— Это зависит от…

— Но, господин помощник судьи! Пока они не сломали мою печать, они не знали, что в пакете! Насколько мне известно, закон не разрешает вскрывать частные пакеты? Они нарушили мое право собственности!

— Сейчас я не могу вам на это ответить.

— А письмо? Где оно?

— Какое письмо? — заинтересовался помощник судьи.

— В пакете было письмо. Лео Жуковскому. От меня.

— Здесь задаю вопросы я. А вы должны отвечать на них.

— Хорошо, господин помощник судьи.

— Я не слышал ни о каком письме, но наведу справки. Что в нем было написано?

— Это было личное письмо.

— Я понимаю, но это допрос.

— Там было написано: «Если Магомет не идет к горе, гора идет к Магомету». И еще: «Варавва должен приехать в Рейнснес, если хочет во второй раз избежать креста».

— Что это означает? Это шифр?

— Если и шифр, то к шведскому королю он не имеет никакого отношения.

— Не забывайте, речь идет о короле Швеции и Норвегии!

— Я помню об этом.

— Что означают эти слова?

— Они должны были напомнить господину Жуковскому, что мы в Рейнснесе по-прежнему гостеприимны.

— Больше там ничего не было?

— Ничего. Только подпись.

— Помимо обычного гостеприимства вас с этим Лео Жуковским связывает… особая дружба?

Дина пристально посмотрела на помощника судьи:

— Объясните подробнее, что вы имеете в виду.

— Я имею в виду: было ли у вас с господином Жуковским принято обмениваться шифрованными письмами?

— Нет.

— Я знаю, что в последние два года вы летом уезжали из дому… Один раз на юг и другой раз на север. Вы виделись с Лео Жуковским во время этих поездок?

Дина ответила не сразу. Ленсман вытянул шею из своего угла. Он

нервничал.

— Нет! — твердо сказала Дина.

— Вы считаете, что этот человек не виновен в том, в чем его подозревают и за что его арестовали?

— Я не знаю, за что его арестовали.

— За русскую книгу, которая была исследована специалистами. Зашифрованный текст свидетельствует о враждебном отношении к королю Швеции и нашему уважаемому соотечественнику, в нем содержалась также инсинуация, будто бы они составили заговор, дабы вовлечь Скандинавские страны в Крымскую войну.

— На чьей стороне?

— Это к делу не относится, — смущенно сказал помощник судьи. — Но Наполеон Третий все-таки наш союзник. Соблаговолите отвечать, а не спрашивать!

— Мы здесь, на севере, уже давно втянуты в войну. За те шифры, за которые вы арестовали Лео Жуковского, вы с таким же успехом могли бы арестовать и меня.

— Что вы имеете в виду, говоря, что мы втянуты в войну?

— Мы сами плаваем в Архангельск за зерном, чтобы наши люди не умерли с голоду. Я не слышала, чтобы король интересовался, как мы тут живем. А теперь он хочет втянуть нас в войну, которая, судя по названию, должна происходить совсем в другом месте, а не на северных берегах.

— Не можете ли вы держаться ближе к делу?

— Могу, господин помощник судьи. Но именно так я понимаю это дело.

— Значит, вы подтверждаете, что принимали участие в составлении этих шифров?

— Если вы так называете изучение русских слов.

— Что в этих словах зашифровано?

— Вы зачитали это в начале нашего разговора, господин помощник судьи, но я уже забыла. Мы говорим так долго. И слишком много времени прошло с тех пор, как Лео Жуковский был в Рейнснесе и учил меня русским словам.

— Я не вижу у вас желания помочь следствию.

— Мне кажется непростительной глупостью арестовывать человека за то, что он отпустил шутку по адресу шведского короля, и палец о палец не ударить, чтобы наказать того, кто сломал мою печать! В Крымской войне не выиграл никто! Кроме тех, кто сколотил на ней состояние!

Наконец помощник судьи дал понять, что допрос окончен. Он прочитал

вслух протокол. Дина согласилась с ним. И все было кончено.

— Я теперь обвиняемая? — спросила Дина.

— Нет, — ответил помощник судьи. Он явно устал.

— Как результат допроса повлияет на обвинение прошв Лео Жуковского?

— Трудно сказать. Но он, безусловно, ослабит версию с шифром. Это я уже и сейчас вижу.

— Слава Богу!

— Вы симпатизируете этому русскому?

— Мне не нравится, когда моих гостей арестовывают за то, что они по дружбе пытались научить меня нескольким русским словам. И я не вижу причин скрывать это.

Помощник судьи, ленсман и Дина расстались довольные друг другом.

Ленсман был доволен. Как будто во всем этом была его заслуга. Разве не он поговорил с фохтом, с Диной? Сообщил им из первых рук нужные сведения. Благодаря чему все разъяснилось быстро и совершенно пристойно.

В тот день он гордился Диной.

Когда Дина вернулась из Ибестада, над Рейнснесом стояла радуга. По мере приближения лодки к берегу дома один за другим отступали назад и прятались в дымке.

Радуга упиралась одним концом в крышу бывшего Дома Дины, другой ее конец опускался во фьорд.

Прищурившись, Дина смотрела на берег. Она плавала в Ибестад одна.

Дина стояла у окна залы и смотрела, как Стине с Фомой идут через двор, прижавшись друг к другу. Стояли последние дни апреля.

Никто не ходит обнявшись на глазах у всех. Никто!

Они остановились возле голубятни. Посмотрели друг на друга и улыбнулись. Стине что-то сказала, но Дина у окна не могла расслышать ее слов. Фома откинул голову и засмеялся.

Слышала ли она когда-нибудь, чтобы Фома смеялся?

Он обнял Стине за талию. Они медленно пересекли двор и скрылись в своем доме.

Воздух со свистом вырывался сквозь стиснутые зубы Дины. Она отвернулась от окна. Подошла к печке, потом к виолончели. Потом обратно к окну.

В комнате становилось все темнее.

Газеты писали, что в Париже подписан мирный договор. Россия зализывала свои раны, не заслужив большой чести. Англия зализывала свои раны, не добившись большой победы. Швеции и Норвегии не понадобилось спасать финнов. Торжествовал только Наполеон III.

Однажды Дина прочитала в газете, что Юлия Мюллер умерла. Она отправила господину Мюллеру свои соболезнования. И получила от него длинное грустное письмо, в котором он сообщал, что собирается продать все имущество, в том числе и лошадь, и уехать в Америку.

Дина ходила на бугор к флагштоку. В Нурланде, как благословение Божье, еще стояло лето.

ГЛАВА 20

И будешь унижен, с земли будешь говорить, и глуха будет речь твоя из-под праха, и голос твой будет, как голос чревовещателя, и из-под праха шептать будет речь твоя.

Книга Пророка Исайи, 29:4

У Вороного на брюхе появилась рана, которая никак не заживала. Никто не знал, как он получил ее. Похоже было, что он сам, стоя в конюшне, разгрыз себе кожу.

Фома тщетно старался помешать Вороному, упрямо раздиравшему рану желтыми зубами.

Никто, кроме Дины, не осмеливался приближаться к больному коню. Было видно, что ему больно, рана воспалилась. Дина надела ему на морду корзину. И каждый раз, когда он должен был есть или пить, она стояла рядом и следила, чтобы он не раздирал рану еще больше.

День и ночь из конюшни доносилось дикое, отчаянное ржание. Стук копыт о деревянный настил пугал и людей, и животных.

Стине варила мази и прикладывала к ране. Олине готовила припарки из крупы.

Но через неделю Вороной лег и больше не хотел подниматься. Он брызгал пеной на Дину, когда она подходила к нему, и все время скалил зубы.

Ногу, которая была ближе к ране, он подвернул под себя. Глаза у него были налиты кровью.

Вениамину и Ханне запретили заходить в конюшню.

Я Дина. Люди так досадно беспомощны. Природа равнодушна. Она не ведет счета жизням. Не отвечает за них. И оставляет их, как грязь на поверхности. Может ли новая жизнь родиться из этой грязи? Грязь рождает только грязь, и ничего больше. Если бы хоть один человек поднялся над этой грязью и хоть чего-то добился в жизни! Один-единственный…

Цифры и звуки не прячутся под грязью. Они не зависят от того, что человек знает. Законы цифр существуют, даже если они никем не записаны. Звуки всегда существуют. Независимо от того, слышим ли мы их.

Но природа — это грязь. Рябина. Лошадь. Человек. Все вышли из грязи. И снова станут грязью. Пройдет их время. И они утонут в грязи.

Я Дина, я здесь одна с железным молотом и ножом. И Вороным. Знаю ли я, куда нужно ударить? Да! Потому что должна. Я Дина, я разговариваю с Вороным. Я Дина, я обнимаю его за шею. Смотрю в его одичавшие глаза. Я Дина, я наношу удар. И глубоко всаживаю нож.

И сижу здесь, в этой горячей крови, и держу его. Я! Я вижу, как глаза Вороного медленно стекленеют и подергиваются пленкой.

Фома зашел в конюшню проведать Вороного, потому что в конюшне было подозрительно тихо.

В полумраке издали казалось, будто Динино лицо и платье покрыты свежими, влажными от дождя лепестками роз. Она сидела на полу и держала голову Вороного. Большое черное туловище мирно лежало на полу, вытянув попарно передние и задние ноги.

Кровь толчками била из раны. Заливая стену и золотистую солому на полу.

— Господи Боже мой! — простонал Фома. Он сорвал с себя шапку и опустился рядом с Диной.

Она как будто не заметила его. Но он все равно оставался рядом с ней, пока в глубокой ране не загустели последние капли.

Тогда Дина медленно освободилась, опустив голову Вороного на пол. Потом встала и провела рукой по лбу. Как лунатик, проснувшийся далеко от своей постели.

Фома тоже встал.

Дина отстранила его рукой и вышла на улицу, не закрыв за собой дверь. Звук ее шагов на застланном соломой полу отозвался мягким эхом по всей

конюшне.

И настала тишина.

Молот и нож вернулись на свое место. Конюшню вымыли. Запачканную кровью рабочую одежду положили в реку, под тяжелые камни. И река унесла кровь в море.

Дина прошла в прачечную и развела огонь под котлом. Пока вода нагревалась, она сидела на скамейке возле печки. Пар постепенно скапливался под потолком.

Потом она встала и заперла дверь на засов. Взяла большую оцинкованную лохань, которая висела на стене, и налила в нее воды. Медленно разделась. Точно совершала неведомый ритуал.

Свернула одежду пятнами внутрь. Словно они исчезнут сами собой, если она больше не будет смотреть на них. И наконец голая села в горячую воду.

Вой начался где-то вне ее. Заткнул ей горло. И разбил все вокруг на куски. Пока не пришла Ертрюд и не собрала куски воедино.

ГЛАВА 21

Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим, напился вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья; пейте и насыщайтесь, возлюбленные.

Книга Песни Песней Соломона, 5:1

В тот день, когда Дина отправилась в Кве-фьорд, чтобы посмотреть лошадь, которую ей предлагали, из Страндстедета с попутным судном приехал Лео Жуковский. Вещей у него почти не было — матросский мешок и саквояж. Петер, приказчик, встретил его на причале, он только что запер лавку.

Когда Петер понял, что это не поздний покупатель, а постоялец, он попросил его подняться в дом.

Лео остановился, залюбовавшись рябиновой аллеей. Деревья изнемогали под тяжестью ярко-красных ягод. Листья уже давно унес ветер.

Он вошел в аллею. В голых кронах звучала тихая песнь. Лео постоял у парадного крыльца. Потом словно передумал. Повернулся, обошел вокруг дома и вошел в сени; бросив на крыльце матросский мешок и саквояж, он постучал в дверь. И через мгновение был уже в синей кухне.

Олине сразу узнала его по шраму. Сперва она была смущена и держалась чопорно, словно никогда не принимала в Рейнснесе гостей. Она пригласила его пройти в гостиную, но он отказался. Он хотел бы посидеть с ней на кухне, если не помешает.

Олине постояла, спрятав руки под фартук, а потом бросилась к нему и дружески толкнула в грудь:

— Спасибо за подарок. Таких подарков я не получала с самой молодости. Благослови тебя Бог!

Она была так растрогана, что довольно сильно ударила его в грудь. Лео не ожидал такого приема, но рассмеялся и расцеловал Олине в обе щеки.

Смущенная Олине повернулась и начала разводить в плите огонь.

— До чего же красивый воротничок прислал ты мне! — говорила она, и искры освещали ее лицо, склоненное над плитой.

— А ты его надевала?

— О да! Не сомневайся. Но на кухне для него не место, а больше я нигде не бываю.

— Но иногда и тебе не мешает нарядиться.

— Да, конечно. — Олине явно хотелось закончить этот разговор.

— Когда же ты надевала его в последний раз?

— В сочельник.

— Давненько.

— Да, но хорошо, когда в запасе есть что-то новенькое.

Лео ласково посмотрел ей в спину. И начал расспрашивать о жизни в Рейнснесе.

Служанки по очереди заглянули на кухню. Лео с каждой поздоровался за руку. Олине велела приготовить для гостя лучшую комнату. Это был короткий зашифрованный приказ. Они знали, что от них требуется, а главное, поняли, что на кухне им делать нечего.

Олине накрыла кухонный стол скатертью и подала кофе. Лео вышел на крыльцо за своим мешком. И угостил Олине ромом. Она сияла. Пока он снова не начал расспрашивать ее о Рейнснесе.

— Нет с нами больше матушки Карен, — сказала Олине и прикрыла глаза рукой.

— Когда это случилось?

— Прошлой осенью. Дина только-только вернулась из Тромсё. Да, да, она была в Тромсё и купила там муку из Архангельска… Ты об этом еще не знаешь.

Олине рассказала Лео о смерти матушки Карен. О том, что Стине и Фома поженились, они теперь живут в бывшем Динином доме и ждут ребеночка.

— Как-то получается, что я всегда приезжаю в Рейнснес после чьей-нибудь смерти, — пробормотал Лео. — А вот Стине и Фома… Это приятно. Странно, что я ничего такого между ними не заметил, когда был тут последний раз.

Олине как будто смутилась. Потом сказала:

— Да у них этого и в мыслях не было. Но Дина решила, что так будет лучше. И похоже, эта семья оказалась благословением для всей усадьбы. К сожалению, не всех женщин в Рейнснесе благословил Господь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Наша хозяйка… Не мое это дело, но уж слишком она сурова. И к самой себе тоже. В ней словно все стянуто железным узлом… Не больно-то она счастлива! Это все видят… Не надо бы мне говорить об этом…

— Не бойся. Я тебя понимаю.

— Знаешь, она своими руками зарезала Вороного!

— Почему?

— Вороной заболел. Какая-то язва на брюхе. Никак не заживала. Конечно, он был уже старый. Но своими руками…

— Она, кажется, очень любила Вороного?

— Любила. И сама его зарезала…

— Ты хочешь сказать: пристрелила?

— Какое там пристрелила! Зарезала! Уф!..

— Ни одна лошадь не даст себя зарезать.

— А Динина дала!

Лицо Олине вдруг стало похоже на сплошную бревенчатую стену. Без окон и дверей. Она сняла с конфорки кофейник и подлила им еще кофе. Потом стала сокрушаться, что Лео похудел и побледнел с последнего раза.

Он широко улыбнулся и стал расспрашивать о детях.

— На этот раз Вениамин уехал с матерью. Дина стала больше обращать на него внимания с тех пор, как не стало Вороного.

— На этот раз? Что ты хочешь этим сказать?

— Что Вениамин почти никогда не покидает Рейнснес… Правда, сюда приезжает много народу. Но человек, на которого ляжет такая ответственность, должен хоть немного повидать мир!

— Он еще мал, успеет. — Лео улыбнулся.

— Хорошо бы… В ноябре Стине родит. И значит, у нее в доме будет трое детей. А у нас — ни одного. Куда ж это годится! Вениамин не получает должного воспитания. Матушка Карен была бы недовольна. Она бы позаботилась, чтобы вернуть его в большой дом.

— Разве Вениамин живет не с матерью? — спросил Лео.

— Нет, он сам захотел жить там. Лео внимательно смотрел на Олине:

— На чем уехали Вениамин и Дина?

— Ушли на лодке под парусом. Дина упряма, творит что хочет. Разве позволила бы ей матушка Карен взять ребенка в море без сопровождения мужчины?

— И Дина послушалась бы?

— Это одному Богу известно. Но раньше она так не делала.

Олине вдруг сообразила, что жалуется чужому человеку на то, для чего и слов-то нет. Она растерянно заморгала, ей хотелось закончить этот разговор.

С чего это она так разболталась? Из-за кружевного воротничка, который он ей прислал? Или потому, что он задавал так много вопросов? Или из-за его глаз? Она извинилась, положила в вазочку еще печенья и

смела крошки с вышитой скатерти.

— А Юхан? Как он поживает?

— Он получил маленький приход в Хельгеланде. А как ему там живется, уж и не знаю. После смерти матушки Карен он перестал писать в Рейнснес. Стал совсем чужим. И для меня тоже. Но здоровьем как будто окреп. А то все хворал…

— Ты чем-то озабочена? — спросил Лео.

— Дел много, работаю не покладая рук.

— Тяжело?

— Да нет, мне помогают… Они помолчали.

— А Дина? Когда вы ее ждете?

— Не раньше утра. — Олине краем глаза наблюдала за ним. — Но Андерс сегодня вернулся из Страндстедета. Вот обрадуется, что ты приехал! Он ходил на Лофотены со шхуной и карбасом. А весной хочет оба судна отправить в Берген. Он теперь осмелел. С тех пор как поставил дом на карбасе. Ему там хорошо, он даже сам начал иногда промышлять. В прошлом году ходил на Лофотены со снастью и продуктами для рыбаков. А домой привез рыбу, печень да икру. Часть купил, а часть сам промыслил. Полные суда!

Дина редко плавала одна. Но если кто-нибудь вызывался сопровождать ее, она отвечала таким взглядом, что теперь люди ждали, чтобы она сама выбрала себе провожатого. На этот раз она взяла с собой Вениамина.

Он сидел на бугре возле флагштока, когда она поднялась туда посмотреть, нет ли парохода. Он равнодушно поздоровался с ней, как здоровался с людьми, которые останавливались на ночлег или приходили из лавки к Стине, чтобы выпить чашечку кофе.

Он не спускал с нее голубых глаз. Прищурился, будто она была легкой пылью, летавшей в воздухе. Черты лица у него начали определяться. Скулы и подбородок утратили мягкость. Волосы за последний год потемнели. Руки и ноги выросли и мешали ему. У него появилась привычка поджимать губы.

— Ты тоже ждешь пароход? — спросила Дина.

— Да.

— Думаешь, к нам кто-нибудь приедет сегодня?

— Нет.

— Зачем же ты тогда его ждешь?

— Он такой некрасивый.

— Ты смотришь на пароход только потому, что он некрасивый?

— Да.

Дина присела на плоский камень рядом с флагштоком. Вениамин подвинулся, освобождая ей место.

— Здесь нам двоим хватит места, — сказала она.

И вдруг обняла его, но он вывернулся из ее рук. Незаметно, как будто не хотел раздражать ее.

— Хочешь поехать со мной в Кве-фьорд и посмотреть новую лошадь? — спросила она. Пароход загудел.

Вениамин подождал, пока умолкнет гудок:

— Что ж, можно. — Он говорил с напускным равнодушием. Точно боялся, что Дина передумает, если заметит его радость.

— Тогда решено. Отправимся завтра утром. Некоторое время они наблюдали, как работники на лодках поплыли к пароходу.

— Почему ты зарезала Вороного? — вдруг спросил он.

— Он был болен.

— Он бы уже не поправился?

— Может, и поправился бы. Но прежним бы уже не стал.

— А тебе он нужен был прежний?

— Да.

— Почему? Ты могла бы ездить на другой лошади.

— Нет. Я не могла держать Вороного, а ездить на другой лошади…

— Почему ты сделала это сама?

— Такое серьезное дело нельзя поручать кому-то другому.

— Он мог забить тебя насмерть?

— Мог.

— Почему ты такая?

— Я делаю то, что должна, — сказала она и встала.

Дина советовалась с Вениамином, оглядывая новую лошадь, объясняла ему, в чем ее достоинства и недостатки. Оба сошлись на том, что лошадь им не нравится. У нее злые глаза и слишком узкая грудь. Хотя она и была покорная, когда Дина села на нее. Покупка не состоялась.

— Ну и хорошо, а то пришлось бы просить кого-нибудь доставить тебя домой, — сказала Дина. — А так мы возвратимся вместе, ты и я.

Они переночевали у ленсмана. Вечер прошел тихо и мирно.

Ленсман узнал от помощника судьи, что Лео Жуковский был недавно выпущен на свободу.

Дина выслушала эту новость, не поднимая глаз. Потом заговорила с Дагни о том, что хотела бы забрать в Рейнснес те портреты Ертрюд, из-за

которых они столько лет вели борьбу.

Дагни ерзала на стуле. Но не возражала. Это было бы справедливо.

— И брошку. Которая принадлежала Ертрюд. Ты надеваешь ее по праздникам. Ее я тоже хотела бы забрать, — продолжала Дина.

Ленсман и его сыновья ждали грозы. Но Вениамина как будто не тревожило, что они сидят на бочке с порохом. Он по очереди наблюдал за всеми. Словно рассматривал картинки в книге. Однако все прошло гладко. Порыв ветра изменил вдруг свое направление.

Дина увезла с собой и брошку, и портреты.

Стояла ясная осенняя погода. Дул попутный ветер.

Вениамин был горд как петух. Почти всю дорогу он держал руль. Говорил он, как всегда, мало, но вид у него был довольный. Почти счастливый.

Дина с ним! Она смотрит на него. Слушает. Очень серьезно отвечает на его вопросы. О матушке Карен. О Вороном. Говорит, что ему необходимо серьезно учиться.

Объясняет, кто распоряжается всем в Рейнснесе. Почему Андерс получит шхуну после Дининой смерти. И вообще все, что Вениамин слышал краем уха, когда взрослые думали, что он ничего не слышит. И не отвечали ему, если он задавал им вопросы.

А вот Дина отвечала на любой вопрос. Несколько раз он не понял ее объяснений. Но это не имело значения. Главное, она отвечала ему!

Очень редко она говорила, что чего-то не знает. Это было, когда он спросил, возьмет ли она его с собой в следующий раз. И вернется ли Юхан в Рейнснес.

— Вообще мне все равно, вернется ли Юхан, — сказал он.

— Почему?

— Не знаю.

Дина не стала расспрашивать.

Впереди показался причал.

— Ты так же хорошо ведешь лодку, как Андерс, — сказала Дина, когда дно лодки коснулось первых камней.

Вениамин просиял. Он по-мужски спрыгнул в воду и подвел лодку к большому камню, чтобы Дина могла сойти на берег, не замочив ног.

— С тобой хорошо плавать. Аж чертям тошно! — сказал он и повернулся к ней, чтобы принять вещи, которые она передавала ему из лодки.

Его улыбка была редким подарком. Но сейчас Дине были не нужны подарки от Вениамина. Ее глаза были прикованы к чему-то на склоне.

Вниз по аллее шел человек в широкополой шляпе. Он поднял руку в знак приветствия.

Дина выронила вещи в воду. И стала пробираться среди камней. Прямо по воде. Причалы, посыпанная гравием дорожка. Аллея, где деревья стояли, как часовые.

Последнюю часть пути она бежала. Остановилась, не добежав до него. Он раскрыл ей объятия. И она упала в них.

Вениамин опустил голову и вытащил лодку на берег.

Лодка была тяжелая.

Подали десерт. Осенняя темнота пряталась по углам. В тот вечер свечей не жалели.

Учитель, кандидат Ангелл, и приказчик Петер в разговор не вступали. Говорили главным образом Андерс и Лео. Динины глаза пылали, как костры.

Стине за столом не было. С тех пор как она вышла замуж за Фому, она перестала обедать в большом доме. Добровольно отказалась от своей прежней привилегии. Потому что Фому никогда не приглашали на трапезу с господами.

Но она входила и выходила. Следила, чтобы все было в порядке. Словно метрдотель в дорогом ресторане. Несмотря на большой живот, она двигалась быстро и легко.

Лео сердечно поздоровался с ней как с членом семьи. Она держалась вежливо и сдержанно. Словно хотела защитить себя от ненужных вопросов.

Никто не заговаривал о тюрьме или о шпионаже. Но избежать разговора о войне они не могли.

— Вы в России довольны своим новым царем? — спросил Андерс.

— О нем существуют разные мнения. Но я уже давно не слыхал новостей из Петербурга. Между прочим, царь с честью вышел из этого поражения. Он получил хорошее образование, не только военное, в отличие от отца. Напротив. Одним из его наставников в отрочестве был поэт Василий Жуковский.

— Твой родственник? — быстро спросила Дина.

— Не исключено, — улыбнулся он.

— По-твоему, многое зависит от учителя? — спросила Дина и посмотрела на кандидата Ангелла.

— Думаю, да.

— Моим учителем был Лорк, — задумчиво сказала Дина.

— Тот, который научил вас играть на виолончели и пианино? — спросил кандидат.

— Да.

— А где он теперь?

— Всюду, и близко и далеко.

Стине в этот момент подала кофе. Она выпрямилась, услыхав ответ Дины. Потом спокойно вышла из комнаты. Андерс не мог скрыть удивления. Но промолчал.

— Приятно, что учителям придается такое большое значение, — сказал кандидат.

— А как же, — сказал Лео.

— Вы считаете, что Крымская война была заведомо проиграна, потому что солдат не учили сражаться? — поинтересовался кандидат.

— Война, в которой сражающиеся не видят смысла, всегда бывает заведомо проиграна. Война — это крайнее проявление человеческого страха, когда люди уже не могут договориться.

— Это уже этическая сторона вопроса, — заметил кандидат.

— Этическую сторону обойти невозможно, — сказал Лео.

— Этот мирный договор поставил Россию в зависимое положение, я так понимаю? — спросил Андерс.

— Мыслящий русский — самый независимый человек на свете, — с жаром произнес Лео. — Но Россия — это не один голос. Это многоголосый хор!

Андерс, всегда любивший сладкое, отложил ложку.

Дина забыла обо всех. Она уставилась в пространство и не замечала, что на нее смотрят. Наконец она схватила салфетку и вытерла губы.

— От этой двери где-то должен быть ключ, — проговорила она, ни к кому не обращаясь. — Я только никак не найду его…

— Что вы думаете об идее объединить все Скандинавские страны под одним флагом? — спросил кандидат у Лео.

— Это зависит от того, что вы понимаете под Скандинавскими странами, — уклончиво ответил Лео.

— Географические карты и так уже выглядят нелепо. Невозможно получить сплав из золота и золы. Он распадется на части при первом же морозе, — сухо заметил Андерс.

— Я не совсем уверен, что ты прав. Нация не должна замыкаться в себе. Человек, который не видит никого, кроме себя, обречен, — медленно

сказал Лео, глядя в тарелку.

Дина с удивлением подняла на него глаза, потом рассмеялась. Все смущенно потупились.

— Дина, окажи последнюю милость старому, побежденному в войне русскому! — проникновенно попросил Лео.

— Какую же?

— Помнишь, я прислал тебе ноты? Сыграй что-нибудь оттуда!

— Сыграю, если ты пойдешь со мной искать медведя, который на прошлой неделе задрал в горах двух овец, — быстро сказала она.

— Идет! У тебя есть ружье?

— Мы возьмем ружье у Фомы!

Дина встала и, подобрав темно-синюю юбку, села к пианино.

Лео последовал за ней, остальные расположились в курительной, широко открыв двери. Руки Лео и Дины, случайно касаясь друг друга, то жгли огнем, то кололись, как шипы.

— Тут много трудных вещей, — сказала она.

— У тебя было достаточно времени, чтобы разобрать их…

— А я и не жалуюсь! — резко сказала она.

— Могу я выбрать? — Да.

— Спасибо. Тогда сыграй мне Лунную сонату Бетховена.

— Ты мне ее не прислал.

— Прислал. Это соната номер четырнадцать.

— Ошибаешься. Соната номер четырнадцать называется иначе. Это Sonata quasi una Fantasia, — высокомерно сказала Дина.

Лео стоял между Диной и мужчинами, сидевшими в курительной комнате, он загораживал ее от них. Шрам его в этот вечер был совсем светлый. Наверное, он вообще побледнел за это время.

— Мы оба правы. Сперва соната так и называлась, как написано в нотах. Но потом один писатель перекрестил ее в Лунную. Мне это название нравится больше. Это музыка для лунатиков.

— Возможно. Но мне у Бетховена больше нравится соната номер двадцать три — «Аппассионата».

— Сыграй сперва для меня, — тихо попросил Лео. Дина не ответила. Нашла ноты и села. Первые аккорды прозвучали скрипучим протестом. Потом музыка плавно заструилась по комнате.

По обыкновению, двери в буфетную и на кухню были открыты, там тоже воцарилась тишина. Олине и служанки тенями скользили мимо дверей.

Лицо у Дины было непроницаемо. Но пальцы, как проворные зверьки,

выбегали из манжет, отделанных батистовыми рюшами.

Андерсу был виден профиль Дины. Русский стоял у нее за спиной. Его глаза были прикованы к ее волосам, руки он положил на спинку стула. Андерс зажег сигару, рука у него не дрожала. На фоне темной стены его лицо казалось светлым. Из-за морщин между бровями вид у него был неприступный. Хотя вообще он был человек добродушный.

На мгновение его глаза встретились с широко открытыми глазами Лео. Андерс кивнул ему. Словно они собирались сыграть партию в шахматы, которую Андерс в силу своей обходительности проиграл уже заранее.

Андерс был опытный наблюдатель. Он привык внимательно наблюдать и за своей собственной жизнью, и за жизнью других. Он подсчитал, сколько месяцев прошло с последнего приезда Лео и до их с Диной возвращения из Бергена. Потом склонил голову, и мысли его вместе с сигарным дымом устремились к потолочным балкам.

ЭПИЛОГ

Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих? Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец, и паси козлят твоих подле шатров пастушеских.

Книга Песни Песней Соломона, 1:6, 7

В домах в усадьбе один за другим погасли огни. В коридоре слабо колебалось пламя двух свечей в массивных кованых подсвечниках.

Когда все разошлись по своим комнатам, Дина и Лео пошли пройтись. На фоне фиолетового неба вырисовывались две высокие, уже облетевшие осины. Ракушки, которыми вместе с песком были посыпаны дорожки вокруг клумб матушки Карен, в лунном свете казались маленькими черепами. Пряно пахло осенью.

Не сговариваясь, Дина и Лео направились к беседке. Они открыли хрупкие двери, и в нос им ударил сырой воздух. Цветные стекла переливались от Дининого фонаря. На ней было пальто и шаль. Лео был одет легко. Но было еще не холодно.

Не успела Дина поставить фонарь на стол, как он обнял ее:

— Спасибо!

— За что?

— За твои показания!

Они склонились друг к другу, как деревья в бурю, — шквальный ветер переплетает их ветви, но они не могут сказать о своей боли.

— Мои показания помогли тебе выйти на свободу?

— Они сделали свое дело, ведь шифр был назван невинной игрой.

— Он означал другое?

— Этот шифр мог понять только тот, кто знает двойной смысл некоторых русских слов.

Лео поцеловал Дину, держа ее голову обеими руками.

Крыша беседки прохудилась, и небеса черным голубем спустились на них. Красная молния ударила в цветные стекла. Фонарь погас сам собой. Чайка за окном пронеслась легким красным привидением. И плывущая мимо луна была круглая и тяжелая.

— Наконец ты приехал! — сказала она, переведя дыхание.

— Ты получила шляпу?

— Да.

— И сомневалась даже после этого?

— Да.

— Я так тосковал по тебе, — прошептал он, прижавшись губами к ее шее. — Сидел в клетке и тосковал.

— Как там было?

— Не надо об этом.

— Ты первый раз сидел в тюрьме?

— Нет.

— Где ты сидел раньше?

— В России.

— За что?

— Дина! Может, тебя все время надо целовать, чтобы ты не задавала вопросов?

— Надо! Почему ты приехал сюда, Лео?

— Потому, что до сих пор люблю шкиперскую вдову по имени Дина Грёнэльв.

Она громко вздохнула. Как старый косец, который наконец-то выкосил свою делянку и теперь может отдохнуть. Потом она укусила его за щеку.

— Что значит твоя любовь, Лео Жуковский?

— Это значит, что я хочу узнать твою душу. И хочу снова получить то благословение, которое получил однажды на хорах церкви. На веки веков.

Словно услышав пароль, она встала и повела его за собой.

Потухший фонарь остался на столе.

Она вела его прямо к благословению.

В три часа ночи в зале запела виолончель Лорка. Андерс беспокойно повернулся в своей кровати. В окно заглядывала луна. Он решил, что пойдет в Намсус за строительным лесом еще до начала зимы. Заснул он только под утро.

Вениамин тоже слышал виолончель Лорка. Перелетев через двор, музыка достигла комнаты на чердаке, где он спал.

Со двора он через окно гостиной наблюдал за обедом. Темноволосый высокий приезжий не сводил с Дины глаз. Словно она была его собственностью.

Стине заблаговременно позвала Вениамина домой, чтобы он успел переодеться и пойти обедать в большой дом.

Но Вениамин Грёнэльв самостоятельно привел сегодня лодку из Фагернессета. И его бросили одного среди береговых камней.

Пусть Дина сама приходит и зовет его к столу.

Он знал, что она этого не сделает.

Лео проводил Дину в залу. Он чувствовал себя полководцем, который наконец поднимается в триумфальную колесницу, покорив неприступный город. Пальто и башмаки он снял с Дины еще в прихожей.

Черная печка тихо урчала. Аннетте растопила ее загодя.

Лео стоял и смотрел, как Дина раздевается. Когда она сняла корсет, он вздохнул и его руки заскользили по ее плечам.

Она расстегнула лиф и обнажила груди. Освобожденными пленницами они упали к нему в руки. Белоснежные, с темными кругами. Он наклонился и приник к ним губами.

Дина шарила пальцами по юбке. Ткань мягко шелестела. Господи, сколько тут этих складок! Наконец Дина осталась в одних панталонах.

Лео провел руками по ее бедрам и снова вздохнул. Найдя все, что искал, — горячую кожу под тончайшей индийской тканью. Он потерял голову. Но они продолжали стоять.

Дина высвободилась из его рук, потом, глядя ему в глаза, сняла с него жилетку. Развязала и сняла шейный платок. Рубашку.

Он стоял полузакрыв глаза, на лице у него было написано блаженство. Широкий кожаный пояс с медной пряжкой упал на пол. За ним — кожаные штаны. Дина повернула его к себе. Пальцы у нее были неторопливые и теплые. Наконец он предстал перед ней обнаженный.

Тогда она опустилась перед ним на колени и прижалась лицом и губами к его чреслам. Он был с ней.

Лео поднял Дину к себе на бедра. Она была большая и тяжелая. Его мышцы дрожали от напряжения. Сперва он лишь слабо покачивал бедрами. Осторожными, дарящими наслаждение движениями. Глухарь, затаившийся перед спариванием. Потом медленно проник в нее. Защитившись ею, как могучим щитом, от всего, что ему угрожало.

Она крепко обхватила его руками и ногами. И держала так, пока он не затих. Потом поднесла свою грудь к его губам и приникла к нему.

Он был поршнем, скользившим в недрах огромной машины.

И началась скачка. Дикая, неуемная.

Страсть!

Вдруг он опустил ее на пол и ждал, наблюдая за ней.

У него были твердые бедра. Прерывистое дыхание. И могучее копье. Теперь страсть звучала крещендо.

Дина откинула голову и упала в бесконечность, когда он обхватил ее бедра.

И она приняла его.

Они слились в одно трепещущее тело. Завязав тяжесть друг друга в гордиев узел перед черной печкой с красными языками пламени.

Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете. Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему; он пасет между лилиями.

Книга Песни Песней Соломона, 2:15, 16

Когда Аннетте поднялась утром к Дине, чтобы затопить печку, дверь оказалась запертой. Она заглянула в комнату гостя и обнаружила, что его кровать нетронута. Она спустилась к Олине и остановилась в растерянности, спрятав руки под грубый фартук.

— Ну, чего стоишь? Истопила печь? — спросила Олине.

— В зале заперта дверь!

— Ну так затопи в комнате у гостя! И Андерс уже встал и ушел, тебе нет нужды…

— Но гостя нет в его комнате!

Олине повернулась и впилась глазами в служанку. Она лихорадочно соображала, что делать.

— Вот и хорошо, затопи там, пока в комнате никого нет. Или ты даже утром боишься привидений?

— Но…

— Какие еще «но»! — прошипела Олине и так двинула на плите кофейник, что из носика выплеснулась гуща.

— А как быть с печкой в зале?

— Как быть! Как быть! — передразнила ее Олине. — Ты когда-нибудь слышала, чтобы печку растапливали через запертую дверь?

— Нет.

— То-то и оно! Вот и топи там, где открыто. И больше ни слова! — Олине приблизила свое лицо к лицу служанки и отчеканила:

— И никому ни слова про нетронутую постель! Поняла?

— Поняла…

Вениамин поджидал Дину во дворе:

— Мы поплывем с тобой куда-нибудь?

— Только не сегодня, Вениамин.

— Ты поплывешь с русским?

— Нет.

— А что ты будешь делать?

— Мы идем с русским. На охоту.

— Женщины не ходят на охоту.

— А я хожу!

— Можно и я пойду с вами?

— Нет.

— Почему?

— Не хочу, чтобы рядом бегал ребенок, когда я буду стрелять в медведя.

— Я не ребенок!

— А кто ты?

— Я Вениамин из Рейнснеса.

Дина улыбнулась и положила руку ему на затылок:

— Это правда. Я скоро научу тебя стрелять из ружья.

— Сегодня?

— Нет, не сегодня.

Он вдруг повернулся и убежал от нее к лодочным сараям.

Дина пошла в конюшню к Фоме и попросила дать ей ружье.

Он долго смотрел на нее, потом горько улыбнулся и молча кивнул. Достал рог для пороха. Сумку. Снял со стены ружье.

— Русский не сможет стрелять из этого ружья, он привык к пистолетам.

— Откуда ты знаешь, к какому оружию привык господин Лео?

— Знаю, что не к таким ружьям!

— А ты привык к такому ружью?

— Я-то его хорошо знаю. Бьет точно. Не промахнешься…

Дине стало не по себе.

— Может, нам и стрелять еще не придется, — равнодушно сказала она.

— Верно, охота иной раз бывает хороша и без стрельбы.

— Что ты имеешь в виду? — Она близко подошла к нему. Кроме них, в конюшне никого не было.

— Да ничего особенного. Только то, что на охоте можно попасть и не в того, в кого целишься. Вспомни зайца! — прибавил он, глядя ей в глаза.

Дина схватила ружье, снаряжение и ушла.

Они поднимались по склону к тетеревиному лесу. Дина шла впереди. Иногда она вдруг останавливалась и улыбалась. В своей сермяжной юбке, доходившей ей до лодыжек, и короткой куртке она была похожа на молодую девушку.

Волосы были схвачены на затылке лентой. Она легко несла ружье, словно оно ничего не весило.

Лео шел следом за Диной. Ее освещало яркое солнце.

Первые заморозки уже тронули лес. Кустики брусники стали железными. Красные ягоды сочно горели между глянцевыми листьями.

Никто из них не думал о медведе. Не видели они и Вениамина, который крался за ними следом. Прячась за кустами и можжевельником. Они пришли сюда, чтобы побыть наедине.

Дина положила ружье на землю и ждала Лео, спрятавшись за большим камнем. Потом прыгнула на него, как рысь.

Он бросился ей навстречу. Их объятие вспыхнуло, словно смола в огне. Сегодня он был господином положения. Придавил ее к вереску, она жалобно застонала. Он был тяжел, как тролль. Задрал юбку, прижался к ней.

— Я люблю тебя, Дина! — проговорил он из глубины озера, где листья кувшинок плавали между стеблями тростника. От илистой воды поднимался сильный, свежий запах земли. Где-то у кромки воды застонал большой зверь.

— Ты меня раздавил! — удовлетворенно сказала она.

— Я только принимаю то, что ты предлагаешь.

— Тебе было мало ночи?

— Мало.

— Тебе бывает когда-нибудь достаточно? — Нет.

— Что с нами будет?

— Я приеду опять. И опять… И опять…

Она замерла под ним:

— Ты уезжаешь?

— Но не сегодня.

В слепой ярости она сбросила его с себя. Села. Огромная кошка, которая сидит, опершись на передние лапы, и смотрит в глаза своей добыче.

— Когда?

— Со следующим пароходом.

— И ты говоришь об этом только сейчас?

— Да.

— Почему ты не сказал об этом вчера? — крикнула она.

— Вчера? А что изменилось бы?

— И ты еще спрашиваешь?

— Дина, — тихо позвал он и хотел обнять ее.

Она оттолкнула его и встала на колени среди вереска.

— Ты ведь знала, что мне придется уехать! — умоляюще сказал он.

— Нет!

— Я говорил тебе об этом еще в Тромсё.

— Ты написал, что приедешь в любом случае. Ты приехал в Рейнснес, чтобы остаться!

— Нет, Дина. Я не могу остаться.

— Тогда зачем ты приехал?

— Чтобы увидеть тебя.

— Ты думаешь, что Дине из Рейнснеса достаточно, чтобы кто-то приезжал только для того, чтобы посмотреть на нее?

Ее голос был голодным волком, который проваливался в глубоком снегу.

— Ты думаешь, что можешь приезжать, получать то, что хочешь, и уезжать снова? Неужели ты так глуп?

Он с изумлением смотрел на нее:

— Дина, разве я что-нибудь обещал тебе? Говорил о женитьбе? Давал слово?

— Иногда слова не нужны! — отрезала она.

— Я думал, мы понимаем друг друга.

Она не ответила. Встала и острыми ногтями содрала с юбки приставший к ней мусор. Лицо у нее было совершенно белое. Губы покрыты инеем. Глаза словно замерзшие колодцы.

Он тоже встал. И несколько раз позвал ее по имени, словно просил прощения.

— Ты думаешь, из Рейнснеса можно уехать против моей воли? Думаешь, можно приехать, посеять свое семя и снова уехать? Думаешь, все так просто?

Он не ответил. И снова сел в вереск. Ему хотелось успокоить ее, позволив выплеснуть на себя весь гнев.

— Я должен вернуться в Россию… Пойми, я занимаюсь делом, которое надо довести до конца.

— Иаков хотел остаться в Рейнснесе, однако ему пришлось уехать, — сказала Дина, не глядя на Лео. — Но он здесь, со мной. Навсегда.

— Твой муж умер, а я умирать не собираюсь. Если будет ребенок, я…

Она жестко рассмеялась, схватила ружье и решительно направилась в лес.

Он встал и пошел за ней. Вскоре он понял, что она начала охоту. Напряглась и была начеку. Словно хотела избыть свою ярость, целиком сосредоточившись на охоте. Она бесшумно кралась между деревьями.

Лео улыбнулся.

Вениамин следил за ними из своего укрытия. С большой осины, вставшей над каменной россыпью. Замерев, он следил за их объятием у камня. Лоб у него прорезали морщинки, губы приоткрылись. Уголок рта стал подергиваться.

Он не слышал, о чем они говорили. Потом они пошли дальше и на время исчезли из виду.

Вениамин крался за ними. Ему хотелось увидеть все, оставаясь невидимым.

Лео спокойно шел за Диной, скользя глазами по ее фигуре.

Низкое осеннее солнце тянулось к ней, а она искала тень Лео на стволах деревьев и на вереске.

Выйдя на поляну, Дина остановилась и обернулась к нему:

— Иаков погиб в омуте, потому что не понял, кто я.

— Что ты хочешь этим сказать? — У Лео на душе стало легче, оттого что она снова заговорила с ним.

— Он упал в пропасть. Потому что я так хотела.

— Как это? — прошептал он.

Она отступила на несколько шагов. Медленно. Подняв руки.

— Я столкнула сани.

Он судорожно глотнул воздуха и хотел подойти к ней.

— Стой там! — приказала она. Он замер среди вереска.

— Нильс тоже не понял, кто я. Но он ушел сам.

— Дина!

— Плод вышел у меня с кровью в Фолловом море. Ему будет лучше у Ертрюд… Потому что ты не приехал!

— Дина, иди сюда! Объясни, о чем ты говоришь. Прошу тебя!

Она опять повернулась к нему спиной и медленно пошла по поляне.

— Ты снова уедешь в Россию? — крикнула она ему на ходу.

— Но я все равно вернусь! О каком плоде ты говорила?

— А если не вернешься?

— То знай, что мои последние мысли были о тебе. Расскажи, что

случилось в Фолловом море?

— Иаков и все другие — они остались со мной. Я нужна им.

— Но ведь они умерли! На тебе нет вины…

— Что ты можешь знать о вине?

— Кое-что. Мне приходилось убивать…

Она неожиданно повернулась к нему. Остановилась, глядя на него в упор.

— Ты только так говоришь! — гневно крикнула она.

— Нет, Дина. Это были предатели, они могли погубить других. И все-таки… я чувствую на себе вину.

— Предатели! Ты хоть знаешь, как они выглядят?

— По-разному. Они могут выглядеть, как Дина Грёнэльв, которая хочет привязать мужчину к своей юбке.

Я Дина, я вижу, как Лео выходит из тени. Бородатый, грязный и оборванный. Дуэльный пистолет Пушкина он держит, будто томик стихов. Ему что-то от меня надо.

Но я не подпускаю его слишком близко. Я зарядила ружье, чтобы охотиться. Лео не понимает своего же блага. Он хочет что-то рассказать мне о новом царе Александре II. Но я устала. Я слишком долго шла. Мне не хватает лошади.

Я Дина, я говорю разбойнику: «Сегодня ты встретишь Ертрюд. Она освободит тебя от всех тревожных мыслей, и тебе не придется бежать как предателю».

Я показываю на Каина и мечу его голову. Чтобы его было легко узнать в другой раз. Потому что он будет избранным и защищенным. Во веки веков.

Я укладываю его на вереск, в объятиях Ертрюд он всегда будет в безопасности. Я смотрю на него. В его зеленых глазах еще есть жизнь. Он что-то говорит мне. Яркий красный ручеек бежит у него изо рта мне на руку. Я обнимаю его голову, чтобы он не был один в темноте. Он видит Ертрюд.

Варавва, ты слышишь меня? Лорк будет играть тебе на виолончели. Нет, на пианино! Он сыграет тебе Sonata quasi una Fantasia. Ты видишь меня? Узнаешь?

Неужели я навеки осуждена на это?

Неожиданно на склоне возник Вениамин. Его крик продырявил небеса. В солнечных сполохах бились секунды.

Я Дина. Я вижу, как из горы вышел Вениамин. Рожденный из паутины и железа. Лицо его растерзано болью.

Я глаза Ертрюд, я вижу ребенка, вижу самое себя. Я Дина, я вижу!

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

В конце прошлого века, считавшегося «золотым веком» норвежской литературы, была названа Великая Четверка норвежских писателей — Ибсен, Бьёрнсон, Хьелланд и Ли. В конце нынешнего века Норвежский книжный клуб назвал свою Великую Четверку, в нее вошла и Хербьёрг Вассму.

Каждой своей книгой Хербьёрг Вассму подтверждает свою славу превосходного рассказчика. Напряженный сюжет, драматические коллизии, психологическая убедительность отличают все ее произведения. Писательницу не зря называют в Норвегии королевой прозы. Книги Вассму переведены на все европейские языки и изданы в двадцати странах. Она лауреат многих почетных литературных премий, и не только норвежских. Так, в 1987 г. она была удостоена самой престижной в Скандинавии литературной премии Северного Совета, в 1996 г. получила датскую премию как самая читаемая из всех иностранных писателей, а три года назад ее творчество было отмечено французской премией Жана Моне, после чего писательница стала популярна в Европе не меньше, чем в Норвегии.

Хербьёрг Вассму родилась в 1942 г. на севере Норвегии. Ее первая книга — сборник стихотворений под названием «Взмахи крыльев» — увидела свет в 1976 г. Через пять лет Вассму заявила о себе как о прозаике первым романом трилогии «Дом с застекленной верандой». Следующие два романа подтвердили и закрепили успех первого. Еще одна трилогия — семейная хроника «Книга Дины», «Сын счастья», «Наследство Карны», публиковавшаяся с 1989 по 1997 г., была встречена читателями с еще большим энтузиазмом, а кинематографисты Дании, Германии, Франции, Швеции и Норвегии поставили по ней фильм (совместное производство).

Действие последней книга писательницы «Седьмая встреча», изданной в 2000 г., в отличие от предыдущих романов, происходит в наше время.

Примечания

1

Ленсман — государственный чиновник, наделенный в рамках своей округи полномочиями по поддержанию правопорядка, сбору налогов и т.п. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Пробст — старший протестантский священник.

3

Тинг — здесь: судебная сессия.

4

Феле — норвежский народный смычковый инструмент типа скрипки.

5

Здесь: Превосходно! Превосходно! (лат.)

6

Пересказ главы 19:1 — 8.

7

Вог — средневековая норвежская мера веса, равная 18, 52 кг.

8

Ниссе — персонаж норвежского фольклора. На Рождество ниссе приносил детям подарки.

9

От Иоанна, 1:5, 11.

10

Трюгеры — приспособления для ходьбы по снегу, представлявшие собой деревянные рамы, переплетенные ветками ивы или стальной проволокой. Трюгеры в виде деревянных дощечек прикреплялись и к ногам лошадей.

11

Амтман — губернатор провинции

12

Название датского национального флага. До 1814 г. Норвегия находилась в унии с Данией. С 1814-го — в унии со Швецией.

13

Анкер — бочка объемом примерно 38, 6 л.

14

Фохт — государственный чиновник высокого ранга, осущест-ляющий полицейский и налоговый надзор.